• ВОЙНА И МИР • ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ • СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА • БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ • ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ • ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ • ГОСПОЖА БОВАРИ • МЕРТВЫЕ ДУШИ • ОДИССЕЯ • БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ • ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ • ДЕКАМЕРОН • РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА • ЭНЕИДА • БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ •

100 главных книг

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

• УЛИСС • МОБИ ДИК • ФАУСТ • В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ • ЛОЛИТА • МЕТАМОРФОЗЫ • ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ • ЗАМОК • ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ • ФАУСТ • МАСТЕР И МАРГАРИТА • ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА • ГАМЛЕТ •

• ВОЙНА И МИР • ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ • СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА • БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ • ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ • ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ • ГОСПОЖА БОВАРИ • МЕРТВЫЕ ДУШИ • ОДИССЕЯ • БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ • ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ • ДЕКАМЕРОН • РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА • ЭНЕИДА • БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ •

100 главных книг

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

• УЛИСС • МОБИ ДИК • ФАУСТ • В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ • ЛОЛИТА • МЕТАМОРФОЗЫ • ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ • ЗАМОК • ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ • ФАУСТ • МАСТЕР И МАРГАРИТА • ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА • ГАМЛЕТ •

Артур Конан Дойл

Приключения Шерлока Холмса (сборник)

© Тугушева М., вступительная статья, 2015

© Войтинская Н., Волжина Н., Вольпин Н., Дехтерева Н., Емельянникова Н., Лившиц Д., Тренева Н., Чуковские М. и Н., Штенгель В., перевод на русский язык. Наследники, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Бессмертный Шерлок Холмс

Джозеф Белл, эдинбургский профессор, был очень интересным человеком. Он отличался редкой проницательностью, безошибочной интуицией и огромной наблюдательностью. Его ученик, молодой врач Артур Конан Дойл, практиковавший в английском городке Саутси, нередко вспоминал о нем, чему, кроме естественной привязанности ученика к Учителю, была еще одна причина. Провинциальный врач, подолгу ожидавший в приемной редких пациентов, хотел стать писателем, и не таким, каких много, а современным Вальтером Скоттом. Пройдет несколько лет, и Дойл станет одним из самых известных писателей мира, но не в жанре исторического романа. Он прославится как автор детективного рассказа, и прославится «с помощью» Джозефа Белла, эдинбургского профессора медицины, перевоплотившегося в Великого Шерлока Холмса.

Интересно знать, как Артур Конан Дойл отнесся бы сейчас к феномену бессмертия Великого Сыщика – этим званием наградили Холмса поколения благодарных читателей. Ведь Дойл не то что в грядущей славе, но и в излишней популярности Шерлоку Холмсу охотно бы отказал. Его воображение упрямо рисовало иного литературного героя, достойного бессмертия, второго Айвенго. Однако молодому врачу надо было зарабатывать на жизнь растущей семье: в Саутси он женился. И Артур Конан Дойл начал писать рассказы. Один был опубликован в журнале «Корнхилл мэгэзин», известном строгими литературными критериями. То был, однако, аванс, поощрение автору и напоминание, что читатель всегда ждет знакомства с героем, вызывающим интерес и любопытство. Вот тогда-то Дойл и решил, что эксцентричный Джозеф Белл, с его удивительной способностью делать на основе наблюдения дедуктивные выводы, высокий, худощавый, с резкими, «ястребиными» чертами лица, стоит того, чтобы запечатлеть его в литературном образе, но не врача, а сыщика-детектива, которому по роду занятий необходимы и феноменальная наблюдательность, и умение анализировать. «На основе тщательного наблюдения и дедукции, господа, в любом случае можно поставить диагноз, – снова звучал в ушах Дойла вибрирующий голос профессора. – Однако не надо небрежничать: дедуктивные выводы должны быть проверены практикой».

Воспоминание о Белле отразилось в первой же детективной повести Дойла «Этюд в багровых тонах» (1887). В главе II «Этюда…», которая называется «Искусство делать выводы», Холмс знакомит и доктора Джона Хэмиша Уотсона[1], и читателя со своим дедуктивным методом… Мысль сделать героем именно сыщика возникла у Дойла не сразу. Был момент, когда изумительными аналитическими способностями обладал врач. А сын Дойла, Адриан, писал, что видел первый вариант «Этюда в багровых тонах», и там вообще не было Холмса, а фигурировал доктор, он же сыщик Ормонд Сэкер. Когда же Дойл ввел в действие Холмса, то звали его сначала не Шерлок, а Шерингфорд. Фамилию Холмс Дойл позаимствовал у любимого американского писателя и врача Оливера Уэнделла Холмса, так как, по признанию Дойла, он «очень сильно любил этого совершенно ему незнакомого человека». Однако, даже когда главным героем стал «сыщик-консультант», его друг-врач тоже остался в шерлокиане важной персоной: именно он рассказывает читателю о подвигах Холмса и его удивительном искусстве расследования преступлений.

В автобиографической книге «Воспоминания и приключения» (1924) Дойл свидетельствовал: «Когда я впервые стал думать о сыщике – примерно в 1886 году, – я прочитал несколько детективных рассказов и был поражен их, мягко говоря, нелепостью, потому что в разрешении таинственной загадки автор явно полагался на совпадение или стечение обстоятельств. Мне это показалось отступлением от правил честной игры, так как успех сыщика должен зависеть от чего-то, более свойственного его собственному разуму, а не только от необыкновенных авантюрных обстоятельств, которые, что ни говори, весьма редко встречаются в реальной жизни.

Меня довольно сильно увлекал Габорио, тщательно разрабатывавший детективные сюжеты, а мастер своего дела сыщик Огюст Дюпен Эдгара По был героем моего детства…»

Забегая вперед, скажем, что 1 марта 1909 года в Лондоне был дан торжественный обед в честь столетней годовщины со дня рождения По. Председательствовал на обеде сэр[2] Артур Конан Дойл. Он говорил о трудах замечательного писателя: «Его рассказы… так стимулировали умы других, что большинство этих рассказов явились тем корнем, из которого возросло целое литературное древо…»

Именно Эдгар По был для Дойла образцом для подражания. Детективный же опыт соотечественников, Диккенса и Коллинза, его не очень интересовал. Это объяснимо: именно По измыслил

дедуктивный метод, сделал его главным стержнем в рассказах дюпеновской серии, оснастил детективный рассказ определенными приемами расследования, ввел фигуры сыщика и рассказчика и главнейшим условием поставил «соучастие» читателя в раскрытии тайны. Так он создал каноническую форму рассказа с экспозицией, кульминацией и последующей «лекцией» сыщика. И Конан Дойл следует этому образцу более или менее пунктуально[3]. Но Дойл и обогащает образец. Взять хотя бы неизменно энергичное начало его детективного рассказа. Дойл стремится сразу же завладеть вниманием читателя, чему очень способствует почти обязательное упоминание о Холмсе в первом же абзаце, а иногда и в первой строчке повествования, например: «Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной» («Скандал в Богемии»), «В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность…» («Обряд дома Месгрейвов»), «Пополняя… записи о… Шерлоке Холмсе… я то и дело сталкивался с трудностями, вызванными его собственным отношением к гласности… «(«Дьяволова нога»).

Читателю достаточно прочитать эту первую строчку – и рассказ уже завладевает его воображением и не отпускает до конца. Поэтому сейчас кажется почти невероятным, что даже Шерлок Холмс не сразу пробился к читателю. «Этюд в багровых тонах» английские читатели приняли с интересом, но несколько сдержанно. Иначе было в Америке. Там Шерлок Холмс сразу же стал всеобщим любимцем, почему «Знак четырех», вторая повесть о Холмсе, вышел сначала за океаном. В 1889 году в Лондон приехал редактор американского журнала «Липпинкот мэгэзин». Он дал обед, на который были приглашены Оскар Уайльд, восходящая звезда, и мало кому известный в Англии Конан Дойл. Редактор сразу же поинтересовался, чем могли бы английские писатели украсить в следующем году американский журнал. Уайльд пообещал роман – то был «Портрет Дориана Грея», а Дойл передал журналу повесть «Знак четырех», которая была опубликована в феврале 1890 года. Успех повести в Америке был настолько оглушителен, что она осенью того же года вышла отдельной книгой в Англии. И тут уж Шерлок Холмс завоевал навсегда и английские сердца. С волнением в душе «следовали» читатели на таинственное свидание у театра «Лицеум» вместе с Холмсом, Уотсоном и мисс Морстен. Стоит ненастный угрюмый сентябрьский вечер, когда пешеходы на улицах кажутся Уотсону «толпой привидений». Ему становится не по себе, мисс Морстен тоже охватывает невольный страх, и только Холмс спокоен и деловит. Так с самого начала шерлокианы Холмс поднимался в глазах

читателей над уровнем обычных человеческих слабостей и страхов и приобретал черты героической, уникальной личности, становился воплощением психологической защиты и опоры.

В 1891 году в только что созданном журнале «Стрэнд» появляются шесть рассказов о Холмсе, возглавляемых «Скандалом в Богемии». Восхищенный издатель журнала, Гринхаф Смит, провозглашает «рождение новой литературы», а читатели начинают требовать от Дойла все новых и новых рассказов.

Среди почитателей Холмса оказался и его прототип – редчайший случай в мировой литературе. Джозефу Беллу очень польстило, что Холмс «списан с него», и он запечатлел свою признательность автору в эссе «Шерлок Холмс». Конан Дойлу тоже было приятно, что любимый профессор поставил сыщику высший балл как «проницательному, приметливому, любознательному человеку… который… обладает, может быть, самым значительным из всех дарований – способностью освобождать свой мозг от бремени ненужных подробностей, которые обычно отягощают человеческую память». Однако Дойл в это же время работал над историческим романом из рыцарских времен «Белый отряд» (1891), и ему уже несколько надоели подвиги джентльмена-сыщика. Когда «Стрэнд» опять потребовал новых рассказов, Дойл запросил у журнала огромный по тем временам гонорар: 50 фунтов за каждый. Он был уверен, что журнал откажется. К его досаде, «Стрэнд» согласился, и Дойл пишет для журнала еще шесть рассказов, среди них такие шедевры, как «Голубой карбункул», «Пестрая лента» и «Медные буки». Потом все двенадцать вышли отдельной книгой и прославили имя Дойла далеко за пределами Англии. Постоянно живший на тихоокеанском острове Самоа автор «Острова сокровищ» Роберт Луис Стивенсон пересказывал приключения Холмса туземцам и писал Дойлу: «Если бы вы могли видеть их горящие лихорадочным огнем глаза, вы бы поняли, что это и есть настоящая слава». В 90-х годах XIX века имя Холмса известно уже в каждом английском доме и, между прочим, используется в рекламе неких пилюль, ставших от этого популярными, однако такой славы у современного массового читателя Дойл почти стыдится и жалуется в письме к матери, что Холмс «не дает мне возможности сосредоточиться на лучших моих произведениях».

В 1894 году выходит сборник «Воспоминания Шерлока Холмса», включающий одиннадцать рассказов. Здесь и «Серебряный», и «Обряд дома Месгрейвов», и рассказ «Последнее дело Холмса». Еще за год до этого Дойл твердо решил, что скоро «джентльмен исчезнет навсегда».

И действительно, он почти на десять лет забывает о Шерлоке Холмсе. Дойл по-прежнему много пишет, выходят его романы и повести «Родни Стоун», «Дядя Бернак», «Трагедия «Корроско». Они пользуются успехом, однако не могут возместить читателям потерю Шерлока Холмса. Неважно, что злодей профессор Мориарти увлек его с собой на дно пропасти. Когда все-таки автор вернет Холмса из небытия? «Вы злодей», – обвиняет писателя одна из читательниц, расстроенная безвременной кончиной сыщика в Альпах. После Малютки Нелл, двенадцатилетней героини «Лавки древностей» Чарльза Диккенса, ни о ком так не печалились читатели-англичане, как о Шерлоке Холмсе, а некоторые даже носили по нему траур. И Конан Дойл сдается на неотвязные мольбы, упреки и напоминания и пишет одно из лучших своих произведений – повесть «Собака Баскервилей» (1902), а в 1903 году «Стрэнд» начинает печатать новую серию рассказов. Оказывается, Холмс не погиб. В единоборстве с профессором Мориарти он победил, но вынужден был скрываться, так как теперь на его жизнь покушается ближайший «сподвижник» профессора, полковник Себастьян Моран. Тем не менее в самый нужный момент Холмс снова объявляется в Лондоне…

В феврале 1905 года все тринадцать рассказов выходят отдельным сборником «Возвращение Шерлока Холмса». Здесь увидели свет, в частности, «Шесть Наполеонов», «Пенсне в золотой оправе» и «Пляшущие человечки», и критики не без основания считали, что идея шрифта-«криптограммы» в виде пляшущих человечков тоже навеяна Дойлу «великим Эдгаром» (рассказ По «Золотой жук»).

Больше Конан Дойл с Холмсом до конца жизни (своей) не расставался, хотя вскоре и «отправил» сыщика в отставку: примерно в декабре 1904 года Холмс переселяется на ферму в деревне и начинает заниматься пчеловодством. Однако продолжали выходить рассказы-«воспоминания» – и Уотсона, и самого Холмса о его детективных свершениях: сборники «Долина страха» (1914–1915), «Его прощальный поклон» (1917), содержавшие всю шерлокиану, опубликованную «Стрэндом» с 1893 по 1917 год. За три года до смерти Дойла вышел сборник «Архив Шерлока Холмса» (1927), где, в частности, опубликован замечательный рассказ «Чертежи Брюса Партингтона».

Читатели уже не имели повода для упреков и жалоб, но сам писатель был опечален таким решением своей литературной судьбы. «Все в конце концов занимает заслуженное место, но, думается, если бы я ни строчки не написал о Холмсе, который теперь затмевает мои лучшие произведения, мое положение в литературе к настоящему времени было бы более

выдающимся…»

Он ошибался. Если сейчас, семьдесят пять лет спустя после смерти Артура Конан Дойла, его помнят и постоянно переиздают, перечитывают и экранизируют, то это прежде всего заслуга Шерлока Холмса…

Почти сто двадцать лет прошло с тех пор, как читатель впервые переступил порог квартиры «из двух удобных спален и просторной, светлой, уютно обставленной гостиной» на втором этаже дома 221-б по Бейкер-стрит, и оказалось, что Шерлок Холмс – герой такой же бессмертный, как, например, шекспировские Гамлет и Ромео. Конечно, свет славы упал и на верного спутника и восторженного летописца детективных подвигов Шерлока Холмса, доктора Уотсона. Они стали неразлучны в нашем сознании, как древние Орест и Пилад или сервантесовские Дон Кихот и Санчо Панса. Они так же любимы, узнаваемы и живы. Но что же представляли собой наши любимцы, когда поселились под кровом заботливой миссис Хадсон? В это время Холмсу самое большое лет двадцать семь, да и Уотсону, кончившему в 1878 году Лондонский университет, а затем курсы для хирургов, отправленному на войну в Афганистан и вернувшемуся в Англию после тяжелого ранения, всего двадцать пять. Их приятель Стэмфорд уже успел подготовить Уотсона к знакомству с человеком чудаковатым и эксцентричным, но это Уотсона не пугает: ему хорошо известно, что эксцентричность – нередкая черта английского характера, а чудаковатость прекрасно уживается с порядочностью. Намеки и недоговоренности Стэмфорда только возбудили любопытство Уотсона, а он очень любопытен, это и делает его таким незаменимым спутником Сыщика.

Сначала Уотсон методично пытается «аттестовать» знания Холмса и потрясен, «установив», что Холмс никогда не слышал о Копернике или о философе и историке Томасе Карлейле, а его познания в литературе «равны нулю». Положим, Холмс явно «разыгрывает» наивного доктора. Потом он как бы между прочим будет цитировать Хафиза и Горация, вспомнит о Данте и Петрарке, Гёте, Жорж Санд и Флобере. А прикидывается он незнайкой, чтобы в своей назидательной манере прочитать Уотсону лекцию о том, какие знания необходимы и важны именно для него, Холмса. Но доктор и нуждается в наставлениях и разъяснениях. Еще и поэтому он такой идеальный спутник для Холмса, который, как истинный сын Разума, должен постоянно кого-то просвещать. И Холмс любит и умеет это делать.

Его метод расследования зиждется на точном, достоверном знании. Даже не выходя из дома, он может при помощи всесильной дедукции

распутать клубок таинственных и непонятных событий и помочь людям, попавшим в беду. Однако умение логически мыслить – не все в сыщицком деле. Надо к тому же обладать воображением, способным воссоздать тончайшую психологическую подоплеку преступления.

Холмс не только умнейший, талантливый сыщик, как, например, Дюпен, он не только удивительно проницателен, смел и мужествен, он еще и добр, и бескорыстен. Ему далеко не безразлично, что большинство преступлений, которые он расследует, совершаются из алчности и эгоизма.

Между наследством и «наследником» – «всего лишь» два человека, и хитроумный преступник, не задумываясь, готовит родственникам изощренно жестокую гибель («Собака Баскервилей»). Отец покушается на рассудок и жизнь дочери. Она давно отдала ему свои деньги, но сейчас собирается выйти замуж. А что, если супруг вступится за права жены? И отец разлучает дочь с женихом и угрожает страшной местью храброй гувернантке, которая хочет разрушить планы злодея («Медные буки»)…

То, что Конан Дойл одновременно работал над рассказами о Холмсе и романом «Белый отряд», не могло не наложить на Сыщика особого отпечатка. Напрасно писатель сетовал, что Холмс заслоняет собой других его героев. Холмс – тоже рыцарь, защитник и надежда. В нем соединены романтическое и героическое начала. Именно поэтому в жизнь читателя он вносил и вносит столь необходимое каждому представление о человеческом благородстве, величии души, надежности, горделивой свободе воли и уверенности в победоносной силе Разума и Справедливости. Между прочим, Холмс явно недолюбливает сильных мира сего. Он «не заметил» протянутой руки короля Богемии, предавшего бывшую возлюбленную. Он всегда на уровне Справедливости и в ее интересах поднимается даже над Законом. Таков рассказ «Голубой карбункул». Когда служащий отеля Райдер, укравший алмаз, клянется, рыдая, что больше никогда не станет воровать, Холмс сурово отчитывает его, а потом прогоняет и говорит Уотсону: «Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу… Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю жизнь… «Как полагается знаменитости, Шерлок Холмс и вся шерлокиана стали объектом многочисленных пародий, анекдотов и шуток. Литературную лепту в пародирование внесли в свое время Фрэнсис Брет Гарт, Марк Твен, О. Генри, Стивен Ликок, Алан Александр Милн, Агата Кристи. Возникла настоящая холмсовская «индустрия», появилось множество книг, посвященных не только литературно-художественным достоинствам рассказов, но самой личности Шерлока Холмса, этого вымышленного,

но такого реального для нас героя. Есть биографии Шерлока Холмса, исследования, посвященные «холмсовскому» Лондону, с картами, точнейшим образом воспроизводящими его городские маршруты и поездки по всей Англии. Есть «подделки», то есть рассказы о Шерлоке, которые якобы принадлежат Уотсону, есть стихи, «написанные» Холмсом в честь его доброй хозяйки миссис Марты Хадсон. Есть книги, исследующие «родословную» Холмса. Была «обнаружена» даже таинственная миссис Холмс, жена Шерлока, хотя со слов Уотсона известно, что Холмс жениться не собирался и вообще «женщин не любил и не доверял им». Однако другой дотошный «биограф» «вычислил» единственный любовный эпизод в жизни Холмса. Когда 4 мая 1891 года Холмс чудом избежал смерти в единоборстве с Мориарти и затем ускользнул от мести Морана, он некоторое время скрывался на вилле у Ирэн Адлер (героини «Скандала в Богемии»). Они страстно полюбили друг друга, и в 1892 году у Ирэн родился сын, которого нарекли Шерлок Джон Хэмиш Майкрофт[4] Берне[5] Холмс-Адлер… Вот так читатели из числа «биографов» давали волю воображению и щедро наделяли Великого Сыщика счастьем любви, опасаясь, очевидно, что ему слишком одиноко в холодных эмпиреях духа, где он царит над грешным человечеством.

А однажды Холмс «вступил» в законный брак в пьесе, которую написал американский актер Уильям Джиллет, сам исполнявший главную роль. В 1899 году Дойл получил от Джиллета телеграмму, в которой тот осведомлялся: «нельзя ли Холмса женить?» Дойл ответил категорично: «Жените, убивайте, делайте с ним что хотите». Джиллет предпочел женить, и, под занавес, златокудрая избранница доверчиво опускала головку на плечо Сыщика. Конан Дойл видел пьесу и остался доволен: «Я просто очарован этой вещью, игрой актеров и… ее денежными результатами» (он значился в соавторах). Успех Джиллета вдохновил самого Дойла на инсценировку «Пестрой ленты», причем в премьерных спектаклях «играла» настоящая змея. Шерлок Холмс «появился» также на подмостках Испании и Франции. В Испании особенным успехом пользовалась «Собака Баскервилей». При помощи хорошо отлаженного механизма по сцене галопировала громадная черная собака с огненно-красными глазами и языком (электрические лампочки).

Особенно хороши в роли Холмса были и сам Джиллет, и впоследствии актер Бэзил Рэтбоун, который играл Холмса не только на сцене, но в кино и на телевидении. Рэтбоун настолько отождествлялся в восприятии зрителей с героем Дойла, что на улице его приветствовали как «мистера Холмса» или запросто называли «Шерлоком». Неудивительно, что в мире

существуют движение поклонников Холмса и множество холмсовских обществ и клубов. Поклонники сыщика даже сочинили гимн, где есть такие слова:

О Шерлок, тебе воздаем мы хвалу,
Будь славен во веки веков,
Любимый и мудрый, бесстрашный герой
С Британских седых берегов!

Существует более полутораста фильмов о Холмсе, и первый, «Шерлок Холмс недоумевает», был снят еще в 1900 году самим Эдисоном. В 1939 году Бэзил Рэтбоун и Найджел Брюс (лучший западный Уотсон) приступили к работе над четырнадцатисерийной шерлокианой, причем Рэтбоун говорил, что сыграть такого героя, как Холмс, для него важнее, чем «десяток Гамлетов».

Холмс и Уотсон «приняли» участие и во Второй мировой войне – фильм «Шерлок Холмс и Голос Ужаса»… Фильм кончался словами Холмса из рассказа «Его прощальный поклон» о том, что, «когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее»[6].

Неизменна популярность Холмса и в нашей стране, об этом свидетельствует, в частности, и собственная наша шерлокхолмсовская киноэпопея с Василием Ливановым и Виталием Соломиным в главных ролях, причем, по мнению одного из английских критиков, Соломин был «лучшим Уотсоном» из всех, какие существуют в мире, так блестяще сыграл наш артист «божественное простодушие» Уотсона. Очень привлекает и Холмс Ливанова – своей человечностью и завораживающим низким голосом…

И вновь мы возвращаемся к феномену бытия человека, которого никогда не было, но который все-таки существовал, существует и пребудет с нами, пока царит над миром воссоздающая власть творческого воображения. Об этом свидетельствует и «Музей Шерлока Холмса» на современной лондонской Бейкер-стрит. Вот два кресла в гостиной у камина. Одно принадлежит Холмсу. Рядом у стены его скрипка. В углу столик с химической лабораторией. Вот его знаменитые трубки и лупа. Напротив – кресло Уотсона… Здесь можно на минуту закрыть глаза и очень явственно увидеть высокого, худого человека с ястребиным профилем. Звонок, стукнула входная дверь, и навстречу вошедшим поднимается Шерлок Холмс и произносит обычную фразу: «Пожалуйста, садитесь, чем могу служить вам?» Так говорит защитник и слуга человечества Шерлок Холмс. Бессмертный Шерлок Холмс!

М. Тугушева

Повести

Этюд в багровых тонах

Часть I

Из воспоминаний доктора Джона Г. Уотсона, отставного офицера военно-медицинской службы

Глава I

Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я окончил Лондонский университет, получив звание врача, и сразу же отправился в Нетли, где прошел специальный курс для военных хирургов. После окончания занятий я был назначен ассистентом хирурга в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В то время полк стоял в Индии, и не успел я до него добраться, как вспыхнула вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк форсировал перевал и продвинулся далеко в глубь неприятельской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вдогонку своему полку; мне удалось благополучно добраться до Кандагара, где я наконец нашел его и тотчас же приступил к своим новым обязанностям.

Многим эта кампания принесла почести и повышения, мне же не досталось ничего, кроме неудач и несчастья. Я был переведен в Беркширский полк, с которым я участвовал в роковом сражении при Майванде[7]. Ружейная пуля угодила мне в плечо, разбила кость и задела подключичную артерию. Вероятнее всего, я попал бы в руки беспощадных гази[8], если бы не преданность и мужество моего ординарца Мюррея, который перекинул меня через спину вьючной лошади и ухитрился благополучно доставить в расположение английских частей.

Измученный раной и ослабевший от длительных лишений, я вместе с множеством других раненых страдальцев был отправлен поездом в главный госпиталь в Пешавар. Там я стал постепенно поправляться и уже настолько окреп, что мог передвигаться по палате и даже выходить на веранду, чтобы немножко погреться на солнце, как вдруг меня свалил брюшной тиф, бич наших индийских колоний. Несколько месяцев меня считали почти безнадежным, а вернувшись наконец к жизни, я еле держался на ногах от слабости и истощения, и врачи решили, что меня необходимо немедля отправить в Англию. Я отплыл на военном транспорте «Оронтес» и месяц спустя сошел на пристань в Плимуте с непоправимо подорванным здоровьем, зато с разрешением отечески-заботливого правительства восстановить его в течение девяти месяцев.

В Англии у меня не было ни близких друзей, ни родни, и я был свободен, как ветер, вернее, как человек, которому положено жить на одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. При таких

обстоятельствах я, естественно, стремился в Лондон, в этот огромный мусорный ящик, куда неизбежно попадают бездельники и лентяи со всей империи. В Лондоне я некоторое время жил в гостинице на Стрэнде и влачил неуютное и бессмысленное существование, тратя свои гроши гораздо более привольно, чем следовало бы. Наконец мое финансовое положение стало настолько угрожающим, что вскоре я понял: необходимо либо бежать из столицы и прозябать где-нибудь в деревне, либо решительно изменить образ жизни. Выбрав последнее, я для начала решил покинуть гостиницу и найти себе какое-нибудь более непритязательное и менее дорогостоящее жилье.

В тот день, когда я пришел к этому решению, в баре Критерион кто-то хлопнул меня по плечу. Обернувшись, я увидел молодого Стэмфорда, который когда-то работал у меня фельдшером в лондонской больнице. Как приятно одинокому увидеть вдруг знакомое лицо в необъятных дебрях Лондона! В прежние времена мы со Стэмфордом никогда особенно не дружили, но сейчас я приветствовал его почти с восторгом, да и он тоже, по-видимому, был рад видеть меня. От избытка чувств я пригласил его позавтракать со мной, и мы тотчас же взяли кэб и поехали в Холборн.

– Что вы с собой сделали, Уотсон? – с нескрываемым любопытством спросил он, когда кэб застучал колесами по людным лондонским улицам. – Вы высохли, как щепка, и пожелтели, как лимон!

Я вкратце рассказал ему о своих злоключениях и едва успел закончить рассказ, как мы доехали до места.

– Эх, бедняга! – посочувствовал он, узнав о моих бедах. – Ну, и что же вы поделываете теперь?

– Ищу квартиру, – ответил я. – Стараюсь решить вопрос, бывают ли на свете удобные комнаты за умеренную цену.

– Вот странно, – заметил мой спутник, – вы второй человек, от которого я сегодня слышу эту фразу.

– А кто же первый? – спросил я.

– Один малый, который работает в химической лаборатории при нашей больнице. Нынче утром он сетовал: он отыскал очень милую квартирку и никак не найдет себе компаньона, а платить за нее целиком ему не по карману.

– Черт возьми! – воскликнул я. – Если он действительно хочет разделить квартиру и расходы, то я к его услугам! Мне тоже куда приятнее поселиться вдвоем, чем жить в одиночестве!

Молодой Стэмфорд как-то неопределенно посмотрел на меня поверх стакана с вином.

– Вы ведь еще не знаете, что такое этот Шерлок Холмс, – сказал он. – Быть может, вам и не захочется жить с ним в постоянном соседстве.

– Почему? Чем же он плох?

– Я не говорю, что он плох. Просто немножко чудаковат – энтузиаст некоторых областей науки. Но вообще-то, насколько я знаю, он человек порядочный.

– Должно быть, хочет стать медиком? – спросил я.

– Да нет, я даже не пойму, чего он хочет. По-моему, он отлично знает анатомию, и химик он первоклассный, но, кажется, медицину никогда не изучал систематически. Он занимается наукой совершенно бессистемно и как-то странно, но накопил массу, казалось бы, ненужных для дела знаний, которые немало удивили бы профессоров.

– А вы никогда не спрашивали, что у него за цель? – поинтересовался я.

– Нет, из него не так-то легко что-нибудь вытянуть, хотя, если он чем-то увлечен, бывает, что его и не остановишь.

– Я не прочь с ним познакомиться, – сказал я. – Если уж иметь соседа по квартире, то пусть лучше это будет человек тихий и занятый своим делом. Я недостаточно окреп, чтобы выносить шум и всякие сильные впечатления. У меня столько было того и другого в Афганистане, что с меня хватит до конца моего земного бытия. Как же мне встретиться с вашим приятелем?

– Сейчас он наверняка сидит в лаборатории, – ответил мой спутник. – Он либо не заглядывает туда по неделям, либо торчит там с утра до вечера. Если хотите, поедем к нему после завтрака.

– Разумеется, хочу, – сказал я, и разговор перешел на другие темы.

Пока мы ехали из Холборна в больницу, Стэмфорд успел рассказать мне еще о некоторых особенностях джентльмена, с которым я собирался поселиться вместе.

– Не будьте на меня в обиде, если вы с ним не уживетесь, – сказал он. – Я ведь знаю его только по случайным встречам в лаборатории. Вы сами решились на эту комбинацию, так что не считайте меня ответственным за дальнейшее.

– Если мы не уживемся, нам ничто не помешает расстаться, – ответил я. – Но мне кажется, Стэмфорд, – добавил я, глядя в упор на своего спутника, – что по каким-то соображениям вы хотите умыть руки. Что же, у этого малого ужасный характер, что ли? Не скрытничайте, ради бога!

– Попробуйте-ка объяснить необъяснимое, – засмеялся Стэмфорд. – На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой – это у него уже граничит с бездушием. Легко могу себе представить, что он вспрыснет своему другу

небольшую дозу какого-нибудь новооткрытого растительного алкалоида, не по злобе, конечно, а просто из любопытства, чтобы иметь наглядное представление о его действии. Впрочем, надо отдать ему справедливость, я уверен, что он так же охотно сделает этот укол и себе. У него страсть к точным и достоверным знаниям.

– Что ж, это неплохо.

– Да, но и тут можно впасть в крайность. Если дело доходит до того, что трупы в анатомичке он колотит палкой, согласитесь, что это выглядит довольно-таки странно.

– Он колотит трупы?

– Да, чтобы проверить, могут ли синяки появиться после смерти. Я видел это своими глазами.

– И вы говорите, что он не собирается стать медиком?

– Вроде нет. Одному богу известно, для чего он все это изучает. Но вот мы и приехали, теперь уж вы судите о нем сами.

Мы свернули в узкий закоулок двора и через маленькую дверь вошли во флигель, примыкающий к огромному больничному зданию. Здесь все было знакомо, и мне не нужно было указывать дорогу, когда мы поднялись по темноватой каменной лестнице и пошли по длинному коридору вдоль бесконечных выбеленных стен с коричневыми дверями по обе стороны. Почти в самом конце в сторону отходил низенький сводчатый коридорчик – он вел в химическую лабораторию.

В этой высокой комнате на полках и где попало поблескивали бесчисленные бутыли и пузырьки. Всюду стояли низкие широкие столы, густо уставленные ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с трепещущими язычками синего пламени. Лаборатория пустовала, и лишь в дальнем углу, пригнувшись к столу, с чем-то сосредоточенно возился какой-то молодой человек. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с места.

– Нашел! Нашел! – ликующе крикнул он, бросившись к нам с пробиркой в руках. – Я нашел наконец реактив, который осаждается только гемоглобином и ничем другим! – Если бы он нашел золотые россыпи, и то, наверное, его лицо не сияло бы таким восторгом.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас друг другу Стэмфорд.

– Здравствуйте! – приветливо сказал Холмс, пожимая мне руку с силой, которую я никак не мог в нем заподозрить. – Я вижу, вы жили в Афганистане.

– Как вы догадались? – изумился я.

– Ну, это пустяки, – бросил он, усмехнувшись. – Вот гемоглобин – это другое дело. Вы, разумеется, понимаете важность моего открытия?

– Как химическая реакция – это, конечно, интересно, – ответил я, – но практически…

– Господи, да это же самое практически важное открытие для судебной медицины за десятки лет. Разве вы не понимаете, что это дает возможность безошибочно определять кровяные пятна? Подите-ка, подите сюда! – В пылу нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к своему столу. – Возьмем немножко свежей крови, – сказал он и, уколов длинной иглой свой палец, вытянул пипеткой капельку крови. – Теперь я растворю эту каплю в литре воды. Глядите, вода кажется совершенно чистой. Соотношение количества крови к воде не больше, чем один к миллиону. И все-таки, ручаюсь вам, что мы получим характерную реакцию. – Он бросил в стеклянную банку несколько белых кристалликов и накапал туда какой-то бесцветной жидкости. Содержимое банки мгновенно окрасилось в мутно-багровый цвет, а на дне появился коричневый осадок.

– Ха, ха! – Он захлопал в ладоши, сияя от радости, как ребенок, получивший новую игрушку. – Что вы об этом думаете?

– Это, по-видимому, какой-то очень сильный реактив, – заметил я.

– Чудесный! Чудесный! Прежний способ с гваяковой смолой очень громоздок и ненадежен, как и исследование кровяных шариков под микроскопом, – оно вообще бесполезно, если кровь пролита несколько часов назад. А этот реактив действует одинаково хорошо, свежая ли кровь или нет. Если бы он был открыт раньше, то сотни людей, что сейчас разгуливают на свободе, давно бы уже расплатились за свои преступления.

– Вот как! – пробормотал я.

– Раскрытие преступлений всегда упирается в эту проблему. Человека начинают подозревать в убийстве, быть может, через несколько месяцев после того, как оно совершено. Пересматривают его белье или платье, находят буроватые пятна. Что это: кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Вот вопрос, который ставил в тупик многих экспертов, а почему? Потому что не было надежного реактива. Теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и всем затруднениям конец!

Глаза его блестели, он приложил руку к груди и поклонился, словно отвечая на аплодисменты воображаемой толпы.

– Вас можно поздравить, – сказал я, немало изумленный его энтузиазмом.

– Год назад во Франкфурте разбиралось запутанное дело фон Бишофа. Он, конечно, был бы повешен, если бы тогда знали мой способ. А дело

Мэзона из Брадфорда, и знаменитого Мюллера, и Лефевра из Монпелье, и Сэмсона из Нью-Орлеана? Я могу назвать десятки дел, в которых мой реактив сыграл бы решающую роль.

– Вы просто ходячая хроника преступлений, – засмеялся Стэмфорд. – Вы должны издавать специальную газету. Назовите ее «Полицейские новости прошлого».

– И это было бы весьма увлекательное чтение, – подхватил Шерлок Холмс, заклеивая крошечную ранку на пальце кусочком пластыря. – Приходится быть осторожным, – продолжал он, с улыбкой повернувшись ко мне, – я часто вожусь со всякими ядовитыми веществами. – Он протянул руку, и я увидел, что пальцы его покрыты такими же кусочками пластыря и пятнами от едких кислот.

– Мы пришли по делу, – заявил Стэмфорд, усаживаясь на высокую трехногую табуретку и кончиком ботинка придвигая ко мне другую. – Мой приятель ищет себе жилье, а так как вы жаловались, что не можете найти компаньона, я решил, что вас необходимо свести.

Шерлоку Холмсу, очевидно, понравилась перспектива разделить со мной квартиру.

– Знаете, я присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит, – сказал он, – которая нам с вами подойдет во всех отношениях. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

– Я сам курю «Корабельный», – ответил я.

– Ну и отлично. Я обычно держу дома химикалии и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

– Нисколько.

– Погодите-ка, какие же еще у меня недостатки? Да, иногда на меня находит хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас дуюсь. Просто не обращайте на меня внимания, и это скоро пройдет. Ну, а вы в чем можете покаяться? Пока мы еще не поселились вместе, хорошо бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешил этот взаимный допрос.

– У меня есть щенок-бульдог, – сказал я, – и я не выношу никакого шума, потому что у меня расстроены нервы, я могу проваляться в постели полдня и вообще невероятно ленив. Когда я здоров, у меня появляется еще ряд пороков, но сейчас эти самые главные.

– А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? – с беспокойством спросил он.

– Смотря как играть, – ответил я. – Хорошая игра – это дар богов, плохая же…

– Ну, тогда все в порядке, – весело рассмеялся он. – По-моему, можно считать, что дело улажено, если только вам понравятся комнаты.

– Когда мы их посмотрим?

– Зайдите за мной завтра в полдень, мы поедем отсюда вместе и обо всем договоримся.

– Хорошо, значит, ровно в полдень, – сказал я, пожимая ему руку.

Он снова занялся своими химикалиями, а мы со Стэмфордом пошли пешком к моей гостинице.

– Между прочим, – вдруг остановился я, повернувшись к Стэмфорду, – как он ухитрился угадать, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

– Это главная его особенность, – сказал он. – Многие дорого бы дали, чтобы узнать, как он все угадывает.

– А, значит, тут какая-то тайна? – воскликнул я, потирая руки. – Очень занятно! Спасибо вам за то, что вы нас познакомили. Знаете, ведь «чтобы узнать человечество, надо изучить человека».

– Стало быть, вы должны изучать Холмса, – сказал Стэмфорд, прощаясь. – Впрочем, вы скоро убедитесь, что это твердый орешек. Могу держать пари, что он раскусит вас быстрее, чем вы его. Прощайте!

– Прощайте, – ответил я и зашагал к гостинице, немало заинтересованный своим новым знакомым.

Глава II

Искусство делать выводы

На следующий день мы встретились в условленный час и поехали смотреть квартиру на Бейкер-стрит, № 221-б, о которой Холмс говорил накануне. В квартире было две удобные спальни и просторная, светлая, уютно обставленная гостиная с двумя большими окнами. Комнаты нам пришлись по вкусу, а плата, поделенная на двоих, оказалась такой небольшой, что мы тут же договорились о найме и немедленно вступили во владение квартирой. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а наутро прибыл Шерлок Холмс с несколькими ящиками и саквояжами. День-другой мы возились с распаковкой и раскладкой нашего имущества, стараясь найти для каждой вещи наилучшее место, а потом стали постепенно обживать свое жилище и приспосабливаться к новым условиям.

Холмс, безусловно, был не из тех, с кем трудно ужиться. Он вел спокойный, размеренный образ жизни и обычно был верен своим привычкам. Редко когда он ложился спать после десяти вечера, а по утрам, как правило, успевал позавтракать и уйти, пока я еще валялся в постели. Иногда он просиживал целый день в лаборатории, иногда – в анатомичке, а порой надолго уходил гулять, причем эти прогулки, по-видимому, заводили его в самые глухие закоулки Лондона. Его энергии не было предела, когда на него находил рабочий стих, но время от времени наступала реакция, и тогда он целыми днями лежал на диване в гостиной, не произнося ни слова и почти не шевелясь. В эти дни я подмечал такое мечтательное, такое отсутствующее выражение в его глазах, что заподозрил бы его в пристрастии к наркотикам, если бы размеренность и целомудренность его образа жизни не опровергала подобных мыслей.

Неделя шла за неделей, и меня все сильнее и глубже интересовала его личность и все больше разбирало любопытство относительно его целей в жизни. Даже внешность его могла поразить воображение самого поверхностного наблюдателя. Ростом он был больше шести футов, но при своей необычайной худобе казался еще выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов оцепенения, о которых говорилось выше; тонкий орлиный нос придавал его лицу выражение живой энергии и решимости. Квадратный, чуть выступающий вперед подбородок тоже говорил о решительном характере. Его руки были

вечно в чернилах и в пятнах от разных химикалий, зато он обладал способностью удивительно деликатно обращаться с предметами, – я не раз это замечал, когда он при мне возился со своими хрупкими алхимическими приборами.

Читатель, пожалуй, сочтет меня отпетым охотником до чужих дел, если я признаюсь, какое любопытство возбуждал во мне этот человек и как часто я пробовал пробить стенку сдержанности, которой он огораживал все, что касалось лично его. Но прежде чем осуждать, вспомните, до чего бесцельна была тогда моя жизнь и как мало было вокруг такого, что могло бы занять мой праздный ум. Здоровье не позволяло мне выходить в пасмурную или прохладную погоду, друзья меня не навещали, потому что у меня их не было, и ничто не скрашивало монотонности моей повседневной жизни. Поэтому я даже радовался некоторой таинственности, окружавшей моего компаньона, и жадно стремился развеять ее, тратя на это немало времени.

Холмс не занимался медициной. Он сам однажды ответил на этот вопрос отрицательно, подтвердив тем самым мнение Стэмфорда. Я не видел также, чтобы он систематически читал какую-либо научную литературу, которая пригодилась бы для получения ученого звания и открыла бы ему путь в мир науки. Однако некоторые предметы он изучал с поразительным рвением и в каких-то довольно странных областях обладал настолько обширными и точными познаниями, что порой я бывал просто ошеломлен. Человек, читающий что попало, редко может похвастаться глубиной своих знаний. Никто не станет обременять свою память мелкими подробностями, если на то нет достаточно веских причин.

Невежество Холмса было так же поразительно, как и его знания. О современной литературе, политике и философии он почти не имел представления. Мне случилось упомянуть имя Томаса Карлейля, и Холмс наивно спросил, кто он такой и чем знаменит. Но когда оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении Солнечной системы, я просто опешил от изумления. Чтобы цивилизованный человек, живущий в девятнадцатом веке, не знал, что Земля вертится вокруг Солнца, – этому я просто не мог поверить!

– Вы, кажется, удивлены, – улыбнулся он, глядя на мое растерянное лицо. – Спасибо, что вы меня просветили, но теперь я постараюсь как можно скорее все это забыть.

– Забыть?!

– Видите ли, – сказал он, – мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить,

как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных.

– Да, но не знать о Солнечной системе!.. – воскликнул я.

– На кой черт она мне? – перебил он нетерпеливо. – Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?

Я хотел было спросить, что же это за работа, но почувствовал, что он будет недоволен. Я задумался над нашим коротким разговором и попытался сделать кое-какие выводы. Он не хочет засорять голову знаниями, которые не нужны для его целей. Стало быть, все накопленные знания он намерен так или иначе использовать. Я перечислил в уме все области знаний, в которых он проявил отличную осведомленность. Я даже взял карандаш и записал все это на бумаге. Перечитав список, я не мог удержаться от улыбки. «Аттестат» выглядел так:

Шерлок Холмс – его возможности

1. Знания в области литературы – никаких.
2. Знания в области философии – никаких.
3. Знания в области астрономии – никаких.
4. Знания в области политики – слабые.
5. Знания в области ботаники – неравномерные. Знает свойства белладонны, опиума и ядов вообще. Не имеет понятия о садоводстве.
6. Знания в области геологии – практические, но ограниченные. С первого взгляда определяет образцы различных почв. После прогулок показывает мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определяет, из какой она части Лондона.
7. Знания в области химии – глубокие.
8. Знания в области анатомии – точные, но бессистемные.
9. Знания в области уголовной хроники – огромные. Знает, кажется, все подробности каждого преступления, совершенного в девятнадцатом веке.

10. Хорошо играет на скрипке.
11. Отлично фехтует на шпагах и эспадронах, прекрасный боксер.
12. Основательные практические знания английских законов.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул «аттестат» в огонь. «Сколько ни перечислять все то, что он знает, – сказал я себе, – невозможно догадаться, для чего ему это нужно и что за профессия требует такого сочетания! Нет, лучше уж не ломать себе голову понапрасну!» Я уже сказал, что Холмс прекрасно играл на скрипке. Однако и тут было нечто странное, как во всех его занятиях. Я знал, что он может исполнять скрипичные пьесы, и довольно трудные: не раз по моей просьбе он играл «Песни» Мендельсона и другие любимые мною вещи. Но когда он оставался один, редко можно было услышать пьесу или вообще что-либо похожее на мелодию. Вечерами, положив скрипку на колени, он откидывался на спинку кресла, закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам. Иногда раздавались звучные, печальные аккорды. Другой раз неслись звуки, в которых слышалось неистовое веселье. Очевидно, они соответствовали его настроению, но то ли звуки рождали это настроение, то ли они сами были порождением каких-то причудливых мыслей или просто прихоти, этого я никак не мог понять. И, наверное, я взбунтовался бы против этих скребущих по нервам «концертов», если бы после них, как бы вознаграждая меня за долготерпение, он не проигрывал одну за другой несколько моих любимых вещей.

В первую неделю к нам никто не заглядывал, и я было начал подумывать, что мой компаньон так же одинок в этом городе, как и я. Но вскоре я убедился, что у него множество знакомых, причем из самых разных слоев общества. Как-то три-четыре раза на одной неделе появлялся щуплый человечек с изжелта-бледной крысьей физиономией и острыми черными глазками; он был представлен мне как мистер Лестрейд. Однажды утром пришла элегантная молодая девушка и просидела у Холмса не меньше получаса. В тот же день явился седой, обтрепанный старик, похожий на еврея-старьевщика, мне показалось, что он очень взволнован. Почти следом за ним пришла старуха в стоптанных башмаках. Однажды с моим сожителем долго беседовал пожилой джентльмен с седой шевелюрой, потом – вокзальный носильщик в форменной куртке из вельветина. Каждый раз, когда появлялся кто-нибудь из этих непонятных посетителей, Шерлок Холмс просил позволения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. «Приходится использовать эту комнату для деловых встреч», – объяснил он как-то, прося

по обыкновению извинить его за причиняемые неудобства. «Эти люди – мои клиенты». И опять у меня был повод задать ему прямой вопрос, но опять я из деликатности не захотел насильно выведывать чужие секреты.

Мне казалось тогда, что у него есть какие-то веские причины скрывать свою профессию, но вскоре он доказал, что я неправ, заговорив об этом по собственному почину.

Четырнадцатого марта – мне хорошо запомнилась эта дата – я встал раньше обычного и застал Шерлока Холмса за завтраком. Наша хозяйка так привыкла к тому, что я поздно встаю, что еще не успела поставить мне прибор и сварить на мою долю кофе. Обидевшись на все человечество, я позвонил и довольно вызывающим тоном сообщил, что я жду завтрака. Схватив со стола какой-то журнал, я принялся его перелистывать, чтобы убить время, пока мой сожитель молча жевал гренки. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и, совершенно естественно, я стал пробегать ее глазами.

Статья называлась несколько претенциозно: «Книга жизни»; автор пытался доказать, как много может узнать человек, систематически и подробно наблюдая все, что проходит перед его глазами. На мой взгляд, это была поразительная смесь разумных и бредовых мыслей. Если в рассуждениях и была какая-то логика и даже убедительность, то выводы показались мне совсем уж нарочитыми и, что называется, высосанными из пальца. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, по непроизвольному движению какого-нибудь мускула или по взгляду можно угадать самые сокровенные мысли собеседника. По словам автора выходило, что человека, умеющего наблюдать и анализировать, обмануть просто невозможно. Его выводы будут безошибочны, как теоремы Эвклида. И результаты окажутся столь поразительными, что люди непосвященные сочтут его чуть не за колдуна, пока не поймут, какой процесс умозаключений этому предшествовал.

«По одной капле воды, – писал автор, – человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слыхал. Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области. Прежде чем обратиться к моральным

и интеллектуальным сторонам дела, которые представляют собою наибольшие трудности, пусть исследователь начнет с решения более простых задач. Пусть он, взглянув на первого встречного, научится сразу определять его прошлое и его профессию. Поначалу это может показаться ребячеством, но такие упражнения обостряют наблюдательность и учат, как смотреть и на что смотреть. По ногтям человека, по его рукавам, обуви и сгибе брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательном пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки – по таким мелочам нетрудно угадать его профессию. И можно не сомневаться, что все это, вместе взятое, подскажет сведущему наблюдателю верные выводы».

– Что за дикая чушь! – воскликнул я, швыряя журнал на стол. – В жизни не читал такой галиматьи.

– О чем вы? – осведомился Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статейке, – я ткнул в журнал чайной ложкой и принялся за свой завтрак. – Я вижу, вы ее уже читали, раз она отмечена карандашом. Не спорю, написано лихо, но меня все это просто злит. Хорошо ему, этому бездельнику, развалясь в мягком кресле в тиши своего кабинета, сочинять изящные парадоксы! Втиснуть бы его в вагон третьего класса подземки да заставить угадать профессии пассажиров! Ставлю тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

– И вы проиграете, – спокойно заметил Холмс. – А статью написал я.

– Вы?!

– Да. У меня есть наклонности к наблюдению и к анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая кажется вам такой фантастической, на самом деле очень жизненна, настолько жизненна, что ей я обязан своим куском хлеба с маслом.

– Но каким образом? – вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня довольно редкая профессия. Пожалуй, я единственный в своем роде. Я сыщик-консультант, если только вы представляете себе, что это такое. В Лондоне множество сыщиков, и государственных и частных. Когда эти молодцы заходят в тупик, они бросаются ко мне, и мне удается направить их по верному следу. Они знакомят меня со всеми обстоятельствами дела, и, хорошо зная историю криминалистики, я почти всегда могу указать им, где ошибка. Все злодеяния имеют большое фамильное сходство, и если подробности целой тысячи дел вы знаете как свои пять пальцев, странно было бы не разгадать тысячу первое. Лестрейд – очень известный сыщик. Но недавно он не сумел разобраться в одном деле о подлоге и пришел ко мне.

– А другие?

– Чаще всего их посылают ко мне частные агентства. Все это люди, попавшие в беду и жаждущие совета. Я выслушиваю их истории, они выслушивают мое толкование, и я кладу в карман гонорар.

– Неужели вы хотите сказать, – не вытерпел я, – что, не выходя из комнаты, вы можете распутать клубок, над которым тщетно бьются те, кому все подробности известны лучше, чем вам?

– Именно. У меня есть своего рода интуиция. Правда, время от времени попадается какое-нибудь дело посложнее. Ну, тогда приходится немножко побегать, чтобы кое-что увидеть своими глазами. Понимаете, у меня есть специальные знания, которые я применяю в каждом конкретном случае, они удивительно облегчают дело. Правила дедукции, изложенные мной в статье, о которой вы отозвались так презрительно, просто бесценны для моей практической работы. Наблюдательность – моя вторая натура. Вы, кажется, удивились, когда при первой встрече я сказал, что вы приехали из Афганистана?

– Вам, разумеется, кто-то об этом сказал.

– Ничего подобного. Я сразу догадался, что вы приехали из Афганистана. Благодаря давней привычке цепь умозаключений возникает у меня так быстро, что я пришел к выводу, даже не замечая промежуточных посылок. Однако они были, эти посылки. Ход моих мыслей был таков: «Этот человек по типу – врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков – лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо белее. Лицо изможденное – очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку – держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял и секунды. И вот я сказал, что вы приехали из Афганистана, а вы удивились.

– Послушать вас, так это очень просто, – улыбнулся я. – Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По. Я думал, что такие люди существуют лишь в романах.

Шерлок Холмс встал и принялся раскуривать трубку.

– Вы, конечно, думаете, что, сравнивая меня с Дюпеном, делаете мне комплимент, – заметил он. – А по-моему, ваш Дюпен – очень недалекий малый. Этот прием – сбивать с мыслей своего собеседника какой-нибудь фразой «к случаю» после пятнадцатиминутного молчания, право же, очень дешевый показной трюк. У него, несомненно, были кое-какие

аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По.

– Вы читали Габорио? – спросил я. – Как, по-вашему, Лекок – настоящий сыщик?

Шерлок Холмс иронически хмыкнул.

– Лекок – жалкий сопляк, – сердито сказал он. – У него только и есть, что энергия. От этой книги меня просто тошнит. Подумаешь, какая проблема – установить личность преступника, уже посаженного в тюрьму! Я бы это сделал за двадцать четыре часа. А Лекок копается почти полгода. По этой книге можно учить сыщиков, как не надо работать.

Он так высокомерно развенчал моих любимых литературных героев, что я опять начал злиться. Я отошел к окну и повернулся спиной к Холмсу, рассеянно глядя на уличную суету. «Пусть он умен, – говорил я про себя, – но, помилуйте, нельзя же быть таким самоуверенным!»

– Теперь уже не бывает ни настоящих преступлений, ни настоящих преступников, – ворчливо продолжал Холмс. – Будь ты хоть семи пядей во лбу, какой от этого толк в нашей профессии? Я знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений столько врожденного таланта и упорного труда, как я. И что же? Раскрывать нечего, преступлений нет, в лучшем случае какое-нибудь грубо сработанное мошенничество с такими незамысловатыми мотивами, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня положительно коробил этот хвастливый тон. Я решил переменить тему разговора.

– Интересно, что он там высматривает? – спросил я, показывая на дюжего, просто одетого человека, который медленно шагал по другой стороне улицы, вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт – очевидно, это был посыльный.

– Кто, этот отставной флотский сержант? – сказал Шерлок Холмс.

«Кичливый хвастун! – обозвал я его про себя. – Знает же, что его не проверишь!»

Едва успел я это подумать, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и торопливо перебежал через улицу. Раздался громкий стук, внизу загудел густой бас, затем на лестнице послышались тяжелые шаги.

– Мистеру Шерлоку Холмсу, – сказал посыльный, входя в комнату, и протянул письмо моему приятелю.

Вот прекрасный случай сбить с него спесь! Прошлое посыльного он

определил наобум и, конечно, не ожидал, что тот появится в нашей комнате.

– Скажете, уважаемый, – вкрадчивейшим голосом спросил я, – чем вы занимаетесь?

– Служу посыльным, – угрюмо бросил он. – Форму отдал заштопать.

– А кем были раньше? – продолжал я, не без злорадства поглядывая на Холмса.

– Сержантом королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр. – Он прищелкнул каблуками, отдал честь и вышел.

Глава III

Тайна Лористон-Гарденс

Должен сознаться, что я был немало поражен тем, как оправдала себя на деле теория моего компаньона. Уважение мое к его способностям сразу возросло. И все же я не мог отделаться от подозрения, что все это было подстроено заранее, чтобы ошеломить меня, хотя зачем, собственно, – этого я никак не мог понять. Когда я взглянул на него, он держал в руке прочитанную записку, и взгляд его был рассеянным и тусклым, что свидетельствовало о напряженной работе мысли.

– Как же вы догадались? – спросил я.

– О чем? – хмуро отозвался он.

– Да о том, что он отставной сержант флота?

– Мне некогда болтать о пустяках, – отрезал он, но тут же, улыбнувшись, поспешил добавить: – Извините за резкость. Вы прервали ход моих мыслей, но, может, это и к лучшему. Так, значит, вы не сумели увидеть, что он в прошлом флотский сержант?

– Нет, конечно.

– Мне было легче понять, чем объяснить, как я догадался. Представьте себе, что вам нужно доказать, что дважды два – четыре, – трудновато, не правда ли, хотя вы в этом твердо уверены. Даже через улицу я заметил на его руке татуировку – большой синий якорь. Тут уже запахло морем. Выправка у него военная, и он носит баки военного образца. Стало быть, перед нами флотский. Держится он с достоинством, пожалуй, даже начальственно. Вы должны были бы заметить, как высоко он держит голову и как помахивает своей палкой, а с виду он степенный мужчина средних лет – вот и все приметы, по которым я узнал, что он был сержантом.

– Чудеса! – воскликнул я.

– А, чепуха, – отмахнулся Холмс, но по лицу его я видел, что он доволен моим восторженным изумлением. – Вот я только что говорил, что теперь больше нет преступников. Кажется, я ошибся. Взгляните-ка! – Он протянул мне записку, которую принес посыльный.

– Послушайте, да ведь это ужасно! – ахнул я, пробежав ее глазами.

– Да, что-то, видимо, не совсем обычное, – хладнокровно заметил он. – Будьте добры, прочтите мне это вслух.

Вот письмо, которое я прочел:

Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме № 3 в Лористон-Гарденс на Брикстон-роуд произошла скверная история. Около двух часов ночи наш полисмен, делавший обход, заметил в доме свет, а так как дом нежилой, он заподозрил что-то неладное. Дверь оказалась незапертой, и в первой комнате, совсем пустой, он увидел труп хорошо одетого джентльмена; в кармане он нашел визитные карточки: «Енох Дж. Дреббер, Кливленд, Огайо, Соединенные Штаты». И никаких следов грабежа, никаких признаков насильственной смерти. На полу есть кровяные пятна, но на трупе ран не оказалось. Мы не можем понять, как он очутился в пустом доме, и вообще это дело – сплошная головоломка. Если вы приедете в любое время до двенадцати, вы застанете меня здесь. В ожидании вашего ответа или приезда я оставляю все как было. Если не сможете приехать, я сообщу вам все подробности и буду чрезвычайно обязан, если вы соблаговолите поделиться со мной вашим мнением.

Уважающий вас Тобиас Грегсон.

– Грегсон – самый толковый сыщик в Скотленд-Ярде, – сказал мой приятель. – Он и Лестрейд выделяются среди прочих ничтожеств. Оба расторопны и энергичны, хотя банальны до ужаса. Друг с другом они на ножах. Они ревнивы к славе, как профессиональные красавицы. Будет потеха, если оба нападут на след.

Удивительно неторопливо журчала его речь!

– Но ведь, наверное, нельзя терять ни секунды, – встревожился я. – Пойти позвать кэб?

– А я не уверен, поеду я или нет. Я же лентяй, каких свет не видел, то есть, конечно, когда на меня нападет лень, а вообще-то могу быть и проворным.

– Вы же мечтали о таком случае!

– Дорогой мой, да что мне за смысл? Предположим, я распутаю это дело – ведь все равно Грегсон, Лестрейд и компания прикарманят всю славу. Такова участь лица неофициального.

– Но он просит у вас помощи.

– Да. Он знает, что до меня ему далеко, и сам мне это говорил, но скорее отрежет себе язык, чем признается кому-то третьему. Впрочем, пожалуй, давайте поедем и посмотрим. Возьмусь за дело на свой риск. По крайней мере посмеюсь над ними, если ничего другого мне не останется. Пошли!

Он засуетился и бросился за своим пальто: приступ энергии сменил апатию.

– Берите шляпу, – велел он.

– Хотите, чтобы я поехал с вами?

– Да, если вам больше нечего делать.

Через минуту мы оба сидели в кэбе, мчавшем нас к Брикстон-роуд.

Стояло пасмурное туманное утро, над крышами повисла коричневатая дымка, казавшаяся отражением грязно-серых улиц внизу. Мой спутник был в отличном настроении, без умолку болтал о кремонских скрипках и о разнице между скрипками Страдивариуса и Амати. Я помалкивал; унылая погода и предстоявшее нам грустное зрелище угнетали меня.

– Вы как будто совсем не думаете об этом деле, – прервал я наконец его музыкальные рассуждения.

– У меня еще нет фактов, – ответил он. – Строить предположения, не зная всех обстоятельств дела, – крупнейшая ошибка. Это может повлиять на дальнейший ход рассуждений.

– Скоро вы получите ваши факты, – сказал я, указывая пальцем. – Вот Брикстон-роуд, а это, если не ошибаюсь, тот самый дом.

– Правильно. Стойте, кучер, стойте!

Мы не доехали ярдов сто, но по настоянию Холмса вышли из кэба и к дому подошли пешком.

Дом № 3 в тупике, носившем название «Лористон-Гарденс», выглядел зловеще, словно затаил в себе угрозу. Это был один из четырех домов, стоявших немного поодаль от улицы; два дома были обитаемы и два пусты. Номер 3 смотрел на улицу тремя рядами тусклых окон; то здесь, то там на мутном темном стекле, как бельмо на глазу, выделялась надпись «Сдается внаем». Перед каждым домом был разбит маленький палисадник, отделявший его от улицы, – несколько деревцев над редкими и чахлыми кустами; по палисаднику шла узкая желтоватая дорожка, судя по виду, представлявшая собою смесь глины и песка. Ночью прошел дождь, и всюду стояли лужи. Вдоль улицы тянулся кирпичный забор в три фута высотой, с деревянной решеткой наверху; к забору прислонился дюжий констебль, окруженный небольшой кучкой зевак, которые вытягивали шеи в тщетной надежде хоть мельком увидеть, что происходит за забором.

Мне думалось, что Шерлок Холмс поспешит войти в дом и сразу же займется расследованием. Ничего похожего. Казалось, это вовсе не входило в его намерения. С беспечностью, которая при таких обстоятельствах граничила с позерством, он прошелся взад и вперед по тротуару, рассеянно поглядывая на небо, на землю, на дома напротив

и на решетку забора. Закончив осмотр, он медленно зашагал по дорожке, вернее, по траве, сбоку дорожки, и стал пристально разглядывать землю. Дважды он останавливался; один раз я заметил на лице его улыбку и услышал довольное хмыканье. На мокрой глинистой земле было много следов, но ведь ее уже основательно истоптали полицейские, и я недоумевал, что еще надеется обнаружить там Холмс. Однако я успел убедиться в его необычайной проницательности и не сомневался, что он может увидеть много такого, что недоступно мне.

В дверях дома нас встретил высокий белолицый человек с льняными волосами и с записной книжкой в руке. Он бросился к нам и с чувством пожал руку моему спутнику.

– Как хорошо, что вы приехали!.. – сказал он. – Никто ничего не трогал, я все оставил, как было.

– Кроме этого, – ответил Холмс, указывая на дорожку. – Стадо буйволов и то не оставило бы после себя такое месиво! Но, разумеется, вы обследовали дорожку, прежде чем дали ее так истоптать?

– У меня было много дела в доме, – уклончиво ответил сыщик. – Мой коллега, мистер Лестрейд, тоже здесь. Я понадеялся, что он проследит за этим.

Холмс бросил на меня взгляд и саркастически поднял брови.

– Ну, после таких мастеров своего дела, как вы и Лестрейд, мне, пожалуй, тут нечего делать, – сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Да уж, кажется, сделали все, что можно. Впрочем, дело заковыристое, а я знаю, что вы такие любите.

– Вы сюда подъехали в кэбе?

– Нет, пришел пешком, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже, сэр.

– Ну, тогда пойдемте, посмотрим комнату, – совсем уж непоследовательно заключил Холмс и вошел в дом. Грегсон, удивленно подняв брови, поспешил за ним.

Небольшой коридор с давно не метенным дощатым полом вел в кухню и другие службы. Справа и слева были две двери. Одну из них, видимо, уже несколько месяцев не открывали; другая вела в столовую, где и было совершено загадочное убийство. Холмс вошел в столовую, я последовал за ним с тем гнетущим чувством, которое вселяет в нас присутствие смерти.

Большая квадратная комната казалась еще больше оттого, что в ней

не было никакой мебели. Яркие безвкусные обои были покрыты пятнами плесени, а кое-где отстали и свисали лохмотьями, обнажая желтую штукатурку. Прямо против двери стоял аляповатый камин с полкой, отделанной под белый мрамор; на краю полки был прилеплен огарок красной восковой свечки. В неверном тусклом свете, пробивавшемся сквозь грязные стекла единственного окна, все вокруг казалось мертвенно-серым, чему немало способствовал толстый слой пыли на полу.

Все эти подробности я заметил уже после. В первые минуты я смотрел только на одинокую страшную фигуру, распростертую на голом полу, на пустые, незрячие глаза, устремленные в потолок. Это был человек лет сорока трех-четырех, среднего роста, широкоплечий, с жесткими, кудрявыми черными волосами и коротенькой, торчащей вверх бородкой. На нем был сюртук и жилет из плотного сукна, светлые брюки и рубашка безукоризненной белизны. Рядом валялся вылощенный цилиндр. Руки убитого были раскинуты, пальцы сжаты в кулаки, ноги скрючены, словно в мучительной агонии. На лице застыло выражение ужаса и, как мне показалось, ненависти – такого выражения я никогда еще не видел на человеческом лице. Страшная, злобная гримаса, низкий лоб, приплюснутый нос и выступающая вперед челюсть придавали мертвому сходство с гориллой, которое еще больше усиливала его неестественная вывернутая поза. Я видел смерть в разных ее видах, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как сейчас, в этой полутемной, мрачной комнате близ одной из главных магистралей лондонского предместья.

Щуплый, похожий на хорька Лестрейд стоял у двери. Он поздоровался с Холмсом и со мной.

– Этот случай наделает много шуму, сэр, – заметил он. – Такого мне еще не встречалось, а ведь я человек бывалый.

– И нет никакого ключа к этой тайне, – сказал Грегсон.

– Никакого, – подхватил Лестрейд.

Шерлок Холмс подошел к трупу и, опустившись на колени, принялся тщательно разглядывать его.

– Вы уверены, что на нем нет ран? – спросил он, указывая на брызги крови вокруг тела.

– Безусловно! – ответили оба.

– Значит, это кровь кого-то другого – вероятно, убийцы, если тут было убийство. Это мне напоминает обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте, в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Прочтите, право, стоит прочесть. Да, ничто не ново под луной.

Все уже бывало прежде.

Его чуткие пальцы в это время беспрерывно летали по мертвому телу, ощупывали, нажимали, расстегивали, исследовали, а в глазах стояло то же отсутствующее выражение, которое я видел уже не раз. Осмотр произошел так быстро, что вряд ли кто-либо понял, как тщательно он был сделан. Наконец Холмс понюхал губы трупа, потом взглянул на подметки его лакированных ботинок.

– Его не сдвигали с места? – спросил он.

– Нет, только осматривали.

– Можно отправить в морг, – сказал Холмс. – Больше в нем нет надобности.

Четыре человека с носилками стояли наготове. Грегсон позвал их, они положили труп на носилки и понесли. Когда его поднимали, на пол упало и покатилось кольцо. Лестрейд схватил его и стал рассматривать.

– Здесь была женщина! – удивленно воскликнул он. – Это женское обручальное кольцо…

Он положил его на ладонь и протянул нам. Обступив Лестрейда, мы тоже уставились на кольцо. Несомненно, этот гладкий золотой ободок когда-то украшал палец новобрачной.

– Дело осложняется, – сказал Грегсон. – А оно, ей-богу, и без того головоломное.

– А вы уверены, что это не упрощает его? – возразил Холмс. – Но довольно любоваться кольцом, это нам не поможет. Что вы нашли в карманах?

– Все тут. – Грегсон, выйдя в переднюю, указал на кучку предметов, разложенных на нижней ступеньке лестницы. – Золотые часы фирмы Баро, Лондон, № 97163. Золотая цепочка, очень тяжелая и массивная. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булавка – голова бульдога с рубиновыми глазами. Бумажник русской кожи для визитных карточек и карточки, на них написано: Енох Дж. Дреббер, Кливленд – это соответствует меткам на белье – Е. Д. Д. Кошелька нет, но в карманах оказалось семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с надписью «Джозеф Стэнджерсон» на форзаце. Два письма – одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое – Джозефу Стэнджерсону.

– Адрес какой?

– Стрэнд, Американская биржа, до востребования. Оба письма от пароходной компании «Гийон» и касаются отплытия их пароходов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

– Вы начали разыскивать этого Стэнджерсона?

– Сразу же, сэр. Я разослал объявления во все газеты, а один из моих людей поехал на американскую биржу, но еще не вернулся.

– А Кливленд вы запросили?

– Утром послали телеграмму.

– Какую?

– Мы просто сообщили, что произошло, и просили дать сведения.

– А вы не просили сообщить подробнее относительно чего-нибудь такого, что показалось вам особенно важным?

– Я спросил насчет Стэнджерсона.

– И больше ни о чем? Нет ли здесь, по-вашему, каких-либо особых обстоятельств в жизни Дреббера, которые необходимо выяснить?

– Я спросил обо всем, что считал нужным, – обиженным тоном ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся про себя и хотел было что-то сказать, как вдруг перед нами возник Лестрейд, который остался в комнате, когда мы вышли в переднюю. Он пыжился от самодовольства и потирал руки.

– Мистер Грегсон, я только что сделал открытие величайшей важности! – объявил он. – Не догадайся я тщательно осмотреть стены, мы ничего бы и не узнали!

У маленького человечка блестели глаза, он, видимо, внутренне ликовал оттого, что обставил своего коллегу на одно очко.

– Пожалуйте сюда, – сказал он суетливо, ведя нас обратно в комнату, где, казалось, стало немного светлее после того, как унесли ее страшного обитателя. – Вот станьте-ка сюда!

Он чиркнул спичкой о подошву ботинка и поднес ее к стене.

– Глядите! – торжествующе сказал он.

Я уже говорил, что во многих местах обои висели клочьями. В этом углу от стены отстал большой кусок, обнажив желтый квадрат шероховатой штукатурки. На ней кровью было выведено

RACHE

– Видали? – хвастливо сказал Лестрейд, как балаганщик, представляющий публике аттракцион. – Это самый темный угол, и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца – он или она – написал это своей собственной кровью. Глядите, вот кровь стекла со стены, и здесь на полу пятно. Во всяком случае, самоубийство исключается. А почему убийца выбрал именно этот угол? Сейчас объясню. Видите огарок на камине? Когда он горел, этот угол был самый светлый, а не самый

темный.

– Ну хорошо, надпись попалась вам на глаза, а как вы ее растолкуете? – пренебрежительным тоном сказал Грегсон.

– Как? А вот как. Убийца – будь то мужчина или женщина – хотел написать женское имя «Рэчел», но не успел докончить, наверное, что-то помешало. Попомните мои слова: рано или поздно выяснится, что тут замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь сколько угодно, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, человек начитанный и умный, но в конечном счете старая ищейка даст вам несколько очков вперед!

– Прошу прощения, – сказал мой приятель, рассердивший маленького человечка своим смехом. – Разумеется, честь этого открытия принадлежит вам, и надпись, без сомнения, сделана вторым участником ночной драмы. Я не успел еще осмотреть комнату и, с вашего позволения, осмотрю сейчас.

Он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу и бесшумно заходил по комнате, то и дело останавливаясь или опускаясь на колени; один раз он даже лег на пол. Холмс так увлекся, что, казалось, совсем забыл о нашем существовании – а мы слышали то бормотанье, то стон, то легкий присвист, то одобрительные и радостные восклицания. Я смотрел на него, и мне невольно пришло на ум, что он сейчас похож на чистокровную, хорошо выдрессированную гончую, которая рыщет взад-вперед по лесу, скуля от нетерпения, пока не нападет на утерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои поиски, тщательно измеряя расстояние между какими-то совершенно незаметными для меня следами, и время от времени – так же непонятно для меня – что-то измерял рулеткой на стенах. В одном месте он осторожно собрал щепотку серой пыли с пола и положил в конверт. Наконец он стал разглядывать через лупу надпись на стене, внимательно исследуя каждую букву. Видимо, он был удовлетворен осмотром, потому что спрятал рулетку и лупу в карман.

– Говорят, будто гений – это бесконечная выносливость, – с улыбкой заметил он. – Довольно неудачное определение, но к работе сыщика подходит вполне.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-дилетанта с нескрываемым любопытством и не без презрения. Очевидно, они не могли оценить того, что понимал я: все, что делал Холмс, вплоть до незначительных с виду мелочей, служило какой-то вполне определенной и практической цели.

– Ну, что скажете, сэр? – спросили оба хором.

– Не хочу отнимать у вас пальму первенства в раскрытии преступления, – сказал мой приятель, – и поэтому не позволю себе навязывать советы. Вы оба так хорошо справляетесь, что было бы грешно вмешиваться. – В голосе его звучал явный сарказм. – Если вы сообщите о ходе расследования, – продолжал он, – я буду счастлив помочь вам, если смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, который обнаружил труп. Будьте добры сказать мне его имя и адрес.

Лестрейд вынул записную книжку.

– Джон Рэнс, – сказал он. – Сейчас он свободен. Его адрес: Одли-корт, 46, Кеннингтон-парк-гейт.

Холмс записал адрес.

– Пойдемте, доктор, – сказал он мне. – Мы сейчас же отправимся к нему. А вам я хочу кое-что сказать, – обратился он к сыщикам, – быть может, это поможет следствию. Это, конечно, убийство, и убийца – мужчина. Рост у него чуть больше шести футов, он в расцвете лет, ноги у него очень небольшие для такого роста, обут в тяжелые ботинки с квадратными носками и курит трихинопольские сигары. Он и его жертва приехали сюда вместе в четырехколесном экипаже, запряженном лошадью с тремя старыми и одной новой подковой на правом переднем копыте. По всей вероятности, у убийцы красное лицо и очень длинные ногти на правой руке. Это, конечно, мелочи, но они могут вам пригодиться.

Лестрейд и Грегсон, недоверчиво усмехаясь, переглянулись.

– Если этот человек убит, то каким же образом?

– Яд, – коротко бросил Шерлок Холмс и зашагал к двери. – Да, вот еще что, Лестрейд, – добавил он, обернувшись. – «Rache» – по-немецки «месть», так что не теряйте времени на розыски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а оба соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

Глава IV

Что рассказал Джон Рэнс

Мы вышли из дома № 3 в Лористон-Гарденс около часу дня. Шерлок Холмс потащил меня в ближайшую телеграфную контору, откуда он послал какую-то длинную телеграмму. Затем он подозвал кэб и велел кучеру ехать по адресу, который дал нам Лестрейд.

– Самое ценное – это показания очевидцев, – сказал мне Холмс. – Откровенно говоря, у меня сложилось довольно ясное представление о деле, но тем не менее надо узнать все, что только можно.

– Знаете, Холмс, вы меня просто поражаете, – сказал я. – Вы очень уверенно описали подробности преступления, но скажите, неужели вы в душе ничуть не сомневаетесь, что все было именно так?

– Тут трудно ошибиться, – ответил Холмс. – Первое, что я увидел, подъехав к дому, были следы кэба у самой обочины дороги. Заметьте, что до прошлой ночи дождя не было целую неделю. Значит, кэб, оставивший две глубокие колеи, очевидно, проехал там нынешней ночью. Потом я заметил следы лошадиных копыт, причем один отпечаток был более четким, чем три остальных, а это значит, что подкова была новая. Кэб прибыл после того, как начался дождь, а утром, по словам Грегсона, никто не приезжал, – стало быть, этот кэб подъехал ночью, и, конечно же, он-то и доставил туда тех двоих.

– Все это вполне правдоподобно, – сказал я, – но как вы угадали рост убийцы?

– Да очень просто: рост человека в девяти случаях из десяти можно определить по ширине его шага. Это очень несложно, но я не хочу утомлять вас вычислениями. Я измерил шаги убийцы и на глинистой дорожке, и на пыльном полу в комнате. А потом мне представился случай проверить свои вычисления. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно пишет на уровне своих глаз. От пола до надписи на стене шесть футов. Одним словом, задачка для детей!

– А как вы узнали его возраст?

– Ну, вряд ли дряхлый старец может сразу перемахнуть четыре с половиной фута. А это как раз ширина лужи на дорожке, которую он, судя по всему, перепрыгнул. Лакированные ботинки обошли ее стороной, а квадратные носы перепрыгнули. Ничего таинственного, как видите. Просто я применяю на практике некоторые правила наблюдательности

дедуктивного мышления, которые я отстаивал в своей статье… Ну, что же еще вам непонятно?

– Ногти и трихинопольская сигара, – ответил я.

– Надпись на стене сделана указательным пальцем, обмакнутым в кровь. Я рассмотрел через лупу, что, выводя буквы, убийца слегка царапал штукатурку, чего не случилось бы, если бы ноготь на пальце был коротко подстрижен. Пепел, который я собрал с полу, оказался темным и слоистым – такой пепел остается только от трихинопольских сигар. Ведь я специально изучал пепел от разных сортов табака; если хотите знать, я написал об этом целое исследование. Могу похвастаться, что с первого же взгляда определю вам по пеплу сорт сигары или табака. Между прочим, знание таких мелочей и отличает искусного сыщика от всяких Грегсонов и Лестрейдов.

– Ну, а красное лицо? – спросил я.

– А вот это уже более смелая догадка, хотя я не сомневаюсь, что и тут я прав. Но об этом вы пока что не расспрашивайте.

Я провел рукой по лбу.

– У меня просто голова кругом идет, – сказал я, – чем больше думаешь об этом преступлении, тем загадочнее оно становится. Как могли попасть эти двое – если их было двое – в пустой дом? Куда девался кучер, который их привез? Каким образом один мог заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Что за цель преследовал убийца, если он даже не ограбил свою жертву? Как попало туда женское кольцо? А главное, зачем второй человек, прежде чем скрыться, написал немецкое слово «Rache»? Должен сознаться, решительно не понимаю, как связать между собой эти факты.

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

– Вы кратко и очень толково подытожили все трудности этого дела, – сказал он. – Тут еще многое неясно, хотя с помощью главных фактов я уже нашел разгадку. А что до открытия бедняги Лестрейда, то это просто уловка убийцы, чтобы направить полицию по ложному следу, внушив ей, будто тут замешаны социалисты и какие-то тайные общества. Написано это не немцем. Букву «А», если вы заметили, он пытался вывести готическим шрифтом, а настоящий немец всегда пишет печатными буквами на латинский манер, поэтому мы можем утверждать, что писал не немец, а неумелый и перестаравшийся имитатор. Конечно же, это хитрость с целью запутать следствие. Пока я вам больше ничего не скажу, доктор. Знаете, стоит фокуснику объяснить хоть один свой фокус, и в глазах зрителей сразу же меркнет ореол его славы; и если я открою вам метод своей работы, вы, пожалуй, придете к убеждению, что я

самая рядовая посредственность!

– Вот уж никогда! – возразил я. – Вы сделали великое дело: благодаря вам раскрытие преступлений находится на грани точной науки.

Мои слова и серьезная убежденность тона, очевидно, доставили моему спутнику немалое удовольствие – он даже порозовел. Я уже говорил, что он был чувствителен к похвалам его искусству не меньше, чем девушка к похвалам своей красоте.

– Я скажу вам еще кое-что, – продолжал он. – Лакированные ботинки и Квадратные носы приехали в одном кэбе и вместе, по-дружески, чуть ли не под руку, пошли по дорожке к дому. В комнате они расхаживали взад и вперед, вернее, Лакированные ботинки стояли, а расхаживали Квадратные носы. Я это прочел по следам на полу и прочел также, что человека, шагавшего по комнате, охватывало все большее возбуждение. Он все время что-то говорил, пока не взвинтил себя до того, что пришел в бешенство. И тогда произошла трагедия. Ну вот, я рассказал вам все, что знаю, наверное, остальное – лишь догадки и предположения. Впрочем, фундамент для них крепкий. Но давайте-ка поторопимся, я еще хочу успеть на концерт, послушать Норман Неруду.

Кэб наш тем временем пробирался по бесконечным убогим улочкам и мрачным переулкам. Наш кучер вдруг остановился в самом мрачном и унылом из них.

– Вот вам Одли-корт, – произнес он, указывая на узкую щель в ряде тусклых кирпичных домов. – Когда вернетесь, я буду стоять здесь.

Одли-корт был местом малопривлекательным. Тесный проход привел нас в четырехугольный, вымощенный плитняком двор, окруженный грязными лачугами. Мы протолкались сквозь гурьбу замурзанных ребятишек и, ныряя под веревки с линялым бельем, добрались до номера 46. На двери красовалась маленькая медная дощечка, на которой было выгравировано имя Рэнса. Нам сказали, что констебль еще не вставал, и предложили подождать в крохотной гостиной.

Вскоре появился и сам Рэнс. Он, по-видимому, был сильно не в духе оттого, что мы потревожили его сон.

– Я ведь уже дал показания в участке, – проворчал он.

Холмс вынул из кармана полсоверена и задумчиво повертел его в пальцах.

– Нам было бы куда приятнее послушать вас лично, – сказал он.

– Что ж, я не прочь рассказать все, что знаю, – ответил констебль, не сводя глаз с золотого кружка.

– Просто расскажите нам все по порядку.

Рэнс уселся на диван, набитый конским волосом, и озабоченно сдвинул брови, как бы стараясь восстановить в памяти каждую мелочь.

– Начну с самого начала, – сказал он. – Я дежурил ночью, с десяти до шести утра. Около одиннадцати в «Белом олене» малость подрались, а вообще-то в моем районе было тихо. В час ночи полил дождь, я повстречался с Гарри Мерчером – с тем, что дежурит в районе Холленд-Грув. Мы постояли на углу Генриетта-стрит, покалякали о том о сем, а потом, часа, наверное, в два или чуть позже, я решил пройтись по Брикстон-роуд, проверить, все ли в порядке. Грязь там была невылазная, а кругом ни души, разве что один-два кэба проехали. Иду себе и думаю, между нами говоря, что хорошо бы сейчас пропустить стаканчик горяченького джина, как вдруг вижу: в окне того самого дома мелькнул свет. Ну, я-то знаю, что два дома на Лористон-Гарденс стоят пустые, и все потому, что хозяин не желает чистить канализационные трубы, хотя, между прочим, последний жилец умер там от брюшного тифа… Ну и вот, я как увидел в окне свет, так даже опешил и, конечно, заподозрил что-то неладное. Когда я подошел к двери…

– Вы остановились, потом пошли обратно к калитке, – перебил его мой приятель. – Почему вы вернулись?

Рэнс подскочил на месте и изумленно уставился на Холмса.

– А ведь верно, сэр! – сказал он. – Хотя откуда вам это известно, один бог знает! Понимаете, когда я подошел к двери, кругом было так пустынно и тихо, что я решил: лучше-ка я захвачу кого-нибудь с собой. Вообще-то я не боюсь никого, кто ходит по земле; вот те, кто лежат под землей, конечно, другое дело… Я и подумал: а вдруг это тот, что умер от брюшного тифа, пришел осмотреть канализационные трубы, которые его погубили?.. Мне, признаться, стало жутковато, ну я и вернулся к калитке, думал, может, увижу фонарь Мерчера, но только никого вокруг не оказалось.

– И на улице никого не было?

– Ни души, сэр, даже ни одна собака не пробежала. Тогда я собрался с духом, вернулся назад и распахнул дверь. В доме было тихо, и я вошел в комнату, где горел свет. Там на камине стояла свечка, красная, восковая, и я увидел…

– Знаю, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату, стали на колени возле трупа, потом пошли и открыли дверь в кухню, а потом…

Джон Рэнс порывисто вскочил на ноги, с испугом и подозрением глядя на Холмса.

– Постойте, а где же вы прятались, почему вы все это видели, а? –

закричал он. – Что-то вы слишком много знаете!

Холмс рассмеялся и бросил на стол перед констеблем свою визитную карточку.

– Пожалуйста, не арестовывайте меня по подозрению в убийстве, – сказал он. – Я не волк, а одна из ищеек; мистер Грегсон или мистер Лестрейд это подтвердят. Продолжайте, прошу вас. Что же было дальше?

Рэнс снова сел, но вид у него был по-прежнему озадаченный.

– Я пошел к калитке и свистнул в свисток. Прибежал Мерчер, а с ним еще двое.

– А на улице так никого и не было?

– Да, в общем, можно сказать, никого.

– Как это понять?

По лицу констебля расплылась улыбка.

– Знаете, сэр, видал я пьяных на своем веку, но уж чтоб так нализаться, как этот, – таких мне еще не попадалось. Когда я вышел на улицу, он привалился к забору возле калитки, но никак не мог устоять, а сам во всю мочь горланил какую-то песню. А ноги его так и разъезжались в стороны.

– Каков он был с виду? – быстро спросил Шерлок Холмс.

Джон Рэнс был явно раздражен этим не относящимся к делу вопросом.

– Пьяный, как свинья, вот какой он был с виду, – ответил он. – Если б мы не были заняты, конечно, сволокли бы его в участок.

– Какое у него лицо, одежда, вы не заметили? – нетерпеливо добивался Холмс.

– Как не заметить, ведь мы с Мерчером попробовали было поставить его на ноги, этого краснорожего верзилу. Подбородок у него был замотан шарфом до самого рта.

– Так, достаточно! – воскликнул Холмс. – Куда же он делся?

– Некогда нам было возиться с пьяницей, других забот хватало, – обиженно заявил полисмен. – Уж как-нибудь сам доплелся домой, будьте уверены.

– Как он был одет?

– Пальто у него было коричневое.

– А в руке он не держал кнут?

– Кнут? Нет.

– Значит, бросил его где-то поблизости, – пробормотал мой приятель. – Может быть, вы видели или слышали, не проехал ли потом кэб?

– Нет.

– Ну вот вам полсоверена, – сказал Холмс, вставая и берясь за шляпу. –

Боюсь, Рэнс, вы никогда не получите повышения по службе. Головой надо иногда думать, а не носить ее, как украшение. Вчера ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. У человека, которого вы поднимали на ноги, ключ к этой тайне, его-то мы и разыскиваем. Сейчас нечего об этом рассуждать, но можете мне поверить, что это так. Пойдемте, доктор!

Оставив нашего констебля в тягостном недоумении, мы направились к кэбу.

– Неслыханный болван! – сердито хмыкнул Холмс, когда мы ехали домой. – Подумать только: прозевать такую редкостную удачу!

– Я все-таки многого тут не понимаю. Действительно, приметы этого человека совпадают с вашим представлением о втором лице, причастном к этой тайне. Но зачем ему было опять возвращаться в дом? Убийцы так не поступают.

– Кольцо, друг мой, кольцо – вот зачем он вернулся. Если не удастся словить его иначе, мы закинем удочку с кольцом. Я его поймаю на эту наживку, ставлю два против одного, что поймаю. Я вам очень благодарен, доктор. Если б не вы, я, пожалуй, не поехал бы и пропустил то, что я назвал бы интереснейшим этюдом. В самом деле, почему бы не воспользоваться жаргоном художников? Разве это не этюд, помогающий изучению жизни? Этюд в багровых тонах, а? Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг – распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом. А теперь пообедаем и поедем слушать Норман Неруду. Она великолепно владеет смычком, и тон у нее удивительно чистый. Как мотив этой шопеновской вещицы, которую она так прелестно играет? Траля-ля, лира-ля!..

Откинувшись на спинку сиденья, этот сыщик-любитель распевал, как жаворонок, а я думал о том, как разносторонен человеческий ум.

Глава V

К нам приходят по объявлению

Волнения нынешнего утра оказались мне не по силам, и к концу дня я почувствовал себя совершенно разбитым. Когда Холмс уехал на концерт, я улегся на диване, надеясь, что сумею заснуть часа на два. Но не тут-то было. Мозг мой был перевозбужден сегодняшними событиями, в голове теснились самые странные образы и догадки. Стоило мне закрыть глаза, как я видел перед собой искаженное, гориллообразное лицо убитого – лицо, которое нагоняло на меня такую жуть, что я невольно проникался благодарностью к тому, кто отправил его владельца на тот свет. Наверное, еще ни одно человеческое лицо не отражало столь явно самые низменные пороки, как лицо Еноха Дж. Дреббера из Кливленда. Но правосудие есть правосудие, и порочность жертвы не может оправдать убийцу в глазах закона.

Чем больше я раздумывал об этом преступлении, тем невероятнее казались мне утверждения Холмса, что Енох Дреббер был отравлен. Я вспомнил, как он обнюхивал его губы, – несомненно, он обнаружил что-нибудь такое, что навело его на эту мысль. Кроме того, если не яд, то что же было причиной смерти, раз на мертвеце не оказалось ни раны, ни следов удушения? А с другой стороны, чьей же кровью так густо забрызган пол? В комнате не было никаких признаков борьбы, а на жертве не найдено никакого оружия, которым он мог бы ранить своего противника. И мне казалось, что, пока на все эти вопросы не найдется ответов, ни я, ни Холмс не сможем спать по ночам. Мой приятель держался спокойно и уверенно, – надо полагать, у него уже сложилась какая-то теория, объяснявшая все факты, но какая – я не имел ни малейшего представления.

Мне пришлось ждать Холмса долго – так долго, что не было сомнений: после концерта у него нашлись и другие дела. Когда он вернулся, обед уже стоял на столе.

– Это было прекрасно, – сказал он, садясь за стол. – Помните, что говорит Дарвин о музыке? Он утверждает, что человечество научилось создавать музыку и наслаждаться ею гораздо раньше, чем обрело способность говорить. Быть может, оттого-то нас так глубоко волнует музыка, В наших душах сохранилась смутная память о тех туманных веках, когда мир переживал свое раннее детство.

– Смелая теория, – заметил я.

– Все теории, объясняющие явления природы, должны быть смелы, как сама природа, – ответил Холмс. – Но что это с вами? На вас лица нет. Вас, наверное, сильно взволновала эта история на Брикстон-роуд.

– Сказать по правде, да, – вздохнул я. – Хотя после моих афганских мытарств мне следовало бы стать более закаленным. Когда в Майванде у меня на глазах рубили в куски моих товарищей, я и то не терял самообладания.

– Понимаю. В этом преступлении есть таинственность, которая действует на воображение; где нет пищи воображению, там нет и страха. Вы видели вечернюю газету?

– Нет еще.

– Там довольно подробно рассказано об этом убийстве. Правда, ничего не говорится о том, что, когда подняли труп, на пол упало обручальное кольцо, – но тем лучше для нас!

– Почему?

– Прочтите-ка это объявление. Я разослал его во все газеты утром, когда мы заезжали на почту.

Он положил на стол передо мной газету; я взглянул на указанное место. Первое объявление под рубрикой «Находки» гласило: «Сегодня утром на Брикстон-роуд, между трактиром «Белый олень» и Холленд-Грув найдено золотое кольцо. Обращаться к доктору Уотсону, Бейкер-стрит, 221-б, от восьми до девяти вечера».

– Простите, что воспользовался вашим именем, – сказал Холмс. – Если бы я назвал свое, кто-нибудь из этих остолопов догадался бы, в чем дело, и счел бы своим долгом вмешаться.

– О, ради бога, – ответил я. – Но вдруг кто-нибудь явится, – ведь у меня нет кольца.

– Вот оно, – сказал Холмс, протягивая мне какое-то кольцо. – Сойдет вполне: оно почти такое же.

– И кто же, по-вашему, придет за ним?

– Ну, как кто, конечно, человек в коричневом пальто, наш краснолицый друг с квадратными носками. А если не он сам, так его сообщник.

– Неужели он не побоится риска?

– Ничуть. Если я правильно понял это дело, а у меня есть основания думать, что правильно, – то этот человек пойдет на все, лишь бы вернуть кольцо. Мне думается, он выронил его, когда нагнулся над трупом Дреббера. А выйдя из дома, хватился кольца и поспешил обратно, но туда по его собственной оплошности уже явилась полиция, – ведь он забыл

погасить свечу. Тогда, чтобы отвести подозрения, ему пришлось притвориться пьяным. Теперь попробуйте-ка стать на его место. Подумав, он сообразит, что мог потерять кольцо на улице после того, как вышел из дома. Что же он сделает? Наверняка схватится за вечерние газеты в надежде найти объявление о находке. И вдруг – о радость! – он видит наше объявление. Думаете, он заподозрит ловушку? Никогда. Он уверен, что никому и в голову не придет, что между найденным кольцом и убийством есть какая-то связь. И он придет. Вы его увидите в течение часа.

– А потом что? – спросил я.

– О, предоставьте это мне. У вас есть какое-нибудь оружие?

– Есть старый револьвер и несколько патронов.

– Почистите его и зарядите. Он, конечно, человек отчаянный, и, хоть я поймаю его врасплох, лучше быть готовым ко всему.

Я пошел в свою комнату и сделал все, как он сказал. Когда я вернулся с револьвером, со стола было уже убрано, а Холмс предавался своему любимому занятию – пиликал на скрипке.

– Сюжет усложняется, – сказал он, – Только что я получил из Америки ответ на свою телеграмму. Все так, как я и думал.

– А что такое? – жадно спросил я.

– Надо бы купить новые струны для скрипки, – сказал он. – Спрячьте револьвер в карман. Когда явится этот тип, разговаривайте с ним как ни в чем не бывало. Остальное я беру на себя. И не впивайтесь в него глазами, не то вы его спугнете.

– Уже восемь, – заметил я, взглянув на часы.

– Да. Он, наверное, явится через несколько минут. Чуть-чуть приоткройте дверь. Вот так, достаточно. Вставьте ключ изнутри… Спасибо. Вчера на лотке я купил занятную старинную книжку – De Jure inter Gentes[9], изданную на латинском языке в Льеже в 1642 году. Когда вышел этот коричневый томик, голова Карла еще крепко сидела на плечах.

– Кто издатель?

– Какой-то Филипп де Круа. На титульном листе сильно выцветшими чернилами написано: «Ex libris Guliolmi Whyte»[10]. Любопытно, кто такой был этот Уильям Уайт. Наверное, какой-нибудь дотошный стряпчий семнадцатого века. У него затейливый почерк крючкотвора. А вот, кажется, и наш гость!

Послышался резкий звонок. Шерлок Холмс встал и тихонько подвинул свой стул поближе к двери. Мы услышали шаги служанки в передней

и щелканье замка.

– Здесь живет доктор Уотсон? – донесся до нас четкий, довольно грубый голос. Мы не слышали ответа служанки, но дверь захлопнулась, и кто-то стал подниматься по лестнице. Шаги были шаркающие и неуверенные. Холмс прислушался и удивленно поднял брови. Шаги медленно приближались по коридору, затем раздался робкий стук в дверь.

– Войдите, – сказал я.

Вместо грубого силача перед нами появилась древняя, ковыляющая старуха! Она сощурилась от яркого света; сделав реверанс, она остановилась у двери и, моргая подслеповатыми глазками, принялась нервно шарить в кармане дрожащими пальцами. Я взглянул на Холмса – на лице его было такое несчастное выражение, что я с трудом удержался от смеха.

Старая карга вытащила вечернюю газету и ткнула в нее пальцем.

– Я вот зачем пришла, добрые господа, – прошамкала она, снова приседая. – Насчет золотого обручального колечка на Брикстон-роуд. Это дочка моя, Салли, обронила, она только год как замужем, а муж ее плавает буфетчиком на пароходе, и вот было бы шуму, если б он вернулся, а кольца нет! Он и так крутого нрава, а уж когда выпьет – упаси бог! Коли угодно вам знать, она вчера пошла в цирк вместе с…

– Это ее кольцо? – спросил я.

– Слава тебе, господи! – воскликнула старуха. – Уж как Салли обрадуется! Оно самое, как же!

– Ваш адрес, пожалуйста, – сказал я, взяв карандаш.

– Хаундсдитч, Дункан-стрит, номер 13. Путь до вас не ближний!

– Брикстон-роуд совсем не по дороге от Хаундсдитча к цирку, – резко произнес Холмс.

Старуха обернулась и остро взглянула на него своими маленькими красными глазками.

– Они ведь спросили, где живу я, – сказала она, – а Салли живет в Пекхэме, Мэйсфилд-плейс, дом 3.

– Как ваша фамилия?

– Моя-то Сойер, а ее – Деннис, потому как она вышла за Тома Денниса, – малый он из себя аккуратный, тихий, пока в море, а пароходная компания им не нахвалится, а уж сойдет на берег, тут и женский пол, и пьянки, и…

– Вот ваше кольцо, миссис Сойер, – перебил я, повинуясь знаку, поданному Холмсом. – Оно, несомненно, принадлежит вашей дочери, и я рад, что могу его вернуть законной владелице.

Бормоча слова благодарности и призывая на меня божье благословение, старая карга спрятала кольцо в карман и заковыляла вниз по лестнице. Едва она успела выйти за дверь, как Шерлок Холмс вскочил со стула и ринулся в свою комнату. Через несколько секунд он появился в пальто и шарфе.

– Я иду за ней, – торопливо бросил он. – Она, конечно, сообщница и приведет меня к нему. Дождитесь меня, пожалуйста.

Когда внизу захлопнулась дверь за нашей гостьей, Холмс уже сбегал с лестницы. Я выглянул в окно, – старуха плелась по другой стороне улицы, а Холмс шагал за нею, держась немного поодаль. «Либо вся его теория ничего не стоит, – подумал я, – либо сейчас он ухватится за нить, ведущую к разгадке этой тайны».

Просьба дождаться его была совершенно излишней: разве я мог уснуть, не узнав, чем кончилось его приключение?

Он ушел около девяти. Я, конечно, и понятия не имел, когда он вернется, но тупо сидел в столовой, попыхивая трубкой и перелистывая страницы «Vie de Boheme»[11] Мюрже. Пробило десять; по лестнице протопала служанка, отправляясь спать. Вот уже и одиннадцать, и снова шаги: я узнал величавую поступь нашей хозяйки, тоже собиравшейся отходить ко сну. Около двенадцати внизу резко щелкнул замок. Как только Холмс вошел, я сразу понял, что он не мог похвастаться удачей. На лице его боролись смешливость и досада, наконец, чувство юмора взяло верх, и он весело расхохотался.

– Что угодно, лишь бы мои дружки из Скотленд-Ярда не пронюхали об этом! – воскликнул он, бросаясь в кресло. – Я столько раз издевался над ними, что они мне этого ни за что не спустят! А посмеяться над собой я имею право – я ведь знаю, что в конечном счете возьму реванш!

– Да что же произошло? – спросил я.

– Я остался в дураках, но это не беда. Так вот. Старуха шла по улице, потом вдруг стала хромать, и по всему было видно, что у нее разболелась нога. Наконец она остановилась и подозвала проезжавший мимо кэб. Я старался подойти как можно ближе, чтобы услышать, куда она велит ехать, но мог бы и не трудиться: она закричала на всю улицу: «Дункан-стрит, номер тринадцать!» Неужели же здесь нет обмана, подумал я, но когда она села в кэб, я на всякий случай прицепился сзади – этим искусством должен отлично владеть каждый сыщик. Так мы и покатили без остановок до самой Дункан-стрит. Я соскочил раньше, чем мы подъехали к дому, и не спеша пошел по тротуару. Кэб остановился. Кэбмен спрыгнул и открыл дверцу – никого! Когда я подошел, он в бешенстве

заглядывал в пустой кэб, и должен сказать, что такой отборной ругани я еще на своем веку не слыхал! Старухи и след простыл, и, боюсь, ему долго придется ждать своих денежек! Мы справились в доме тринадцать – владельцем оказался почтенный обойщик по имени Кесуик, а о Сойерах и Деннисах там никто и не слышал.

– Неужели вы хотите сказать, – изумился я, – что эта немощная хромая старуха выскочила из кэба на ходу, да так, что ни вы, ни кучер этого не заметили?

– Какая там к черту старуха! – сердито воскликнул Шерлок Холмс. – Это мы с вами – старые бабы, и нас обвели вокруг пальца! То был, конечно, молодой человек, очень ловкий, и к тому же бесподобный актер. Грим у него был превосходный. Он, конечно, заметил, что за ним следят, и проделал этот трюк, чтобы улизнуть. Это доказывает, что человек, которого мы ищем, действует не в одиночку, как мне думалось, – у него есть друзья, готовые для него пойти на риск. Однако, доктор, вы, я вижу, совсем никуда не годитесь! Ступайте-ка спать, вот что я вам скажу!

Я и в самом деле очень устал и охотно последовал его совету. Холмс уселся у тлеющего камина, и я еще долго слышал тихие, заунывные звуки его скрипки. Я уже знал, что это значит, – Холмс обдумывал странную тайну, которую решил распутать во что бы то ни стало.

Глава VI

Тобиас Грегсон доказывает, на что он способен

На следующий день все газеты были полны сообщениями о так называемой «Брикстонской тайне». Каждая газета поместила подробный отчет о происшедшем, а некоторые напечатали и статьи. Из них я узнал кое-что для меня новое. У меня до сих пор хранится множество газетных вырезок, а в записной книжке есть выписка из статей о загадочном убийстве. Вот содержание нескольких из них:

«Дейли телеграф» писала, что в истории преступлений вряд ли можно найти убийство, которому сопутствовали бы столь странные обстоятельства. Немецкая фамилия жертвы, отсутствие каких-либо явных мотивов и зловещая надпись на стене – все говорит о том, что преступление совершено политическими эмигрантами и революционерами. В Америке много социалистских организаций; по-видимому, убитый нарушил какие-то их неписаные законы и его выследили. Бегло упомянув германский фемгерихт[12], aqua tofana[13], карбонариев, маркизу де Бренвилье[14], теорию Дарвина, теорию Мальтуса и убийства на Рэтклиффской дороге[15], автор статьи под конец призывал правительство быть начеку и требовал усиления надзора за иностранцами в Англии.

«Стандард» подчеркивала, что беззакония такого рода, как правило, происходят при либеральном правительстве. Причина тому – неустойчивое настроение масс, что порождает неуважение к закону. Убитый, по происхождению – американец, прожил в нашей столице несколько недель. Он остановился в пансионе мадам Шарпантье на ТоркиТеррас, в Камберуэлле. В поездках его сопровождал личный секретарь, мистер Джозеф Стэнджерсон. Во вторник, четвертого числа сего месяца, оба простились с хозяйкой и поехали на Юстонский вокзал к ливерпульскому экспрессу. На перроне их видели вместе. После этого о них ничего не было известно, пока, согласно приведенному выше отчету, тело мистера Дреббера не было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, в нескольких милях от вокзала. Как он туда попал и каким образом был убит – все это пока окутано мраком неизвестности. «Мы рады слышать, что расследование ведут мистер Лестрейд и мистер Грегсон из Скотленд-Ярда; можно с уверенностью сказать, что с помощью этих известных сыщиков загадка разъяснится очень скоро».

Газета «Дейли ньюс» не сомневалась, что это – убийство на политической почве. Деспотизм континентальных правительств и их ненависть к либерализму прибили к нашим берегам множество эмигрантов, которые стали бы превосходными гражданами Англии, если бы не были отравлены воспоминаниями о том, что им пришлось претерпеть. У этих людей существует строгий кодекс чести, и малейшее его нарушение карается смертью. Нужно приложить все усилия, чтобы разыскать секретаря покойного, некоего Стэнджерсона, и разузнать об особенностях и привычках его патрона. Чрезвычайно важно то, что удалось установить адрес дома, где он жил, – это следует целиком приписать энергии и проницательности мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Мы прочли эти статьи за завтраком; Шерлок Холмс потешался над ними вовсю.

– Я же говорил – что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон всегда останутся в выигрыше!

– Это зависит от того, какой оборот примет дело.

– Ну что вы, это ровно ничего не значит. Если убийцу поймают, то исключительно благодаря их стараниям; если он удерет – то несмотря на их старания. Одним словом, «мне вершки, тебе корешки», и они всегда выигрывают. Что бы они ни натворили, у них всегда найдутся поклонники. Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire[16].

– Боже, что там такое? – воскликнул я, услышав в прихожей и на лестнице топот множества ног и гневные возгласы нашей хозяйки.

– Это отряд уголовной полиции Бейкер-стрит, – серьезно ответил Шерлок Холмс.

В комнату ворвалась целая орава на редкость грязных и оборванных уличных мальчишек.

– Смирно! – строго крикнул Холмс, и шестеро оборванцев, выстроившись в ряд, застыли неподвижно, как маленькие и, надо сказать, довольно безобразные изваяния. – Впредь с докладом будет приходить один Уиггинс, остальные пусть ждут на улице. Ну что, Уиггинс, нашли?

– Не нашли, сэр, – выпалил один из мальчишек.

– Я так и знал. Ищите, пока не найдете. Вот ваше жалованье. – Холмс дал каждому по шиллингу. – А теперь марш отсюда, и следующий раз приходите с хорошими новостями!

Он махнул им рукой, и мальчишки, как стайка крыс, помчались вниз по лестнице; через минуту их пронзительные голоса донеслись уже с улицы.

– От этих маленьких попрошаек больше толку, чем от десятка полисменов, – заметил Холмс. – При виде человека в мундире у людей деревенеет язык, а эти сорванцы всюду пролезут и все услышат. Смышленый народ, им не хватает только организованности.

– Вы наняли их для Брикстонского дела? – спросил я.

– Да, мне нужно установить один факт. Но это только вопрос времени. Ага! Сейчас мы услышим что-то новенькое насчет убийства из мести. К нам жалует сам Грегсон, и каждая черта его лица источает блаженство.

Нетерпеливо зазвонил звонок; белобрысый сыщик через несколько секунд взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз, и влетел в нашу гостиную.

– Дорогой коллега, поздравьте меня! – закричал он, изо всех сил тряся покорную руку Холмса. – Я разгадал загадку, и теперь все ясно, как божий день!

Мне показалось, что на выразительном лице моего приятеля мелькнула тень беспокойства.

– Вы хотите сказать, что напали на верный след? – спросил он.

– Да что там след! Ха-ха! Преступник сидит у нас под замком!

– Кто же он такой?

– Артур Шарпантье, младший лейтенант флота ее величества! – воскликнул Грегсон, горделиво выпятив грудь и потирая пухлые руки.

Шерлок Холмс с облегчением вздохнул, и его чуть сжавшиеся губы распустились в улыбке.

– Садитесь и попробуйте вот эти сигары, – сказал он. – Мы горим нетерпением узнать, как это вам удалось. Хотите виски с водой?

– Не возражаю, – ответил сыщик. – Последние два дня отняли у меня столько сил, что я просто валюсь с ног – не столько от физической усталости, конечно, сколько от умственного перенапряжения. Вам это знакомо, мистер Холмс, мы же с вами одинаково работаем головой.

– Вы мне льстите, – с серьезным видом возразил Холмс. – Итак, каким же образом вы пришли к столь блистательным результатам?

Сыщик удобно уселся в кресло и задымил сигарой. Но вдруг он хлопнул себя по ляжке и захохотал.

– Нет, вот что интересно! – воскликнул он. – Этот болван Лестрейд воображает, что умнее всех, а сам пошел по совершенно ложному следу! Он ищет секретаря Стэнджерсона, а этот Стэнджерсон так же причастен к убийству, как неродившееся дитя. А он, наверное, уже посадил его под замок!

Эта мысль показалась Грегсону столь забавной, что он смеялся до слез.

– А как же вы напали на след?

– Сейчас все расскажу. Доктор Уотсон, это, конечно, строго между нами. Первая трудность состояла в том, как разузнать о жизни Дреббера в Америке. Другой бы стал ждать, пока кто-то откликнется на объявление или сам вызовется дать сведения об убитом. Но Тобиас Грегсон работает иначе. Помните цилиндр, что нашли возле трупа?

– Помню, – сказал Холмс. – На нем была марка – «Джон Ундервуд и сыновья», Камберуэлл-роуд, 129.

Грегсон заметно помрачнел.

– Вот уж никак не думал, что вы это заметили, – сказал он. – Вы были в магазине?

– Нет.

– Ха! – с облегчением усмехнулся Грегсон. – В нашем деле нельзя упускать ни единой возможности, хоть и самой малой.

– Для великого ума мелочей не существует, – сентенциозно произнес Холмс.

– Само собой, я пошел к Ундервуду и спросил, не случилось ли ему продать такой-то цилиндр такого-то размера. Он заглянул в свою книгу и сразу же нашел запись. Он послал цилиндр мистеру Дребберу в пансион Шарпантье на Торки-Террас. Вот таким образом я узнал его адрес.

– Ловко, ничего не скажешь, – пробормотал Шерлок Холмс.

– Затем я отправился к миссис Шарпантье, – продолжал детектив. – Она была бледна и, очевидно, очень расстроена. При ней находилась дочь – на редкость хорошенькая, между прочим; глаза у нее были красные, а когда я с ней заговорил, губы ее задрожали. Я, конечно, сразу почуял, что дело тут нечисто. Вам знакомо это ощущение какого-то особого холодка внутри, когда нападаешь на верный след, мистер Холмс? Я спросил: «Вам известно о загадочной смерти вашего бывшего квартиранта, мистера Еноха Дреббера из Кливленда?»

Мать кивнула. У нее, видно, не было силы вымолвить хоть слово. Дочь вдруг расплакалась. Тут мне уже стало ясно: эти женщины что-то знают.

«В котором часу мистер Дреббер уехал на вокзал?» – спрашиваю я.

Мать, стараясь побороть волнение, судорожно глотнула воздух.

«В восемь, – ответила она. – Его секретарь, мистер Стэнджерсон, сказал, что есть два поезда: один – в девять пятнадцать, другой – в одиннадцать. Он собирался ехать первым».

«И больше вы его не видели?»

Женщина вдруг сильно изменилась в лице. Она стала белой как мел и хрипло, через силу произнесла «нет».

Наступило молчание; вдруг дочь сказала ясным, спокойным голосом:

«Ложь никогда не приводит к добру, мама. Давайте скажем все откровенно. Да, мы видели мистера Дреббера еще раз».

«Да простит тебя бог! – крикнула мадам Шарпантье, всплеснув руками, и упала в кресло. – Ты погубила своего брата!»

«Артур сам велел бы нам говорить только правду», – твердо сказала девушка.

«Советую вам рассказать все без утайки, – сказал я. – Полупризнание хуже, чем запирательство. Кроме того, мы сами уже кое-что знаем».

«Пусть же это будет на твоей совести, Алиса! – воскликнула мать и повернулась ко мне. – Я вам расскажу все, сэр. Не подумайте, что я волнуюсь потому, что мой сын причастен к этому ужасному убийству. Он ни в чем не виновен. Я боюсь только, что в ваших глазах и, может быть, в глазах других он будет невольно скомпрометирован. Впрочем, этого тоже быть не может. Порукой тому его кристальная честность, его убеждения, вся его жизнь!»

«Вы лучше расскажите все начистоту, – сказал я. – И можете поверить, если ваш сын тут ни при чем, ничего плохого с ним не случится».

«Алиса, пожалуйста, оставь нас вдвоем, – сказала мать, и девушка вышла из комнаты. – Я решила молчать, но раз уж моя бедняжка дочь заговорила об этом, то делать нечего. И поскольку я решилась, то расскажу все подробно».

«Вот это разумно!» – согласился я.

«Мистер Дреббер жил у нас почти три недели. Он и его секретарь, мистер Стэнджерсон, путешествовали по Европе. На каждом чемодане была наклейка «Копенгаген» – стало быть, они прибыли прямо оттуда. Стэнджерсон – человек спокойный, сдержанный, но хозяин его, к сожалению, был совсем другого склада. У него были дурные привычки, и вел он себя довольно грубо. Когда они приехали, он в первый же вечер сильно напился и, если уж говорить правду, после полудня вообще не бывал трезвым. Он заигрывал с горничными и позволял себе с ними недопустимые вольности. Самое ужасное, что он вскоре повел себя так и с моей дочерью Алисой и не раз говорил ей такое, чего она, к счастью, по своей невинности даже не могла понять. Однажды он дошел до крайней наглости – схватил ее и стал целовать; даже его собственный секретарь не вытерпел и упрекнул его за столь неприличное поведение.

«Но вы-то почему это терпели? – спросил я. – Вы ведь могли выставить вон ваших жильцов в любую минуту».

Вопрос, как видите, вполне естественный, однако миссис Шарпантье

сильно смешалась.

«Видит бог, я отказала бы им на другой же день, – сказала она, – но слишком велико было искушение – ведь каждый платил по фунту в день – значит, четырнадцать фунтов в неделю, а в это время года так трудно найти жильцов! Я вдова, сын мой служит во флоте, и это стоит немалых денег. Не хотелось лишаться дохода, ну я и терпела, сколько могла. Но последняя его выходка меня совсем уж возмутила, и я сейчас же попросила его освободить комнаты. Потому-то он и уехал».

«А дальше?»

«У меня отлегло от сердца, когда они уехали. Сын мой сейчас дома, он в отпуску, но я побоялась рассказать ему – он очень уж вспыльчивый и нежно любит сестру. Когда я заперла за ними дверь, у меня словно камень с души свалился. Но, увы, не прошло и часа, как раздался звонок и мне сказали, что мистер Дреббер вернулся. Он вел себя очень развязно, очевидно, успел порядком напиться. Он вломился в комнату, где сидели мы с дочерью, и буркнул мне что-то невразумительное насчет того, что он-де опоздал на поезд. Потом повернулся к Алисе и прямо при мне предложил ей уехать с ним. «Вы уже взрослая, – сказал он, – и по закону никто вам запретить не может. Денег у меня куча. Не обращайте внимания на свою старуху, едемте вместе сейчас же! Вы будете жить, как герцогиня!» Бедная Алиса перепугалась и бросилась прочь, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и тут вошел мой сын, Артур. Что было потом, я не знаю. Я слышала только злобные проклятия и шумную возню. Я была так напугана, что не смела открыть глаза. Наконец я подняла голову и увидела, что Артур стоит на пороге с палкой в руках и смеется.

«Думаю, что наш прекрасный жилец сюда больше не покажется, – сказал он. – Пойду на улицу, погляжу, что он там делает».

Артур взял шляпу и вышел. А наутро мы узнали, что мистер Дреббер убит неизвестно кем.

Рассказывая, миссис Шарпантье то вздыхала, то всхлипывала. Временами она даже не говорила, а шептала так тихо, что я еле разбирал слова. Но все, что она сказала, я записал стенографически, чтобы потом не было недоразумений.

– Очень любопытно, – сказал Холмс, зевая. – Ну, и что же дальше?

– Миссис Шарпантье замолчала, – продолжал сыщик, – и тут я понял, что все зависит от одного-единственного обстоятельства. Я посмотрел на нее пристальным взглядом – я не раз убеждался, как сильно он действует на женщин, – и спросил, когда ее сын вернулся домой.

«Не знаю», – ответила она.

«Не знаете?»

«Нет, у него есть ключ, он сам отпирает дверь».

«Но вы уже спали, когда он пришел?»

«Да».

«А когда вы легли спать?»

«Около одиннадцати».

«Значит, ваш сын отсутствовал часа два, не меньше?»

«Да».

«А может, четыре или пять часов?»

«Может быть».

«Что же он делал все это время?»

«Не знаю», – сказала она, так побледнев, что даже губы у нее побелели.

Конечно, после этого уже не о чем было говорить.

Я разузнал, где находится лейтенант Шарпантье, взял с собой двух полицейских и арестовал его. Когда я тронул его за плечо и велел спокойно идти с нами, он нагло спросил: «Вы, наверное, подозреваете, что я убил этого негодяя Дреббера?» А поскольку об убийстве и речи пока не было, то все это весьма подозрительно.

– Очень, – подтвердил Холмс.

– При нем была палка, с которой он, по словам матери, бросился вслед за Дреббером. Толстая, тяжелая дубинка, сэр.

– Как же, по-вашему, произошло убийство?

– А вот как. Он шел за Дреббером до самой Брикстон-роуд. Там снова завязалась драка. Шарпантье ударил этой палкой Дреббера, всего вероятнее, в живот, – и тот сразу же умер, а на теле никаких следов не осталось. Лил дождь, кругом не было ни души, и Шарпантье оттащил свою жертву в пустой дом. А свеча, кровь на полу, надпись на стене и кольцо – это всего-навсего хитрости, чтобы запутать следствие.

– Молодец! – одобрительно воскликнул Холмс. – Право, Грегсон, вы делаете большие успехи. У вас большая будущность.

– Я тоже доволен собой, кажется, я недурно справился с делом, – горделиво ответил сыщик. – Молодой человек в своих показаниях утверждает, что он пошел за Дреббером, но тот вскоре заметил его и, подозвав кэб, уехал. Шарпантье утверждает, что, возвращаясь домой, он якобы встретил своего товарища по флоту, и они долго гуляли по улицам. Однако он не смог сказать, где живет этот его товарищ. Мне кажется, тут все сходится одно к одному необыкновенно точно. Но Лестрейд-то, Лестрейд! Как подумаю, что он сейчас рыщет по ложному

следу, так меня разбирает смех! Смотрите-ка, да вот и он сам!

Да, действительно, в дверях стоял Лестрейд – за разговором мы не услышали его шагов на лестнице. Но куда девалась его самоуверенность, его обычная щеголеватость? На лице его была написана растерянность и тревога, измятая одежда забрызгана грязью. Очевидно, он пришел о чем-то посоветоваться с Шерлоком Холмсом, потому что, увидев своего коллегу, был смущен и раздосадован. Он стоял посреди комнаты, нервно теребя шляпу, и, казалось, не знал, как поступить.

– Совершенно небывалый случай, – произнес он наконец, – непостижимо запутанное дело!

– Неужели, мистер Лестрейд! – торжествующе воскликнул Грегсон. – Я не сомневался, что вы придете к такому заключению. Удалось ли вам найти секретаря, мистера Джозефа Стэнджерсона?

– Мистер Джозеф Стэнджерсон, – серьезным тоном сказал Лестрейд, – убит в гостинице «Холлидей» сегодня около шести часов утра.

Глава VII

Проблеск света

Неожиданная и важная весть, которую принес нам Лестрейд, слегка ошеломила всех нас. Грегсон вскочил с кресла, пролив на пол остатки виски с водой. Шерлок Холмс сдвинул брови и крепко сжал губы, а я молча уставился на него.

– И Стэнджерсон тоже… – пробормотал Холмс. – Дело осложняется.

– Оно и без того достаточно сложно, – проворчал Лестрейд, берясь за стул. – Но я, кажется, угодил на военный совет?

– А вы… вы точно знаете, что он убит? – запинаясь, спросил Грегсон.

– Я только что был в его комнате, – ответил Лестрейд. – И первый обнаружил его труп.

– А мы тут слушали Грегсона, который по-своему решил загадку, – заметил Холмс. – Будьте добры, расскажите нам, что вы видели и что успели сделать.

– Пожалуйста, – ответил Лестрейд, усаживаясь на стул. – Не скрою, я держался того мнения, что Стэнджерсон замешан в убийстве Дреббера. Сегодняшнее событие доказало, что я ошибался. Одержимый мыслью о его соучастии, я решил выяснить, где он и что с ним. Третьего числа вечером, примерно в половине девятого, их видели вместе на Юстонском вокзале. В два часа ночи труп Дреббера нашли на Брикстон-роуд. Следовательно, я должен был узнать, что делал Стэнджерсон между половиной девятого и тем часом, когда было совершено преступление, и куда он девался после этого. Я послал в Ливерпуль телеграмму, сообщил приметы Стэнджерсона и просил проследить за пароходами, отходящими в Америку. Затем я объехал все гостиницы и меблированные комнаты в районе Юстонского вокзала. Видите ли, я рассуждал так: если они с Дреббером расстались у вокзала, то скорее всего секретарь переночует где-нибудь поблизости, а утром опять явится на вокзал.

– Они, вероятно, заранее условились о месте встречи, – вставил Холмс.

– Так и оказалось. Вчерашний вечер я потратил на поиски Стэнджерсона, но безуспешно. Сегодня я начал искать его с раннего утра и к восьми часам добрался наконец до гостиницы «Холлидей» на Литл-Джордж-стрит. На вопрос, не живет ли здесь мистер Стэнджерсон, мне сразу ответили утвердительно.

– Вы, наверное, тот джентльмен, которого он поджидает, –

сказали мне. – Он ждет вас уже два дня.

– А где он сейчас? – спросил я.

– У себя наверху, он еще спит. Он просил разбудить его в девять.

– Я сам его разбужу, – сказал я.

Я подумал, что мой внезапный приход застанет его врасплох и от неожиданности он может проговориться насчет убийства. Коридорный вызвался проводить меня до его комнаты – она была на втором этаже и выходила в узенький коридорчик. Показав мне его дверь, коридорный пошел было вниз, как вдруг я увидел такое, от чего, несмотря на мой двадцатилетний опыт, мне едва не стало дурно. Из-под двери вилась тоненькая красная полоска крови, она пересекала пол коридорчика и образовала лужицу у противоположной стены. Я невольно вскрикнул; коридорный тотчас же вернулся назад. Увидев кровь, он чуть не хлопнулся без чувств. Дверь оказалась заперта изнутри, но мы высадили ее плечами и ворвались в комнату. Окно было открыто, а возле него на полу, скорчившись, лежал человек в ночной рубашке. Он был мертв, и, очевидно, уже давно: труп успел окоченеть. Мы перевернули его на спину, и коридорный подтвердил, что это тот самый человек, который жил у них в гостинице под именем Джозефа Стэнджерсона. Смерть наступила от сильного удара ножом в левый бок; должно быть, нож задел сердце. И тут обнаружилось самое странное. Как вы думаете, что мы увидели над трупом?

Прежде чем Холмс успел ответить, я почувствовал, что сейчас услышу что-то страшное, и у меня по коже поползли мурашки.

– Слово «Rache», написанное кровью, – сказал Холмс.

– Да, именно. – В голосе Лестрейда звучал суеверный страх.

Мы помолчали. В действиях неизвестного убийцы была какая-то зловещая методичность, и от этого его преступления казались еще ужаснее. Нервы мои, ни разу не сдававшие на полях сражений, сейчас затрепетали.

– Убийцу видели, – продолжал Лестрейд. – Мальчик, приносивший молоко, шел обратно в молочную через проулок, куда выходит конюшня, что на задах гостиницы. Он заметил, что лестница, всегда валявшаяся на земле, приставлена к окну второго этажа гостиницы, а окно распахнуто настежь. Отойдя немного, он оглянулся и увидел, что по лестнице спускается человек. И спускался он так спокойно, не таясь, что мальчик принял его за плотника или столяра, работавшего в гостинице. Мальчик не обратил особого внимания на этого человека, хотя у него мелькнула мысль, что в такую рань обычно еще не работают. Он припоминает, что человек этот был высокого роста, с красноватым лицом и в длинном

коричневом пальто. Он, должно быть, ушел из комнаты не сразу после убийства – он ополоснул руки в тазу с водой и тщательно вытер нож о простыню, на которой остались кровяные пятна.

Я взглянул на Холмса – описание убийцы в точности совпадало с его догадками. Однако лицо его не выражало ни радости, ни удовлетворения.

– Вы не нашли в комнате ничего такого, что могло бы навести на след убийцы? – спросил он.

– Ничего. У Стэнджерсона в кармане был кошелек Дреббера, но тут нет ничего удивительного: Стэнджерсон всегда за него расплачивался. В кошельке восемьдесят фунтов с мелочью, и, очевидно, оттуда ничего не взято. Не знаю, каковы мотивы этих странных преступлений, но только не ограбление. В карманах убитого не обнаружено никаких документов или записок, кроме телеграммы из Кливленда, полученной с месяц назад. Текст ее – «Дж. Х. в Европе». Подписи в телеграмме нет.

– И больше ничего? – спросил Холмс.

– Ничего существенного. На кровати брошен роман, который Стэнджерсон читал на ночь вместо снотворного, а на стуле рядом лежит трубка убитого. На столе стоит стакан с водой, на подоконнике – аптекарская коробочка, и в ней две пилюли.

С радостным возгласом Шерлок Холмс вскочил со стула.

– Последнее звено! – воскликнул он. – Теперь все ясно!

Оба сыщика вытаращили на него глаза.

– Сейчас в моих руках все нити этого запутанного клубка, – уверенно заявил мой приятель. – Конечно, еще не хватает кое-каких деталей, но цепь событий, начиная с той минуты, как Дреббер расстался со Стэнджерсоном на вокзале, и вплоть до того, как вы нашли труп Стэнджерсона, мне ясна, как будто все происходило на моих глазах. И я вам это докажу. Не могли бы вы взять оттуда пилюли?

– Они у меня, – сказал Лестрейд, вытаскивая маленькую белую коробочку. – Я взял и пилюли, и кошелек, и телеграмму, чтобы сдать в полицейский участок. По правде говоря, пилюли я прихватил случайно: я не придал им никакого значения.

– Дайте сюда, – сказал Холмс и повернулся ко мне. – Доктор, как вы думаете, это обыкновенные пилюли?

Нет, пилюли, конечно, нельзя было назвать обыкновенными. Маленькие, круглые, жемчужно-серого цвета, они были почти прозрачными, если смотреть их на свет.

– Судя по легкости и прозрачности, я полагаю, что они растворяются в воде, – сказал я.

– Совершенно верно, – ответил Холмс. – Будьте добры, спуститесь вниз и принесите этого несчастного парализованного терьера, – хозяйка вчера просила усыпить его, чтобы он больше не мучился.

Я сошел вниз и принес собаку. Тяжелое дыхание и стекленеющие глаза говорили о том, что ей недолго осталось жить. Судя по побелевшему носу, она уже почти перешагнула предел собачьего существования. Я положил терьера на коврик у камина.

– Сейчас я разрежу одну пилюлю пополам, – сказал Холмс, вынимая перочинный нож. – Одну половинку мы положим обратно – она еще может пригодиться. Другую я кладу в этот бокал и наливаю чайную ложку воды. Видите, наш доктор прав – пилюля быстро растворяется.

– Да, весьма занятно, – обиженным тоном произнес Лестрейд, очевидно, заподозрив, что над ним насмехаются, – но я все-таки не понимаю, какое это имеет отношение к смерти Джозефа Стэнджерсона?

– Терпение, друг мой, терпение! Скоро вы убедитесь, что пилюли имеют к ней самое прямое отношение. Теперь я добавлю немного молока, чтобы было повкуснее и собака вылакала бы все сразу.

Вылив содержимое бокала в блюдце, он поставил его перед собакой. Та вылакала все до капли. Серьезность Холмса так подействовала на нас, что мы молча, как завороженные, следили за собакой, ожидая чего-то необычайного. Ничего, однако, не произошло. Терьер лежал на коврике, все так же тяжело дыша, но от пилюли ему не стало ни лучше, ни хуже.

Холмс вынул часы; прошла минута, другая, собака дышала по-прежнему, а Шерлок Холмс сидел с глубоко огорченным, разочарованным видом. Он прикусил губу, потом забарабанил пальцами по столу – словом, выказывал все признаки острого нетерпения. Он так волновался, что мне стало его искренне жаль, а оба сыщика иронически улыбались, явно радуясь его провалу.

– Неужели же это просто совпадение? – воскликнул он наконец; вскочив со стула, он яростно зашагал по комнате. – Нет, не может быть! Те самые пилюли, которые, как я предполагал, убили Дреббера, найдены возле мертвого Стэнджерсона. И вот они не действуют! Что же это значит? Не верю, чтобы весь ход моих рассуждений оказался неправильным. Это невозможно! И все-таки бедный пес жив… А! Теперь я знаю! Знаю!

С этим радостным возгласом он схватил коробочку, разрезал вторую пилюлю пополам, растворил в воде, долил молока и поставил перед терьером. Едва несчастный пес лизнул языком эту смесь, как по телу его пробежали судороги, он вытянулся и застыл, словно сраженный молнией.

Шерлок Холмс глубоко вздохнул и отер со лба пот.

– Надо больше доверять себе, – сказал он. – Пора бы мне знать, что если какой-нибудь факт идет вразрез с длинной цепью логических заключений, значит, его можно истолковать иначе. В коробке лежало две пилюли – в одной содержался смертельный яд, другая – совершенно безвредная. Как это я не догадался раньше, чем увидел коробку!

Последняя фраза показалась мне настолько странной, что я усомнился, в здравом ли он уме. Однако труп собаки служил доказательством правильности его доводов. Я почувствовал, что туман в моей голове постепенно рассеивается и я начинаю смутно различать правду.

– Вам всем это кажется сущей дичью, – продолжал Холмс, – потому что в самом начале расследования вы не обратили внимания на единственное обстоятельство, которое и служило настоящим ключом к тайне. Мне посчастливилось ухватиться за него, и все дальнейшее только подтверждало мою догадку и, в сущности, являлось ее логическим следствием. Поэтому все то, что ставило вас в тупик и, как вам казалось, еще больше запутывало дело, мне, наоборот, многое объясняло и только подтверждало мои заключения. Нельзя смешивать странное с таинственным. Часто самое банальное преступление оказывается самым загадочным, потому что ему не сопутствуют какие-нибудь особенные обстоятельства, которые могли бы послужить основой для умозаключений. Это убийство было бы бесконечно труднее разгадать, если бы труп просто нашли на дороге, без всяких «outre»[17] и сенсационных подробностей, которые придали ему характер необыкновенности. Странные подробности вовсе не осложняют расследование, а, наоборот, облегчают его.

Грегсон, сгоравший от нетерпения во время этой речи, не выдержал.

– Послушайте, мистер Шерлок Холмс, – сказал он, – мы охотно признаем, что вы человек сообразительный и изобрели свой особый метод работы. Но сейчас нам ни к чему выслушивать лекцию по теории. Сейчас надо ловить убийцу. У меня было свое толкование дела, но, кажется, я ошибся. Молодой Шарпантье не может быть причастен ко второму убийству. Лестрейд подозревал Стэнджерсона и, очевидно, тоже промахнулся. Вы все время сыплете намеками и делаете вид, будто знаете гораздо больше нас, но теперь мы вправе спросить напрямик: что вам известно о преступлении? Можете ли вы назвать убийцу?

– Не могу не согласиться с Грегсоном, сэр, – заметил Лестрейд. – Мы оба пытались найти разгадку, и оба ошиблись. С той минуты, как я пришел, вы уже несколько раз говорили, что у вас есть все необходимые улики. Надеюсь, теперь-то вы не станете их утаивать?

– Если медлить с арестом убийцы, – добавил я, – он может совершить

еще какие-нибудь злодеяния.

Мы так наседали на Холмса, что он явно заколебался. Нахмурив брови и опустив голову, он шагал по комнате взад и вперед, как всегда, когда он что-то напряженно обдумывал.

– Убийств больше не будет, – сказал он, внезапно остановившись. – Об этом можете не беспокоиться. Вы спрашиваете, знаю ли я имя убийцы. Да, знаю. Но знать имя – это еще слишком мало, надо суметь поймать преступника. Я очень надеюсь, что принятые мною меры облегчат эту трудную задачу, но тут нужно действовать с величайшей осторожностью, ибо нам придется иметь дело с человеком хитрым и готовым на все, и к тому же, как я уже имел случай доказать, у него есть сообщник, не менее умный, чем он сам. Пока убийца не знает, что преступление разгадано, у нас еще есть возможность схватить его; но если у него мелькнет хоть малейшее подозрение, он тотчас же переменит имя и затеряется среди четырех миллионов жителей нашего огромного города. Не желая никого обидеть, я должен все же сказать, что такие преступники не по плечу сыскной полиции, поэтому-то я и не обращался к вашей помощи. Если я потерплю неудачу, вся вина за упущение падет на меня – и я готов понести ответственность. Пока же могу пообещать, что немедленно расскажу вам все, как только я буду уверен, что моим планам ничто не угрожает.

Грегсон и Лестрейд были явно недовольны и этим обещанием, и обидным намеком на сыскную полицию. Грегсон вспыхнул до корней своих льняных волос, а похожие на бусинки глаза Лестрейда загорелись гневом и любопытством. Однако ни тот, ни другой не успели произнести ни слова: в дверь постучали, и на пороге появился своей собственной непрезентабельной персоной представитель уличных мальчишек.

– Сэр, – заявил он, прикладывая руку к вихрам надо лбом, – кэб ждет на улице.

– Молодчина! – одобрительно сказал Холмс. – Почему Скотленд-Ярд не пользуется этой новой моделью? – продолжал он, выдвинув ящик стола и доставая пару стальных наручников. – Смотрите, как прекрасно действует пружина – они захлопываются мгновенно.

– Мы обойдемся и старой моделью, – ответил Лестрейд, – было бы на кого их надеть.

– Отлично, отлично! – улыбнулся Холмс. – Пусть кэбмен пока что снесет вниз мои вещи. Позови его, Уиггинс.

Я удивился: Холмс, видимо, собрался уезжать, а мне не сказал ни слова! В комнате стоял небольшой чемодан; Холмс вытащил его

на середину и, став на колени, начал возиться с ремнями.

– Помогите мне затянуть этот ремень, – не поворачивая головы, сказал он вошедшему кэбмену.

Кэбмен с вызывающе пренебрежительным видом шагнул вперед и протянул руки к ремню. Послышался резкий щелчок, металлическое звяканье, и Шерлок Холмс быстро поднялся на ноги. Глаза его блестели.

– Джентльмены, – воскликнул он, – позвольте представить вам мистера Джефферсона Хоупа, убийцу Еноха Дреббера и Джозефа Стэнджерсона!

Все произошло в одно мгновение, я даже не успел сообразить, в чем дело. Но в память мою навсегда врезалась эта минута – торжествующая улыбка Холмса и его звенящий голос и дикое, изумленное выражение на лице кэбмена при виде блестящих наручников, словно по волшебству сковавших его руки. Секунду-другую мы, оцепенев, стояли, словно каменные идолы. Вдруг пленник с яростным ревом вырвался из рук Холмса и кинулся к окну. Он вышиб раму и стекло, но выскочить не успел: Грегсон, Лестрейд и Холмс набросились на него, как ищейки, и оттащили от окна. Началась жестокая схватка. Рассвирепевший преступник обладал недюжинной силой: как мы ни старались навалиться на него, он то и дело раскидывал нас в разные стороны. Такая сверхъ естественная сила бывает разве только у человека, бьющегося в эпилептическом припадке. Лицо его и руки были изрезаны осколками стекла, но, несмотря на потерю крови, он сопротивлялся с ничуть не ослабевавшей яростью. И только когда Лестрейд изловчился просунуть руку под его шарф, схватил его за горло и чуть не задушил, он понял, что бороться бесполезно; все же мы не чувствовали себя в безопасности, пока не связали ему ноги. Наконец, еле переводя дух, мы поднялись с пола.

– Внизу стоит кэб, – сказал Шерлок Холмс. – На нем мы и доставим его в Скотленд-Ярд. Ну что же, джентльмены, – приятно улыбнулся он, – нашей маленькой тайны уже не существует. Прошу вас, задавайте любые вопросы и не опасайтесь, что я откажусь отвечать.

Часть II

Страна Святых

Глава I

В Великой Соляной пустыне

В центральной части огромного Североамериканского материка лежит унылая, бесплодная пустыня, с давних времен служившая преградой на пути цивилизации. От Сьерра-Невады до Небраски, от реки Йеллоустон на севере до Колорадо на юге простирается страна безлюдья и мертвой тишины. Но природа и в этом унылом запустении показала свой прихотливый нрав. Здесь есть и высокие горы, увенчанные снежными шапками, и темные, мрачные долины. Здесь есть скалистые ущелья, где пробегают быстрые потоки, и огромные равнины, зимою белые от снега, а летом покрытые серой солончаковой пылью. Но всюду одинаково голо, неприютно и печально.

В этой стране безнадежности не живут люди. Иногда в поисках новых мест для охоты туда забредают индейцы из племени поуни или черноногих, но даже самые отчаянные храбрецы стремятся поскорее покинуть эти зловещие равнины и вернуться в родные прерии. Здесь по кустарникам рыщут койоты, порой в воздухе захлопает крыльями сарыч, и, грузно переваливаясь, пройдет по темной лощине серый медведь, стараясь найти пропитание среди голых скал. Вот, пожалуй, и все обитатели этой глухомани.

Наверное, нет в мире картины безрадостнее той, что открывается с северного склона Сьерра-Бланка. Кругом, насколько хватает глаз, простирается бесконечная плоская равнина, сплошь покрытая солончаковой пылью; лишь кое-где на ней темнеют карликовые кусты чаппараля. Далеко на горизонте высится длинная цепь гор с зубчатыми вершинами, на которых белеет снег. На всем этом огромном пространстве нет ни признаков жизни, ни следов, оставленных живыми существами. В голубовато-стальном небе не видно птиц, и ничто не шевельнется на тусклой серой земле – все обволакивает полная тишина. Сколько ни напрягать слух, в этой великой пустыне не услышишь ни малейшего звука, здесь царит безмолвие – нерушимое, гнетущее безмолвие.

Выше говорилось, что на равнине нет никаких следов живой жизни; пожалуй, это не совсем верно. С высоты Сьерра-Бланка видна извилистая дорога, которая тянется через пустыню и исчезает где-то вдали. Она изборождена колесами и истоптана ногами многих искателей счастья. Вдоль дороги, поблескивая под солнцем, ярко белеют на сером солончаке

какие-то предметы. Подойдите ближе и приглядитесь! Это кости – одни крупные и массивные, другие помельче и потоньше. Крупные кости бычьи, другие же – человеческие. На полторы тысячи миль можно проследить страшный караванный путь по этим вехам – останкам тех, кто погиб в соляной пустыне.

4 мая 1847 года все это увидел перед собой одинокий путник. По виду он мог бы сойти за духа или за демона тех мест. С первого взгляда трудно было определить, сколько ему лет – под сорок или под шестьдесят. Желтая пергаментная кожа туго обтягивала кости его худого, изможденного лица, в длинных темных волосах и бороде серебрилась сильная проседь, запавшие глаза горели неестественным блеском, а рука, сжимавшая ружье, напоминала кисть скелета. Чтобы устоять на ногах, ему приходилось опираться на ружье, хотя, судя по высокому росту и могучему сложению, он должен был обладать крепким, выносливым организмом; впрочем, его заострившееся лицо и одежда, мешком висевшая на его иссохшем теле, ясно говорили, почему он выглядит немощным стариком. Он умирал – умирал от голода и жажды.

Напрягая последние силы, он спустился в лощину, потом одолел подъем в тщетной надежде найти здесь, на равнине, хоть каплю влаги, но увидел перед собой лишь соляную пустыню и цепь неприступных гор вдали. И нигде ни дерева, ни кустика, ни признака воды! В этом необозримом пространстве для него не было ни проблеска надежды. Диким, растерянным взглядом он посмотрел на север, потом на восток и запад и понял, что его скитаниям пришел конец, – здесь, на голой скале, ему придется встретить свою смерть.

– Не все ли равно, здесь или на пуховой постели лет через двадцать пять, – пробормотал он, собираясь сесть в тень возле большого валуна.

Но прежде чем усесться, он положил на землю ненужное теперь ружье и большой узел, завязанный серой шалью, который он нес, перекинув через правое плечо. Узел был, очевидно, слишком тяжел для него – спустив с плеча, он не удержал его в руках и почти уронил на землю. Тотчас раздался жалобный крик и из серой шали высунулись сначала маленькое испуганное личико с блестящими карими глазами, потом два грязных пухлых кулачка.

– Ты меня ушиб! – сердито произнес детский голосок.

– Правда? – виновато отозвался путник. – Прости, я нечаянно.

Он развязал шаль; в ней оказалась хорошенькая девочка лет пяти, в изящных туфельках, нарядном розовом платьице и полотняном переднике; все это свидетельствовало о том, что ее одевала заботливая

мать. Лицо девочки побледнело и осунулось, но, судя по крепким ножкам и ручкам, ей пришлось вытерпеть меньше лишений, чем ее спутнику.

– Тебе больно? – забеспокоился он, глядя, как девочка, запустив пальцы в спутанные золотистые кудряшки, потирает затылок.

– Поцелуй, и все пройдет, – важно сказала она, подставляя ему ушибленное место. – Так всегда делает мама. А где моя мама?

– Она ушла. Думаю, ты скоро ее увидишь.

– Ушла? – переспросила девочка. – Как же это она не сказала «до свиданья»? Она всегда прощалась, даже когда уходила к тете пить чай, а теперь ее нет целых три дня. Ужасно пить хочется, правда? Нет ли здесь воды или чего-нибудь поесть?

– Ничего тут нет, дорогая. Потерпи немножко, и все будет хорошо. Положи сюда голову, тебе станет лучше. Нелегко говорить, когда губы сухие, как бумага, но уж лучше я тебе скажу все, как есть. Что это у тебя?

– Смотри, какие красивые! Какие чудесные! – восторженно сказала девочка, подняв два блестящих кусочка слюды. – Когда вернемся домой, я подарю их братцу Бобу.

– Скоро ты увидишь много вещей куда красивее этих, – твердо ответил ее спутник… – Ты только немножко потерпи. Вот что я хотел тебе сказать: ты помнишь, как мы ушли с реки?

– Помню.

– Понимаешь, мы думали, что скоро придем к другой реке. Не знаю, что нас подвело – компас ли, карта или что другое, только мы сбились с дороги. Вода наша вся вышла, сберегли мы каплю для вас, детишек, и… и…

– И тебе нечем было умыться? – серьезным тоном перебила девочка, глядя в его грустное лицо.

– Да, и попить было нечего. Ну вот, сначала умер мистер Бендер, потом индеец Пит, а за ним миссис Мак-Грегор, Джонни Хоунс и, наконец, твоя мама.

– Мама тоже умерла! – воскликнула девочка и, уткнув лицо в передничек, горько заплакала.

– Да, малышка, все умерли, кроме нас с тобой. Тогда я решил поглядеть, нет ли воды в этой стороне, взвалил тебя на плечи, и мы двинулись дальше. А тут оказалось еще хуже. И нам теперь и вовсе не на что надеяться.

– Значит, мы тоже умрем? – спросила девочка, подняв залитое слезами лицо.

– Да, видно, дело к тому идет.

– Что же ты мне раньше не сказал? – обрадовалась она. – Я так испугалась! Но когда мы умрем, мы же пойдем к маме!

– Ты-то, конечно, пойдешь, милая.

– И ты тоже. Я расскажу маме, какой ты добрый. Наверное, она встретит нас на небе в дверях с кувшином воды и с целой грудой гречишных лепешек, горяченьких и поджаристых, – мы с Бобом так их любили! А долго еще ждать, пока мы умрем?

– Не знаю, должно быть, недолго. – Он не отрываясь смотрел на север, где на самом краю голубого небосвода показались три темные точки. С каждой секундой они становились все больше и все ближе и вскоре превратились в трех крупных коричневых птиц, которые медленно покружили над головами путников и уселись на скале чуть выше их. Это были сарычи, хищники западных равнин, их появление предвещало смерть.

– Курочки, курочки! – радостно воскликнула девочка, указывая на зловещих птиц, и захлопала в ладошки, чтобы они снова взлетели. – Послушай, а это место тоже создал Бог?

Неожиданный вопрос вывел его из задумчивости.

– Конечно!

– Он создал Иллинойс, и Миссури тоже он создал, – продолжала девочка. – А это место, наверное, создал кто-то другой и забыл про деревья и воду. Тут не так хорошо, как там.

– Может, помолимся? – неуверенно предложил ее спутник.

– Но мы же еще не ложимся спать, – возразила девочка.

– Это ничего. Конечно, еще не время для молитвы, но Бог не обидится, ручаюсь тебе. Прочти те молитвы, что ты всегда читала на ночь в повозке, когда мы ехали по долинам.

Девочка удивленно раскрыла глаза.

– А почему ты сам не хочешь?

– Я их позабыл, – сказал он. – Я не молился с тех пор, как был чуть побольше, чем ты. Молись, а я буду повторять за тобой.

– Тогда ты должен стать на колени, и я тоже стану, – сказала девочка, расстилая на земле шаль. – Сложи руки вот так, и тебе сразу станет хорошо.

Это было странное зрелище, которого, впрочем, не видел никто, кроме сарычей. На расстеленной шали бок о бок стояли на коленях двое путников: щебечущий ребенок и отчаянный, закаленный жизнью бродяга. Его изможденное, костлявое лицо и круглая мордашка девочки были запрокинуты вверх; глядя в безоблачное небо, оба горячо молились

страшному божеству, с которым они остались один на один. Два голоса – тоненький, звонкий и низкий и хриплый – молили его о милости и прощении. Помолившись, они сели в тени возле валуна; девочка вскоре уснула, прикорнув на широкой груди своего покровителя. Он долго сторожил ее сон, но мало-помалу усталость взяла свое. Три дня и три ночи он не смыкал глаз и не давал себе отдыха. Его отяжелевшие веки постепенно опускались, а голова все ниже и ниже клонилась на грудь, пока его поседевшая борода не коснулась золотистых локонов девочки. Оба спали крепким, тяжелым сном без сновидений.

Если бы путнику удалось побороть сонливость, то через полчаса его глазам представилась бы странная картина. Далеко, на самом краю соляной равнины, показалось крошечное облачко пыли; поначалу еле заметное, сливающееся с дымкой на горизонте, оно постепенно разрасталось вверх и вширь, пока не превратилось в плотную тучу. Она увеличивалась все больше, и наконец стало ясно, что эта пыль поднята множеством движущихся живых существ. Будь эти места более плодородны, можно было бы подумать, что это бизоны, которые огромными стадами пасутся в прериях. Но здесь, в мертвой пустыне, вряд ли водились бизоны. Облако медленно приближалось к одинокой скале, где спали двое несчастных. Сквозь дымку пыли показались парусиновые крыши повозок и силуэты вооруженных всадников – загадочное явление оказалось двигавшимся с запада караваном. Но каким караваном! Когда головная его часть приблизилась к скале, на горизонте еще не было видно конца. Пересекая огромную равнину, тянулись нестройными вереницами телеги, крытые повозки, всадники, пешие, множество женщин, сгибавшихся под ношей; были здесь и дети, семенившие возле повозок или выглядывавшие из-под белых парусиновых крыш. Очевидно, это была не просто партия переселенцев, а целое кочевое племя, которое какие-то обстоятельства вынудили искать себе нового пристанища. В ясном воздухе над этим громадным скопищем людей плыл разноголосый гул, смешанный с топотом, ржанием лошадей и скрипом колес. Но как ни громок был этот шум, он не разбудил обессиленных путников, спавших на скале.

Во главе колонны ехало несколько всадников в темной домотканой одежде и с ружьями за спиной. Лица их были неподвижны и суровы. У подножия скалы они остановились и стали совещаться.

– Родники направо, братья, – сказал всадник с гладко выбритым лицом, жестким складом рта и сильной проседью в волосах.

– Направо от Сьерра-Бланка, стало быть, мы выедем к Рио-Гранде, – отозвался другой.

– Не бойтесь остаться без воды! – воскликнул третий. – Тот, кто мог высечь воду из скал, не покинет свой избранный народ!

– Аминь! Аминь! – подхватили остальные.

Они собирались двинуться дальше, как вдруг самый молодой и зоркий из них удивленно вскрикнул, указывая на зубчатый утес над ними. Вверху, ярко выделяясь на сером камне, трепетал клочок розовой ткани. Всадники мгновенно сдержали лошадей и перекинули ружья на грудь. Отделившись от колонны, к ним на подмогу галопом поскакала еще группа всадников. У всех на устах было одно слово: «Краснокожие».

– Тут не может быть много индейцев, – сказал седоволосый человек, судя по всему, глава отряда. – Мы миновали племя поуни, а по эту сторону гор других племен нет.

– Брат Стэнджерсон, я пойду вперед и посмотрю, что там такое, – вызвался один из всадников.

– И я! И я! – раздались голоса.

– Оставьте лошадей здесь, мы будем ждать вас внизу, – распорядился старший.

Молодые люди мгновенно спрыгнули с лошадей и, привязав их, начали карабкаться по крутизне вверх, к розовому предмету, разжегшему их любопытство. Они взбирались быстро и бесшумно, с той ловкостью и уверенностью движений, какая бывает только у опытных лазутчиков. Стоявшие внизу следили, как они перепрыгивали с уступа на уступ, пока наконец не увидели их фигуры вверху, на фоне неба. Тот юноша, что первый поднял тревогу, опередил остальных. Люди, шедшие следом, вдруг увидели, как он удивленно вскинул руки, и, догнав его, тоже остановились, пораженные представшим перед ними зрелищем.

На маленькой площадке, венчавшей голую вершину, высился гигантский валун, а возле него лежал крупный, но невероятно исхудалый мужчина с длинной бородой. По безмятежному выражению его изможденного лица и по ровному дыханию было видно, что он крепко спит. Рядом, обхватив его темную жилистую шею круглыми беленькими ручками и положив голову ему на грудь, спала девочка. Ее золотистые волосы рассыпались по вытертому бархату его куртки, розовые губы чуть раздвинулись в счастливой улыбке, показывая ровный ряд белоснежных зубов. Ее пухлые белые ножки в белых носочках и аккуратных туфельках с блестящими пряжками представляли странный контраст с длинными высохшими ногами ее спутника. Над ними, на краю скалы, торжественно и мрачно восседали три сарыча; при появлении пришельцев они с хриплым, сердитым клекотом медленно взмыли вверх.

Крик этих мерзких птиц разбудил спящих; они подняли головы, растерянно озираясь вокруг. Мужчина, шатаясь, встал и поглядел вниз, на равнину, такую пустынную в тот час, когда его сморил сон, а теперь кишевшую множеством людей и животных. Не веря своим глазам, он провел рукой по лицу.

– Вот это, наверное, и есть предсмертный бред, – пробормотал он.

Девочка стояла рядом, держась за полу его куртки, и молча глядела вокруг широко раскрытыми глазами.

Пришельцам быстро удалось убедить несчастных, что их появление не галлюцинация. Один из них поднял девочку и посадил себе на плечо, а двое других, поддерживая изможденного путника, помогли ему спуститься вниз и подойти к каравану.

– Меня зовут Джоном Ферье, – сказал он. – Нас было двадцать два человека, остались в живых только я да эта малютка. Остальные погибли от голода и жажды еще там, на юге.

– Это твоя дочь? – спросил кто-то.

– Теперь моя! – вызывающе сказал путник. – Моя, потому что я ее спас. Никому ее не отдам! С этого дня она – Люси Ферье. Но вы-то кто? – спросил он, с любопытством глядя на своих рослых загорелых спасителей. – Похоже, вас тут целая туча!

– Почти десять тысяч! – ответил один из молодых людей. – Мы божьи чада в изгнании, избранный народ ангела Мерена.

– В первый раз о таком слышу, – сказал путник. – Порядочно же у него избранников, как я погляжу!

– Не смей кощунствовать! – строго прикрикнул его собеседник. – Мы те, кто верит в святые заповеди, начертанные египетскими иероглифами на скрижалях кованого золота, которые были вручены святому Джозефу Смиту в Палмайре. Мы прибыли из Нову в штате Иллинойс, где мы построили свой храм. Мы скрываемся от жестокого тиранства и от безбожников и ищем убежище, пусть даже среди голой пустыни.

Название Нову, видимо, что-то напомнило Джону Ферье.

– А, теперь знаю, – сказал он. – Вы мормоны[18].

– Да, мы мормоны, – в один голос подтвердили незнакомцы.

– Куда же вы направляетесь?

– Мы не знаем. Нас ведет рука Господа в лице нашего Провидца. Сейчас ты предстанешь перед ним. Он скажет, что с тобой делать.

К этому времени они уже спустились к подножию горы; их ждала целая толпа пилигримов – бледные, кроткие женщины, крепенькие, резвые дети

и озабоченные мужчины с суровыми глазами. Увидев, как изможден путник и как мала шедшая с ним девочка, они разразились возгласами удивления и сочувствия. Но сопровождающие, не останавливаясь, вели их дальше, пока не очутились возле повозки, которая была гораздо больше остальных и украшена ярче и изящнее. Ее везла шестерка лошадей, другие же повозки были запряжены парой и лишь немногие – четверкой. Рядом с возницей сидел человек лет тридцати на вид; такая крупная голова и волевое лицо могли быть только у вождя. Он читал толстую книгу в коричневом переплете; когда подошла толпа, он отложил книгу и со вниманием выслушал рассказ о происшедшем. Затем он повернулся к путникам.

– Мы возьмем вас с собой, – торжественно произнес он, – лишь в том случае, если вы примете нашу веру. Мы не потерпим волков в нашем стаде. Если вы окажетесь червоточиной, постепенно разъедающей плод, то пусть лучше ваши кости истлеют в пустыне. Согласны вы идти с нами на этих условиях?

– Да, я пойду с вами на каких угодно условиях! – с такой пылкостью воскликнул Ферье, что суровые старейшины не могли удержаться от улыбки. И только строгое выразительное лицо вождя не изменило прежнего выражения.

– Возьми его к себе, брат Стэнджерсон, – сказал он, – накорми и напои его и ребенка. Поручаю тебе также научить их нашей святой вере. Но мы слишком долго задержались. Вперед, братья! В Сион!

– В Сион! В Сион! – воскликнули стоявшие поблизости мормоны. Этот клич, подхваченный остальными, понесся по длинному каравану и, перейдя в неясный гул, затих где-то в дальнем его конце. Защелкали кнуты, заскрипели колеса, Повозки тронулись с места, и караван снова потянулся через пустыню. Старейшина, попечениям которого Провидец поручил двух путников, отвел их в свой фургон, где их накормили обедом.

– Вы будете жить здесь, – сказал он. – Пройдет несколько дней, и ты совсем окрепнешь. Но не забывай, что отныне и навсегда ты принадлежишь к нашей вере. Так сказал Бригем Янг[19], а его устами говорил Джозеф Смит, то есть глас Божий.

Глава II

Цветок Юты

Здесь, пожалуй, не место вспоминать все бедствия и лишения, которые пришлось вынести беглым мормонам, пока они не нашли свою тихую пристань. С беспримерным в истории упорством они пробирались от берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор. Дикари, хищные звери, голод, жажда, изнеможение и болезни – словом, все препятствия, которые природа ставила на их пути, преодолевались с чисто англосаксонской стойкостью. И все же долгий путь и бесконечные беды расшатали волю даже самых отважных. Когда внизу перед ними открылась залитая солнцем широкая долина Юты, когда они услышали от своего вождя, что это и есть земля обетованная и что эта девственная земля отныне будет принадлежать им навеки, все, как один, упали на колени, в жарких молитвах благодаря Бога.

Янг оказался не только смелым вожаком, но и толковым управителем. Вскоре появились карты местности и чертежи с планировкой будущего города. Вокруг него были разбиты участки для ферм, распределявшиеся соответственно положению каждого. Торговцам предоставили возможность заниматься торговлей, ремесленникам – своим ремеслом. Городские улицы и площади возникали словно по волшебству. В долине осушали болота, ставили изгороди, расчищали поля, сажали, сеяли, и на следующее лето она золотилась зреющей пшеницей. В этом необычном поселении все росло, как на дрожжах. И быстрее всего вырастал огромный храм в центре города; с каждым днем он становился все выше и обширней. С ранней зари до наступления ночи возле этого монумента, воздвигаемого поселенцами тому, кто благополучно провел их через множество опасностей, стучали молотки и визжали пилы.

Два одиноких путника, Джон Ферье и маленькая девочка, делившая его судьбу в качестве приемной дочери, прошли с мормонами до конца их трудных странствий. Маленькая Люси удобно путешествовала в повозке Стэнджерсона, где вместе с нею помещались три жены мормона и его сын, бойкий, своевольный мальчик двенадцати лет. Детская душа обладает упругостью, и Люси быстро оправилась от удара, причиненного смертью матери; вскоре она стала любимицей женщин и привыкла к новой жизни на колесах под парусиновой крышей. А Ферье, окрепнув после невзгод, оказался полезным проводником и неутомимым охотником. Он быстро

завоевал уважение мормонов, и, добравшись наконец до земли обетованной, они единодушно решили, что он заслуживает такого же большого и плодородного участка земли, как и все прочие поселенцы, разумеется, за исключением Янга и четырех главных старейшин – Стэнджерсона, Кемболла, Джонстона и Дреббера, которые были на особом положении.

На своем участке Ферье поставил добротный бревенчатый сруб, а в последующие годы делал к нему пристройки, и в конце концов его жилище превратилось в просторный загородный дом. Ферье обладал практической сметкой, любое дело спорилось в его ловких руках, а железное здоровье позволяло ему трудиться на своей земле от зари до зари, поэтому дела на ферме шли отлично. Через три года он стал зажиточнее всех своих соседей, через шесть лет был состоятельным человеком, через девять – богачом, а через двенадцать лет в Солт-Лейк-Сити не нашлось бы и десяти человек, которые могли бы сравняться с ним. От Солт-Лейк-Сити до далекого хребта Уосатч не было имени известнее, чем имя Джона Ферье.

И только одно-единственное обстоятельство огорчало и обижало его единоверцев. Никакие доводы и уговоры не могли заставить его взять себе, по примеру прочих, несколько жен. Он не объяснял причины отказа, но держался своего решения твердо и непреклонно. Одни обвиняли его в недостаточной приверженности к принятой им вере, другие считали, что он просто скупец и не желает лишних расходов. Некоторые утверждали, что всему причиной старая любовь и что где-то на берегах Атлантического океана по нему тоскует белокурая красавица. Но как бы то ни было, Ферье упорно оставался холостяком. В остальном же он строго следовал вере поселенцев и слыл человеком набожным и честным.

Люси Ферье росла в бревенчатом доме и помогала приемному отцу во всех его делах. Мать и нянек ей заменяли свежий горный воздух и целительный аромат сосен. Время шло, и с каждым годом она становилась все выше и сильнее, все ярче рдел ее румянец, и все более упругой делалась походка. И не в одном путнике, проезжавшем по дороге мимо фермы Ферье, оживали вдруг давно заглохшие чувства при виде стройной девичьей фигурки, мелькавшей на пшеничном поле или сидевшей верхом на отцовском мустанге, которым она правила с легкостью и изяществом настоящей дочери Запада. Бутон превратился в цветок, и в тот год, когда Джон Ферье оказался самым богатым из фермеров, его дочь считалась самой красивой девушкой во всей Юте.

Конечно, не отец был первым, кто заметил превращение ребенка

в женщину. Отцы вообще замечают это редко. Перемена совершается так постепенно и неуловимо, что ее невозможно определить точной датой. Ее не сознает даже сама девушка, пока от звука чьего-то голоса или прикосновения чьей-то руки не затрепещет ее сердце и она вдруг с гордостью и страхом не почувствует, что в ней зреет что-то новое и большое. Редкая женщина не запомнит на всю жизнь тот пустяковый случай, который возвестил ей зарю новой жизни. Для Люси Ферье этот случай был отнюдь не пустяковым, не говоря уже о том, что он повлиял на ее судьбу и судьбы многих других.

Стояло жаркое июньское утро. Мормоны трудились, как пчелы, – недаром они избрали своей эмблемой пчелиный улей. Над полями, над улицами стоял деловитый гул. По пыльным дорогам тянулись длинные вереницы нагруженных тяжелой поклажей мулов – они шли на запад, ибо в Калифорнии вспыхнула золотая лихорадка, а путь по суше проходил через город Избранных. Туда же двигались гурты овец и волов с дальних пастбищ, тянулись караваны усталых переселенцев; нескончаемое путешествие одинаково изматывало и людей и животных.

Сквозь эту пеструю толчею с уверенностью искусного наездника скакала на своем мустанге Люси Ферье. Лицо ее раскраснелось, длинные каштановые волосы развевались за спиной. Отец послал ее в город с каким-то поручением, и, думая лишь о деле и о том, как она его выполнит, девушка с бесстрашием юности врезалась в самую гущу движущейся толпы. Охотники за золотом, обессиленные долгой дорогой, с восторженным изумлением глазели ей вслед. Даже бесстрастным индейцам, обвешанным звериными шкурами, изменила их привычная выдержка, и они восхищенно разглядывали эту бледнолицую красавицу.

У самой окраины города дорогу запрудило огромное стадо скота, с ним еле справлялись пять-шесть озверевших пастухов. Люси, горевшей нетерпением, показалось, что животные расступились, и она решила ехать напрямик сквозь стадо. Но едва она успела въехать в образовавшийся проезд, как ряды животных снова сомкнулись, и она очутилась в живом потоке, со всех сторон окруженная длиннорогими быками с налитыми кровью глазами. Девушка привыкла управляться со скотом и, ничуть не растерявшись, при каждой возможности подгоняла лошадь, надеясь пробиться вперед. К несчастью, один из быков случайно или намеренно боднул мустанга в бок, и тот мгновенно пришел в неистовство. Храпя от ярости, он взвился на дыбы, загарцевал, заметался так, что, будь Люси менее искусной наездницей, он непременно сбросил бы ее с седла. Положение становилось опасным. Каждый раз, опуская передние копыта,

взбешенный мустанг снова натыкался на рога и снова вставал на дыбы, разъяряясь еще больше. Девушка изо всех сил старалась удержаться в седле, иначе ее ждала страшная смерть под копытами грузных, перепуганных быков. Она не знала, что делать; у нее закружилась голова, рука, сжимавшая поводья, ослабела. Задыхаясь от пыли, от запаха разгоряченных животных, она в отчаянии чуть было не выпустила из рук поводья, как вдруг рядом послышался ободряющий голос, и она поняла, что ей пришли на помощь. И тотчас же смуглая мускулистая рука схватила испуганного мустанга за уздечку, и незнакомый всадник, протискиваясь между быков, вскоре вывел его на окраинную улицу.

– Надеюсь, вы не пострадали, мисс? – почтительно обратился к Люси ее спаситель.

Взглянув в его энергичное смуглое лицо, она весело рассмеялась.

– Я ужасно струсила, – наивно сказала она, – вот уж не думала, что мой Пончо испугается стада быков!

– Слава богу, что вы удержались в седле, – серьезно произнес всадник, высокий молодой человек в грубой охотничьей куртке и с длинным ружьем за спиной. Лошадь под ним была крупная, чалой масти. – Вы, должно быть, дочь Джона Ферье? – спросил он. – Я видел, как вы выезжали из ворот его фермы. Когда вы его увидите, спросите, помнит ли он Джефферсона Хоупа из Сент-Луиса. Если он тот самый Ферье, то они с моим отцом были очень дружны.

– Почему же вам не зайти и не спросить об этом самому? – спокойно спросила девушка.

Молодому человеку, очевидно, понравилось это предложение – у него даже заблестели глаза.

– Я бы с удовольствием, – сказал он, – но мы два месяца пробыли в горах, и я не знаю, удобно ли в таком виде делать визиты. Придется принять нас такими, как есть.

– Он примет вас с огромной благодарностью, и я тоже, – ответила Люси. – Он очень любит меня. Если бы меня растоптали эти быки, он горевал бы всю жизнь.

– Я тоже, – сказал молодой охотник.

– Вы? Но вам-то что до меня? Ведь мы с вами даже не друзья.

Смуглое лицо охотника так помрачнело, что Люси Ферье громко рассмеялась.

– О, не принимайте это всерьез, – сказала она. – Конечно, теперь вы наш друг. Приходите к нам непременно! А сейчас я должна торопиться, иначе отец ничего не станет мне поручать! До свиданья!

– До свиданья! – Он снял свое широкое сомбреро и наклонился к ее маленькой ручке. Люси круто повернула мустанга, стегнула его хлыстом и поскакала по широкой дороге, вздымая за собой облако пыли.

Джефферсон Хоуп-младший вернулся к своим спутникам. Он был угрюм и молчалив. Они искали в горах Невады серебро и возвратились в Солт-Лейк-Сити, надеясь собрать денег для разработки открытых ими залежей. Он был увлечен этим делом не меньше остальных, пока внезапное происшествие не отвлекло его мысли совсем в иную сторону.

Образ прелестной девушки, чистой и свежей, как ветерок Сьерры, до глубины всколыхнул его пылкую, необузданную душу. Когда она скрылась из виду, он понял, что отныне для него началась новая жизнь и что ни спекуляции с серебром, ни любые другие дела не могут быть для него важнее, чем это неожиданное и всепоглощающее чувство. Это была не юношеская мимолетная влюбленность, а бурная, неистовая страсть человека с сильной волей и властным характером. Он привык добиваться всего, чего хотел. Он поклялся себе, что добьется и теперь, если только удача зависит от напряжения всех сил и от всей настойчивости, на какую он способен.

В тот же вечер он пришел к Джону Ферье и потом навещал его так часто, что вскоре стал своим человеком в доме. Джон целых двенадцать лет не выезжал за пределы долины и к тому же был настолько поглощен своей фермой, что почти ничего не знал о том, что делается в мире. А Джефферсон Хоуп мог рассказать немало, и рассказчик он был такой, что его заслушивались и отец и дочь. Он был пионером в Калифорнии и знал много диковинных историй о том, как в те безумные и счастливые дни создавались и гибли целые состояния. Он был разведчиком необжитых земель, искал в горах серебряную руду, промышлял охотой и работал на ранчо. Если что-либо сулило рискованные приключения, Джефферсон Хоуп всегда был тут как тут. Вскоре он стал любимцем старого фермера, который не скупился на похвалы его достоинствам. Люси при этом обычно помалкивала, но горячий румянец и радостно блестевшие глаза ясно говорили о том, что ее сердце ей уже не принадлежит. Простодушный фермер, быть может, и не видел этих красноречивых признаков, но они не ускользнули от внимания того, кто завоевал ее любовь.

Однажды летним вечером он подскакал верхом к ферме и спешился у ворот. Люси, стоявшая на пороге дома, пошла ему навстречу. Он привязал лошадь к забору и зашагал по дорожке.

– Я уезжаю, Люси, – сказал он, взяв ее руку в свои и нежно глядя ей в глаза. – Я не прошу вас ехать со мной сейчас, но согласны ли вы уехать

со мной, когда я вернусь?

– А когда вы вернетесь? – засмеялась она, краснея.

– Самое большее месяца через два. Я приеду и увезу вас, дорогая моя. Никто не посмеет стать между нами.

– А что скажет отец?

– Он согласен, если дела на рудниках пойдут хорошо. А я в этом не сомневаюсь.

– Ну, если вы с отцом уже столковались, что же мне остается делать… – прошептала девушка, прижавшись щекой к его широкой груди.

– Благодарю тебя, господи! – хрипло произнес он и, нагнувшись, поцеловал девушку. – Значит, решено! Чем дольше я останусь с тобой, тем труднее будет уехать. Меня ждут в каньоне. До свиданья, радость моя, до свиданья. Увидимся через два месяца.

Он наконец оторвался от нее, вскочил на лошадь и бешеным галопом поскакал прочь – даже не оглянулся, словно боясь, что, если увидит ее хоть раз, у него не хватит силы уехать. Стоя у ворот, Люси глядела ему вслед, пока он не скрылся из виду. Тогда она вошла в дом, чувствуя, что счастливее ее нет никого во всей Юте.

Глава III

Джон Ферье беседует с Провидцем

С тех пор, как Джефферсон Хоуп и его товарищи уехали из Солт-Лейк-Сити, прошло три недели. Сердце Джона Ферье сжималось от тоски при мысли о возвращении молодого человека и о неизбежной разлуке со своей приемной дочерью. Однако сияющее личико девушки действовало на него сильнее любых доводов, и он почти примирился с неизбежностью. В глубине своей мужественной души он твердо решил, что никакая сила не заставит его выдать дочь за мормона. Он считал, что мормонский брак – это стыд и позор. Как бы он ни относился к догмам мормонской веры, в вопросе о браке он был непоколебим. Разумеется, ему приходилось скрывать свои убеждения, ибо в Стране Святых в те времена было опасно высказывать еретические мысли.

Да, опасно, и настолько опасно, что даже самые благочестивые не осмеливались рассуждать о религии иначе, как шепотом, боясь, как бы их слова не были истолкованы превратно и не навлекли бы на них немедленную кару. Жертвы преследования сами стали преследователями и отличались при этом необычайной жестокостью. Ни севильская

инквизиция, ни германский фемгерихт, ни тайные общества в Италии не могли создать более мощной организации, чем та, что темной тенью стлалась по всему штату Юта.

Организация эта была невидима, окутана таинственностью и поэтому казалась вдвое страшнее. Она была всеведущей и всемогущей, но действовала незримо и неслышно. Человек, высказавший хоть малейшее сомнение в непогрешимости мормонской церкви, внезапно исчезал, и никто не ведал, где он и что с ним сталось. Сколько ни ждали его жена и дети, им не суждено было увидеть его и узнать, что он испытал в руках его тайных судей. Неосторожное слово или необдуманный поступок неизбежно вели к уничтожению виновного, но никто не знал, что за страшная сила гнетет их. Не удивительно, что люди жили в непрерывном страхе, и даже посреди пустыни они не смели шептаться о своих тягостных сомнениях.

Поначалу эта страшная темная сила карала только непокорных – тех, кто, приняв веру мормонов, отступался от нее или нарушал ее догмы. Вскоре, однако, ее стали чувствовать на себе все больше и больше людей. У мормонов не хватало взрослых женщин; а без женского населения доктрина о многоженстве теряла всякий смысл. И вот поползли странные слухи – слухи об убийствах среди переселенцев, о разграблении их лагерей, причем в тех краях, где никогда не появлялись индейцы. А в гаремах старейшин появлялись новые женщины – тоскующие, плачущие, с выражением ужаса, застывшим на их лицах. Путники, проезжавшие в горах поздней ночью, рассказывали о шайках вооруженных людей в масках, которые бесшумно прокрадывались мимо них в темноте. Слухи и басни обрастали истинными фактами, подтверждались и подкреплялись новыми свидетельствами, и наконец эта темная сила обрела точное название. И до сих пор еще в отдаленных ранчо Запада слова «союз данитов» или «ангелы-мстители» вызывают чувство суеверного страха.

Но, узнав, что это за организация, люди стали бояться ее не меньше, а больше. Никто не знал, из кого состояла эта беспощадная секта. Имена тех, кто участвовал в кровавых злодеяниях, совершенных якобы во имя религии, сохранялись в глубокой тайне. Друг, которому вы поверяли свои сомнения относительно Провидца и его миссии, мог оказаться одним из тех, которые, жаждая мести, явятся к вам ночью с огнем и мечом. Поэтому каждый боялся своего соседа и никто не высказывал вслух своих сокровенных мыслей.

В одно прекрасное утро Джон Ферье собрался было ехать в поля,

как вдруг услышал стук щеколды. Выглянув в окно, он увидел полного рыжеватого мужчину средних лет, который направлялся к дому. Ферье похолодел: это был не кто иной, как великий Бригем Янг.

Ферье, дрожа, бросился к двери встречать вождя мормонов – он знал, что это появление не сулит ничего хорошего. Янг сухо ответил на приветствия и, сурово сдвинув брови, прошел вслед за ним в гостиную.

– Брат Ферье, – сказал он, усевшись и сверля фермера взглядом из-под светлых ресниц, – мы, истинно верующие, были тебе добрыми друзьями. Мы подобрали тебя в пустыне, где ты умирал от голода, мы разделили с тобой кусок хлеба, мы привезли тебя в Обетованную долину, наделили тебя хорошей землей и, покровительствуя тебе, дали возможность разбогатеть. Разве не так?

– Так, – ответил Джон Ферье.

– И взамен мы потребовали только одного: чтобы ты приобщился к истинной вере и во всем следовал ее законам. Ты обещал, но если то, что говорят о тебе, правда, значит, ты нарушил обещание.

– Как же я его нарушил? – протестующе поднял руки Ферье. – Разве я не вношу свою долю в общий фонд? Разве я не хожу и храм? Разве я…

– Где твои жены? – перебил Янг, оглядываясь вокруг. – Пусть придут, я хочу с ними поздороваться.

– Это верно, я не женат. Но женщин мало, и многие среди нас нуждаются в них больше, чем я. Я все-таки не одинок – обо мне заботится моя дочь.

– Вот о дочери я и хочу поговорить с тобой, – сказал вождь мормонов. – Она уже взрослая и слывет цветком Юты; она пришлась по сердцу некоторым достойнейшим людям.

Джон Ферье насторожился.

– О ней болтают такое, чему я не склонен верить. Ходят слухи, что она обручена с каким-то язычником. Это, конечно, пустые сплетни. Что сказано в тринадцатой заповеди святого Джозефа Смита? «Каждая девица, исповедующая истинную веру, должна быть женой одного из избранных; если же она станет женой иноверца, то совершит тяжкий грех». Я не могу поверить, чтобы ты, истинно верующий, позволил своей дочери нарушить святую заповедь.

Джон Ферье молчал, нервно теребя свой хлыст.

– Вот это будет испытанием твоей веры – так решено на Священном Совете Четырех. Девушка молода, мы не хотим выдавать ее за седого старика и не станем лишать ее права выбора. У нас, старейшин, достаточно своих телок[20], но мы должны дать жен нашим сыновьям. У Стэнджерсона

есть сын, у Дреббера тоже, и каждый из них с радостью примет в дом твою дочь. Пусть она выберет одного из двух. Оба молоды, богаты и исповедуют нашу святую веру. Что ты на это скажешь?

Ферье, сдвинув брови, молчал.

– Дайте нам время подумать, – сказал он наконец. – Моя дочь еще очень молода, ей рано выходить замуж.

– Она должна сделать свой выбор за месяц, – ответил Янг, подымаясь с места. – Ровно через месяц она обязана дать ответ.

В дверях он обернулся; лицо его вдруг налилось кровью, глаза злобно сверкнули.

– Если ты, Джон Ферье, – почти закричал он, – вздумаешь о своими слабыми силенками противиться приказу Четырех, то ты пожалеешь, что твои и ее кости не истлели тогда на Сьерра-Бланка!

Погрозив ему кулаком, он вышел за дверь. Ферье молча слушал, как хрустит галька на дорожке под его тяжелыми сапогами.

Он сидел, упершись локтем в колено, и раздумывал, как сообщить обо всем этом дочери, но вдруг почувствовал ласковое прикосновение руки и, подняв голову, увидел, что Люси стоит рядом.

– Я не виновата, – сказала она, отвечая на его недоуменный взгляд. – Его голос гремел по всему дому. Ах, отец, отец, что нам теперь делать?

– Ты только не бойся! – Он притянул девушку к себе и ласково провел широкой грубой ладонью по ее каштановым волосам. – Все уладится. Как тебе кажется, ты еще не начала остывать к этому малому?

В ответ послышалось горькое всхлипывание, и ее рука стиснула руку отца.

– Значит, нет. Ну и слава богу – не хотел бы я услышать, что ты его разлюбила. Он славный мальчик и настоящий христианин к тому же, не то, что здешние святоши, несмотря на все их молитвы и проповеди. Завтра в Неваду едут старатели – я уж как-нибудь дам ему знать, что с нами приключилось. И насколько я понимаю, он примчится сюда быстрее, чем телеграфная депеша!

Это сравнение рассмешило Люси, и она улыбнулась сквозь слезы.

– Он приедет и посоветует, как нам быть, – сказала она. – Но мне страшно за тебя, дорогой. Говорят… говорят, что с теми, кто идет наперекор Провидцу, всегда случается что-то ужасное…

– Но мы еще не идем ему наперекор, – возразил отец. – А дальше видно будет, еще успеем поостеречься. У нас впереди целый месяц, а потом, мне думается, нам лучше всего бежать из Юты.

– Бросить Юту!

– Да, примерно так.

– А наша ферма?

– Постараемся продать, что можно, выручим немного денег, а остальное – что ж, пусть пропадает. По правде говоря, Люси, я уже не раз подумывал об этом. Ни перед кем я не могу пресмыкаться, как здешний народ пресмыкается перед этим чертовым Провидцем. Я свободный американец, и все это не по мне. А переделывать себя уже поздно. Если он вздумает шататься вокруг нашей фермы, то, чего доброго, навстречу ему вылетит хороший заряд дроби!

– Но они нас не выпустят!

– Погоди, пусть приедет Джефферсон, и мы все устроим. А пока ни о чем не беспокойся, девочка, и не плачь, а то у тебя опухнут глазки, и мне от него здорово попадет! Бояться нечего, и никакая опасность нам не грозит.

Джон Ферье успокаивал ее весьма уверенным тоном, но Люси не могла не заметить, что в этот вечер он с особой тщательностью запер все двери, а потом вычистил и зарядил старое, заржавленное охотничье ружье, которое висело у него над кроватью.

Глава IV

Побег

На следующее утро после разговора с мормонским Провидцем Джон Ферье отправился в Солт-Лейк-Сити и, найдя знакомого, который уезжал в горы Невады, вручил ему письмо для Джефферсона Хоупа. Он написал, что им угрожает неминуемая опасность и что крайне необходимо, чтобы он приехал поскорее. Когда Ферье отдал письмо, на душе у него стало легче, и, возвращаясь домой, он даже повеселел.

Подойдя к ферме, он удивился, увидев, что к столбам ворот привязаны две лошади. Удивление его возросло, когда он вошел в дом: в гостиной весьма непринужденно расположились двое молодых людей. Один, длиннолицый и бледный, развалился в кресле-качалке, положив ноги на печь; второй, с бычьей шеей и грубым одутловатым лицом, стоял у окна, заложив руки в карманы, и насвистывал церковный гимн. Оба кивнули вошедшему Ферье.

– Вы, вероятно, нас не знаете, – начал тот, что сидел в кресле-качалке. – Это сын старейшины Дреббера, а я Джозеф Стэнджерсон, который странствовал с вами в пустыне, когда господь простер свою руку и направил вас в лоно истинной церкви.

– Как направит он всех людей на свете, когда придет время, – гнусавым голосом подхватил второй, – У бога для праведных места много.

Джон Ферье холодно поклонился. Он догадался, кто они, эти гости.

– Мы пришли, – продолжал Стэнджерсон, – просить руки вашей дочери для того из нас, кто полюбится вам и ей. Правда, поскольку у меня всего четыре жены, а у брата Дреббера – семь, то у меня есть некоторое преимущество.

– Ничего подобного, брат Стэнджерсон! – воскликнул Дреббер. – Дело вовсе не в том, сколько у кого жен, – главное, кто сможет их содержать. Мне отец передал свои фабрики, стало быть, я теперь богаче тебя.

– Зато виды на будущее у меня лучше! – запальчиво возразил Стэнджерсон. – Когда Господь призовет к себе моего отца, мне достанется его кожевенный завод и дубильня. Кроме того, я старше тебя и выше по положению!

– Пусть девушка выберет сама, – усмехнулся Дреббер, любуясь своим отражением в зеркале. – Мы предоставим решать ей.

Джон Ферье слушал этот разговор у двери, кипя от злости и еле

сдерживая желание обломать свой хлыст о спины гостей.

– Ну, вот что, – сказал он, шагнув вперед. – Когда моя дочь вас позовет, тогда и придете, а до тех пор я не желаю видеть ваши физиономии!

Молодые мормоны остолбенело воззрились на хозяина. По их понятиям, спор из-за девушки был высочайшей честью и для нее, и для ее отца.

– Из этой комнаты два выхода, – продолжал Ферье, – через дверь и через окно. Который вы предпочитаете?

Ярость, исказившая его лицо, и угрожающе поднятый кулак заставили гостей вскочить на ноги и поспешно обратиться в бегство. Старый фермер шел за ними до дверей.

– Когда договоритесь, кто из вас жених, дайте мне знать, – с издевкой сказал он.

– Ты за это поплатишься! – выкрикнул Стэнджерсон, побелев от злости. – Ты ослушался Провидца и Совет Четырех и будешь раскаиваться в этом до конца своих дней!

– Тяжело тебя покарает десница божья! – воскликнул Дреббер-младший. – Мы сотрем тебя с лица земли!

– Еще посмотрим, кто кого, – взревел Ферье и бросился было за ружьем, но Люси удержала его, схватив за руку.

А за воротами уже слышался стук копыт, и Ферье понял, что их теперь не догнать.

– Ах, подлые ханжи! – бранился фермер, отирая со лба пот. – Да лучше мне видеть тебя мертвой, чем женой кого-нибудь из них!

– Я тоже предпочла бы умереть, отец, – твердо сказала девушка. – Но ведь скоро приедет Джефферсон.

– Да. Теперь уже скоро. И чем скорее, тем лучше: от них всего можно ожидать.

И в самом деле, мужественный старый фермер и его приемная дочь сейчас отчаянно нуждались в совете и помощи. Среди мормонов еще не было случая, чтобы кто-нибудь оказывал открытое неповиновение старейшинам. Если даже мелкие проступки карались столь сурово, чего же мог ждать такой бунтарь, как Ферье? Он знал, что ни положение, ни богатство его не спасут. Люди не менее известные и состоятельные, чем он, внезапно исчезали навсегда, а все их имущество переходило к церкви. Ферье был далеко не труслив, и все же он трепетал, думая о нависшей над ним таинственной, неосязаемой угрозе. Любую явную опасность он встретил бы, не теряя присутствия духа, но его страшила неизвестность. Он скрывал этот страх от дочери и делал вид, будто все

происшедшее – сущие пустяки, но любовь к отцу сделала ее прозорливой, и она подмечала все оттенки его настроения и ясно видела, что ему сильно не по себе.

Он ждал, что Янг возмутится его поведением и призовет его к ответу, и не ошибся, хотя это случилось совершенно неожиданным образом. На следующее же утро он, проснувшись, с изумлением обнаружил маленький квадратный листок бумаги, пришпиленный к одеялу прямо у него на груди. Крупным размашистым почерком на нем было написано:

«На искупление вины тебе дается двадцать девять дней, а потом – «.

Тире было страшнее всяких угроз. Ферье тщетно ломал голову, стараясь догадаться, как могла эта бумажка попасть к нему в комнату. Слуги спали в отдельном флигеле, а все окна и двери дома были накрепко заперты. Он уничтожил бумажку и ничего не сказал дочери, но сердце его холодело от ужаса. Двадцать девять дней оставалось до конца месяца, то есть срока, назначенного Янгом. Какое же мужество, какие силы нужны для борьбы с врагом, обладающим такой таинственной властью? Рука, приколовшая к его одеялу записку, могла нанести ему удар в сердце, и он так и не узнал бы, кто его убийца.

На другое утро ему стало еще страшнее. Сидя с ним за завтраком, Люси вдруг удивленно вскрикнула и показала на потолок. Там, на самой середине, было выведено – очевидно, обугленной палкой – число 28. Для Люси это было загадкой, а Ферье не стал ей ничего объяснять. Всю эту ночь он просидел с ружьем в руках, не смыкая глаз и навострив слух. Он ничего не увидел и не услышал, но утром снаружи на двери появилось число 27.

Так проходил день за днем, и каждое утро он неизменно убеждался, что незримые враги ведут точный счет и где-нибудь на виду обязательно оставляют напоминание о том, сколько дней осталось до конца назначенного срока. Иногда роковые цифры появлялись на стенах, иногда – на полу, а то и на листках бумаги, приклеенных к садовой калитке или к доскам забора. При всей своей бдительности Джон Ферье так и не мог обнаружить, каким образом появлялись эти ежедневные предупреждения. Каждый раз при виде цифр его охватывал почти суеверный ужас. Он потерял покой, исхудал, и в глазах его стоял тоскливый страх, как у затравленного зверя. Его поддерживала лишь единственная надежда на то, что вот-вот из Невады примчится молодой охотник.

Число двадцать постепенно сократилось до пятнадцати, пятнадцать до десяти, а от Джефферсона Хоупа все не было никаких вестей.

Количество оставшихся дней таяло, но Хоуп не появлялся. Услышав на улице стук конских копыт или окрик возчика, погонявшего лошадей, старый фермер бросался к воротам, надеясь, что наконец-то пришла помощь. Но когда цифра «пять» сменилась четверкой, а четверка – тройкой, он совсем пал духом и перестал надеяться на спасение. Он понимал, что один, да еще плохо зная окружающие горы, он будет совершенно беспомощен. Все проезжие дороги тщательно охранялись, и никто не мог выехать без пропуска, выданного Советом Четырех. Куда ни поверни, нигде не скрыться от нависшей над ним смертельной опасности. И все-таки ничто не могло поколебать его решения скорее расстаться с жизнью, чем обречь свою дочь на позор и бесчестие.

Однажды вечером он сидел один, уйдя в мысли о своей беде и тщетно стараясь найти какой-нибудь выход. Утром на стене дома появилась цифра 2; завтра – последний день назначенного срока. И что будет потом? Воображение смутно рисовало ему всякие ужасы. А дочь – что будет с ней, когда его не станет? Неужели нет способа вырваться из этой паутины, плотно облепившей их обоих? Он уронил голову на стол и заплакал от сознания своего бессилия.

Но что это? До него донесся легкий скребущий звук, отчетливо слышный в ночной тишине. Звук этот шел от входной двери. Ферье прокрался в прихожую и напряженно прислушался. Несколько секунд полной тишины, затем снова тот же чуть слышный и словно бы вкрадчивый звук. Очевидно, кто-то тихонько постукивал пальцем по дверной филенке. Быть может, ночной убийца, явившийся привести в исполнение приговор тайного судилища? Или это напоминание о том, что наступил последний день отпущенного ему срока? Джон Ферье решил, что мгновенная смерть лучше мучительного ожидания, которое истерзало его сердце и заставляло трепетать каждый нерв. Бросившись вперед, он выдернул засов и распахнул дверь.

Снаружи было тихо и спокойно. Стояла ясная ночь, в небе ярко переливались звезды. Фермер оглядел маленький, огороженный решеткой садик перед домом – ни там, ни на улице не было ни души. Облегченно вздохнув, Ферье посмотрел направо и налево и вдруг, случайно опустив глаза, увидел прямо у своих ног ничком распростертого на земле человека.

Ферье в ужасе отпрянул к стене и схватился за горло, чтобы подавить крик. Первой его мыслью было, что человек на земле ранен или мертв; но тот вдруг быстро и бесшумно, как змея, пополз по земле прямо в дом. Очутившись в прихожей, человек вскочил на ноги и запер дверь. Затем обернулся – и изумленный фермер узнал жесткое и решительное лицо

Джефферсона Хоупа.

– Господи! – задыхаясь, произнес Джон Ферье. – Как ты меня напугал! Почему ты явился ползком?

– Дайте мне поесть, – прохрипел Хоуп. – Двое суток у меня не было во рту ни крошки. – Он набросился на холодное мясо и хлеб, оставшиеся на столе после ужина, и жадно поглощал кусок за куском.

– Как Люси? – спросил он, утолив голод.

– Ничего. Она не знает, в какой мы опасности, – ответил Ферье.

– Это хорошо. За домом следят со всех сторон. Вот почему мне пришлось ползти. Но как они ни хитры, а охотника из Уошоу им не поймать!

Почувствовав, что теперь у него есть преданный союзник, Джон Ферье словно переродился. Он схватил загрубевшую руку Хоупа и крепко стиснул.

– Таким, как ты, можно гордиться, – сказал он. – Не многие бы рискнули разделить с нами такую беду!

– Что верно, то верно, – ответил молодой охотник. – Я очень вас уважаю, но, по чести сказать, будь вы один, я бы еще дважды подумал, прежде чем совать голову в это осиное гнездо. Я приехал из-за Люси, и пока Джефферсон Хоуп ходит по земле, с ней ничего не случится!

– Что же мы будем делать?

– Завтра – последний день, и если сегодня не скрыться, вы погибли. В Орлином ущелье нас ждут две лошади и мул. Сколько у вас денег?

– Две тысячи долларов золотом и пять тысяч банкнотами.

– Достаточно. У меня примерно столько же. Надо пробраться через горы в Карсон-Сити. Разбудите Люси. Хорошо, что слуги спят не в доме.

Пока Ферье помогал дочери собираться в путешествие, Джефферсон Хоуп собрал в узелок все съестное, что нашлось в доме, и наполнил глиняный кувшин водой – он знал по опыту, что в горах источников мало, к тому же они находятся далеко один от другого. Едва он закончил сборы, как явился фермер с дочерью, уже одетой и готовой отправиться в путь. Влюбленные поздоровались пылко, но торопливо: сейчас нельзя было терять ни минуты, а дел предстояло еще много.

– Мы должны выйти немедленно, – сказал Джефферсон Хоуп тихо и твердо, как человек, сознающий, насколько велика опасность, но решивший не сдаваться. – За передним и черным ходом следят, но мы можем осторожно вылезти в боковое окно и пойти полями. Выйдем к дороге, а оттуда всего две мили до Орлиного ущелья, где нас ждут лошади. К рассвету мы проедем половину пути через горы.

– А что, если нас задержат? – спросил Ферье.

Джефферсон похлопал по рукоятке револьвера, торчащей из-под его куртки.

– Если их будет слишком много, то двух-трех мы возьмем с собой, – мрачно усмехнулся он.

В доме потушили свет, и Ферье из темного окна поглядел на свои поля, которые он покидал навсегда. Он давно уже приучал себя к мысли о том, что эта жертва неизбежна: честь и счастье дочери были для него дороже утраченного состояния. Вокруг стояла безмятежная тишь, чуть слышно шелестели деревья, широкие поля дышали покоем, и было трудно представить себе, что где-то там притаилась смерть. Однако, судя по бледности и суровому выражению лица молодого охотника, пробираясь к дому, он видел достаточно и был осторожным не зря.

Ферье взял мешок с деньгами, Джефферсон Хоуп – скудный запас еды и воду, а Люси – маленький сверток с несколькими дорогими ее сердцу вещицами. Очень медленно и осторожно открыв окно, они подождали, пока черная туча не наползла на небо, закрыв собою звезды, и тогда один за другим спустились в маленький садик. Пригнувшись и затаив дыхание, они прокрались к забору и бесшумно двинулись вдоль него к пролому, выходившему в пшеничное поле. Внезапно молодой человек толкнул своих спутников в тень, и все трое, дрожа, приникли к земле.

Жизнь в прериях развила у Джефферсона Хоупа острый, рысий слух. Едва он и его друзья успели растянуться на земле, как в нескольких шагах раздался заунывный крик горной совы; в ответ послышался такой же крик где-то неподалеку. И тотчас же в проломе, куда стремились беглецы, возникла неясная темная фигура; опять тот же жалобный условный крик – и из темноты выступил второй человек.

– Завтра в полночь, – произнес первый, по-видимому, начальник. – Когда трижды прокричит козодой.

– Хорошо, – ответил второй. – Сказать брату Дребберу?

– Скажи ему, а он пусть передаст другим. Девять к семи!

– Семь к пяти! – сказал второй, и они разошлись в разные стороны. Последние слова, очевидно, были паролем и отзывом. Когда шаги их затихли вдали, Джефферсон вскочил на ноги, помог своим спутникам пройти через пролом и побежал по полю, поддерживая девушку и почти неся ее на руках, когда она выбивалась из сил.

– Скорей, скорей! – то и дело шептал он, задыхаясь. – Мы прошли линию часовых. Теперь все зависит от быстроты. Скорей!

Попав наконец на дорогу, где идти было легче, беглецы зашагали

быстрее. Лишь однажды им кто-то попался навстречу, но им удалось вовремя броситься в поле, и они остались незамеченными. Не доходя до города, охотник свернул на узкую каменистую тропу, ведшую в горы. В темноте над ними маячили две черные зубчатые вершины, разделенные узким ущельем, – это и было Орлиное ущелье, где беглецов ждали лошади. С безошибочным чутьем Джефферсон Хоуп провел своих спутников между огромных валунов и затем по высохшему руслу потока к укромному месту среди скал, где были привязаны верные животные. Девушку усадили на мула, старый Ферье со своим мешком сел на одну из лошадей, другую же Джефферсон Хоуп, взяв под уздцы, повел по крутой обрывистой тропе.

Это был трудный путь для тех, кто не привык к природе в самом первобытном ее состоянии. С одной стороны на тысячу футов вверх вздымалась огромная скала, черная, суровая и грозная, с длинными базальтовыми столбами вдоль отвесной стены, похожими на ребра окаменевшего чудовища. С другой стороны – обрыв и дикий хаос внизу, нагромождение каменных глыб и обломков, по которым ни пройти, ни проехать. А посредине беспорядочно петляла тропа, местами такая узкая, что ехать по ней можно было лишь гуськом; и такая скалистая, что одолеть ее мог только опытный наездник. И все же, несмотря на трудности и опасности, беглецы воспрянули духом, ибо с каждым шагом увеличивалось расстояние между ними и той страшной деспотической силой, от которой они пытались спастись.

Однако вскоре им пришлось убедиться, что они еще не совсем ушли из-под власти святых. Они доехали до самого глухого места на всем пути, как вдруг девушка испуганно вскрикнула и указала наверх. Там, над самой тропинкой, на темной скале четко выделялся на фоне неба силуэт одинокого часового. И в ту же минуту часовой заметил их, и над безмолвным ущельем прогремел окрик: «Кто идет?»

– Путники в Неваду, – отозвался Джефферсон Хоуп, хватаясь за ружье, лежавшее поперек седла.

Часовой, взведя курок, вглядывался в них сверху, видимо, не удовлетворенный ответом Хоупа.

– Кто дал разрешение? – спросил он.

– Священный Совет Четырех, – сказал Ферье. Живя среди мормонов, он знал, что Совет Четырех представляет собою высшую власть.

– Девять к семи! – крикнул часовой.

– Семь к пяти, – быстро ответил Джефферсон Хоуп, вспомнив подслушанный в саду пароль.

– Проезжайте с богом, – сказал голос сверху.

За сторожевым постом дорога стала шире, и лошади перешли на рысь. Оглянувшись, путники увидели одинокого человека, который стоял, опершись на ружье, и поняли, что благополучно миновали границу страны избранного народа. Впереди их ждала свобода!

Глава V

Ангелы-мстители

Всю ночь они ехали по извилистым ущельям, по петляющим каменистым тропам. Не раз они сбивались с пути, но Хоуп, отлично знавший горы, снова выводил их на правильную дорогу. Когда рассвело, перед ними открылось зрелище удивительной, хотя и дикой красоты. Со всех сторон их обступали огромные снежные вершины – каждая словно выглядывала из-за плеча другой, чтобы увидеть дальние горизонты. Их скалистые склоны были так круты, что сосны и лиственницы как бы висели над головами проезжих и, казалось, первый же порыв ветра сбросит их вниз. И, наверное, эти опасения были не напрасны: голая долина была сплошь усеяна деревьями и валунами, рухнувшими сверху. Когда беглецы проезжали долиной, где-то неподалеку сорвался огромный камень и с сиплым грохотом покатился вниз, будя эхо в гулких ущельях и перепугав усталых лошадей, которые вдруг понеслись вскачь.

Над горизонтом медленно вставало солнце, и снежные вершины загорались одна за другой, как фонарики на празднестве, пока все сразу не запылали красным пламенем. Путники невольно залюбовались этим великолепным зрелищем – они даже ощутили прилив новых сил. Сделав привал у ручья, вытекавшего из какого-то ущелья, они наскоро перекусили и напоили лошадей. Люси и ее отец охотно остались бы здесь подольше, но Джефферсон Хоуп был неумолим.

– Они уже пустились в погоню за нами, – сказал он. – Теперь все зависит от быстроты. Доберемся до Карсона – и можем отдыхать хоть всю жизнь.

Весь день они пробирались по ущельям и к вечеру, по их расчетам, были больше чем за тридцать миль от своих врагов. Они нашли себе приют на ночь под выступом скалы, где кое-как можно было укрыться от холодного ветра, и там, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, проспали несколько часов, но еще до рассвета снова пустились в путь. Они не замечали никаких признаков погони, и Джефферсон Хоуп начал уже думать, что им удалось ускользнуть от страшной организации, гнев которой они навлекли на себя. Он не знал, как далеко простирается ее железная рука и как скоро она сожмет их в кулак и раздавит.

В середине второго дня их странствий скудные запасы еды почти истощились. Впрочем, это мало беспокоило охотника: в горах водилась

дичь, а ему и прежде часто приходилось добывать себе пищу с помощью ружья. Найдя укромный уголок, он собрал кучу валежника и разжег яркий костер, чтобы Люси и старый Ферье могли погреться. Они находились на высоте около пяти тысяч футов над уровнем моря, и воздух резко похолодал. Привязав лошадей и кивнув на прощание Люси, он перебросил ружье через плечо и отправился на поиски какой-нибудь дичи. Пройдя немного, он оглянулся: старик и девушка сидели у костра, а за ними неподвижно стояли привязанные лошади. Затем их заслонили собою скалы.

Он прошел мили две, блуждая по ущельям, но ничего не нашел, хотя по ободранной кое-где коре деревьев и по другим приметам он заключил, что где-то поблизости обитает множество медведей. Потратив на тщетные поиски часа два-три, он вконец отчаялся и хотел было повернуть обратно, как вдруг, подняв глаза, увидел нечто такое, от чего радостно забилось его сердце. На выступе высокой скалы, футах в трехстах – четырехстах над ним стояло животное, с виду похожее на овцу, но с гигантскими рогами. Снежный баран – так называлось это животное – был, вероятно, вожаком стада, которого Хоуп не мог увидеть снизу. К счастью, баран смотрел в другую сторону и не заметил охотника. Джефферсон Хоуп бросился на землю, положил дуло ружья на камень и долго прицеливался, прежде чем спустить курок. Наконец он выстрелил; животное подпрыгнуло, чуть-чуть задержалось на краю выступа и рухнуло вниз в долину.

Снежный баран оказался таким тяжеловесным, что охотник не стал тащить его на себе и отрезал лишь заднюю ногу и часть бока. Взвалив свои трофеи на плечо, он поспешил в обратный путь, так как начинало уже смеркаться. Но не успел он пройти и нескольких шагов, как понял, что, увлекшись поисками, он забрел в незнакомые места и теперь будет не так-то легко отыскать дорогу обратно. Долину окружали ущелья, ничем не отличавшиеся одно от другого. По какому-то из них он прошел около мили и наткнулся на горный поток, который, как он точно помнил, не встречался ему по пути в долину. Убедившись, что он заблудился, охотник попробовал было пойти по другому ущелью – и опять ему пришлось повернуть обратно. Быстро надвигалась ночь и почти уже стемнело, когда он наконец нашел ущелье, которое показалось ему знакомым. Но и тут ему стоило большого труда не сбиться с пути: луна еще не взошла, и среди высоких скал царила полная тьма. Сгибаясь под тяжелой ношей, измученный бесконечными блужданиями, Джефферсон Хоуп брел вперед, подбадривая себя мыслью, что с каждым

шагом он все ближе к Люси и что мяса, которое он несет, хватит им до конца путешествия.

Наконец, он подошел ко входу в то самое ущелье, где оставил Люси и ее отца. Даже в темноте Хоуп узнал очертания скал, окружавших долину. Должно быть, подумал он, о нем уже беспокоятся – ведь он ушел почти пять часов назад. У него стало радостно на душе; он приставил руки ко рту, и гулкое эхо далеко разнесло веселый клич, которым он оповещал о своем возвращении. Он прислушался, ожидая ответа. Ни звука, кроме его собственного голоса, прогремевшего в мрачных безмолвных ущельях и снова и снова повторяемого эхом. Он крикнул еще раз, погромче прежнего, и опять не услышал никакого отклика от друзей, с которыми так недавно расстался. В сердце его закралась неясная, беспричинная тревога; он в смятении ринулся вперед, сбросив с плеч свою ношу.

Обогнув скалу, он увидел площадку, где был разведен костер. Там еще дымилась куча золы, но, очевидно, никто не поддерживал огонь после его ухода. Вокруг царила все та же мертвая тишина. Его смутные опасения превратились в уверенность; он подбежал ближе. Возле тлеющих остатков костра не было ни одного живого существа: девушка, старик, лошади – все исчезли. Было ясно, что в его отсутствие сюда нагрянула страшная беда – беда, которая настигла их всех, не оставив никаких следов.

У Джефферсона Хоупа, потрясенного тяжким ударом, вдруг все поплыло перед глазами, и ему пришлось опереться на ружье, чтобы не упасть. Однако он был человеком действия и быстро преодолел свою слабость. Выхватив из золы тлеющую головешку, он дул, пока она не запылала, и, светя себе этим факелом, принялся осматривать маленький лагерь. Земля была истоптана конскими копытами, значит, на беглецов напал большой отряд всадников, а по направлению следов было видно, что отсюда они повернули обратно, к Солт-Лейк-Сити. Очевидно, они увезли с собой и старика и девушку. Джефферсон Хоуп почти убедил себя, что это так, но вдруг сердце его дрогнуло и нервы напряглись до предела. Чуть поодаль он увидел нечто такое, чего здесь не было прежде, – небольшую кучку красноватой земли. Сомнений быть не могло – это недавно засыпанная могила. Молодой охотник подошел ближе: из земли торчала палка, в ее расщепленный конец был засунут листок бумаги. Джефферсон Хоуп прочел краткую, но исчерпывающую надпись:

Джон Ферье
из Солт-Лейк-Сити
умер 4 августа 1860

Значит, мужественного старого фермера, с которым он расстался так недавно, уже нет в живых и вот это – все, что написали на его могиле! Джефферсон Хоуп дико огляделся вокруг, ища вторую могилу. Второй не оказалось. Люси увезли с собой эти чудовища, она обречена быть одной из жен в гареме сына старейшины. Поняв, что судьба ее решена и что он бессилен помешать мормонам, молодой человек горько пожалел, что не лежит вместе со стариком в этой тихой могиле.

Но деятельная натура снова преодолела апатию, которую порождает отчаяние. Если он не в силах помочь девушке, то по крайней мере может посвятить свою жизнь отмщению. Наряду с безграничным терпением и настойчивостью в характере Джефферсона Хоупа была и мстительность – это, вероятно, передалось ему от индейцев, среди которых он вырос. Стоя у потухшего костра, он чувствовал, что облегчить его горе может только полное возмездие врагам, совершенное его собственной рукой. Отныне его сильная воля и неутомимая энергия будут посвящены только этой единственной цели. Бледный и угрюмый, Джефферсон Хоуп пошел туда, где он бросил мясо убитого барана, потом развел огонь и приготовил себе еду на несколько дней. Он сложил мясо в мешок и, несмотря на усталость, отправился в путь через горы, по следам ангелов-мстителей.

Пять дней, чуть не падая от изнеможения, сбивая до крови ноги, брел он по тем же ущельям, где недавно проезжал верхом. Ночью он забывался на несколько часов где-нибудь на земле среди скал, но еще до рассвета поднимался и снова шагал дальше. На шестой день он дошел до Орлиного ущелья, откуда начался их неудачный побег. Перед ним открылся вид на гнездо мормонов. Джефферсон Хоуп, обессилевший, изможденный, оперся на ружье и яростно погрозил кулаком широко раскинувшемуся внизу безмолвному городу. Он увидел флаги на главных улицах: очевидно, там происходило какое-то торжество. Раздумывая, что бы это могло значить, он услышал топот копыт – к нему приближался какой-то всадник. Хоуп узнал в нем мормона по имени Каупер, которому он не раз оказывал услуги. Он подошел к нему, надеясь выведать что-нибудь о судьбе Люси.

– Я Джефферсон Хоуп, – сказал он. – Вы меня помните?

Мормон уставился на него с нескрываемым изумлением. И в самом деле, трудно было узнать прежнего молодого щеголеватого охотника в этом грязном оборванце с мертвенно-бледным лицом и горящими глазами. Но когда он в конце концов убедился, что перед ним Джефферсон Хоуп, изумление на его лице сменилось ужасом.

– Вы с ума сошли! Зачем вы сюда явились? – воскликнул он. – Если кто

увидит, что я с вами разговариваю, мне несдобровать! Священный Совет Четырех дал приказ арестовать вас за то, что вы помогли сбежать Ферье и его дочери!

– Не боюсь я ни вашего Совета, ни его приказов, – твердо сказал Хоуп. – Вы, должно быть, что-нибудь о них знаете. Заклинаю вас всем, что для вас дорого, ответьте мне на несколько вопросов. Мы же были друзьями. Ради бога, не отказывайте мне в этой просьбе!

– Ну, что вам нужно? – беспокойно озираясь, спросил мормон. – Скорее только. У скал есть уши, а у деревьев – глаза.

– Что с Люси Ферье?

– Ее вчера обвенчали с младшим Дреббером. Эй, эй, да что с вами такое? Вы просто помертвели!

– Пустяки, – побелевшими губами еле выговорил Хоуп и опустился на камень. – Вы говорите, обвенчали?

– Да, вчера. Потому и флаги возле храма вывесили. Младший Дреббер и младший Стэнджерсон все спорили, кому из них она достанется. Оба были в отряде, который помчался в погоню, и Стэнджерсон застрелил ее отца, и это вроде бы давало ему преимущество, но на Совете у Дреббера была сильная поддержка, и Провидец отдал девушку ему. Только, думается мне, ненадолго, вчера по лицу ее было видно, что не жить ей на этом свете. Не женщина стояла под венцом, а привидение. Вы что, уходите?

– Ухожу, – сказал Джефферсон Хоуп, поднимаясь. Его застывшее, суровое лицо, казалось, было высечено из мрамора, и только глаза горели недобрым огнем.

– Куда же вы идете?

– Это неважно, – ответил он и, вскинув ружье на плечо, побрел в ущелье, а оттуда – в самое сердце гор, к логовам хищных зверей. Среди них не было более опасного и свирепого зверя, чем он сам.

Предсказание мормона сбылось. Подействовала на нее ужасная смерть отца или ненавистный насильственный брак, но бедняжка Люси, ни разу не поднявшая глаз, стала чахнуть и через месяц умерла. Вечно пьяный Дреббер, который женился на Люси главным образом из-за состояния Джона Ферье, не слишком скорбел о своей утрате. Ее оплакивали остальные его жены, по обычаю мормонов просидевшие у ее гроба всю ночь накануне погребения. А когда забрезжил рассвет, дверь вдруг распахнулась, и перепуганные, изумленные женщины увидели перед собой косматого одичалого человека в лохмотьях. Не обращая внимания на сбившихся в кучу женщин, он подошел к бездыханному телу, в котором

еще так недавно обитала чистая душа Люси Ферье. Нагнувшись, он благоговейно прижался губами к ее холодному лбу, потом поднял ее руку и снял с пальца обручальное кольцо.

– Она не ляжет в могилу с этим кольцом! – гневно прорычал он и, прежде чем женщины успели поднять тревогу, бросился на лестницу и исчез. Все это было так диковинно и произошло так быстро, что женщины не поверили бы себе и не убедили других, если бы не один неоспоримый факт: маленький золотой ободок, символ брака, исчез с ее пальца.

Несколько месяцев Джефферсон Хоуп бродил по горам, вел странную полузвериную жизнь и лелеял в своем сердце свирепую жажду мести. В городе ходили слухи о таинственном существе, которое обитало в глухих горных ущельях и не раз прокрадывалось к окраинам города. Однажды в окно Стэнджерсона влетела пуля и расплющилась о стену в каком-нибудь футе от его головы. Другой раз возле проходившего под скалой Дреббера пролетел огромный камень, – он избежал ужасной смерти лишь потому, что мгновенно бросился ничком на землю. Оба молодых мормона сразу догадались, кто покушался на их жизнь, и неоднократно устраивали набеги в горы, надеясь поймать или убить своего врага, но все их попытки кончались безуспешно. Тогда они решили из предосторожности не выходить из дома в одиночку, тем более вечером, а возле своих домов поставили караульных. Но постепенно они перестали соблюдать осторожность, ибо враг больше не давал о себе знать, и они надеялись, что время остудило его мстительный пыл.

Это было далеко не так, оно скорее усилило его. Охотник, упрямый и неподатливый по натуре, был так одержим навязчивой мыслью о мести, что не мог уже думать больше ни о чем другом.

Однако он обладал прежде всего практическим умом. Он вскоре понял, что даже его железный организм не выдержит постоянных испытаний, которым он себя подвергал. Жизнь под открытым небом и отсутствие здоровой пищи подорвали его силы. Но если он тут, в горах, околеет как собака, кто же отомстит негодяям? А его, конечно, ждет именно такая смерть, если он будет вести тот же образ жизни. Он знал, что это сыграет на руку его врагам, и поэтому заставил себя вернуться в Неваду, на свои рудники, чтобы восстановить здоровье и накопить денег, а потом снова добиваться своей цели, не терпя особых лишений.

Он намеревался прожить в Неваде не больше года, но всякие непредвиденные обстоятельства задержали его на пять лет. Несмотря на долгий срок, он так же остро чувствовал свое горе и так же жаждал

мести, как в ту памятную ночь, когда он стоял у могилы Джона Ферье. Он вернулся в Солт-Лейк-Сити, изменив свой облик и назвавшись другим именем. Его ничуть не заботила собственная участь – лишь бы удалось свершить справедливое возмездие. В городе его ждали плохие вести. Несколько месяцев назад среди избранного народа произошел раскол: младшие члены церкви взбунтовались против власти старейшин. В результате некоторая часть недовольных отказалась от мормонской веры и покинула Юту. Среди них были Дреббер и Стэнджерсон; куда они уехали, никто не знал. Говорили, будто Дребберу удалось выручить за свое имущество немалые деньги и он уехал богачом, а его товарищ Стэнджерсон был сравнительно беден. Однако никто не мог подсказать, где их следует разыскивать.

Многие даже самые мстительные люди, столкнувшись с таким препятствием, перестали бы и думать о возмездии, но Джефферсон Хоуп не колебался ни минуты. Денег у него было немного, но он, хватаясь за любую возможность подработать и кое-как сводя концы с концами, ездил из города в город, разыскивая своих врагов. Год проходил за годом, черные волосы Хоупа засеребрились сединой, а он, как ищейка, все рыскал по городам, сосредоточившись на той единственной цели, которой посвятил свою жизнь. И наконец его упорство было вознаграждено. Проходя по улице, он бросил всего лишь один взгляд на мелькнувшее в окне лицо, но этого было достаточно: теперь он знал, что люди, за которыми он гонится столько лет, находятся здесь, в Кливленде, штат Огайо. Он вернулся в свое жалкое жилище с готовым планом мести. Случилось, однако, так, что Дреббер, выглянувший в окно, заметил бродягу на улице и прочел в его глазах свой смертный приговор. Вместе со Стэнджерсоном, который стал его личным секретарем, он кинулся к мировому судье и заявил, что их из ревности преследует старый соперник и им угрожает опасность. В тот же вечер Джефферсон Хоуп был арестован, и так как не нашлось никого, кто бы взял его на поруки, то он просидел в тюрьме несколько недель. Выйдя на свободу, Хоуп обнаружил, что дом Дреббера пуст: он со своим секретарем уехал в Европу.

Мститель снова потерял их следы, и снова ненависть заставила его продолжать погоню. Но для этого необходимы были деньги, и он опять стал работать, стараясь сберечь каждый доллар для предстоящей поездки. Наконец, скопив достаточно, чтобы не умереть с голода, он уехал в Европу и опять начал скитаться по городам, не гнушаясь никакой работой и выслеживая своих врагов. Догнать их, однако, не удавалось. Когда он добрался до Петербурга, Дреббер и Стэнджерсон уже уехали в Париж;

он поспешил туда и узнал, что они только что отбыли в Копенгаген. В столицу Дании он тоже опоздал – они отправились в Лондон, где наконец-то он и застиг их.

О том, что там произошло, лучше всего узнать из показаний старого охотника, записанных в дневнике доктора Уотсона, которому мы и так уже многим обязаны.

Глава VI

Продолжение записок доктора Джона Уотсона

По-видимому, яростное сопротивление нашего пленника вовсе не означало, что он пылает ненавистью к нам, ибо, поняв бесполезность борьбы, он неожиданно улыбнулся и выразил надежду, что никого не зашиб во время этой свалки.

– Вы, наверное, повезете меня в участок, – обратился он к Шерлоку Холмсу. – Мой кэб стоит внизу. Если вы развяжете мне ноги, я сойду сам. А то нести меня будет не так-то легко: я потяжелел с прежних времен.

Грегсон и Лестрейд переглянулись, очевидно, считая, что это довольно рискованно, но Шерлок Холмс, поверив пленнику на слово, тотчас же развязал полотенце, которым были скручены его щиколотки. Тот встал и прошелся по комнате, чтобы размять ноги. Помню, глядя на него, я подумал, что не часто можно увидеть человека столь могучего сложения; выражение решимости и энергии на его смуглом, опаленном солнцем лице придавало его облику еще большую внушительность.

– Если случайно место начальника полиции сейчас не занято, то лучше вас никого не найти, – сказал он, глядя на моего сожителя с нескрываемым восхищением. – Как вы меня выследили – просто уму непостижимо!

– Вам тоже следовало бы поехать со мной, – сказал Холмс, повернувшись к сыщикам.

– Я могу быть за кучера, – предложил Лестрейд.

– Отлично, а Грегсон сядет с нами в кэб. И вы тоже, доктор. Вы ведь интересуетесь этим делом, так давайте поедем все вместе.

Я охотно согласился, и мы спустились вниз. Наш пленник не делал никаких попыток к бегству; он спокойно сел в принадлежавший ему кэб, а мы последовали за ним. Взобравшись на козлы, Лестрейд стегнул лошадь и очень быстро доставил нас в участок. Нас ввели в небольшую комнатку, где полицейский инспектор, бледный и вялый, выполнявший свои обязанности механически, со скучающим видом записал имя арестованного и его жертв.

– Арестованный будет допрошен судьями в течение недели, – сказал инспектор. – Джефферсон Хоуп, хотите ли вы что-либо заявить до суда? Предупреждаю: все, что вы скажете, может быть обращено против вас.

– Я многое могу сказать, – медленно произнес наш пленник. – Мне хотелось бы рассказать этим джентльменам все.

– Может, расскажете на суде? – спросил инспектор.

– А до суда я, наверное, и не доживу. Не бойтесь, я не собираюсь кончать самоубийством. Вы ведь доктор? – спросил он, устремив на меня свои горячие черные глаза.

– Да, – подтвердил я.

– Ну, так положите сюда вашу руку, – усмехнулся Хоуп, указывая скованными руками на свою грудь.

Я так и сделал и тотчас же ощутил под рукой сильные, неровные толчки. Грудная клетка его вздрагивала и тряслась, как хрупкое здание, в котором работает огромная машина. В наступившей тишине я расслышал в его груди глухие хрипы.

– Да ведь у вас аневризма аорты! – воскликнул я.

– Так точно, – безмятежно отозвался Хоуп. – На прошлой неделе я был у доктора – он сказал, что через несколько дней она лопнет. Дело к тому идет уже много лет. Это у меня оттого, что в горах Соленого озера я долго жил под открытым небом и питался как попало. Я сделал что хотел, и мне теперь безразлично, когда я умру, только прежде мне нужно рассказать, как это все случилось. Не хочу, чтобы меня считали обыкновенным головорезом.

Инспектор и оба сыщика торопливо посовещались, не нарушат ли они правила, позволив ему говорить.

– Как вы считаете, доктор, положение его действительно опасно? – обратился ко мне инспектор.

– Да, безусловно, – ответил я.

– В таком случае наш долг – в интересах правосудия снять с него показания, – решил инспектор. – Можете говорить, Джефферсон Хоуп, но еще раз предупреждаю, ваши показания будут занесены в протокол.

– С вашего позволения, я сяду, – сказал арестованный, опускаясь на стул. – От этой аневризмы я быстро устаю, да к тому же полчаса назад мы здорово отколошматили друг друга. Я уже на краю могилы и лгать вам не собираюсь. Все, что я вам скажу, – чистая правда, а как вы к ней отнесетесь, меня не интересует.

Джефферсон Хоуп откинулся на спинку стула и начал свою удивительную историю. Рассказывал он подробно, очень спокойным тоном, будто речь шла о чем-то самом обыденном. За точность приведенного ниже рассказа я ручаюсь, так как мне удалось раздобыть записную книжку Лестрейда, а он записывал все слово в слово.

– Вам не так уж важно знать, почему я ненавидел этих людей, – начал Джефферсон Хоуп, – достаточно сказать, что они были причиной смерти

двух человеческих существ – отца и дочери – и поплатились за это жизнью. С тех пор, как они совершили это преступление, прошло столько времени, что мне уже не удалось бы привлечь их к суду. Но я знал, что они убийцы, и решил, что сам буду их судьей, присяжными и палачом. На моем месте вы поступили бы точно так же, если только вы настоящие мужчины.

Девушка, которую они сгубили, двадцать лет назад должна была стать моей женой. Ее силком выдали замуж за этого Дреббера, и она умерла от горя. Я снял обручальное кольцо с пальца покойницы и поклялся, что в предсмертную минуту он будет видеть перед собой это кольцо и, умирая, думать лишь о преступлении, за которое он понес кару. Я не расставался с этим кольцом и преследовал Дреббера и его сообщника на двух континентах, пока не настиг обоих. Они надеялись взять меня измором, но не тут-то было. Если я умру завтра, что очень вероятно, то умру я с сознанием, что дело мое сделано и сделано как следует. Я отправил их на тот свет собственной рукой. Мне больше нечего желать и не на что надеяться.

Они были богачами, а я нищим, и мне было нелегко гоняться за ними по свету. Когда я добрался до Лондона, у меня не осталось почти ни гроша; пришлось искать хоть какую-нибудь работу. Править лошадьми и ездить верхом для меня так же привычно, как ходить по земле пешком; я обратился в контору наемных кэбов и вскоре пристроился на работу. Я должен был каждую неделю давать хозяину определенную сумму, а все, что я зарабатывал сверх того, шло в мой карман. Мне перепадало немного, но кое-что удавалось наскрести на жизнь. Самое трудное для меня было разбираться в улицах – уж такой путаницы, как в Лондоне, наверное, нигде на свете нет! Я обзавелся планом города, запомнил главные гостиницы и вокзалы, и тогда дело пошло на лад.

Не сразу я разузнал, где живут эти мои господа; я справлялся везде и всюду и наконец выследил их. Они остановились в меблированных комнатах в Камберуэлле, на той стороне Темзы. Раз я их нашел, значит, можно было считать, что они в моих руках. Я отрастил бороду – узнать меня было невозможно. Оставалось только не упускать их из виду. Я решил следовать за ними повсюду, чтобы им не удалось улизнуть.

А улизнуть они могли в любую минуту. Мне приходилось следить за ними, куда бы они ни отправлялись. Иногда я ехал в своем кэбе, иногда шел пешком, но ехать было удобнее – так им трудно было бы скрыться от меня. Теперь я мог зарабатывать только рано по утрам или ночью и, конечно, задолжал хозяину. Но меня это не заботило; самое главное – они были у меня в руках!

Они, впрочем, оказались очень хитры. Должно быть, они опасались слежки, поэтому никогда не выходили поодиночке, а в позднее время и вовсе не показывались на улице. Я колесил за ними две недели подряд и ни разу не видел одного без другого. Дреббер часто напивался, но Стэнджерсон всегда был настороже. Я следил за ними днем и ночью, а удобного для меня случая все не выпадало; но я не отчаивался – что-то подсказывало мне, что скоро наступит мой час. Я боялся только, что эта штука у меня в груди лопнет и я не успею сделать свое дело.

Наконец, как-то под вечер я ездил взад-вперед по Торки-Террас – так называется улица, где они жили, – и увидел, что к их двери подъехал кэб. Вскоре вынесли багаж, потом появились Стэнджерсон и Дреббер, сели в кэб и уехали. У меня екнуло сердце – чего доброго, они уедут из Лондона! Я хлестнул лошадь и пустился за ними. Они вышли у Юстонского вокзала, я попросил мальчишку присмотреть за лошадью и пошел за ними на платформу. Они спросили, когда отходит поезд на Ливерпуль; дежурный ответил, что поезд только что ушел, а следующий отправится через несколько часов. Стэнджерсон, как видно, был недоволен, а Дреббер вроде даже обрадовался. В вокзальной сутолоке я ухитрился незаметно пробраться поближе к ним и слышал каждое слово. Дреббер сказал, что у него есть маленькое дело; пусть Стэнджерсон подождет его здесь, он скоро вернется. Стэнджерсон запротестовал, напомнив ему, что они решили всюду ходить вместе. Дреббер ответил, что дело его щекотливого свойства и он должен идти один. Я не расслышал слов Стэнджерсона, но Дреббер разразился бранью и заявил, что Стэнджерсон, мол, всего лишь наемный слуга и не смеет ему указывать. Стэнджерсон, видимо, решил не спорить и договорился с Дреббером, что, если тот опоздает к последнему поезду, он будет ждать его в гостинице «Холлидей». Дреббер ответил, что вернется еще до одиннадцати, и ушел.

Наконец-то настала минута, которой я ждал так долго. Враги были в моих руках. Пока они держались вместе, я бы не мог с ними справиться, но, очутившись врозь, они были бессильны против меня. Я, конечно, действовал не наобум. У меня заранее был составлен план. Месть не сладка, если обидчик не поймет, от чьей руки он умирает и за что несет кару. По моему плану тот, кто причинил мне зло, должен был узнать, что расплачивается за старый грех. Случилось так, что за несколько дней до того я возил одного джентльмена, он осматривал пустые дома на Брикстон-роуд и обронил ключ от одного из них в моем кэбе. В тот же вечер он хватился пропажи, и ключ я вернул, но днем успел снять с него

слепок и заказать такой же. Теперь у меня имелось хоть одно место в этом огромном городе, где можно было не бояться, что мне помешают. Самое трудное было залучить туда Дреббера, и вот сейчас я должен был что-то придумать.

Дреббер пошел по улице, заглянул в одну распивочную, потом в другую – во второй он пробыл больше получаса. Оттуда он вышел пошатываясь – видно, здорово накачался. Впереди меня стоял кэб: он сел в него, а я поехал следом, да так близко, что морда моей лошади была почти впритык к задку его кэба. Мы проехали мост Ватерлоо, потом колесили по улицам, пока, к удивлению моему, не оказались у того дома, откуда он выехал. Зачем он туда вернулся, бог его знает; на всякий случай я остановился ярдах в ста. Он отпустил кэб и вошел… Дайте мне, пожалуйста, воды. У меня во рту пересохло.

Я подал ему стакан; он осушил его залпом.

– Теперь легче, – сказал он. – Так вот, я прождал примерно с четверть часа, и вдруг из дома донесся шум, будто там шла драка. Потом дверь распахнулась, выбежали двое – Дреббер и какой-то молодой человек – его я видел впервые. Он тащил Дреббера за шиворот и на верхней ступеньке дал ему такого пинка, что тот кувырком полетел на тротуару «Мерзавец! – крикнул молодой человек, грозя ему палкой. – Я тебе покажу, как оскорблять честную девушку!» Он был до того взбешен, что я даже испугался, как бы он не пристукнул Дреббера своей дубинкой, но подлый трус пустился бежать со всех ног. Добежав до угла, он вскочил в мой кэб. «В гостиницу «Холлидей»!» – крикнул он.

Он сидит в моем кэбе! Сердце у меня так заколотилось от радости, что я начал бояться, как бы моя аневризма не прикончила меня тут же. Я поехал медленно, обдумывая, что делать дальше. Можно было завезти его куда-нибудь за город и расправиться с ним на безлюдной дороге. Я было решил, что другого выхода нет, но он сам пришел мне на выручку. Его опять, видно, потянуло на выпивку – он велел мне остановиться возле питейного заведения и ждать его. Там он просидел до самого закрытия и так надрался, что, когда вышел, я понял – теперь все будет по-моему.

Не думайте, что я намеревался просто взять да убить его. Конечно, это было бы только справедливо, но к такому убийству у меня не лежала душа. Я давно уже решил дать ему возможность поиграть со смертью, если он того захочет. Во время моих скитаний по Америке я брался за любую работу, и среди всего прочего мне пришлось быть служителем при лаборатории Нью-Йоркского университета. Там однажды профессор читал лекцию о ядах и показал студентам алкалоид – так он это назвал, –

добытый им из яда, которым в Южной Америке отравляют стрелы. Этот алкалоид такой сильный, говорил он, что одна крупица его убивает мгновенно. Я приметил склянку, в которой содержался препарат, и, когда все разошлись, взял немножко себе. Я неплохо знал аптекарское дело и сумел приготовить две маленькие растворимые пилюли с этим алкалоидом и каждую положил в коробочку рядом с такой же по виду, но совсем безвредной. Я решил, что, когда придет время, я заставлю обоих моих молодчиков выбрать себе одну из двух пилюль в коробочке, а я проглочу ту, что останется. Алкалоид убьет наверняка, а шуму будет меньше, чем от выстрела сквозь платок. С того дня я всегда носил при себе две коробочки с пилюлями, и наконец-то настало время пустить их в ход.

Миновала полночь, время близилось к часу. Ночь была темная, ненастная, выл ветер, и дождь лил как из ведра. Но, несмотря на холод и мрак, меня распирала радость – такая радость, что я готов был заорать от восторга. Если кто-либо из вас, джентльмены, когда-нибудь имел желанную цель, целых двадцать лет только о ней одной и думал и вдруг увидел бы, что она совсем близка, вы бы поняли, что со мной творилось. Я закурил сигару, чтобы немного успокоиться, но руки у меня дрожали, а в висках стучало. Я ехал по улицам, и в темноте мне улыбались старый Джон Ферье и милая моя Люси – я видел их так же ясно, как сейчас вижу вас, джентльмены. Всю дорогу они были передо мной, справа и слева от лошади, пока я не остановился у дома на Брикстон-роуд.

Кругом не было ни души, не слышно было ни единого звука, кроме шума дождя. Заглянув внутрь кэба, я увидел, что Дреббер храпит, развалясь на сиденье. Я потряс его за плечо.

– Пора выходить, – сказал я.

– Ладно, сейчас, – пробормотал он.

Должно быть, он думал, что мы подъехали к его гостинице, – он молча вылез и потащился через палисадник. Мне пришлось идти рядом и поддерживать его – хмель у него еще не выветрился. Я отпер дверь и ввел его в переднюю. Даю вам слово, что отец и дочь все это время шли впереди нас.

– Что за адская тьма, – проворчал он, топчась на месте.

– Сейчас зажжем свет, – ответил я и, чиркнув спичкой, зажег принесенную с собой восковую свечу. – Ну, Енох Дреббер, – продолжал я, повернувшись к нему и держа свечку перед собой, – ты меня узнаешь?

Он уставился на меня бессмысленным пьяным взглядом. Вдруг лицо его исказилось, в глазах замелькал ужас – он меня узнал! Побледнев как смерть, он отпрянул назад, зубы его застучали, на лбу выступил пот.

А я, увидев все это, прислонился спиной к двери и громко захохотал. Я всегда знал, что месть будет сладка, но не думал, что почувствую такое блаженство.

– Собака! – сказал я. – Я гонялся за тобой от Солт-Лейк-Сити до Петербурга, и ты всегда удирал от меня. Но теперь уж странствиям твоим пришел конец – кто-то из нас не увидит завтрашнего утра!

Он все отступал назад; по лицу его я понял, что он принял меня за сумасшедшего. Да, пожалуй, так оно и было. В висках у меня били кузнечные молоты; наверное, мне стало бы дурно, если бы вдруг из носа не хлынула кровь – от этого мне полегчало.

– Ну что, вспомнил Люси Ферье? – крикнул я, заперев дверь и вертя ключом перед его носом. – Долго ты ждал возмездия, и наконец-то пришел твой час!

Я видел, как трусливо затрясся его подбородок. Он, конечно, стал бы просить пощады, но понимал, что это бесполезно.

– Ты решишься на убийство? – пролепетал он.

– При чем тут убийство? – ответил я. – Разве уничтожить бешеную собаку значит совершить убийство? А ты жалел мою дорогую бедняжку, когда оторвал ее от убитого вами отца и запер в свой гнусный гарем?

– Это не я убил ее отца! – завопил он.

– Но ты разбил ее невинное сердце! – крикнул я и сунул ему коробочку. – Пусть нас рассудит Всевышний. Выбери пилюлю и проглоти. В одной смерть, в другой жизнь. Я проглочу ту, что останется. Посмотрим, есть ли на земле справедливость или нами правит случай.

Скорчившись от страха, он дико закричал и стал умолять о пощаде, но я выхватил нож, приставил к его горлу, и в конце концов он повиновался. Затем я проглотил оставшуюся пилюлю, с минуту мы молча стояли друг против друга, ожидая, кто из нас умрет. Никогда не забуду его лица, когда, почувствовав первые приступы боли, он понял, что проглотил яд! Я захохотал и поднес к его глазам кольцо Люси. Все это длилось несколько секунд – алкалоид действует быстро. Лицо его исказилось, он выбросил вперед руки, зашатался и с хриплым воплем тяжело рухнул на пол. Я ногой перевернул его на спину и положил руку ему на грудь. Сердце не билось. Он был мертв!

Из носа у меня текла кровь, но я не обращал на это внимания. Не знаю, почему мне пришло в голову сделать кровью надпись на стене. Может, из чистого озорства мне захотелось сбить с толку полицию, – очень уж весело и легко у меня было тогда на душе! Я вспомнил, что в Нью-Йорке нашли как-то труп немца, а под ним было написано слово «Rache»; газеты

писали тогда, что это, должно быть, дело рук какого-то тайного общества. Что поставило в тупик Нью-Йорк, то поставит в тупик и Лондон, решил я и, обмакнув палец в свою кровь, вывел на видном месте это слово. Потом я пошел к кэбу – на улице было пустынно, а дождь лил по-прежнему. Я отъехал от дома и вдруг, сунув руку в карман, где у меня всегда лежало кольцо, обнаружил, что его нет. Я был как громом поражен – ведь это была единственная памятка от Люси! Подумав, что я обронил его, когда наклонялся к телу Дреббера, я оставил кэб в переулке и побежал к дому – я готов был на любой риск, лишь бы найти кольцо. Возле дома я чуть было не попал в руки выходящего оттуда полисмена и отвел от себя подозрение только потому, что прикинулся в стельку пьяным.

Вот, значит, как Енох Дреббер нашел свою смерть. Теперь мне оставалось проделать то же самое со Стэнджерсоном и расквитаться с ним за Джона Ферье. Я знал, что он остановился в гостинице «Холлидей», и слонялся возле нее целый день, но он так и не вышел на улицу. Думается мне, он что-то заподозрил, когда Дреббер не явился на вокзал. Он был хитер, этот Стэнджерсон, и всегда держался начеку. Но напрасно он воображал, будто убережется от меня, если будет отсиживаться в гостинице! Вскоре я уже знал окно его комнаты, и на следующий день, едва стало светать, я взял лестницу, что валялась в проулке за гостиницей, и забрался к нему. Разбудив его, я сказал, что настал час расплатиться за жизнь, которую он отнял двадцать лет назад. Я рассказал ему о смерти Дреббера и дал на выбор две пилюли. Вместо того, чтобы ухватиться за единственный шанс спасти свою жизнь, он вскочил с постели и стал меня душить. Защищаясь, я ударил его ножом в сердце. Все равно ему суждено было умереть – провидение не допустило бы, чтобы рука убийцы выбрала пилюлю без яда.

Мне уже немногое осталось рассказать, и слава богу, а то я совсем выбился из сил. Еще день-два я возил седоков, надеясь немного подработать и вернуться в Америку. И вот сегодня я стоял на хозяйском дворе, когда какой-то мальчишка-оборванец спросил, нет ли здесь кучера по имени Джефферсон Хоуп. Его, мол, просят подать кэб на Бейкер-стрит, номер 221-б. Ничего не подозревая, я поехал, и тут вдруг этот молодой человек защелкнул на мне наручники, да так ловко, что я и оглянуться не успел. Вот и все, джентльмены. Можете считать меня убийцей, но я утверждаю, что я так же послужил правосудию, как и вы.

История эта была столь захватывающей, а рассказывал он так выразительно, что мы слушали, не шелохнувшись и не проронив ни слова. Даже профессиональные сыщики, blasée[21] всеми видами преступлений,

казалось, следили за его рассказом с острым интересом. Когда он кончил, в комнате стояла полная тишина, нарушаемая только скрипом карандаша, – это Лестрейд доканчивал свою стенографическую запись.

– Мне хотелось бы выяснить еще одно обстоятельство, – произнес наконец Шерлок Холмс. – Кто ваш сообщник – тот, который приходил за кольцом?

Джефферсон Хоуп шутливо подмигнул моему приятелю.

– Свои тайны я могу уже не скрывать, – сказал он, – но другим не стану причинять неприятности. Я прочел объявление и подумал, что либо это ловушка, либо мое кольцо и в самом деле найдено на улице. Мой друг вызвался пойти и проверить. Вы, наверное, не станете отрицать, что он вас ловко провел.

– Что верно, то верно, – искренне согласился Холмс.

– Джентльмены, – важно произнес инспектор, – надо все же подчиняться установленным порядкам. В четверг арестованный предстанет перед судом, и вас пригласят тоже. А до тех пор ответственность за него лежит на мне.

Он позвонил. Джефферсона Хоупа увели два тюремных стражника, а мы с Шерлоком Холмсом, выйдя из участка, подозвали кэб и поехали на Бейкер-стрит.

Глава VII

Заключение

Всех нас предупредили, что в четверг мы будем вызваны в суд; но когда наступил четверг, оказалось, что наши показания уже не понадобятся – Джефферсона Хоупа призвал к себе Высший Судия, чтобы вынести ему свой строгий и справедливый приговор. Ночью после ареста его аневризма лопнула, и наутро его нашли на полу тюремной камеры с блаженной улыбкой на лице, словно, умирая, он думал о том, что прожил жизнь не зря и хорошо сделал свое дело.

– Грегсон и Лестрейд, наверное, рвут на себе волосы, – сказал Холмс вечером, когда мы обсуждали это событие. – Он умер, и пропали все их надежды на шумную рекламу.

– По-моему, они мало что сделали для поимки преступника, – заметил я.

– В этом мире неважно, сколько вы сделали, – с горечью произнес Холмс. – Самое главное – суметь убедить людей, что вы сделали много. Но все равно, – продолжал он после паузы, уже веселее, – я ни за что не отказался бы от этого расследования. Я не помню более интересного дела. И как оно ни просто, все же в нем было немало поучительного.

– Просто?! – воскликнул я.

Холмса рассмешило мое изумление.

– Разумеется, его никак нельзя назвать сложным, – сказал он. – И вот вам доказательство – за три дня я без всякой помощи и только посредством самых обыкновенных умозаключений сумел установить личность преступника.

– Это верно!

– Я уже как-то говорил вам, что необычное – скорее помощь, чем помеха в нашем деле. При решении подобных задач очень важно уметь рассуждать ретроспективно. Это чрезвычайно ценная способность, и ее нетрудно развить, но теперь почему-то мало этим занимаются. В повседневной жизни гораздо полезнее думать наперед, поэтому рассуждения обратным ходом сейчас не в почете. Из пятидесяти человек лишь один умеет рассуждать аналитически, остальные же мыслят только синтетически.

– Должен признаться, я вас не совсем понимаю.

– Я так и думал. Попробую объяснить это понятнее. Большинство

людей, если вы перечислите им все факты один за другим, предскажут вам результат. Они могут мысленно сопоставить факты и сделать вывод, что должно произойти то-то. Но лишь немногие, узнав результат, способны проделать умственную работу, которая дает возможность проследить, какие же причины привели к этому результату. Вот эту способность я называю ретроспективными, или аналитическими, рассуждениями.

– Понимаю, – сказал я.

– Этот случай был именно таким – мы знали результат и должны были сами найти все, что к нему привело. Я попытаюсь показать вам различные стадии моих рассуждений. Начнем с самого начала. Вам известно, что я, не внушая себе заранее никаких идей, подошел к дому пешком. Естественно, я прежде всего исследовал мостовую и, как я уже говорил вам, обнаружил отчетливые следы колес, а из расспросов выяснилось, что кэб мог подъехать сюда только ночью. По небольшому расстоянию между колесами я убедился, что это был наемный кэб, а не частный экипаж – обыкновенный лондонский кэб гораздо уже господской коляски.

Это было, так сказать, первое звено, Затем я медленно пошел через палисадник по дорожке; она была глинистая, то есть такая, на которой особенно заметно отпечатываются следы. Вам, конечно, эта дорожка представлялась просто полоской истоптанной грязи, но для моего натренированного глаза имела значение каждая отметина на ее поверхности. В сыскном деле нет ничего важнее, чем искусство читать следы, хотя именно ему у нас почти не уделяют внимания. К счастью, я много занимался этим, и благодаря долгой практике умение распознавать следы стало моей второй натурой. Я увидел глубоко вдавленные следы констеблей, но разглядел и следы двух человек, проходивших по садику до того, как явилась полиция. Определить, что эти двое проходили раньше, было нетрудно: кое-где их следы были совершенно затоптаны констеблями. Так появилось второе звено. Я уже знал, что ночью сюда приехали двое – один, судя по ширине его шага, очень высокого роста, а второй был щегольски одет: об этом свидетельствовали изящные очертания его узких подошв.

Когда я вошел в дом, мои выводы подтвердились. Передо мной лежал человек в щегольских ботинках. Значит, если это было убийством, то убийца должен быть высокого роста. На мертвом не оказалось ран, но по ужасу, застывшему на его лице, я убедился, что он предвидел свою участь. У людей, внезапно умерших от разрыва сердца или от других болезней, не бывает ужаса на лице. Понюхав губы мертвого,

я почувствовал чуть кисловатый запах и понял, что его заставили принять яд. Это подтверждалось еще и выражением ненависти и страха на его лице. Я убедился в этом с помощью метода исключения – известные мне факты не укладывались ни в какую другую гипотезу. Не воображайте, что тут произошло нечто неслыханное. Насильственное отравление ядом вовсе не новость в уголовной хронике. Каждый токсиколог тотчас вспомнил бы дело Дольского в Одессе или Летюрье в Монпелье.

Теперь передо мной встал главный вопрос: каковы мотивы преступления? Явно не грабеж: все, что имел убитый, осталось при нем. Быть может, это политическое убийство или тут замешана женщина? Я склонялся скорее ко второму предположению. Политические убийцы, сделав свое дело, стремятся как можно скорее скрыться. Это убийство, наоборот, было совершено без спешки, следы преступника видны по всей комнате, значит, он пробыл там довольно долго. Причины, по-видимому, были частного, а не политического характера и требовали обдуманной, жестокой мести. Когда на стене была обнаружена надпись, я еще больше утвердился в своем мнении. Надпись была сделана для отвода глаз. Когда же нашли кольцо, вопрос для меня был окончательно решен. Ясно, что убийца хотел напомнить своей жертве о какой-то умершей или находящейся где-то далеко женщине. Тут-то я и спросил Грегсона, не поинтересовался ли он, посылая телеграмму в Кливленд, каким-либо особым обстоятельством в жизни Дреббера. Как вы помните, он ответил отрицательно.

Затем я принялся тщательно исследовать комнату, нашел подтверждение моих догадок о росте убийцы, а заодно узнал о трихинопольской сигаре и о длине его ногтей. Так как следов борьбы не оказалось, я заключил, что у убийцы от волнения хлынула из носа кровь. Кровяные пятна на полу совпадали с его шагами. Редко бывает, чтобы у человека шла носом кровь от сильных эмоций – разве только он очень полнокровен, поэтому я рискнул сказать, что преступник, вероятно, краснолицый. События доказали, что я рассуждал правильно.

Выйдя из дома, я прежде всего исправил промах Грегсона. Я отправил телеграмму начальнику кливлендской полиции с просьбой сообщить факты, относящиеся к браку Еноха Дреббера. Ответ был исчерпывающим. Я узнал, что Дреббер уже просил у закона защиты от своего старого соперника, некоего Джефферсона Хоупа, и что этот Хоуп сейчас находится в Европе. Теперь ключ к тайне был в моих руках – оставалось только поймать убийцу.

Я уже решил про себя, что человек, вошедший в дом вместе

с Дреббером, был не кто иной, как кэбмен. Следы говорили о том, что лошадь бродила по мостовой, чего не могло быть, если бы за ней кто-то присматривал. Где же, спрашивается, был кэбмен, если не в доме? К тому же нелепо предполагать, будто человек в здравом уме станет совершать задуманное преступление на глазах третьего лица, которое наверняка его выдало бы. И, наконец, представим себе, что человек хочет выследить кого-то в Лондоне – можно ли придумать что-либо лучше, чем сделаться кэбменом? Все эти соображения привели меня к выводу, что Джефферсона Хоупа надо искать среди столичных кэбменов.

Но если он кэбмен, вряд ли он бросил бы сейчас это занятие, рассуждал я. Наоборот, с его точки зрения, внезапная перемена ремесла привлекла бы к нему внимание. Вернее всего, он какое-то время еще будет заниматься своим делом. И вряд ли он живет под другим именем. Зачем ему менять свое имя в стране, где его никто не знает? Поэтому я составил из уличных мальчишек отряд сыскной полиции и гонял их по всем конторам наемных кэбов, пока они не разыскали нужного мне человека. Как они его доставили и как быстро я этим воспользовался, вы знаете. Убийство Стэнджерсона было для меня полной неожиданностью, но, во всяком случае, я не смог бы его предотвратить. В результате, как вам известно, я получил пилюли, в существовании которых не сомневался. Вот видите, все расследование представляет собою цепь непрерывных и безошибочных логических заключений.

– Просто чудеса! – воскликнул я. – Ваши заслуги должны быть признаны публично. Вам нужно написать статью об этом деле. Если вы не напишете, это сделаю я!

– Делайте что хотите, доктор, – ответил Холмс. – Но сначала прочтите-ка вот это.

Он протянул мне свежую газету «Эхо». Статейка, на которую он указал, была посвящена делу Джефферсона Хоупа.

«Публика лишилась возможности испытать острые ощущения, – говорилось в ней, – из-за скоропостижной смерти некоего Хоупа, обвинявшегося в убийстве мистера Еноха Дреббера и мистера Джозефа Стэнджерсона. Теперь, наверное, нам никогда не удастся узнать все подробности этого дела, хотя мы располагаем сведениями из авторитетных источников, что преступление совершено на почве старинной романтической вражды, в которой немалую роль сыграли любовь и мормонизм. Говорят, будто обе жертвы в молодые годы принадлежали к секте «Святых последних дней», а скончавшийся в тюрьме Хоуп тоже жил в Солт-Лейк-Сити. Если этому делу и не суждено иметь другого

воздействия, то, во всяком случае, оно является блистательным доказательством энергии нашей сыскной полиции, а также послужит уроком для всех иностранцев: пусть они сводят свои счеты у себя на родине, а не на британской земле. Уже ни для кого не секрет, что честь ловкого разоблачения убийцы всецело принадлежит известным сыщикам из Скотленд-Ярда, мистеру Грегсону и мистеру Лестрейду. Преступник был схвачен в квартире некоего мистера Шерлока Холмса, сыщика-любителя, который обнаружил некоторые способности в сыскном деле; будем надеяться, что, имея таких учителей, он со временем приобретет навыки в искусстве раскрытия преступлений. Говорят, что оба сыщика в качестве признания их заслуг получат достойную награду».

– Ну, что я вам говорил с самого начала? – смеясь, воскликнул Шерлок Холмс. – Вот для чего мы с вами создали этот этюд в багровых тонах, – чтобы обеспечить им достойную награду!

– Ничего, – ответил я, – все факты записаны у меня в дневнике, и публика о них узнает. А пока довольствуйтесь сознанием, что вы победили, и повторите вслед за римским скрягой:

Populus me sibilat, at mihi plaudo.
Ipse domi sirnul ac nummos contemplar in area[22].

Собака Баскервилей

Глава I

Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником – из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника было врезано серебряное кольцо шириной около дюйма. На кольце было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками – солидными, увесистыми, надежными – ходили почтенные домашние врачи.

– Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незаметными.

– Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

– Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, – ответил он. – Нет, в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. А раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней образ ее владельца, а я вас послушаю.

– По-моему, – начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, – этот доктор Мортимер – преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

– Хорошо! – сказал Холмс. – Превосходно!

– Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

– А это почему?

– Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся – видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

– Весьма здравое рассуждение, – сказал Холмс.

– Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы КЛ означают клуб, вернее всего охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

– Уотсон, вы превзошли самого себя! – сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая папиросу. – Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил папиросу в сторону, подошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

– Не бог весть что, но все же любопытно, – сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана. – Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, они и послужат нам основой для некоторых умозаключений.

– Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? – спросил я не без чувства самодовольства. – Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

– Увы, дорогой мой Уотсон, большая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

– Значит, я был прав.

– В этом отношении – да.

– Но ведь это все?

– Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не все, далеко не все. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед

лечебницей стоят буквы ЧК, название «Черинг-кросская» напрашивается само собой.

– Возможно, что вы правы.

– Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

– Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Черинг-кросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

– А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

– Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

– А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

– Это весьма вероятно.

– Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это допустимо только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора[23], живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад – смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек около тридцати лет, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

– Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, – сказал я, – но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

– «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год – куратор Черинг-кросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии[24] за работу «Не следует ли считать болезни явлением атавистического[25] порядка?». Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей «Аномальные[26] явления атавизма» («Ланцет», 1882), «Прогрессируем ли мы?» («Вестник психологии», март 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

– Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон, – с лукавой улыбкой сказал Холмс, – зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту – только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

– А собака?

– Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо.

Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что… Боже мой! Ну, конечно, курчавый спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него:

– Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

– По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой – добро или зло, неизвестно. Что понадобилось человеку

науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подобает человеку его профессии, но с некоторой неряшливостью: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Как только наш гость вошел в комнату, его взгляд тотчас же упал на палку в руках Холмса, и он с радостным криком потянулся за ней.

– Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

– Подарок? – спросил Холмс.

– Да, сэр.

– От Черинг-кросской лечебницы?

– Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

– Ай-ай, как это скверно! – сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами:

– А что же тут скверного?

– Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный?

– Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

– Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, – сказал Холмс. – А теперь, доктор Джеймс Мортимер…

– Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

– И, по-видимому, человек научного склада ума?

– Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс: так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с…

– Нет, доктор Уотсон вот – перед вами.

– Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлиненный череп и так сильно

развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического[27] музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не сочтите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

– Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр, – сказал он. – Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете сами набивать папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и с поразительной ловкостью набил папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятного собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует его.

– Я полагаю, сэр, – начал он наконец, – что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

– Нет, сэр, конечно, нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считая вас вторым по величине европейским экспертом…

– Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? – довольно резким тоном спросил Холмс.

– Труды господина Бертильона[28] внушают большое уважение людям с научным складом мышления.

– Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

– Я говорил, сэр, о «научном складе мышления», но как практик вы не знаете себе равных – это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней…

– Так, самую малость, – ответил Холмс. – Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

Глава II

Проклятие рода Баскервилей

– У меня в кармане лежит один манускрипт[29], – сказал доктор Джеймс Мортимер.

– Я заметил это, как только вы вошли, – сказал Холмс.

– Манускрипт очень древний.

– Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

– Откуда вам это известно, сэр?

– Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этого манускрипта дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую ваш манускрипт тысяча семьсот тридцатым годом.

– Точная дата тысяча семьсот сорок второй. – Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. – Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который и уготовила ему судьба.

Холмс протянул руку, взял манускрипт и расправил его на коленях.

– Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я глянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

– Это, по-видимому, какая-то запись.

– Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервилей.

– Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

– Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту

ее вам.

Откинувшись на спинку кресла. Холмс сомкнул концы пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

– «Много есть свидетельств о собаке Баскервилей, но, будучи прямым потомком Гуго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он – от моего деда, я положил себе записать сию историю, в подлинности коей не может быть сомнений. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайте же, что во времена Великого восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владетелем поместья Баскервиль был Гуго, того же рода, и этого Гуго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Гуго была наклонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Гуго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а это было в Михайлов день, Гуго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых, самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастная чуть не лишилась ума, слыша пение, крики и страшные ругательства, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Гуго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девушку до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина,

а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Гуго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Гуго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто еще одну флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей компанией, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу, по следам коей неслись собаки. «Но я видел и нечто другое, – присовокупил он. – Гуго Баскервиль проскакал мимо меня на вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, но все же продолжали путь, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора,

издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки крадучись отбегали в сторону, а другие, ощетинившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней виднелись два больших каменных столба, поставленные здесь еще в незапамятные времена. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Гуго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Гуго стояло мерзкое чудовище – огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах растерзало горло Гуго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и таинственной? Так пусть же не оставит нас провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, коим грозит отмщение, как сказано в Евангелии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Гуго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камин.

– Ну и что же? – сказал он.

– По-вашему, это неинтересно?

– Интересно для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету:

– Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня сего года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этого.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательным. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

– «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей[30] приятно знать, что потомок древнего рода, знавшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность тем людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы следствию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так

выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности дворецкого, жена – экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали резкие изменения цвета лица, одышка и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэррримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что дверь в холл все еще открыта, Бэррримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше… и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэррримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился – по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного – доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, следствие пришло к заключению о скоропостижной смерти, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы

наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы следователя не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

– Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

– Вы ознакомили меня с делом, которое, безусловно, не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это, – сказал Шерлок Холмс. – В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камеями[31] и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

– Да.

– Тогда познакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать. – Он откинулся на спинку кресла, сомкнул кончики пальцев и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

– Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом, – начал доктор Мортимер, явно волнуясь. – Я о многом умолчал на следствии по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла – значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое о чем умолчать, ибо излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы, но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота – место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкленда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретить ни одного образованного

человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные научные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов[32].

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в эту легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и, действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую

последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Дворецкий Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось на следствии, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, останавливался, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания на следствии. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие…

– Следы?

– Следы.

– Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

– Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

Глава III

Задача

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, колючие искорки – верный признак проснувшегося интереса.

– Вы сами их видели?

– Точно так же, как вижу вас.

– И ничего об этом не сказали!

– А зачем?

– Неужели, кроме вас, их никто не видел?

– Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.

– На болотах, должно быть, много овчарок?

– Разумеется. Но это была не овчарка.

– Вы говорите, что следы очень большие?

– Огромные.

– Но к телу сэра Чарльза они не приближались?

– Нет.

– Какая тогда стояла погода?

– Сырая, холодная.

– Но дождя не было?

– Нет.

– А что представляет собой эта аллея?

– По бокам высокая зеленая изгородь из тесно сросшихся старых тисов. Посередине – дорожка футов восьми в ширину.

– А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?

– Да, по обе стороны идет полоска дерна около шести футов в ширину.

– Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?

– Да, и эта калитка ведет на болота.

– А других выходов туда нет?

– Нет.

– Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?

– Есть еще один выход – через беседку в дальнем конце.

– Сэр Чарльз дошел туда?

– Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.

– Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?

– На траве следов обычно не видно.

– Они были на той же стороне дорожки, где калитка?

– Да, на самом краю, ближе к калитке.

– Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?

– Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.

– Какой она вышины?

– Фута четыре.

– Значит, через нее можно перелезть?

– Да.

– А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?

– Нет, ничего особенного.

– Боже мой! Неужели там не посмотрели?

– Нет, я сам смотрел.

– И ничего не нашли?

– Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять-десять.

– Почему вы так думаете?

– Потому что пепел дважды упал с его сигары.

– Превосходно! Вот такой помощник нам под стать! Правда, Уотсон? Ну, а следы?

– Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя ладонью по колену.

– Ах, если б я сам там был! – воскликнул он. – Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьезного научного расследования! Гравий – это такая страница, на которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптана башмаками любопытных фермеров… Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

– Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что меня удерживало от такого шага. Кроме того, кроме того…

– Что же вы колеблетесь?

– Есть некая область, где бессилен самый проницательный и самый опытный сыщик.

– Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественной силой?

– Я этого не говорю.

– Не «говорю», но «думаю»?

– С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей.

– Например?

– Я выяснил, что кое-кто из местных жителей еще до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и один фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс: во всей нашей округе царит ужас, выходить на болото ночью никто не отваживается, разве только самые отчаянные смельчаки.

– И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

– Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

– До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира, – сказал он. – Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии – вещь весьма реальная?

– Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

– Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

– Я ни о чем таком вас не просил.

– Тогда чем же я могу помочь вам?

– Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо, – доктор Мортимер посмотрел на часы, – ровно через час с четвертью.

– Это и есть наследник?

– Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

– Других претендентов на наследство нет?

– Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать, это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах, – отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервилевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Гуго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри – последний отпрыск рода Баскервилей. Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптон. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

– А почему бы ему не уехать сразу в свое родовое поместье?

– Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервили, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

– В двух словах дело обстоит так, – сказал он наконец. – Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервилей. Правильно я вас понял?

– Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

– Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узкоместной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

– Если б вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер

Холмс, вы бы не стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть – в Лондоне или Девоншире? Он приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

– Я советую вам, сэр, позвать кэб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервиля.

– А потом?

– Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

– Сколько вам потребуется времени на это?

– Одни сутки. Я буду вам весьма обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

– Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

– Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

– Да, об этом рассказывают трое.

– А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

– Не знаю. Не слышал.

– Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на свое место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворенной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

– Уходите, Уотсон?

– Да, если я ничем не могу вам помочь.

– Нет, друг мой, я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступать к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда вон выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табака. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно пренебречь.

Поэтому я провел весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я открыл дверь в гостиную и перепугался – уж не пожар ли у нас? – ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

– Простудились, Уотсон? – спросил он.

– Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиамов.

– Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

– Какое там «немного»! Дышать нечем!

– Тогда откройте окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

– Холмс, дорогой мой!

– Правильно?

– Разумеется, правильно, но как вы…

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

– Ваше простодушие, Уотсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

– Да, совершенно очевидно.

– Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

– Тоже весь день просидели сиднем?

– Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

– Мысленно?

– Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стенфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Льщу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

– Карта крупного масштаба?

– Да, очень крупного. – Он развернул один сектор этой карты и положил его на колени. – Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

– Окруженный лесом?

– Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идет справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строений – та самая деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в окружности жилье встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это – две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцати милях от них – принстаунская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишенные признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия и, может быть, разыграется еще раз на наших глазах.

– Да, места дикие.

– Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела…

– Значит, вы тоже склонны видеть во всем этом нечто сверхъестественное?

– А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концентрация табачного дыма способствует концентрации мысли. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории именно таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?

– Оно не выходило у меня из головы весь день.

– И к чему же вы пришли?

– Запутанная история.

– Да, история весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

– Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошел эту часть аллеи на цыпочках.

– Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время следствия. Зачем это человеку может понадобиться идти по аллее

на цыпочках!

– Тогда в чем же тут дело?

– Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвый.

– Спасался? Но от кого?

– В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

– Почему вы так думаете?

– То, что его так напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь – а по-видимому, все так и было, как я предполагаю, – то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на следствии, сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

– Вы думаете, что он ждал кого-то?

– Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку – ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

– Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

– И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все складывается – звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

Глава IV

Сэр Генри Баскервиль

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду – как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошел в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нем истинного джентльмена.

– Сэр Генри Баскервиль, – представил его нам доктор Мортимер.

– Да, он самый, – сказал баронет. – И любопытнее всего то, мистер Холмс, что если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

– Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

– Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобного внимания.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес – «Отель «Нортумберленд», сэру Генри Баскервилю» – был написан крупными печатными буквами; на почтовом штемпеле стояло: «Черинг-кросс» и время отправления – вечер предыдущего дня.

– Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? – спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

– Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

– Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

– Нет, я живу у знакомых, – сказал доктор. – Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

– Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из подклеенных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

– Так вот, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – может быть, вы разъясните мне, что все это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

– А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

– Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта история совершенно сверхъестественна.

– Какая история? – резко спросил сэр Генри. – Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам!

– Мы посвятим вас во все, сэр Генри. Без этого вы не уйдете отсюда, поверьте моему слову, – сказал Шерлок Холмс. – А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

– Вон там, в углу.

– Могу я вас побеспокоить? Дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья. – Он быстро пробежал ее глазами. – «Свобода торговли»… Прекрасная передовица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац. «Если кто-нибудь будет стараться внушить вам, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Уотсон? – воскликнул Холмс, радостно потирая руки. – Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжело больных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающий взгляд своих карих глаз.

– Я не очень-то разбираюсь в таких вопросах, как тарифная политика, – сказал он, – но мне кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

– Напротив! Мы идем по горячим следам, сэр Генри. Уотсон знаком

с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитанного отрывка ускользнул даже от него.

– Да, признаюсь, я не вижу никакой связи между ним и письмом.

– А связь, дорогой мой Уотсон, настолько тесная, что, по сути дела, одно состряпано из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизнь», «дороги». Неужели вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

– Ах, черт возьми! Конечно, вы правы, какая блестящая догадка! – воскликнул сэр Генри.

– Если вы все еще сомневаетесь, то взгляните на слова «держитесь подальше от» – они вырезаны подряд.

– Ну-ка… Да, действительно!

– Знаете, мистер Холмс, я даже не представлял себе, что такие вещи возможны! – сказал доктор Мортимер, с изумлением глядя на моего друга. – Догадаться, что слова вырезаны из газетного текста, это еще туда-сюда. Но безошибочно назвать газету, и мало того – указать статью, из которой они взяты, это превосходит всякое воображение! Как вы догадались?

– Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

– Разумеется, могу.

– Каким образом?

– Но ведь это мой конек! Разница между тем и другим совершенно очевидна. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти…

– А у меня тоже есть свой конек. На мой взгляд, разница между боргесом[33] на шпонах[34], которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешевеньких вечерних листков не менее очевидна, чем разница между вашими неграми и эскимосами. Знание шрифтов – одно из самых элементарных требований к сыщику, хотя должен признаться, что во дни своей юности я однажды спутал «Лидского Меркурия» с «Утренними известиями». Но передовицу «Таймса» ни с чем не спутаешь, и эти слова могли быть вырезаны только оттуда. А поскольку письмо было отправлено вчера, все говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашний номер.

– Значит, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – кто-то составил это письмо, вырезав ножницами…

– Маникюрными ножницами, – перебил его Холмс. – Вы обратили внимание, какие у них короткие концы? Для того, чтобы вырезать слова «держитесь подальше от», пришлось сделать два надреза.

– Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова ножницами с короткими концами и наклеил их…

– Гуммиарабиком, – подсказал Холмс.

– …и наклеил их гуммиарабиком на бумагу. Но почему же тогда слова «торфяных болот» написаны от руки?

– Потому что автор письма не нашел их в газете. Все остальные слова довольно обыкновенные, их можно встретить в любом тексте, а эти попадаются сравнительно редко.

– Весьма правдоподобное объяснение. А что еще вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

– Кое-что удалось, хотя автор прилагал все старания к тому, чтобы уничтожить малейшую улику. Как вы сами можете убедиться, адрес написан крупными печатными буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательно, отсюда можно заключить, что письмо было составлено образованным человеком, который старался выдать себя за необразованного и нарочно изменил почерк, по-видимому опасаясь, как бы вы не узнали его, если не сейчас, то потом. Кроме того, обратите внимание, что слова наклеены неровно, некоторые из них выступают над строчкой. Например, слово «жизнь» сидит совсем не на месте. Это указывает на небрежность автора письма, а может быть, и на волнение или спешку. Я, пожалуй, склонен думать, что всему виной именно волнение и спешка, ибо вряд ли этот человек проявил бы небрежность в таком, по-видимому, серьезном деле. Если он действительно торопился, то интересно знать почему. Ведь письмо, опущенное вчера, так или иначе должно было застать сэра Генри в оте ле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи. Но с чьей стороны?

– Мы, кажется, вступили в область догадок, – заметил доктор Мортимер.

– Скажите лучше – в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображения, которое всегда работает у специалистов на твердой материальной основе. Вы, разумеется, назовете это чистой догадкой, но я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостинице.

– Почему вы так думаете?

– Осмотрите конверт повнимательнее, и вы увидите, что писавшему не повезло с письменными принадлежностями. Перо дважды запнулось на одном слове, и его пришлось трижды обмакнуть в чернильницу, чтобы написать такой короткий адрес. Значит, чернил было мало, на самом дне. Собственное перо и чернильницу редко доводят до такого состояния,

а чтобы и то и другое отказывалось служить – это уж исключительный случай. Но, как вы знаете, в гостиницах других перьев и других чернильниц почти не бывает. Да, я, почти не колеблясь, скажу, что если б нам удалось обследовать все корзинки для бумаг во всех гостиницах поблизости от Черинг-кросса и обнаружить там остатки изрезанной передовицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послания… Стойте! Стойте! Что это?

Он стал внимательно вглядываться в страницу, на которой были наклеены слова, держа ее на расстоянии одного-двух дюймов от глаз.

– Ну что?

– Нет, ничего, – сказал Холмс и положил письмо на стол. – Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма все, что было можно. А теперь, сэр Генри, расскажите, не случилось ли с вами чего-либо из ряда вон выходящего с тех пор, как вы приехали в Лондон.

– Да нет, мистер Холмс, как будто ничего такого не случилось.

– Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

– Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман, – сказал наш гость. – Кому может взбрести в голову устанавливать за мной слежку?

– Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужели вам не о чем рассказать нам?

– Смотря по тому, что вы считаете достойным вашего внимания.

– Все, что так или иначе выходит за рамки обычного уклада жизни.

Сэр Генри улыбнулся:

– Почти все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне еще в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

– Вы потеряли один башмак?

– Друг мой, – воскликнул доктор Мортимер, – да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдется. Стоит ли беспокоить мистера Холмса из-за таких пустяков!

– Но ведь он спрашивает, не случилось ли со мной чего-нибудь необычного.

– Совершенно верно, – сказал Холмс. – Меня интересует каждая мелочь, как бы она ни была нелепа. Значит, у вас пропал башмак?

– Да, но, может быть, его действительно куда-нибудь засунули. Вчера вечером я выставил башмаки за дверь, а утром там оказался только один. От коридорного мне так и не удалось добиться вразумительного ответа.

Обиднее всего, что я купил эту пару всего лишь накануне, на Стренде, и даже не успел обновить ее.

– Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

– Они светло-коричневые. Поэтому я велел почистить их темной ваксой.

– Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

– Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки – ценой в шесть долларов! – а вот надеть-то их так и не пришлось.

– Если это кража, то довольно бессмысленная, – сказал Шерлок Холмс. – Я, признаться, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдется.

– А теперь, джентльмены, – решительно заговорил баронет, – довольно мне рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать свое слово и объяснить мне, к чему клонятся все эти разговоры.

– Законное требование, – согласился Холмс. – Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами все рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободренный этой просьбой, наш ученый друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким вниманием, время от времени прерывая доктора удивленными возгласами.

– Н-да, хорошее мне досталось наследство! – сказал он, когда длинное повествование было закончено. – О собаке я, конечно, слышал еще с детских лет. Эту легенду любили рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так все перепуталось в голове, что я еще ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо было обращаться – к священнику или к полисмену.

– Совершенно верно.

– А теперь еще это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

– Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах, – сказал доктор Мортимер.

– И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам, – сказал Холмс, – если он предупреждает вас об опасности.

– А может быть, наоборот – кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

– Это тоже не исключено… Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решать по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

– А почему бы мне туда не поехать?

– По-видимому, это небезопасно.

– Откуда же эта опасность исходит – от нашего семейного пугала или от людей?

– Вот это мы и должны выяснить.

– Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решено окончательно. – Его темные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервилевская неукротимость явно давала о себе знать и в этом последнем отпрыске их рода. – Я еще не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу все усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побыть часок одному и поразмыслить обо всем на досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо к себе в отель. Что, если вы и ваш друг, доктор Уотсон, придете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю.

– Вас это устраивает, Уотсон?

– Вполне.

– Тогда мы приедем. Позвать вам кэб?

– Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.

– Я с удовольствием присоединюсь к вам, – сказал его спутник.

– Значит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопнули за собой входную дверь. Холмс мгновенно преобразился – от его томности не осталось и следа, он снова стал человеком действия.

– Одевайтесь, Уотсон, скорей. Нельзя терять ни секунды.

Снимая на ходу халат, он быстро ушел к себе и через две-три минуты вернулся уже в сюртуке.

Мы сбежали вниз по лестнице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль еще виднелись впереди, шагах в двухстах от нас. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит.

– Догнать их?

– Ни в коем случае, друг мой! Если вы со мной не соскучитесь, то я с вами и подавно. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро – одно удовольствие.

Он прибавил шагу, и расстояние между нами и нашими недавними посетителями мало-помалу сократилось наполовину. Продолжая сохранять эту дистанцию, мы свернули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одного из магазинов сэр Генри и доктор Мортимер остановились, разглядывая витрину, и Холмс остановился тоже. Секунду спустя он вдруг удовлетворенно хмыкнул, и, проследив направление его внимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту сторону улицы кэб, в окне которого виднелся седок, медленно двинулся вперед.

– Вот его-то нам и надо, Уотсон! Пойдемте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же минуту передо мной в боковом окне кэба мелькнула густая черная борода, и чьи-то глаза смерили нас пронзительным взглядом. Сейчас же вслед за этим приоткрылось верхнее окошечко, седок что-то крикнул кэбмену, и кэб стремительно понесся по Риджент-стрит. Холмс оглянулся, ища свободный экипаж, но тщетно – свободных не было. Тогда он кинулся в самую гущу уличного движения за кэбом, который быстро исчезал у нас из виду.

– Ах, черт! – бледный от досады, еле выговорил он, вынырнув из уличного потока. – Вот не повезло! Да я сам во всем виноват. Уотсон! Уотсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы занесете в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

– Что это за человек?

– Понятия не имею.

– Соглядатай?

– Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его приезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд»? Я рассудил так; если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

– Да, помню.

– Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Это все очень серьезно, и хотя мне до сих пор еще неясно, какие здесь действуют силы – добрые или злые, – я тем не менее непрестанно ощущаю чье-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчет. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся

за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадется их неуловимая тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кэб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его прием имеет еще ту выгоду, что, если бы они тоже сели в кэб, он бы не потерял их из виду. Но все же одно уязвимое место в этом приеме есть.

– Кэбмен?

– Вот именно.

– Какая жалость, что мы не заметили его номера!

– Дорогой мой Уотсон! Мне, правда, нечем похвалиться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

– Не вижу, что вы могли еще сделать.

– Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А еще лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальнейших событий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервиля до дверей, и мы с помощью его же собственного приема могли бы проследить, куда он потом денется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неуместной поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

– Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за ними, – сказал Холмс. – Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас на руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кэбе?

– Лицо нет, а бороду разглядел.

– Я тоже… а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдемте сюда, Уотсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник которой встретил его с распростертыми объятиями.

– Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне посчастливилось помочь вам в том маленьком дельце!

– Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

– Вы преувеличиваете, друг мой! Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган, по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

– Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

– Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И еще будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

– Дайте мне «Путеводитель по гостиницам», – сказал Холмс. – Благодарю вас. Смотри, Картрайт, вот это – названия двадцати трех гостиниц в районе Черинг-кросс. Видишь?

– Да, сэр.

– Ты обойдешь их все по очереди.

– Слушаю, сэр.

– И для начала будешь давать швейцарам по шиллингу. Вот тебе двадцать три шиллинга.

– Слушаю, сэр.

– Вы скажете, что вам нужно посмотреть мусор, выброшенный вчера из корзин. Объяснишь это так: одну очень важную телеграмму доставили по ошибке не в тот адрес, и тебе велено ее разыскать. Понятно?

– Да, сэр.

– Но на самом деле ты будешь искать страницу газеты «Таймс», изрезанную в нескольких местах ножницами. Вот номер «Таймса», а страница нужна вот эта. Ты сможешь отличить ее от других?

– Да, сэр.

– Швейцары будут, конечно, отсылать тебя к коридорным, ты и им дашь по шиллингу. Вот тебе еще двадцать три шиллинга. В двадцати случаях из двадцати трех, вероятно, окажется, что мусор из корзин выкинут или сожжен. Но в трех остальных гостиницах тебе покажут груду бумаг, среди которых ты и поищешь эту страницу. Шансов на удачу очень мало. На всякий случай даю тебе еще десять шиллингов. К вечеру телеграфируй мне, на Бейкер-стрит, как у тебя обстоят дела… А теперь, Уотсон, нам с вами осталось только запросить по телеграфу о кэбмене номер две тысячи семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-нибудь картинную галерею на Бонд-стрит и проведем там время, оставшееся до завтрака.

Глава V

Три оборванные нити

Шерлок Холмс обладал удивительной способностью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушел в созерцание полотен современных бельгийских художников и за два часа, по-видимому, ни разу не вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картинной галереи до отеля «Нортумберленд» он говорил только о живописи, несмотря на то, что понятия его в этой области отличались крайней примитивностью.

– Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, – сказал нам дежурный по вестибюлю. – Он просил сразу же провести к нему гостей.

– Вы не разрешите мне посмотреть списки ваших постояльцев? – спросил Холмс.

– Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в книге были еще две записи: «Теофилиус Джонсон с семьей, из Ньюкасла» и «миссис Олдмор с горничной, из Элтона».

– Не тот ли это Джонсон, которого я когда-то знал? – сказал Холмс дежурному. – Он адвокат, седой и немного прихрамывает?

– Нет, сэр, мистер Джонсон – владелец угольных копей, еще не старый джентльмен, ваших лет.

– Вы уверены, что он не адвокат?

– Уверен, сэр. Мистер Джонсон наш частый гость, мы его знаем не первый год.

– Да? Ну, не спорю. Миссис Олдмор… Я где-то слышал эту фамилию. Простите меня за любопытство, но иной раз бывает так, что ищешь одного знакомого, а находишь другого.

– Миссис Олдмор женщина слабого здоровья, сэр. Ее муж был когда-то мэром Глостера. Она останавливается только у нас, когда приезжает в город.

– Благодарю вас. Вероятно, я спутал ее с другой леди… Эти вопросы помогли нам установить один очень важный факт, Уотсон, – продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестнице. – Теперь нам ясно, что люди, которые так интересуются нашим другом, остановились не здесь. Значит, старательно наблюдая за каждым его шагом, в чем мы уже убедились, они так же старательно избегают попадаться ему на глаза.

А это говорит о многом.

– Например, о чем?

– Ну, хотя бы о том… Хэлло! Друг мой, что случилось?

Мы вышли на верхнюю площадку и столкнулись там с сэром Генри Баскервилем. Он выбежал на лестницу весь красный от гнева, держа в руках старый, пыльный башмак. У него даже язык заплетался от ярости, и когда он, наконец, обрел дар слова, то сразу сбился на явный американский акцент, чего мы утром за ним не заметили.

– За кого меня принимают в этом отеле – за дурачка, что ли? – закричал сэр Генри. – Не позволю с собой шутить! Если этот болван не найдет моего башмака, я устрою скандал! У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но на сей раз здешние шутники малость пересолили.

– Все еще разыскиваете свою пропажу?

– Да, разыскиваю, и не успокоюсь, пока не найду.

– Но, по-моему, вы говорили о новом светло-коричневом башмаке?

– Да, сэр. А теперь та же история с черным.

– Как! Неужели вы хватились и…

– Вот именно! У меня всего-навсего три пары обуви – новая светло-коричневая, старая черная и лакированные туфли, которые сейчас на мне. Вчера вечером пропал один коричневый башмак, а сегодня стащили и черный… Ну, нашли? Отвечайте же! Что вы на меня так уставились?

На площадке появился взволнованный коридорный немец:

– Нет, сэр. Я у всех спрашивал, никто ничего не знает.

– Так вот, слушайте: или вы отыщете к вечеру мой башмак, или я пойду к управляющему и заявлю ему, что немедленно съезжаю отсюда.

– Башмак найдется, сэр… Обещаю вам, что найдется… Минутку терпения, сэр.

– Имейте в виду, это в последний раз. Я больше не допущу, чтобы меня обкрадывали в вашем воровском притоне!.. Мистер Холмс, простите, пожалуйста, что я беспокою вас такими пустяками…

– А эти пустяки заслуживают, чтобы из-за них беспокоились.

– Вы уж очень серьезно к ним относитесь!

– Как же вы сами это объясните?

– Я даже не пытаюсь объяснить. Со мной еще никогда в жизни не случалось ничего более нелепого и более странного.

– Более странного?.. Да, это, пожалуй, так, – задумчиво проговорил Холмс.

– А что вы сами об этом скажете?

– Я, собственно, еще ничего не понимаю. История очень запутанная,

сэр Генри. Если ее связать со смертью вашего дяди, то из тех пятисот серьезнейших дел, которые мне приходилось распутывать, это будет, пожалуй, самое сложное. Но у меня в руках есть кое-какие нити, и одна из них непременно должна привести нас к разгадке. Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Мы очень приятно провели время за завтраком, лишь вскользь коснувшись тех вопросов, что свели нас четверых вместе. И Холмс только тогда осведомился о дальнейших планах Баскервиля, когда вся наша компания перешла к нему в номер.

– Я поеду в Баскервиль-холл.

– Когда?

– В конце недели.

– Я считаю ваше решение правильным, – сказал Холмс. – Теперь у меня уже нет никаких сомнений в том, что в Лондоне за вами установлена слежка. Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за люди и что им от вас нужно. Если они действуют с дурными намерениями, вам угрожает опасность, которую мы не в силах предотвратить… Доктор Мортимер, вы знаете, что сегодня утром, когда вы от меня вышли, за вами следили?

Доктор Мортимер так и подскочил на месте:

– Следили? Кто?

– Вот этого я, к сожалению, не могу сказать. Среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре есть кто-нибудь с окладистой черной бородой?

– Нет… впрочем, постойте… Ну конечно… У дворецкого сэра Чарльза, Бэрримора, окладистая черная борода.

– Гм! А где он сейчас?

– В Баскервиль-холле. Дом оставлен на его попечение.

– Надо проверить, действительно ли он там, а не в Лондоне.

– Как же это сделать?

– Дайте мне телеграфный бланк. «Готовы ли приезду сэра Генри». Адресуем так: «Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору». Где у вас там ближайший телеграф? В Гримпене? Прекрасно! Вторую телеграмму пошлем в Гримпен на имя начальника конторы: «Телеграмму адресованную Бэрримору просьба передать собственные руки. Случае отсутствия направьте обратно отель «Нортумберленд» сэру Генри Баскервилю». Вот так. К вечеру мы будем знать, находится ли Бэрример на своем посту в Девоншире или нет.

– Прекрасно, – сказал Баскервиль. – Кстати, доктор Мортимер,

что собой представляет этот Бэрримор?

– Он сын покойного управляющего поместьем. Это уже четвертое поколение Бэрриморов, которое живет в Баскервиль-холле. Насколько я знаю, он и его жена вполне почтенные люди.

– Тем не менее, – сказал сэр Генри, – мне совершенно ясно, что пока Баскервиль-холл остается без хозяина, эти люди живут там припеваючи, без забот, без хлопот.

– Да, правильно.

– Бэрримор получил что-нибудь по завещанию сэра Чарльза? – спросил Холмс.

– И ему и его жене было завещано по пятисот фунтов.

– Гм! А они знали об этом раньше?

– Да. Сэр Чарльз любил говорить о своих распоряжениях на случай смерти.

– Интересный факт.

– Я надеюсь, – сказал доктор Мортимер, – что вы не станете подозревать всех, кто получил по завещанию сэра Чарльза? Мне он тоже оставил тысячу фунтов.

– Вот как! А еще кому?

– В завещании было указано много мелких сумм разным лицам и крупные пожертвования на благотворительные цели. Наследство же все отошло сэру Генри.

– А в какой сумме оно выражается?

– Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс удивленно поднял брови.

– Я и не подозревал, что речь идет о таком огромном капитале, – сказал он.

– Сэр Чарльз слыл богатым человеком, но истинные размеры его состояния выяснились только после того, как мы ознакомились с ценными бумагами. Общая сумма наследства подходит к миллиону.

– Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится… гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

– Поскольку младший брат сэра Чарльза, сэр Роджер, умер холостяком, Баскервиль-холл перейдет к отдаленным родственникам – к Десмондам. Джеймс Десмонд уже немолодой человек, он священник и живет в Вестморленде.

– Благодарю вас. Все эти подробности чрезвычайно любопытны. А вам

приходилось встречаться с мистером Джеймсом Десмондом?

– Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. Это человек очень почтенного вида и безупречного образа жизни. Я помню, что сэр Чарльз хотел обеспечить его, но он отказался от этого наотрез, несмотря на все уговоры.

– И такой скромный человек мог бы унаследовать все состояние сэра Чарльза?

– К нему перешло бы только поместье, так как оно считается родовым, а деньги он получил бы лишь в том случае, если бы теперешний их владелец не распорядился ими как-нибудь по-другому, что вполне возможно, ибо сэр Генри волен поступать с наследством по своему личному усмотрению.

– А вы уже составили завещание, сэр Генри?

– Нет, мистер Холмс, мне было не до этого: ведь я только вчера узнал, как обстоят дела. Тем не менее я считаю, что отторгать деньги от поместья и титула нельзя. Точно таких же взглядов придерживался и мой несчастный дядя. Разве хозяин Баскервиль-холла сможет восстановить былую славу своего рода, если у него не будет средств на это? Нет, где дом и земля, там должны быть и деньги.

– Совершенно правильно. Итак, сэр Генри, я тоже считаю, что вам надо без всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: вас ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

– Доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

– Но у доктора Мортимера много времени отнимает практика, да и жить он будет в нескольких милях от Баскервиль-холла. Нет, доктор при всем желании не сможет вам помочь. Вы должны взять с собой верного человека, сэр Генри, такого, который все время будет при вас.

– Мистер Холмс, неужели вы согласитесь поехать сами?

– Если дело дойдет до кризиса, я как-нибудь вырвусь к вам, но, вы сами понимаете, моя обширная практика и постоянные запросы, которые сыплются на меня со всех сторон, не позволяют мне уезжать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, одно из самых уважаемых лиц в Англии находится во власти шантажиста, и отвратить грядущую катастрофу могу только я. Нет, мне никак нельзя уезжать в Дартмур.

– Кого же вы посоветуете вместо себя?

Холмс положил руку мне на плечо:

– Если за это возьмется мой друг, то вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чем я убедился на собственном опыте.

Это предложение свалилось на меня как снег на голову, но Баскервиль,

не дожидаясь моего ответа, уже горячо тряс мне руку.

– Доктор Уотсон, как это любезно с вашей стороны! – воскликнул он. – Вы же видите, в каком я положении, а обстоятельства дела известны вам не хуже, чем мне. Если вы поедете в Баскервиль-холл и поживете там со мной, я этого никогда не забуду!

Приключения всегда таят в себе какую-то особую прелесть для меня, а слова Холмса и живость, с которой баронет откликнулся на его предложение, чрезвычайно мне польстили.

– Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, – ответил я, – и не пожалею потраченного времени.

– Вы будете присылать мне подробные отчеты, – сказал Холмс. – В самый критический момент – а он неминуемо наступит – я буду руководить вашими действиями. Думаю, что отъезд можно назначить на субботу.

– Вас это устраивает, доктор Уотсон?

– Вполне.

– Значит, если отмены не будет, мы выезжаем в субботу поездом десять тридцать с Паддингтонского вокзала.

Мы встали, собираясь раскланяться, как вдруг Баскервиль вскрикнул и с торжествующим видом вытащил из-под стоявшего в углу шкафа светло-коричневый башмак.

– Вот она, моя пропажа!

– Пусть и остальные загадки разрешатся так же просто! – сказал Шерлок Холмс.

– Но все-таки это очень странно, – заметил доктор Мортимер. – Я еще перед завтраком обыскал всю комнату.

– И я тоже, – сказал Баскервиль. – Обшарил все уголки. Башмака нигде не было.

– Значит, коридорный положил его туда, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но он ничего не мог сказать, и дальнейшие расспросы тоже ни к чему не привели. Таким образом, к серии этих быстро сменяющих одна другую и явно нелепых загадок прибавилась еще одна. Уж не говоря о трагической смерти сэра Чарльза, перед нами протянулась цепь необъяснимых событий, совершившихся всего лишь за два дня: письмо, составленное из газетных вырезок, бородатый незнакомец в кэбе, пропажа сначала нового коричневого башмака, потом старого черного и теперь появление коричневого.

По дороге на Бейкер-стрит Холмс сидел в кэбе молча и, судя по его нахмуренным бровям и напряженному взгляду, так же, как и я, пытался

привести в единую систему все эти странные и, казалось бы, не связанные один с другим факты. Весь остальной день и вечер он провел у себя в кабинете, погруженный в густые клубы табачного дыма и в размышления.

Перед самым обедом нам подали две телеграммы. Первая гласила:

«Только что сообщил Бэрримор дома *Баскервиль*».

Вторая:

«Обошел двадцать три гостиницы сожалению изрезанной страницы «Таймс» не нашел *Картрайт*».

– Вот и оборвались сразу две нити, Уотсон. Нет ничего лучше таких дел, где все словно сговорились против тебя. Тогда-то и начинаешь входить в азарт. Ну что ж, пойдем по третьему следу.

– У вас еще есть в запасе кэбмен, который вез этого незнакомца.

– Совершенно верно. Я запросил его фамилию и адрес в Регистрационной конторе и не удивлюсь, если сейчас мы получим ответ на мой вопрос.

Задребезжавший звонок возвестил о том, что даже превзошло все ожидания Холмса, ибо в дверях кабинета появился рослый детина – по-видимому, не кто иной, как сам кэбмен.

– Мне сказали в конторе, что вот по этому адресу справлялись о номере две тысячи семьсот четыре, – начал он. – Я уже седьмой год езжу и никогда никаких жалоб не слыхал. Дай, думаю, сам зайду, пусть мне в глаза скажут, в чем таком я провинился.

– Вы ни в чем не провинились, любезнейший, – сказал Холмс. – Наоборот, я заплачу вам полсоверена, только ответьте мне прямо на мой вопрос.

– Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь! – ухмыльнулся кэбмен. – А что вам угодно, сэр?

– Прежде всего вашу фамилию и адрес на случай если вы мне опять понадобитесь.

– Джон Клейтон, проживаю в Бороу, Тарпи-стрит, номер три. Кэб стоит в Шипли-Ярд, около вокзала Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал все это.

– А теперь, Клейтон, расскажите мне про вашего седока, который наблюдал за этим домом сегодня в десять часов утра, а потом выслеживал

двух джентльменов на Риджент-стрит.

Кэбмен с удивлением воззрился на Холмса и, по-видимому, несколько оробел.

– Что ж вам рассказать, когда вы сами не хуже меня все знаете! – ответил он. – Мой седок сказал мне, что он сыщик, и не велел болтать об этом.

– Ну так вот, любезнейший, тут дело серьезное, и если вы станете скрывать что-нибудь от меня, то можете оказаться в очень неприятном положении. Значит, он назвался сыщиком?

– Да, сэр.

– А когда он заявил вам об этом?

– Когда расплачивался.

– А еще что-нибудь он говорил?

– Сказал свою фамилию.

Холмс бросил на меня победоносный взгляд.

– Свою фамилию? Весьма неосторожно с его стороны! Так как же его зовут?

– Его зовут, – сказал кэбмен, – мистер Шерлок Холмс.

Ответ кэбмена буквально сразил моего друга. В жизни своей я не видел у него такого ошеломленного выражения лица. Минуты две он не мог вымолвить ни слова, потом громко расхохотался.

– Удар, Уотсон! Меткий удар! – сказал он. – Рапира в руках противника, который не уступает мне ни в быстроте, ни в точности. На сей раз он обвел меня вокруг пальца. Значит, его зовут Шерлок Холмс, а?

– Да, сэр, он сам так сказал.

– Блистательно! Теперь расскажите мне, где вы взяли этого седока и что было дальше.

– Он окликнул меня в половине десятого утра на Трафальгар-сквер. Говорит: «Я сыщик», и посулил мне две гинеи, если я буду в точности исполнять его приказания и ни о чем не стану расспрашивать. Ну что ж, от таких денег не отказываются. Я подвез его к отелю «Нортумберленд» и остановился там. Потом оттуда вышли двое джентльменов, кликнули кэб с биржи и поехали куда-то сюда, на вашу улицу.

– Вот к этому самому дому, – сказал Холмс.

– Может быть. Это уж моего седока надо спрашивать, ему лучше знать. Он велел мне остановиться примерно посередине квартала, и мы прождали там еще часа полтора. Потом те двое джентльменов прошли мимо нас, и мы двинулись за ними по Бейкер-стрит, свернули на…

– Это я знаю, – сказал Холмс.

– А как выехали на Риджент-стрит, он поднял верхнее окошечко и крикнул: «Гоните к вокзалу Ватерлоо!» Я стеганул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тут он дал мне две гинеи – не надул! – и пошел к вокзалу. А напоследок обернулся и говорит: «Вам, верно, любопытно знать, кого вы возили? Шерлока Холмса». Вот как это все было.

– Так, понимаю. И больше вы его не видели?

– Нет, больше не видел.

– А теперь опишите мне наружность этого мистера Шерлока Холмса.

Кэбмен почесал в затылке:

– Не так-то это легко. Лет ему будет примерно под сорок, роста среднего, ниже вас дюйма на два, сэр. Одет чисто, борода черная, лопатой, а лицо бледное. Больше, пожалуй, ничего не смогу вам сказать.

– Цвет глаз какой?

– Вот не приметил…

– Больше ничего не запомнили?

– Ничего, сэр.

– Ну хорошо. Вот ваши полсоверена. А другую половину получите, если разузнаете об этом человеке что-нибудь еще. Всего хорошего.

– Доброго здоровья, сэр. Благодарю вас.

Джон Клейтон вышел посмеиваясь, а Холмс пожал плечами и с разочарованной улыбкой повернулся ко мне.

– Третья нить тоже не выдержала, – сказал он. – Теперь будьте добры начинать все с самого начала. Вот хитрая бестия! Узнал номер нашего дома, узнал, что сэр Генри Баскервиль поехал сюда за советом, углядел меня на Риджент-стрит, сообразил, что номер кэба взят на заметку и что кэбмена разыщут, и решил поиздеваться надо мной. Попомните мое слово, Уотсон, на сей раз мы имеем дело с достойным противником. Я потерпел поражение в Лондоне. Будем надеяться, что вы отыграетесь в Девоншире. И все-таки меня это очень беспокоит.

– Что?

– Да ваша поездка. Дело очень нехорошее, Уотсон. Нехорошее и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше и меньше оно мне нравится. Смейтесь, друг мой, смейтесь, но я буду очень рад, если вы вернетесь на Бейкер-стрит здравым и невредимым.

Глава VI

Баскервиль-холл

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер закончили все свои дела к назначенному дню, и мы отправились, как и было условлено, в Девоншир. Провожая меня на вокзал, Шерлок Холмс всю дорогу давал мне напутственные указания и советы.

– Я не стану говорить вам, кого я подозреваю и какие строю догадки, Уотсон, чтобы у вас не создалось предвзятого мнения, – сказал он. – Мне нужны факты, изложенные подробнейшим образом, а уж сопоставлять их я буду сам.

– Что же вас интересует? – спросил я.

– Все, что так или иначе касается этого дела, в особенности отношения между молодым Баскервилем и его соседями, а если узнаете что-нибудь новое о смерти сэра Чарльза, то отметьте и это. За последние дни я навел кое-какие справки, но, к сожалению, результатами похвалиться не могу. Мне удалось выяснить только одно: ближайший наследник, мистер Джеймс Десмонд, действительно прекрасный человек весьма почтенного возраста, так что это не его козни. Думаю, что мы смело можем не заниматься им в дальнейшем. Значит, остаются только те люди, которые составят непосредственное окружение сэра Генри Баскервиля.

– А не лучше ли сразу же отделаться от четы Бэрриморов?

– Ни в коем случае! Более грубую ошибку трудно совершить. Если они ни в чем не виноваты, это будет жестокой несправедливостью, а если виноваты, тогда их после не доищешься. Нет, нет! Пусть так и остаются на подозрении. Потом, если не ошибаюсь, там есть конюх, двое фермеров, наш друг доктор Мортимер, по-видимому, человек безупречной честности, и его жена, о которой нам ничего не известно. Не забудьте и натуралиста Стэплтона с сестрой – как говорят, весьма привлекательной молодой особой. Дальше идут мистер Френкленд из Лефтер-холла – тоже личность неизвестная, и двое-трое других соседей. Вот люди, которые должны находиться под вашим наблюдением.

– Постараюсь не осрамиться.

– Оружие вы взяли?

– Да, думаю, это будет не лишним.

– Безусловно. Держите револьвер при себе и днем и ночью и не ослабляйте бдительности ни на секунду.

Наши друзья уже успели запастись билетами первого класса и ждали нас на платформе.

– Нет, ничего нового, – сказал доктор Мортимер, отвечая на вопрос моего друга. – Могу только поклясться, что последние два дня слежки за нами не было. Мы все время об этом помнили, и от нашего внимания никто бы не ускользнул.

– Надеюсь, вы были неразлучны эти дни?

– Да, за исключением вчерашнего. У меня так уж заведено – по приезде в город посвящать один день целиком развлечениям, и вчера я был в музее Хирургического колледжа.

– А я пошел в парк посмотреть на гуляющих, – сказал Баскервиль. – И все обошлось благополучно.

– Тем не менее это было неблагоразумно с вашей стороны, – сказал Холмс нахмурившись и покачал головой. – Я вас прошу, сэр Генри, не выходите без провожатых, иначе вам не миновать беды. Вы нашли другой башмак?

– Нет, сэр, он исчез бесследно.

– Вот как? Любопытно! Ну, всего вам хорошего, – добавил он, когда поезд тронулся. – Сэр Генри! Помните наставление из странной легенды, которую нам читал доктор Мортимер, и остерегайтесь выходить на торфяные болота ночью, когда злые силы властвуют безраздельно.

Я выглянул из окна и увидел вдали высокую, худощавую фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе и смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Мы двигались быстро, и я чувствовал себя как нельзя лучше. Я присматривался к моим спутникам и забавлялся спаниелем доктора Мортимера. Через каких-нибудь два-три часа земля вдоль полотна сменила бурый оттенок на красный, кирпич уступил место граниту, а разгороженные пышные луга, на которых рыжие коровы пощипывали сочную траву, свидетельствовали о том, что климат в этих местах, при всей влажности воздуха, значительно лучше, чем на востоке.

Молодой Баскервиль не отходил от окна и радостно вскрикивал при виде родных девонширских пейзажей.

– Где только мне не пришлось побывать с тех пор, как я уехал отсюда, доктор Уотсон! – сказал он. – И все-таки эти места ни с чем не сравнишь.

– Покажите нам такого девонширца, который не восхищался бы своим Девонширом.

– Тут дело не только в самом Девоншире, но и в людях, которые его населяют, – сказал доктор Мортимер. – Одного взгляда на круглый череп

нашего друга достаточно, чтобы обнаружить в нем представителя кельтской[35] расы, с ее восторженностью, с ее склонностью к сильным чувствам. У покойного сэра Чарльза было совершенно редкостное строение черепа – наполовину галльское, наполовину иберийское. Сэр Генри, а ведь вы, кажется, с детства не видели Баскервиль-холла?

– Я его никогда не видел, потому что мы жили в маленьком коттедже на южном побережье. Когда отец умер, мне шел тринадцатый год, и я сразу же уехал к нашим друзьям в Америку. Эти места для меня почти так же новы, как и для доктора Уотсона, и я просто не дождусь, когда наконец появятся торфяные болота.

– Вот как! В таком случае ваше желание исполнилось – можете любоваться ими, – сказал доктор Мортимер, показывая в окно.

Вдали за зелеными квадратами пастбищ и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, показался унылый серый холм с зазубренной вершиной. Баскервиль смотрел туда не отрываясь, и эти жадные взгляды говорили о том, как много значит для него первое знакомство с суровым краем, где люди, близкие ему по крови, владычествовали так долго и оставили после себя такой глубокий след. Этот молодой человек в спортивном костюме и с явным американским акцентом сидел рядом со мной в прозаическом железнодорожном вагоне, и все же, глядя на его смуглое выразительное лицо, я чувствовал в нем истого потомка тех неукротимых и властных людей. Густые брови, тонкие ноздри и большие карие глаза свидетельствовали о гордости, отваге и силе. Если неприветливые торфяные болота поставят нас лицом к лицу с трудной и опасной задачей, то ради такого человека можно пойти на многое, ибо он смело разделит с тобой любой риск.

Поезд остановился у маленькой захолустной станции, и мы вышли из вагона. За низким белым забором стояла коляска, запряженная парой невысоких, коренастых лошадок. Наш приезд, очевидно, был здесь большим событием, так как и сам начальник станции, и носильщики – все окружили нас, предлагая свою помощь. Это было милое деревенское местечко, но, к своему удивлению, я увидел у выхода с платформы двух солдат в темных мундирах, которые стояли, опираясь на карабины, и пристально смотрели на нас. Кучер, нескладный малый с угловатыми чертами лица, снял шапку, приветствуя сэра Генри Баскервиля, и через несколько минут мы уже быстро катили по широкой белой дороге. По обе ее стороны поднимались зеленые склоны пастбищ, домики с остроконечными крышами выглядывали из густой листвы, но впереди,

за пределами этого мирного, залитого солнцем края, темнея на горизонте вечернего неба, вырисовывалась сумрачная линия торфяных болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов.

Наша коляска свернула на боковую дорогу, и мы начали подниматься вверх по глубоким колеям, проложенным столетия назад между высокими насыпями, на которых росли мясистые хвощи и влажный мох. Отливающий бронзой папоротник и листья ежевики поблескивали в лучах заходящего солнца. Продолжая подъем, мы проехали по узкому каменному мосту через бурную речку, которая быстро неслась между серыми валунами, обдавая их пеной. И дорога и речка вились по долине, густо заросшей дубняком и соснами.

На каждом повороте Баскервиль восторженно вскрикивал, с любопытством оглядываясь по сторонам, и закидывал нас бесчисленными вопросами. На его взгляд, все здесь было прекрасно, но я не мог отделаться от грусти, которую навевали на меня эти пастбища и взгорья, явно носившие следы осени. Желтые листья слетали на землю и, порхая, ковром устилали тропинки. Стук колес нашего экипажа постепенно замер, потонул в густом слое гниющей травы. «Печальные дары бросает природа под ноги новому владельцу Баскервиль-холла!» – подумал я.

– Смотрите! – вдруг крикнул доктор Мортимер. – Что это?

Перед нами поднималось крутое взгорье, поросшее вереском, – первый предвестник близости торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, четко вырисовывался верховой с винтовкой наготове. Он наблюдал за дорогой, по которой мы ехали.

– Перкинс, что это значит? – спросил доктор Мортимер.

Наш возница повернулся на козлах:

– Из принстаунской тюрьмы убежал арестант, сэр. Вот уже третий день, как его разыскивают. Выставили сторожевых на всех дорогах, на всех станциях, да пока все без толку. Здешний народ очень этим недоволен, сэр.

– Почему? Ведь тому, кто наведет на след, полагается пять фунтов.

– Так-то оно так, сэр, да только на пять фунтов надежды мало, а вот что он горло тебе перережет, это вернее. Такой человек ни перед чем не остановится, это не какой-нибудь мелкий воришка.

– Кто же он?

– Селден, который совершил убийство в Ноттингхилле.

Я хорошо помнил дело Селдена, потому что в свое время Шерлок Холмс занимался им, заинтересовавшись жестокостью, с которой было совершено убийство, и печатью бесцельного зверства, отмечавшей все

действия этого изверга. Преступление было настолько чудовищно, что у судей зародилось сомнение в здравости рассудка Селдена, и поэтому смертную казнь ему заменили тюрьмой.

Коляска поднялась на взгорье, и перед нами раскинулись огромные просторы торфяных болот с видневшимися на них кое-где долменами[36] из обломков скал и каменными столбами. Холодный ветер, налетевший оттуда, пронизал нас до костей. Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таилось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами, в порывистом ветре и темнеющем небе. Даже Баскервиль умолк и плотнее запахнул на себе пальто.

Плодородные места остались позади и ниже нас. Мы оглянулись – лучи заходящего солнца превращали бегущие ручейки в золотые ленты, горели на поднятой плугом земле и густой чаще кустарника. Дорога, пересекающая красновато-оливковые перевалы с огромными валунами, становилась все запущеннее и суровее. Время от времени перед нами вырастали обнесенные каменными оградами коттеджи, скупые очертания которых не были скрашены даже плющом. А потом глазам нашим предстала похожая на глубокую чашу долина с чахлыми дубами и соснами, искореженными и погнутыми ветром, бушующим здесь спокон веков. Над деревьями поднимались две высокие, узкие башни. Наш возница показал на них кнутом.

– Баскервиль-холл, – сказал он.

Хозяин поместья встал в коляске во весь рост – щеки у него раскраснелись, в глазах вспыхнул огонь. Через несколько минут мы подъехали к узорным чугунным воротам с двумя обомшелыми колоннами, которые увенчивались кабаньими головами – гербом Баскервилей. Каменный домик привратника был ветхий, с обнажившимися стропилами, но перед ним стояло новое, еще не законченное строение – первый плод, принесенный южноафриканским золотом сэра Чарльза.

За воротами шли два ряда высоких старых деревьев; их ветви смыкались сумрачным сводом у нас над головой. Стук колес снова потонул в шорохе листьев. Баскервиль содрогнулся, глядя в длинный темный прогал аллеи, в конце которого виднелись призрачные очертания дома.

– Это случилось здесь? – тихо спросил он.

– Нет, нет, в тисовой аллее, она с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя хмурый взгляд.

– Меня нисколько не удивляет, что, живя здесь, дядя все время ждал какой-то беды, – сказал он. – Тут кого угодно возьмет страх. Подождите, не пройдет и полугода, как я проведу сюда электричество, и вы не узнаете этих мест! У входа будут гореть фонари Эдисона и Свана[37] по тысяче свечей каждый.

За аллеей открывался широкий газон, и, обогнув его, мы подъехали к дому. В сумерках я мог разглядеть лишь массивный фасад и террасу. Все было сплошь увито плющом, оставлявшим открытыми только оконные амбразуры да овалы гербов. Две старинные зубчатые башни с бойницами поднимались над этой частью здания. Справа и слева к ним примыкали два крыла из черного гранита, позднейшей пристройки. Сквозь окна со множеством переплетов на газон лился неяркий свет, над крутой остроконечной крышей с высокими трубами вставал столб темного дыма.

– Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-холл!

Высокий человек выступил из тени, падавшей от террасы, и открыл дверцу коляски. В освещенных дверях холла показался силуэт женщины. Она тоже подошла к нам и помогла мужчине снять наши чемоданы.

– Сэр Генри, вы не будете возражать, если я поеду прямо домой? – сказал доктор Мортимер. – Меня ждет жена.

– Останьтесь, пообедайте с нами!

– Нет, право, не могу. Дел, вероятно, тоже много накопилось. Я бы с удовольствием сам показал вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меня – он прекрасный гид. Всего хорошего! И помните: когда бы я вам ни понадобился, днем или ночью, не стесняйтесь посылать за мной.

Стук колес постепенно замер в глубине аллеи; тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Холл, в котором мы очутились, был очень красив – просторный, высокий, с массивными стропилами из потемневшего от времени дуба. В старинном камине с чугунной решеткой для дров потрескивали и шипели поленья. Продрогнув после долгой езды, мы с сэром Генри протянули руки к огню. Потом стали разглядывать дубовую обшивку холла, высокое узкое окно с цветными стеклами, оленьи головы и гербы на стенах, смутно видневшиеся в неярком свете люстры.

– Я именно так и представлял себе все это, – сказал сэр Генри. – Настоящее родовое гнездо, правда? Подумать только – ведь мои предки жили в этом самом доме в течение пяти веков! Как вспомнишь об этом, так невольно настраиваешься на торжественный лад.

Его смуглое лицо горело ребяческим восторгом. Он стоял в круге света, падавшего от люстры, а длинные тени ложились по стенам и черным

пологом сгущались над ним.

Бэрримор разнес наши чемоданы по комнатам и, вернувшись, почтительно склонился перед нами, как и подобало хорошо вышколенному слуге. Наружность у него была незаурядная – высокий, представительный, с окладистой черной бородой, оттенявшей бледное благообразное лицо.

– Прикажете подавать обед, сэр?

– А готово?

– Через несколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комнатах. Мы с женой будем счастливы, сэр Генри, остаться здесь на первых порах, но ведь при новых порядках вам потребуется большой штат.

– При каких новых порядках?

– Я хочу сказать, что сэр Чарльз вел уединенный образ жизни и мы вдвоем вполне могли обслужить его, а вы, сэр, вероятно, будете жить более широко, и вам придется налаживать все по-новому.

– Значит, вы с женой хотите получить расчет?

– Если только это не причинит вам каких-либо неудобств, сэр.

– Но ведь ваши предки в течение нескольких поколений жили в Баскервиль-холле. Мне бы очень не хотелось с первых же своих шагов здесь порывать старые семейные связи.

Я подметил следы волнения на бледном лице дворецкого.

– Нам с женой это тоже нелегко, сэр. Но, сказать вам правду, мы были очень привязаны к сэру Чарльзу и до сих пор никак не оправимся после его смерти. Нам тяжело здесь оставаться. Мы уже не можем чувствовать себя в Баскервиль-холле, как прежде.

– Что же вы собираетесь предпринять?

– Я надеюсь, сэр, что нам удастся наладить какое-нибудь дело. Ведь сэр Чарльз не оставил нас своей щедростью… А теперь разрешите показать вам ваши комнаты.

Верх старинного холла был обведен галереей с перилами, на которую вела двухпролетная лестница. Оттуда вдоль всего здания тянулись два длинных коридора, куда выходили все спальни. Моя была в одном крыле со спальней Баскервиля, почти дверь в дверь. Эти комнаты оказались более современными, чем центральная часть дома, а светлые обои и множество зажженных свечей сразу же смягчили тяжелое впечатление, которое создалось у меня по приезде в Баскервиль-холл.

Однако столовая в нижнем этаже поразила нас своим сумрачным видом. Это была длинная комната с помостом для хозяйского стола, отделенным одной ступенькой от той ее части, где полагалось сидеть лицам низшего звания. В дальнем конце были хоры для менестрелей[38].

Высоко у нас над головой чернели огромные балки, за которыми виднелся закопченный потолок. Очень может быть, что пылающие факелы, красочность и буйное веселье стародавних пиров смягчали мрачность этой комнаты, но сейчас, когда в ней под единственной лампой с абажуром сидели два джентльмена, одетые во все черное, их голоса звучали приглушенно, и настроение у них было несколько пониженное. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах – начиная с вельможи эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства – взирали на нас со стен, удручая своим молчанием. Разговор за столом как-то не клеился, и я почувствовал облегчение, когда, закончив обед, мы перешли курить в бильярдную – комнату вполне современную.

– Что и говорить, обстановка не из веселых, – сказал сэр Генри. – Ко всему этому, конечно, можно притерпеться, но сейчас я чувствую себя не в своей тарелке. Неудивительно, что мой дядюшка нервничал, живя один в таком доме. Ну что ж, давайте, пожалуй, разойдемся. Может быть, утром нам покажется здесь не так уж уныло.

Прежде чем лечь спать, я открыл штору и посмотрел в окно. Оно выходило на газон перед парадной дверью. За газоном, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянул месяц. В его холодном сиянии за деревьями виднелась неровная гряда скал и длинная линия мрачных болот. Я задернул штору, убедившись, что последнее мое впечатление от Баскервиль-холла ничуть не противоречит первому.

Но оно оказалось не последним. Несмотря на усталость, я все-таки не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок, тщетно призывал к себе сон. Где-то далеко часы отбивали каждые пятнадцать минут, и больше ничего не нарушало мертвой тишины, царившей в доме. И вдруг в глухую полночь моего слуха коснулся совершенно явственный звук, в природе которого сомневаться не приходилось. Это были рыдания, приглушенные, судорожные всхлипывания женщины, чье сердце разрывалось от горя. Я приподнялся на кровати и стал напряженно вслушиваться. Плач раздавался где-то близко, в самом доме. Я прождал с полчаса, насторожившись всем своим существом, но не услышал больше ничего, кроме боя часов и шороха плюща, увивающего стены.

Глава VII

Стэплтоны из Меррипит-хаус

Свежая прелесть утра стерла из нашей памяти гнетущее впечатление, которое осталось у нас обоих после первого знакомства с Баскервиль-холлом. Когда мы с сэром Генри сели завтракать, яркий солнечный свет уже лился в узкие окна с цветными гербами на стеклах, разбрасывая по полу пестрые блики. Темная дубовая обшивка отливала бронзой в золотых лучах, и теперь нам трудно было представить, что всего лишь накануне вечером эта комната навевала на нас такое уныние.

– Дом тут ни при чем, мы, вероятно, сами во всем виноваты, – сказал баронет. – Устали с дороги, прозябли, вот нам и представилось все в мрачном свете. А за ночь мы отдохнули, чувствуем себя прекрасно, и вокруг тоже повеселело.

– Однако нельзя приписывать все только нашему настроению, – ответил я. – Скажите мне, например, неужели вы не слышали среди ночи чей-то плач, по-моему, женский?

– А вы знаете, мне тоже почудилось что-то подобное сквозь дремоту. Я долго прислушивался и потом решил, что это было во сне.

– Нет, я совершенно ясно все слышал и уверен, что плакала женщина.

– Надо сейчас же поговорить с Бэрримором.

Он вызвал дворецкого звонком и обратился к нему за разъяснениями. Мне показалось, что бледное лицо Бэрримора побледнело еще больше, когда он услышал вопрос хозяина.

– В доме всего две женщины, сэр Генри, – ответил Бэрримор. – Одна из них судомойка, которая спит в другом крыле, вторая – моя жена, но я уверяю вас, что она не плакала.

И все же он сказал нам неправду, потому что после завтрака мне пришлось столкнуться с миссис Бэрримор в коридоре, на ярком свету. Я увидел высокую, очень спокойно державшуюся женщину с крупными чертами лица и со строго сжатыми губами. Но глаза – красные, с припухшими веками – выдали ее. Значит, она-то и плакала ночью, а если так, муж не мог не знать об этом. И все же он шел даже на то, что его могут уличить во лжи. Зачем? И почему она так горько рыдала?

Чем-то таинственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с черной бородой. Он первый обнаружил тело сэра Чарльза, и обстоятельства смерти старика Баскервиля были известны

нам только с его слов. Неужели же мы видели Бэрримора в кэбе на Риджент-стрит? Во всяком случае, борода была точно такая. Кэбмен говорил о человеке среднего роста, но это впечатление могло быть ошибочным. Как же мне установить истину? Прежде всего надо, конечно, повидать начальника почтовой конторы в Гримпене и узнать у него, была ли наша телеграмма передана Бэрримору в собственные руки. И в том и в другом случае у меня, по крайней мере, будет что сообщить Шерлоку Холмсу.

Сэр Генри занялся после завтрака просмотром деловых бумаг, и я вполне мог располагать своим временем. Пройдя четыре мили по хорошей дороге вдоль болот, я вышел к маленькой, невзрачной деревушке, в которой мне прежде всего бросились в глаза два более солидных, чем остальные, строения – гостиница и дом доктора Мортимера. Начальник почтовой конторы, оказавшийся также и здешним лавочником, запомнил нашу телеграмму.

– Конечно, сэр, – сказал он, – я доставил ее мистеру Бэрримору, как и было указано.

– А кто ее относил?

– Мой сынишка. Джеймс, ведь ты доставил телеграмму в Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору?

– Да, папа.

– И вручил ему самому? – спросил я.

– Нет, мистер Бэрримор был где-то на чердаке, и я отдал телеграмму его жене, а она обещала тотчас же передать ему.

– А самого мистера Бэрримора ты видел?

– Нет, сэр, я же говорю, что он был на чердаке.

– Откуда же ты знаешь, где он был, если сам его не видел?

– Ну, жена-то должна была знать, где он, – раздраженно сказал почтмейстер. – Ведь телеграмма доставлена? А если произошла какая-то ошибка, пусть мистер Бэрримор сам пожалуется.

Продолжать расспросы было бессмысленно, но мне стало ясно, что хитрая уловка Холмса ни к чему не привела и мы так и не узнаем, уезжал Бэрримор в Лондон или нет. Допустим, что уезжал. Допустим, что он – последний, кто видел сэра Чарльза в живых, – первый выследил его наследника, как только тот приехал в Англию. Что из этого следует? Действует ли Бэрримор по чьему-то наущению или у него есть свои собственные коварные планы? Какой ему смысл преследовать Баскервилей? Я вспомнил странное предостережение, составленное из газетных вырезок. Неужели это дело рук Бэрримора? А может быть,

оно послано кем-то другим, кто старается помешать ему? Единственное правдоподобное объяснение дал всему этому сэр Генри, сказав, что если Баскервилей удастся отпугнуть от родового поместья, то чета Бэрриморов обеспечит себе безмятежное существование до конца дней своих. Но разве это в какой-то мере оправдывает ту глубокую и тонкую интригу, которая невидимой сетью оплетает молодого баронета? Холмс сам признал, что среди всех его сенсационных расследований это дело наиболее запутанное и сложное.

Возвращаясь безлюдной, сумрачной дорогой, я молил бога, чтобы мой друг освободился как можно скорее и, приехав сюда, снял с меня тяжелую ответственность.

Мои размышления были внезапно прерваны звуком быстрых шагов позади. Чей-то голос окликнул меня по имени. Я оглянулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к моему удивлению, за мной спешил какой-то невысокий, худощавый блондин лет тридцати пяти – сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким длинным подбородком. На нем был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботаническая коробка, а в руках он держал зеленый сачок для ловли бабочек.

– Простите мне мою смелость, доктор Уотсон, – еще не отдышавшись как следует, заговорил незнакомец. – Мы здесь народ нецеремонный и не дожидаемся официальных представлений. Вы, может быть, слышали обо мне от нашего общего друга, Мортимера. Я Стэплтон из Меррипит-хаус.

– Вас нетрудно узнать по коробке и сачку, – сказал я, так как мне было известно, что мистер Стэплтон натуралист. – Но как вы-то догадались, кто я такой?

– Я сидел у Мортимера, и он показал мне вас из окна своей приемной, когда вы проходили мимо. Нам с вами по дороге, и я решил догнать вас и представиться вам самолично. Надеюсь, сэр Генри не очень утомился после долгого путешествия?

– Нет, он хорошо себя чувствует, благодарю вас.

– Мы все боялись, что после печальной кончины сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Трудно требовать от состоятельного человека, чтобы он заживо похоронил себя в такой глуши, но ведь вы сами понимаете, как много будет значить его присутствие для всей нашей округи. Я полагаю, эта история не внушила сэру Генри суеверного страха?

– Нет, не думаю.

– Вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая

будто бы преследует род Баскервилей.

– Да, знаю.

– До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть ли не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище. – Стэплтон говорил с улыбкой, но я прочел в его глазах, что он относится к своим словам гораздо серьезнее. – Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то и привела его к трагическому концу.

– Каким образом?

– Когда у человека так натянуты нервы, появление любой собаки может гибельно сказаться на его больном сердце. Мне думается, что в тот вечер сэр Чарльз действительно увидел нечто подобное в тисовой аллее. Я очень любил старика и, зная о его болезни, так и ждал какого-нибудь несчастья.

– Откуда вы знали, что у него больное сердце?

– От моего друга, Мортимера.

– Следовательно, вы думаете, что на сэра Чарльза бросилась какая-то собака и он умер от страха?

– Может быть, вы располагаете более достоверными сведениями?

– Нет, я еще не успел прийти к определенным выводам.

– А мистер Шерлок Холмс?

На секунду у меня занялось дыхание от этих слов, но спокойное лицо и твердый взгляд моего собеседника говорили о том, что он и не думал застигнуть меня врасплох своим вопросом.

– Доктор Уотсон, зачем нам прикидываться, будто мы не знаем вас? – сказал он. – Слухи о знаменитом сыщике проникли и в наши края, а разве вы можете прославлять его, сами оставаясь в тени? Мортимер не стал отрицать, что вы и есть тот самый доктор Уотсон. А если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом, и мне, разумеется, любопытно знать его точку зрения.

– Увы, я не могу ответить на ваш вопрос.

– Тогда разрешите спросить: не удостоит ли он нас своим посещением?

– Сейчас он не может уехать из Лондона. У него есть другие дела.

– Какая жалость! Он мог бы пролить свет на то, что скрывается во тьме для всех нас. Но вы тоже ведете расследование, доктор Уотсон, и если я в состоянии хоть чем-нибудь содействовать вам, располагайте мной как угодно. Мне было бы достаточно одного намека, кого вы подозреваете, как намерены приступить к делу, и, может статься, я уже сейчас помог бы вам советом или указанием.

– Уверяю вас, я просто приехал погостить у своего друга, сэра Генри,

и никакой помощи мне не нужно.

– Великолепно! – воскликнул Стэплтон. – Вы поступаете совершенно правильно: осторожность прежде всего! Я вполне заслужил такую отповедь за свою навязчивость и обещаю вам больше не касаться этого вопроса.

Мы подошли к тому месту, где справа от дороги начиналась заросшая тропинка, узкой лентой вьющаяся среди болот. Левее стоял крутой, усеянный валунами холм, на котором в древние времена велись разработки гранита. Обращенная к нам сторона этого холма представляла собой отвесный откос, густо заросший папоротником и ежевикой. Вдали, на горизонте, поднимались серые клубы дыма.

– По этой тропинке отсюда не так уж далеко до Меррипит-хаус, – сказал Стэплтон. – Пожертвуйте часом времени, и я буду иметь удовольствие представить вас своей сестре.

В первую минуту я подумал, что мне следует быть возле сэра Генри, но потом вспомнил счета и бумаги, грудой лежавшие у него на столе. Уж тут я ничем не мог ему помочь. А Холмс просил меня познакомиться с людьми, живущими по соседству с Баскервиль-холлом. Я принял приглашение Стэплтона, и мы свернули вправо.

– Замечательные здесь места! – сказал он, глядя на волнистую линию зеленых холмов, над которыми морскими валами поднимались фантастические очертания гранитной гряды. – Эти болота никогда вам не примелькаются. А сколько тайн они хранят – бескрайние, пустынные, загадочные!

– Вы хорошо их знаете?

– Я ведь здесь всего второй год. Местные старожилы, пожалуй, назовут меня новичком. Мы перебрались сюда вскоре после приезда сэра Чарльза, но я, по своему призванию, уже успел обследовать здесь каждый уголок. Смею думать, что теперь мало кто знает торфяные болота лучше меня.

– А разве это такое нелегкое дело?

– Весьма нелегкое. Вот, например, присмотритесь к той равнине с поднимающимися кое-где причудливыми холмами. Чем она, по-вашему, замечательна?

– По ней хорошо скакать галопом.

– Всякий так сказал бы на вашем месте, а между тем эта ошибка уже многим стоила жизни. Видите, сколько на ней ярко-зеленых лужаек?

– Да, это, вероятно, те места, где почва лучше?

Стэплтон рассмеялся.

– Перед вами огромная Гримпенская трясина, – сказал он. – Попади

в эту трясину человек или животное – один неосторожный шаг, и все кончено. Я только вчера видел, как туда забрел чей-то пони и, разумеется, погиб. Его голова долго виднелась над трясиной. Он все вытягивал шею, старался выбраться, но в конце концов засосало бедняжку. Там даже в засуху опасно ходить, а после осенних дождей это совсем гиблое место. И тем не менее я не раз пробирался в самое сердце Гримпенской трясины и возвращался оттуда живым. Смотрите, еще один несчастный пони!

В зеленой осоке перекатывалось и билось что-то темное. Потом над зарослями мелькнула мучительно вытянутая шея, и болота огласились страшным криком. Я похолодел от ужаса, но у моего спутника были, по-видимому, более крепкие нервы.

– Кончено! – сказал он. – Засосало. Второй за два дня, только у меня на глазах. А сколько их еще погибло! Они как повадятся туда в засуху, так и ходят до самой осени. И часто гибнут. Да, Гримпенская трясина – страшное место.

– И вы все-таки пробираетесь туда?

– Да, там есть две-три тропинки, по которым ловкий человек может пройти. Я отыскал их.

– Но зачем вам ходить в такое опасное место?

– А вон видите те холмы вдалеке? Это настоящие островки среди непролазной топи, которая мало-помалу окружила их со всех сторон. Сумейте на них пробраться, и какие там редкостные растения, какие бабочки!

– Что ж, когда-нибудь попробую.

Стэплтон с удивлением посмотрел на меня.

– Ради бога, выкиньте эту мысль из головы! – сказал он. – Ваша гибель будет на моей совести. Назад вам не вернуться, поверьте мне. Я сам только потому и осмеливаюсь туда ходить, что у меня есть сложная система примет.

– Стойте! – крикнул я. – Что это?

Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами. Воздух наполнился им, но откуда он шел, определить было невозможно. Начавшись с невнятного стона, этот звук постепенно перешел в глухой рев и опять сник до щемящего сердце стенания. Стэплтон как-то странно посмотрел на меня.

– Таинственные места эти болота, – сказал он.

– Что это такое?

– Фермеры говорят, что так воет собака Баскервилей, когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось ее слышать, но сегодня что-то уж

очень громко.

Похолодев от страха, я оглядел широкую, поднимающуюся к горизонту равнину, покрытую зелеными зарослями осоки. Ни шороха, ни малейших признаков жизни на ней – только два ворона громко каркали, сидя на каменном столбе позади нас.

– Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведешь, – сказал я. – Как вы объясняете этот вой?

– Трясина иной раз издает очень странные звуки. То ли это ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли еще что, кто знает?

– Нет, нет! Это был голос живого существа.

– Может быть. Вам никогда не приходилось слышать, как кричит выпь?

– Нет, не приходилось.

– В Англии эта птица попадается теперь очень редко, в сущности, она почти вымерла, но на таких болотах все возможно. Я бы нисколько не удивился, если б оказалось, что до нас донесся голос одной из последних представительниц этого вида.

– В жизни не слышал более странных и жутких звуков!

– Что и говорить, места таинственные. Посмотрите на тот холм. Что это такое, по-вашему?

Крутой склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

– Что это? Овчарни?

– Нет, это жилища наших почтенных пращуров. Доисторический человек густо заселял торфяные болота, и так как после него здесь никто не жил, то весь этот домашний уют остался в целости и неприкосновенности. Только крыши сняты. При желании можно пойти туда и увидеть очаг и ложе.

– Да это целый городок! Когда же он был обитаем?

– Неолитический человек[39] – точный период не установлен.

– А чем этот человек занимался?

– Пас стада здесь же, на склонах, а когда каменный топор начал уступать первенство бронзовой палице, научился добывать олово. Видите вон тот ров на противоположном холме? Это следы его работы. Да, доктор Уотсон, вы найдете много любопытных особенностей на наших болотах. А, простите, пожалуйста! Это, наверно, Cyclopides!

Мимо нас пролетел маленький мотылек, и Стэплтон с поразительной быстротой и ловкостью кинулся за ним в погоню. Я с ужасом увидел, что мотылек понесся прямо к трясине, но мой новый знакомый как ни в чем не бывало прыгал с кочки на кочку и размахивал своим

зеленым сачком. Серый костюм и порывистые движения придавали ему самому сходство с какой-то огромной бабочкой. Я стоял, глядя на него со смешанным чувством восхищения и страха, мне все казалось, что он вот-вот оступится и уйдет в предательскую трясину. Вдруг позади меня послышались чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел почти рядом с собой женщину. Она появилась с той стороны, где виднелся дым, указывающий на близость Меррипит-хаус, но раньше я не мог ее заметить, ибо тропинка, по которой она шла, уходила под уклон.

Я не сомневался, что это и есть мисс Стэплтон, так как вряд ли в здешних местах приходилось рассчитывать на встречу с другими дамами. Кроме того, мне говорили о ней как о красавице, а идущая по тропинке женщина действительно поражала своей красотой – красотой не совсем обычного типа. Большее несходство между сестрой и братом трудно было себе представить. Он бесцветный блондин с серыми глазами, она брюнетка – таких жгучих брюнеток мне еще не приходилось встречать в Англии, – изящная, стройная, высокая. Ее тонкие, горделивые черты были настолько правильны, что лицо могло бы показаться безжизненным, если б не выразительный рот и быстрый взгляд прекрасных темных глаз. Идеальная фигура, нарядное платье – как странно было видеть такое существо на безлюдной тропинке, вьющейся среди торфяных болот! Когда я оглянулся, взгляд этой женщины был устремлен на Стэплтона, но она тут же ускорила шаги и подошла ко мне. Я снял шляпу, уже приготовившись объяснить свое присутствие здесь, как вдруг ее слова направили мои мысли по совершенно иному пути.

– Уезжайте отсюда! – сказала она. – Немедленно уезжайте в Лондон!

В ответ на это я мог только с ошеломленным видом воззриться на нее. Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой.

– Зачем же мне уезжать? – спросил я.

– Не требуйте объяснений. – Она говорила тихо, быстро и чуть-чуть картавила. – Ради бога, послушайтесь моего совета! Уезжайте, и чтоб ноги вашей больше не было на этих болотах!

– Но ведь я только что приехал!

– Боже мой, – воскликнула она, – неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра? Уезжайте в Лондон! Сегодня же! Вам нельзя здесь оставаться. Тсс! Мой брат идет! Не говорите ему ни слова… Будьте так любезны, сорвите мне вон ту орхидею. У нас здесь очень много орхидей, но вы немного опоздали: к осени они уже начинают отцветать, и здешняя природа несколько теряет свою красоту.

Стэплтон оставил погоню за мотыльком и подошел к нам, весь красный

и запыхавшийся.

– А, это ты, Бэрил! – сказал он, и я не почувствовал в этом приветствии особой сердечности.

– Как ты разгорячился, Джек!

– Да, я погнался за великолепным экземпляром Cyclopides. Их здесь не часто увидишь поздней осенью. И подумай, какая жалость – не поймал!

Он говорил спокойно-небрежным тоном, а сам все время переводил свои маленькие серые глазки с сестры на меня.

– Вы, кажется, успели познакомиться?

– Да. Я говорила сэру Генри, что сейчас уже поздно любоваться красотами наших болот – орхидеи отцветают.

– Что? Как ты думаешь, кто перед тобой?

– Сэр Генри Баскервиль.

– Нет, нет, – сказал я, – не награждайте меня чужим титулом. Я всего лишь друг сэра Генри, доктор Уотсон.

Краска досады разлилась по ее выразительному лицу.

– Значит, мы говорили, не понимая друг друга, – сказала она.

– Да, у вас было не так уж много времени на разговоры, – заметил Стэплтон, продолжая пытливо глядеть на сестру.

– Я приняла доктора Уотсона за нашего соседа, – сказала она. – А ему, должно быть, совершенно безразлично, цветут сейчас орхидеи или нет. Но вы все-таки зайдете к нам в Меррипит-хаус?

Через несколько минут мы подошли к мрачной на вид ферме, которая, вероятно, в давние времена служила жильем какому-нибудь зажиточному скотоводу, а потом была перестроена на более современный лад. Ферму окружал садик; деревья в нем, как и повсюду на болотах, были низкорослые, чахлые. Убожеством и грустью веяло от этого места. Слуга, открывший нам дверь, был под стать дому – старый, весь сморщенный, в порыжевшем сюртуке. Но самые комнаты удивили меня своими размерами и элегантностью убранства; последнее следовало, вероятно, приписать вкусу хозяйки. Я посмотрел в окно на бескрайние, усеянные гранитными валунами болота, которые тянулись до еле видной вдали линии горизонта, и не мог не подумать: «Что же привело в такую глушь этого образованного человека и его красавицу сестру?»

– Странное мы выбрали место, где поселиться? – сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли. – И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрил?

– Да, очень хорошо, – ответила она, но ее слова прозвучали как-то неубедительно.

– У меня была школа в одном из северных графств, – сказал Стэплтон. – Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, неинтересна, но что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от себя самого, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли. Нам так и не удалось поправить дела после такого удара, большая часть моего капитала была безвозвратно потеряна. И все же, если б не разлука с моими дорогими мальчиками, я радовался бы этой неудаче, ибо для человека с моей страстью к ботанике и зоологии здесь непочатый край работы, да и сестра моя – не меньшая любительница природы. Это признание, доктор Уотсон, вы навлекли на свою голову сами: вольно же вам было устремлять из окна такой грустный взгляд на наши болота!

– Да, не отрицаю, мне действительно кажется, что жить здесь скучно не столько вам, сколько вашей сестре.

– Нет, я не скучаю, – быстро ответила она.

– Мы заняты научной работой, у нас большая библиотека и очень интересные соседи. Доктор Мортимер – весьма начитанный человек в своей области. Несчастный сэр Чарльз тоже был прекрасным собеседником. Мы с ним были очень близки, и я даже не могу вам передать, как нам тяжела эта утрата. А что вы скажете, если я нанесу сегодня визит сэру Генри? Это ему не помешает?

– Я уверен, что он будет очень рад познакомиться с вами.

– Тогда будьте добры предупредить его. Может быть, нам удастся помочь ему первое время, пока он еще не освоился на новом месте… А теперь, доктор Уотсон, давайте поднимемся наверх, я покажу вам свою коллекцию чешуекрылых. Смею думать, что более полной коллекции вы не найдете в этой части Англии. А когда мы кончим, к тому времени и завтрак будет готов.

Но я спешил к своему подопечному, сэру Генри. Унылость болот, гибель несчастного пони, загадочный вой, который ставился в какую-то связь с мрачной легендой, существовавшей в роду Баскервилей, – все это настроило меня на грустный лад. А к этим более или менее смутным впечатлениям прибавились еще и совершенно недвусмысленные слова мисс Стэплтон, которые были сказаны с такой силой убеждения, что мне не приходилось сомневаться в серьезности и глубине причин, их вызвавших. Я отказался от настойчивых приглашений к завтраку и отправился домой по той же самой тропинке.

Но, кроме этой тропинки, здесь был, очевидно, и другой, более короткий путь, ибо не успел я выйти на дорогу, как увидел перед собой мисс Стэплтон. Румянец, горевший у нее на щеках, придавал ей еще большую прелесть; она сидела на придорожном камне, тяжело дыша и прижимая руку к груди.

– Мне хотелось опередить вас, доктор Уотсон, и я всю дорогу бежала, – проговорила она. – Даже шляпу не успела надеть. Я не стану задерживаться, а то брат может заметить мое отсутствие. Мне только хочется попросить у вас извинения за свою глупую ошибку: ведь я приняла вас за сэра Генри. Прошу вас, забудьте все, что я говорила. К вам это не имеет никакого отношения.

– Как же я могу это забыть, мисс Стэплтон! Судьба моего друга, сэра Генри, меня очень интересует. Скажите мне, почему вы так настаивали на его отъезде в Лондон?

– Женский каприз, доктор Уотсон! Когда мы с вами познакомимся поближе, вы убедитесь, что я не всегда могу объяснить свои слова и поступки.

– Нет, нет! Я помню, какой у вас был взволнованный голос, я помню ваши глаза. Мисс Стэплтон, будьте откровенны со мной, прошу вас! Я, как только очутился здесь, сразу почувствовал, что вокруг меня собираются какие-то призраки. Ходишь словно по Гримпенской трясине: вот-вот увязнешь с головой на одной из этих зеленых лужаек, и никто не поможет тебе выбраться оттуда. Объясните, на что вы намекали, и я передам ваше предостережение сэру Генри.

Тень нерешительности пробежала по лицу мисс Стэплтон, но не прошло и секунды, как взгляд ее стал снова суровым, и она ответила мне:

– Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Уотсон. Смерть сэра Чарльза потрясла нас с братом. Мы часто встречались с покойным, потому что его излюбленная прогулка была вот по этой тропинке, что ведет к нашему дому. Легенда о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, угнетала сэра Чарльза, и когда катастрофа разразилась, я поняла, что его опасения были обоснованны. Теперь меня очень беспокоит приезд наследника сэра Чарльза, и я считаю нужным предупредить его об опасности, которая ему угрожает. Вот и все, ничего другого я не хотела сказать.

– Но в чем же, по-вашему, эта опасность?

– Вы знаете предание о собаке?

– Я не верю этому вздору!

– А я верю. Если вы имеете хоть какое-нибудь влияние на сэра Генри, увезите его отсюда. Это роковое место для Баскервилей. Мир велик. Почему сэру Генри надо жить именно здесь, где ему грозит опасность?

– Вот потому-то он и решил здесь жить. Таков характер этого человека, и, если вы не выскажетесь более определенно, вряд ли мне удастся увезти его отсюда.

– Я не могу дать вам более определенных сведений по той простой причине, что у меня их нет.

– Тогда, мисс Стэплтон, разрешите задать вам еще один вопрос. Если это все, что вам нужно было сказать мне, почему же вы боялись, как бы вас не услышал брат? По-моему, тут нет ничего такого, что могло бы не понравиться ему или кому-нибудь другому.

– Мой брат очень не хочет, чтобы Баскервиль-холл пустовал: это повредит бедному люду, который живет здесь, на болотах. Он бы страшно рассердился на меня, если бы узнал, что я стараюсь как-то повлиять на сэра Генри. Но я исполнила свой долг и больше ничего не скажу. А теперь мне надо идти, не то он хватится меня и заподозрит, что я говорила с вами. Прощайте!

Она повернулась и вскоре исчезла среди валунов, а я, полный каких-то неясных страхов, направил свои шаги к Баскервиль-холлу.

Глава VIII

Первый отчет доктора Уотсона

Начиная с этого дня я буду излагать ход событий по своим письмам к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат сейчас передо мной на столе. Они сохранились полностью, если не считать одного затерявшегося листка, и передадут все мои мысли и подозрения более точно, чем я мог бы сделать это сам, полагаясь только на свою память, хотя из нее еще не изгладились трагические события тех дней.

«Баскервиль-холл, 13 октября

Дорогой Холмс!

По моим предыдущим письмам и телеграммам вы знаете все, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живешь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость этих болот, этих необъятных просторов, впрочем, не лишенных даже какой-то мрачной прелести. Стоит мне только выйти на них, и я чувствую, что современная Англия остается где-то позади, а вместо нее видишь вокруг лишь следы жилья и трудов доисторического человека. Это давно исчезнувшее племя напоминает о себе повсюду – вот его пещеры, вот могилы, вот огромные каменные глыбы, оставшиеся там, где, по-видимому, были его капища[40]. Глядя на иссеченные примитивным орудием склоны холмов, на которых темнеют эти пещеры, забываешь, в каком веке живешь, и если бы вдруг под низким сводом одной из них появилось одетое в звериную шкуру волосатое существо и вложило бы в лук стрелу с кремневым наконечником, вы почувствовали бы, что его присутствие здесь более уместно, чем ваше. Страннее всего то, что эти люди так густо заселяли здешние неплодородные места. Я не археолог, но, по-моему, это было отнюдь не воинственное, а скорее угнетенное племя, которое довольствовалось тем, от чего отказывались другие.

Однако все это не имеет никакого касательства к моему пребыванию здесь и, вероятно, нисколько не интересно такому сугубо практическому человеку, как вы. Я до сих пор не в силах забыть ваше равнодушие к вопросу о том, движется ли Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца. Так давайте же перейдем к фактам, имеющим непосредственное отношение к Генри Баскервилю.

Последние несколько дней вы не получали от меня никаких сведений

по той простой причине, что рассказывать мне было не о чем. Но с тех пор произошло одно странное событие, о котором я доложу вам в свое время, а сейчас разберемся в других обстоятельствах, немаловажных для нашего дела.

Одно из этих обстоятельств – весьма существенное, хотя я почти не упоминал о нем в своих письмах, – каторжник, скрывающийся на болотах. Есть все основания предполагать, что он ушел из здешних мест, к великой радости обитателей одиноких ферм. Со времени его побега прошло две недели, и с тех пор о нем нет ни слуху ни духу. Трудно себе представить, чтобы человек мог просуществовать на болотах все это время. Правда, спрятаться там есть где. Любая из каменных пещер могла бы служить ему пристанищем. Но ведь без еды не проживешь. Разве только он ловит и убивает овец. Нет, каторжник безусловно ушел из этих мест, а посему жители отдаленных ферм спят теперь спокойно.

Мы, четверо здоровых, сильных мужчин, живущих в Баскервиль-холле, в случае чего сможем постоять за себя, но признаюсь вам: думая о Стэплтонах, я беспокоюсь. Близких соседей у них нет, так что им трудно рассчитывать на чью-либо помощь. Горничная, старик лакей, сестра и брат – последний, по-видимому, отнюдь не силач, – вот и все обитатели Меррипит-хаус. Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого ноттингхиллского убийцы, если он заберется к ним в дом. Мы с сэром Генри очень тревожились за них и хотели даже, чтобы конюх Перкинс ночевал в Меррипит-хаус, но Стэплтон не пожелал и слышать об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает проявлять сильный интерес к своей прекрасной соседке. Да это и неудивительно, ибо он человек живой, деятельный, ему скучно в такой глуши, а она, надо признаться, обворожительная и красивая женщина. В ней есть какая-то экзотическая пылкость, в противоположность ее хладнокровному и совершенно бесстрастному брату. И в то же время в нем чувствуется скрытый огонь. Судя по всему, он имеет на сестру большое влияние; мне не раз приходилось ловить взгляды, которые она бросает на него во время разговора, словно ожидая одобрения своим словам. Хочу надеяться, что они ладят между собой. Такой сухой блеск в глазах и такие тонкие, поджатые губы часто говорят о твердом, а может быть, и суровом характере. Во всяком случае, этот натуралист любопытный тип, и вы непременно заинтересовались бы им.

Он пришел с визитом к сэру Генри в тот же день, а на следующее утро повел нас туда, где произошло событие, связанное с легендой о беспутном Гуго. Мы прошли несколько миль в глубь болот и очутились в небольшой

долине, настолько мрачной, что она сама по себе могла способствовать зарождению подобной легенды. Узкий проход между искрошившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине ее лежат два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские гнилые клыки какого-то чудовища. Все здесь в точности соответствует описанию той сцены, на которой разыгралась эта давняя трагедия. Сэр Генри с интересом осматривался по сторонам и все спрашивал Стэплтона, неужели тот верит в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Тон у него был небрежный, но он, по-видимому, относится ко всему этому очень серьезно. Стэплтон отвечал сдержанно, многого недоговаривая и явно щадя чувства молодого баронета. Он рассказал нам несколько подобных случаев, когда семьи из рода в род испытывали на себе влияние каких-то недобрых сил, и после всех этих рассказов у нас создалось впечатление, что Стэплтон вместе со многими другими здешними жителями верит в легенду о собаке Баскервилей.

На обратном пути мы зашли в Меррипит-хаус позавтракать. Тогда-то сэр Генри и познакомился с мисс Стэплтон. Он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное. Когда мы возвращались домой, он то и дело заговаривал о ней, и с тех пор почти не проходит дня, чтобы мы не повидались со Стэплтонами. Сегодня они у нас обедают, а сэр Генри уже поговаривает о визите к ним на будущей неделе.

Казалось бы, лучшего мужа для сестры Стэплтону и желать нечего, и все же я не раз замечал, что он хмурится, когда сэр Генри оказывает ей внимание. Стэплтон, по-видимому, очень привязан к сестре, и ему будет тоскливо одному, но ведь это же верх эгоизма – препятствовать такой блестящей партии! Тем не менее факт остается фактом – Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине. Кстати, если все дело осложнится еще и романом, то ваше наставление не спускать глаз с сэра Генри окажется почти невыполнимым. Если же я буду строго следовать данному мне указанию, подумайте, как это пошатнет мою репутацию здесь!

На днях, точнее, в четверг, у нас завтракал доктор Мортимер. Он производил раскопки кургана в Длинной низине и нашел там череп доисторического человека, что повергло его в неописуемый восторг. Второго такого энтузиаста своего дела, пожалуй, и не сыщешь. После завтрака явились Стэплтоны, и, по просьбе сэра Генри, добрейший доктор

повел нас всех в тисовую аллею показать, как все было в ту роковую ночь. Аллея эта длинная, сумрачная, с обеих сторон идут сплошной стеной подстриженные тисы и узенькие полоски дерна. В дальнем ее конце стоит полуразрушенная беседка. Как раз посередине приходится калитка, ведущая на болота, около которой старик Баскервиль стряхивал пепел с сигары. Она деревянная, покрашена белой краской и заперта на задвижку. За ней расстилаются необъятные болота. Я вспомнил вашу теорию по поводу происшедшего здесь события и попытался представить, как все это было. Стоя у калитки, Баскервиль увидел нечто, приближающееся к нему с болот, и так испугался этого видения, что потерял голову, бросился бежать и бежал до тех пор, пока не упал мертвым от изнеможения и ужаса. Он бежал длинной, темной аллеей. Но кто обратил его в бегство? Какая-нибудь овчарка с болот? Или призрачная собака – огромная, черная, безмолвная? А может быть, это дело человеческих рук? Может быть, бледный, настороженный Бэрримор знает больше, чем говорит? Туман и полная неопределенность – и все же за всем этим неотступной тенью стоит преступление.

С тех пор как я вам писал в последний раз, мне удалось познакомиться еще с одним из наших соседей – мистером Френклендом из Лефтер-холла, который живет милях в четырех к югу от нас. Это старик, седой, краснолицый и весьма желчный. Мистер Френкленд помешан на британском законодательстве и ухлопал целое состояние на всевозможные тяжбы. Он судится исключительно ради собственного удовольствия, выступая то в качестве истца, то в качестве ответчика, а такие развлечения, как вы сами понимаете, обходятся недешево. Ему вдруг взбредет в голову запретить проезд около своих владений – пусть приходский совет доказывает, что это неправильно. Потом разломает собственными руками чью-нибудь калитку и заявит, что здесь спокон веков была проезжая дорога – пусть хозяин подает на него в суд за нарушение границ чужого землевладения. Он знает назубок древнее общинное право и применяет свои знания иной раз в интересах соседней деревушки Фернворси, иной раз наперекор ей, так что жители ее попеременно то проносят его с торжеством по улицам, то предают символическому сожжению. Говорят, будто сейчас на руках у мистера Френкленда семь тяжб, которые, по всей вероятности, съедят остатки его состояния, и он, лишенный таким образом жала, будет совершенно безобидным, мирным старичком. Во всех прочих отношениях это человек мягкий, добродушный, и я упоминаю о нем только потому, что вы требовали от меня описания всех наших соседей.

Сейчас мистер Френкленд нашел себе очень странное занятие. Будучи астрономом-любителем и обладая великолепной подзорной трубой, он по целым дням лежит на крыше своего дома и обозревает болота в надежде на то, что ему удастся обнаружить беглого каторжника. Если б мистер Френкленд употреблял свою нерастраченную энергию только на это, все было бы прекрасно, но ходят слухи, будто он собирается привлечь к ответственности доктора Мортимера за то, что тот разрыл какую-то могилу, не заручившись согласием ближайших родственников погребенного. Как вы догадываетесь, речь идет о черепе неолитического человека, обнаруженном при раскопке кургана в Длинной низине. Да, мистер Френкленд вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, а сейчас это нам как нельзя более кстати.

Теперь, сообщив вам все, что было можно, о беглом каторжнике, Стэплтонах, докторе Мортимере и мистере Френкленде из Лефтер-холла, я перейду к самому важному пункту и расскажу о Бэрриморах, в частности о тех странных событиях, которые произошли сегодня ночью.

Начну с телеграммы, посланной вами из Лондона с тем, чтобы удостовериться, был ли Бэррримор в тот день на месте. Вы уже знаете о моей беседе с почтмейстером, из которой выяснилось, что наша проверка ничего не дала и мы так и не получили нужных нам сведений. Я рассказал сэру Генри о своей неудаче, и он со свойственной ему непосредственностью немедленно вызвал Бэррримора и спросил его про телеграмму. Бэррримор сказал, что телеграмма была получена.

– Мальчик передал ее вам в собственные руки? – спросил сэр Генри.

Бэррримор удивленно посмотрел на него и минуту подумал.

– Нет, – сказал он. – Я тогда был на чердаке, и телеграмму принесла мне жена.

– А ответ вы написали сами?

– Нет, я сказал жене, как ответить, она спустилась вниз и написала.

Вечером Бэррримор снова вернулся к этой теме по своему собственному почину.

– Сэр Генри, я не совсем понял, почему вы расспрашивали меня о той телеграмме, – сказал он. – Неужели я в чем-нибудь провинился и потерял ваше доверие?

Сэр Генри постарался уверить Бэррримора, что это не так, и, чтобы окончательно успокоить его, подарил ему довольно много из своих старых вещей, ибо покупки, сделанные им в Лондоне, уже доставлены в Баскервиль-холл.

Меня очень интересует миссис Бэррримор. Это весьма солидная,

почтенная женщина с пуританскими наклонностями и, по-видимому, не блещущая умом. Казалось бы, трудно вообразить себе существо более невозмутимое. Но вы уже знаете, что в первую ночь здесь я слышал ее горькие рыдания, и с тех пор мне не раз приходилось замечать следы слез у нее на лице. Эту женщину гложет какое-то тяжелое горе. Иной раз мне приходит в голову: может быть, это муки нечистой совести? А потом я начинаю подозревать в Бэрриморе домашнего тирана. Мне всегда казалось, что это личность сомнительная, странная, а события прошлой ночи окончательно усилили мои подозрения.

Впрочем, само по себе это происшествие не так уж значительно. Вы, вероятно, помните, что я сплю не очень крепко, а здесь, в Баскервиль-холле, когда все время приходится быть настороже, сон у меня особенно чуткий. Вчера ночью, около двух часов, я услышал крадущиеся шаги около своей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в коридор. По нему скользила чья-то длинная черная тень. Она падала от человека, который еле слышно ступал по коридору со свечкой в руке. Он был в нижней рубашке, в брюках, босиком. Я различил только его смутные очертания, но по росту догадался, что это Бэрримор. Он шел медленно, тихо, и в каждом его движении было что-то вороватое, настороженное.

Вы уже знаете из моих писем, что оба коридора пересекаются галереей, которая окружает холл. Я подождал, пока Бэрримор скроется у меня из глаз, и двинулся следом за ним. Когда я вышел на галерею, он был уже в самом конце дальнего коридора, потом в открытых дверях одной комнаты блеснул свет – значит, он вошел туда. Надо вам сказать, что эти комнаты нежилые и в них нет даже мебели, следовательно, поведение Бэрримора становилось совсем загадочным. Он стоял там, по-видимому, неподвижно, так как пламя свечи не колебалось. Стараясь шагать как можно тише, я прошел весь коридор и заглянул из-за косяка в открытую дверь.

Бэрримор стоял, притаившись, у окна, поднеся свечку к самому стеклу. Я видел его в профиль – застывшее в напряжении лицо, взгляд, устремленный в непроглядную тьму болот. Несколько минут он пристально смотрел в окно, потом тихо застонал и нетерпеливым движением загасил свечу. Я сейчас же вернулся к себе в комнату и вскоре услышал за дверью те же крадущиеся шаги. Спустя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.

Что все сие значит, я не понимаю, но в этом мрачном доме творятся какие-то тайные дела, до сути которых мы рано или поздно доберемся.

Не хочу утруждать вас изложением собственных теорий на этот счет, ибо вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром я долго говорил с сэром Генри, и мы разработали план кампании, основываясь на моих ночных наблюдениях. Но я умолчу о нем до следующего письма, которое только выиграет от этого».

Глава IX

Второй отчет доктора Уотсона

«Баскервиль-холл, 15 октября

Дорогой Холмс!

Если первое время после приезда сюда ваш посланник не баловал вас новостями, то признайтесь, что теперь он наверстывает упущенное, ибо события быстро следуют одно за другим. Свой последний отчет я закончил драматическим описанием Бэрримора у окна пустой комнаты, а с тех пор у меня накопился целый ворох новостей, которые, без сомнения, сильно удивят вас. Я никак не мог предугадать, что дела примут такой оборот. За последние двое суток обстановка, с одной стороны, значительно прояснилась, с другой – стала еще сложнее. Но расскажу вам все по порядку, так, чтобы вы могли судить об этом сами.

На следующее утро после моего ночного приключения я еще перед завтраком обследовал ту комнату, куда заходил Бэрримор. Окно, в которое он так пристально смотрел, имеет одно преимущество по сравнению со всеми другими окнами дома: из него открывается самый лучший вид на болота. В просвете между двумя деревьями они лежат как на ладони, а из других окон их почти не видно. Следовательно, Бэрримор избрал это окно, чтобы высмотреть кого-то или что-то на просторах торфяных болот. Впрочем, ночь была темная, и я не знаю, на что он рассчитывал. Потом мне пришло в голову: может быть, это какая-нибудь любовная интрижка? Тогда все станет понятным – и осторожность, с какой он действовал, и страдания его жены. У человека с его внешностью есть все данные, чтобы пленить сердце какой-нибудь деревенской девушки, так что это предположение небезосновательно. Вернувшись тогда к себе в комнату, я слышал, как где-то открыли дверь. Вероятно, Бэрримор ходил на тайное свидание. Такие мысли занимали меня все следующее утро. В дальнейшем мои подозрения могут оказаться несостоятельными, и все же, невзирая на это, я считаю необходимым сообщить их вам.

Я чувствовал, что возьму на себя слишком большую ответственность, если умолчу о событиях этой ночи, дожидаясь, пока мотивы действий Бэрримора не станут ясными. После завтрака мы с баронетом ушли в его кабинет, и там я рассказал ему все. Сверх моих ожиданий, он отнесся к этому довольно спокойно.

– Я знаю, что Бэрримор разгуливает по ночам, я давно собираюсь

поговорить с ним, – сказал он. – Я несколько раз слышал его шаги в коридоре примерно в те же часы, что и вы.

– Может быть, он каждую ночь ходит к тому окну?

– Может быть. А если так, надо его выследить и посмотреть, чем он там занимается. Интересно, как бы поступил в таком случае ваш друг Холмс?

– Уверен, что он сделал бы то же самое, – сказал я. – Прокрался бы за Бэрримором и узнал, что ему там понадобилось.

– Тогда давайте сделаем это вместе.

– Но он услышит нас!

– Нет. Бэрримор туговат на ухо, и, во всяком случае, надо рискнуть. Давайте ждать его у меня в комнате.

Сэр Генри с удовольствием потер руки, видимо, радуясь малейшей возможности внести какое-то разнообразие в монотонное течение жизни, которую ему приходится вести здесь.

Баронет уже успел снестись с архитектором, подготовлявшим для сэра Чарльза планы перестройки, и пригласил подрядчика из Лондона, так что в скором времени здесь надо ждать больших перемен. Из Плимута приехали декораторы и меблировщики. Судя по всему, наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода. Когда дом будет заново отделан и обставлен, для полного завершения картины баронету потребуется только жена. Между нами говоря, есть все основания предполагать, что за этим дело не станет, ибо он так увлечен своей очаровательной соседкой, мисс Стэплтон, что дальше идти некуда. Однако роман протекает не так гладко, как следовало бы ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на его поверхности появилась маленькая рябь, очень удивившая и расстроившая нашего друга.

После разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу и собрался идти куда-то. Я, разумеется, сделал то же самое.

– Вы со мной, Уотсон? – спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

– Это зависит от того, куда вы идете. Если на болота, то да, – ответил я.

– На болота.

– Вы же знаете, какие мне даны распоряжения. Я не хочу мешать вам, но Холмс не велел оставлять вас одного, особенно на болотах. Вы сами это слышали.

Сэр Генри с милой улыбкой похлопал меня по плечу.

– Дорогой друг, – сказал он, – несмотря на всю свою дальновидность, Холмс не мог предугадать во всех подробностях, как сложится моя жизнь здесь. Вы меня понимаете? Уж кому другому, а вам-то наверняка

не захочется мешать мне. Нет, пустите меня одного.

Посудите сами, каково было мое положение. Я растерялся, не зная, что сказать, как поступить, а тем временем сэр Генри взял свою палку и ушел.

Но стоило мне только немного поразмыслить, и меня начала мучить совесть – зачем я позволил ему уйти из-под моего наблюдения! А что, если, вернувшись в Лондон, я должен буду признаться вам, что мое попустительство довело нас до беды? Меня бросило в жар при одной мысли об этом. Еще не поздно, его можно догнать. И я сразу же отправился к Меррипит-хаус.

Я быстро шагал по дороге, не видя сэра Генри, и через несколько минут подошел к тому месту, где начинается тропинка, уводящая в глубь болот. Тут меня взяло сомнение в правильности выбранного пути, и я поднялся на холм, с которого открывается широкий вид на болота, – тот самый холм, где была когда-то каменоломня. Оттуда я сразу увидел баронета. Он шагал по тропинке примерно на расстоянии четверти мили от меня, а рядом с ним шла женщина – не кто иная, как мисс Стэплтон. Было ясно, что эти двое давно обо всем договорились и что сегодняшняя встреча не случайна. Погруженные в разговор, они шли очень медленно, и, судя по жестикуляции мисс Стэплтон, она старалась в чем-то убелить сэра Генри, который внимательно слушал ее и время от времени отрицательно качал головой. Я стоял среди валунов, не зная, как мне быть. Догнать их и нарушить эту интимную беседу немыслимо. Но в чем состоит мой долг? В том, чтобы ни на секунду не спускать глаз с сэра Генри. Выслеживать друга – крайне неприятное занятие. И все же я не видел иного выхода и решил продолжать свое наблюдение с вершины холма, а потом для очистки совести признаться баронету во всем. Правда, если б он вдруг оказался в опасности, я бы не смог ему помочь, так как был слишком далеко, но согласитесь сами – выбирать не приходилось.

Пройдя несколько шагов, наш сэр Генри и девушка остановились, увлеченные своим разговором, и тут мне вдруг стало ясно, что я не единственный свидетель их встречи. Среди валунов мелькнуло что-то зеленое. Приглядевшись, я увидел, что это зеленый лоскут на палке, а палку несет человек, идущий по направлению к тропинке. Это оказался Стэплтон со своим сачком для ловли бабочек. Он был гораздо ближе к нашей парочке, чем я, и шел прямо на нее. В эту минуту сэр Генри обнял мисс Стэплтон, но она отвернулась, стараясь вырваться из его объятий. Он нагнулся к ней, она заслонилась от него ладонью… А потом они отскочили друг от друга и оглянулись назад. Виной этому был Стэплтон,

который бежал к ним со всех ног, нелепо размахивая сачком. Он отчаянно жестикулировал и, поравнявшись с влюбленными, в страшном волнении заметался перед ними. Я не мог понять, что все это значит, но, по-видимому, Стэплтон в чем-то обвинял сэра Генри, а тот оправдывался и мало-помалу начинал выходить из себя. Девушка стояла рядом, храня высокомерное молчание. Наконец Стэплтон круто повернулся, повелительно махнул сестре рукой, и та, бросив нерешительный взгляд на сэра Генри, пошла следом за братом. Порывистые жесты натуралиста свидетельствовали о том, что его гнев пал и на девушку. Баронет проводил их взглядом, потом повесил голову и медленно зашагал в обратный путь.

Я так ничего и не понял из этой разыгравшейся у меня на глазах сцены и чувствовал глубокий стыд, что был свидетелем ее без ведома моего друга. Мне не оставалось ничего другого, как сбежать с холма и встретить баронета внизу. Лицо у него было красное от гнева, брови нахмурены – человек явно не знал, что делать, как поступить.

– Хелло, Уотсон! Откуда вас принесло? Неужели вы все-таки пошли следом за мной?

Пришлось объяснить ему все: как я почувствовал, что не могу отпустить его одного, как пошел следом за ним и оказался свидетелем их встречи и всех последующих событий. Сэр Генри сверкнул на меня глазами, но моя откровенность обезоружила его, и он рассмеялся, правда невесело:

– Уж, кажется, в такой пустыне можно было рассчитывать на уединение, так нет! Все словно сговорились и вышли полюбоваться, как я ухаживаю за девушкой! А ухаживание получилось довольно неудачное. Где вы забронировали себе место?

– Вон на том холме.

– Значит, на галерке. А ее братец устроился в первых рядах. Вы видели, как он на нас налетел?

– Да, видел.

– Вам никогда не приходило в голову, что этот субъект не в своем уме?

– Нет, не приходило.

– Мне тоже. До сегодняшнего дня я считал Стэплтона самым нормальным человеком, а теперь мне кажется, что на него надо надеть смирительную рубашку, а может, на меня. Неужели я так уж плох? Вы живете со мной не первую неделю, Уотсон. Будьте откровенны. Что мне мешает стать хорошим мужем женщины, которую я люблю?

– По-моему, ничто не мешает.

– К моему положению в обществе он не может придраться, значит, дело

во мне самом. Что он имеет против меня? Я в жизни не причинил никому зла. А этот субъект даже близко меня к ней не хочет подпускать.

– Он так и сказал?

– Да, и добавил кое-что сверх этого. Знаете, Уотсон, я ведь познакомился с ней всего несколько недель назад, но мне с первой же встречи стало ясно, что эта женщина создана для меня. И она… она тоже… ей было хорошо со мной, я готов поклясться в этом! Женские глаза говорят лучше слов. Но он противился нашему сближению, и я только сегодня улучил возможность поговорить с ней наедине. Она с радостью согласилась на это свидание, но, как вы думаете, зачем? Чтобы говорить о нашей любви? Нет, будь ее воля, она и меня заставила бы замолчать. У нее одно на языке: здесь опасно, и она не успокоится до тех пор, пока я не уеду из Баскервиль-холла. Я сказал, что после встречи с ней никуда отсюда не уеду, а если это так уж необходимо, пусть уезжает вместе со мной. Одним словом, я сделал ей предложение, но она даже не успела ответить мне, потому что в эту минуту ее милейший братец налетел на нас как сумасшедший. Он был весь белый от ярости, а его бесцветные глазки буквально метали искры. Что я себе позволил! Как я смею приставать к женщине со своими ухаживаниями, которые ничего не вызывают у нее, кроме отвращения! Я, вероятно, воображаю, что баронету все дозволено? Не будь он ее братом, я бы знал, как ему ответить! Пришлось сказать только, что ничего позорного в моих чувствах нет и что я надеюсь иметь честь назвать когда-нибудь мисс Стэплтон своей женой. Но это ничему не помогло, и под конец я тоже вышел из себя и погорячился, а горячиться не следовало, принимая во внимание, что она стояла тут же. После этого он удалился вместе с ней, как вы сами видели, а я остался один в полном недоумении. Теперь, Уотсон, объясните мне, что все это значит, и я ввек не забуду вам такого одолжения!

Я прикинул мысленно и так и эдак, но, по правде сказать, вся эта история повергла меня в не меньшее недоумение. Титул нашего друга, его богатство, молодость, характер, наружность – все говорит в его пользу, и я не знаю за ним ничего дурного, кроме, пожалуй, темного рока, тяготеющего над его семьей.

Да, странно, что предложение сэра Генри было отвергнуто с такой резкостью и даже без всякой ссылки на желание самой девушки. Странно и то, что она отнеслась ко всему происходящему столь безучастно. Впрочем, наши сомнения разрешил в тот же день сам Стэплтон. Он явился с извинениями за грубость, долго беседовал с сэром Генри в его кабинете, и ссоры как не бывало, – мы получили на будущую пятницу приглашение

к обеду в Меррипит-хаус.

– Я все же не перестал сомневаться в нормальности этого человека, – сказал сэр Генри, – у меня до сих пор стоит перед глазами его лицо, когда он накинулся на нас сегодня утром, но надо отдать ему справедливость, извинения были исчерпывающи, к ним не придерешься.

– А как он объяснил свою вспышку?

– Сестра для него все. Это понятно, и я очень рад, что он знает ей цену. Они всю жизнь прожили вместе, и, если верить ему, других близких людей у него нет, так что возможность разлуки с ней приводит его в ужас. Он будто бы не догадывался о моих чувствах, а убедившись в них собственными глазами, понял, что сестру могут отнять у него, и при одной этой мысли потерял над собой всякую власть. Он очень сожалеет о случившемся и признает, что эгоистично и глупо с его стороны думать, будто бы можно удержать около себя такую красивую женщину, как мисс Стэплтон. Если разлука с ней неизбежна, то пусть уж разлучником буду я, их сосед. Так или иначе, это для него большой удар, и вряд ли ему удастся скоро примириться с ним. Но он не будет нам препятствовать, если я пообещаю молчать о своей любви в течение ближайших трех месяцев и довольствоваться только дружбой его сестры. Я пообещал, и на том дело и кончилось.

Как видите, одна из наших маленьких тайн разъяснилась. А нащупать ногами дно в этой трясине, где мы барахтаемся, дело нешуточное. Теперь нам известно, почему Стэплтон так неодобрительно относился к поклоннику своей сестры – к такому завидному поклоннику, как сэр Генри.

А теперь я потяну за другую ниточку, которую мне удалось высвободить из этого спутанного клубка. Перейдем к таинственным ночным рыданиям, к заплаканному лицу миссис Бэрримор и загадочным путешествиям дворецкого к окну, выходящему на болота. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались в своем помощнике. Доверие, которое вы мне оказали, послав меня сюда, вполне оправдано. Чтобы выяснить эту очередную загадку, понадобилась одна ночь.

Я говорю «одна ночь», но вернее будет сказать «две ночи», ибо в первую мы ничего не дознались. Мы с сэром Генри сидели в его комнате чуть ли не до трех часов утра, но так ничего и не услышали, кроме боя часов на лестнице. Это томительное бдение закончилось тем, что и сэр Генри, и ваш покорный слуга оба заснули, сидя в креслах. Впрочем, эта неудача нас не обескуражила, решено было попробовать еще раз. На следующую ночь мы прикрутили фитиль у лампы и сидели, куря

папиросу за папиросой, в полном молчании. Время тянулось невероятно медленно, но нас подбадривал тот же азарт, какой бывает у охотника, терпеливо подстерегающего дичь у капкана.

Пробило час, два, и мы уже были готовы отчаяться, как вдруг усталости нашей словно не бывало – и я и сэр Генри оба невольно выпрямились. В коридоре послышался скрип половиц. Крадущиеся шаги поравнялись с нашей комнатой и мало-помалу замерли вдали. Баронет бесшумно открыл дверь. Мы отправились следом за нашей дичью. Она уже успела пройти галерею, а в коридоре была полная темнота. Соблюдая всяческую осторожность, мы дошли до дальнего крыла, и там перед нами промелькнула фигура высокого человека с черной бородой, который на цыпочках, ссутулив плечи, ступал по коридору. Вот он шмыгнул в ту же дверь, свеча на секунду осветила ее, а потом в темный коридор потянулся тоненький желтый луч. Мы двигались к этому лучу, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы были босиком, и все же старые половицы стонали и поскрипывали под тяжестью наших шагов. Мне казалось, что их нельзя не услышать, но, к счастью, Бэрримор действительно туг на ухо, да к тому же он был слишком поглощен своим делом.

Добравшись наконец до двери, мы заглянули в комнату. Дворецкий стоял со свечой у окна, почти прижавшись к стеклу лицом, то есть в той же позе, в какой я видел его две ночи назад.

У нас не было заранее разработанного плана действий, но баронет принадлежит к тому сорту людей, для которых решительные поступки кажутся самыми естественными. Он смело вошел в комнату. Бэрримор отскочил от окна, прерывисто переводя дух, и, мертвенно-бледный, дрожа всем телом, стал перед нами. В его темных глазах, горевших на белой маске лица, сквозил ужас. Он растерянно переводил их с меня на сэра Генри.

– Бэрримор, что вы здесь делаете?

– Ничего, сэр. – От волнения он едва ворочал языком; свеча дрожала в его руке, бросая на стены и на потолок неровные тени. – Окно, сэр… Я проверяю по ночам, все ли заперты.

– Даже на втором этаже?

– Да, сэр, во всем доме.

– Слушайте, Бэрримор, – строго сказал сэр Генри, – мы решили добиться от вас правды, так что чем скорее вы во всем признаетесь, тем лучше. Ну, довольно изворачиваться! Что вам здесь понадобилось?

Дворецкий бросил на нас беспомощный взгляд и в полном смятении

стиснул руки:

– Я ничего плохого не делал, сэр! Я только посветил свечкой в окно.

– А зачем вы светили свечкой в окно?

– Не спрашивайте меня, сэр Генри… Не спрашивайте! Клянусь вам, сэр, это не моя тайна, я не могу ее выдать. Если б она касалась только меня, я ничего не стал бы скрывать от вас.

Вдруг меня осенила неожиданная мысль, и я взял свечу, которая стояла на подоконнике.

– Это, вероятно, условный знак. Сейчас посмотрим, будет ли на него какой-нибудь ответ.

Я поднес свечку к самому стеклу, так же, как делал Бэрримор, и вгляделся в непроглядный мрак ночи. Луна спряталась за облака, и в первую минуту мне удалось разглядеть только гряду деревьев, оттенявшую мутную ширь болот. И вдруг я торжествующе вскрикнул, увидев в черном квадрате окна крошечную желтую точку, прорезавшую ночную тьму.

– Вот, смотрите!

– Нет, нет, сэр!.. – забормотал дворецкий. – Уверяю вас, сэр…

– Перенесите свечу вправо, Уотсон! – крикнул баронет. – Видите? Там огонь тоже передвинулся… Ну, негодяй, вы все еще будете упорствовать? Ведь это сигнал! Признавайтесь: кто ваш сообщник? Что вы замышляете?

Дворецкий бросил на него явно вызывающий взгляд:

– Это мое дело, вас оно не касается. Я ничего не скажу.

– Тогда можете считать себя уволенным.

– Слушаю, сэр. Видно, ничего не поделаешь.

– Я выгоню вас с позором! Стыдитесь! Наши предки больше ста лет жили вместе под одной кровлей, а вы замыслили какой-то заговор против меня.

– Нет, нет, сэр! Не против вас!

Эти слова произнес женский голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях насмерть перепуганную миссис Бэрримор, которая своей бледностью могла поспорить с мужем. Эта грузная женщина в нижней юбке и в шали могла бы произвести весьма комическое впечатление, если б не ужас, написанный у нее на лице.

– Нас рассчитали, Элиза. Вот чем все кончилось!.. Пойди уложи вещи, – сказал Бэрримор.

– Джон, Джон! До чего же я тебя довела!.. Это все моя вина, сэр Генри. Он только ради меня на это пошел… ради одной меня!

– Так говорите же! В чем тут дело?

– Мой несчастный брат погибает от голода на болотах. Не можем же мы допустить, чтобы он умер у самых наших дверей! Джон подает ему знак, что еда приготовлена, а он показывает, куда ее принести.

– Значит, ваш брат и есть тот…

– …беглый каторжник, сэр… убийца Селден.

– Это все правда, сэр, – подтвердил Бэрримор. – Я вам сказал, что не могу открыть чужую тайну, а теперь вы сами все услышали, и теперь вы знаете, что против вас мы ничего не замышляли.

Так вот как разъяснились эти загадочные ночные путешествия со свечой! Мы с сэром Генри в изумлении смотрели на миссис Бэрримор. Неужели эта флегматичная почтенная женщина – той же крови, что и один из самых страшных преступников, которых знает наша страна?

– Да, сэр, моя девичья фамилия Селден, он мой младший брат. Мы избаловали его с детских лет, потакали ему во всем, вот он и уверился, будто ему все дозволено, будто мир существует только для его удовольствия. Потом подрос, попал в дурную компанию, и словно бес вселился в нашего мальчика. Он разбил материнское сердце и смешал наше имя с грязью. А чем дальше, тем хуже и хуже – от одного преступления к другому. Что его спасло от виселицы? Только милость божия. Но для меня, сэр, он остается все тем же маленьким кудрявым мальчуганом, с которым я играла, которого нянчила как старшая сестра. Поэтому он и убежал из тюрьмы – знал, что я здесь и что мы не откажемся помочь ему. Когда он приплелся сюда ночью, усталый, голодный, а погоня – по пятам, что нам оставалось делать? Мы впустили его, накормили, помогли всем, чем можно. Потом приехали вы, сэр, и он решил, что лучше переждать на болотах, пока суматоха не уляжется, и с тех пор скрывается там. А мы проверяем через ночь, не ушел ли, светим ему в окно, и, если он отвечает, мой муж носит на условленное место хлеб и мясо. Каждый день надеемся – может, ушел, но пока он здесь, мы его не бросим. Я женщина верующая, лгать вам не стану. Если тут есть что дурное, так муж ни в чем не виноват: он пошел на это только ради меня.

Она говорила с таким чувством, что ей нельзя было не поверить.

– Это правда, Бэрримор?

– Да, сэр Генри. Все до последнего слова правда.

– Ну что ж, я не стану вас осуждать за преданность жене. Забудьте то, что я вам говорил. Идите оба к себе, а утром мы обсудим все как следует.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и в лицо нам пахнуло холодным ночным ветром. Далеко

в непроглядной тьме все еще мерцал крошечный желтый огонек.

– Удивляюсь, как он не боится! – сказал сэр Генри.

– Огонь, вероятно, только отсюда и видно.

– Может быть. Как по-вашему, где это?

– Где-нибудь около гранитных столбов.

– Мили две, не больше?

– И того не будет.

– Да, если Бэрримор носил туда еду, значит, недалеко. И он ждет сейчас, что к нему придут на его огонек. Нет, Уотсон, я пойду и поймаю этого изверга!

Та же самая мысль мелькнула и у меня. Ведь Бэрриморы не сделали нас соучастниками – мы заставили их выдать свою тайну. Этот человек опасен для общества. Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны воспользоваться представившейся нам возможностью, чтобы вернуть его туда, где он уже никому не повредит. В противном случае за нашу оплошность поплатятся другие – например, Стэплтоны, на которых он может напасть в любую ночь. Я думаю, что именно эта мысль подбивала сэра Генри на такой смелый поступок.

– Я пойду с вами.

– Тогда возьмите револьвер и наденьте башмаки. Надо торопиться, не то он потушит огонь и скроется.

Не прошло и пяти минут, как мы уже быстро шли по темной аллее, прислушиваясь к монотонному вою осеннего ветра и шороху осыпающихся листьев. В воздухе стоял пряный запах гнили и сырости. Луна лишь изредка показывалась из-за туч, тянувшихся по небу, а как только мы вышли на болото, заморосил мелкий дождь. Желтый огонек по-прежнему мерцал впереди.

– А вы что-нибудь прихватили с собой? – спросил я.

– Да, хлыст.

– Давайте действовать быстро, чтобы не дать ему опомниться и оказать сопротивление, – ведь он, говорят, отчаянный. Захватим его врасплох.

– Слушайте, Уотсон! – вдруг заговорил баронет. – А что бы сказал об этом Холмс? Помните? «Ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно…»

И, словно в ответ на его слова, где-то вдали, на мрачных просторах болот, возник тот странный звук, который так поразил меня несколько дней назад около Гримпенской трясины. Ветер донес до нас сначала глухое ворчание, а потом рев, мало-помалу перешедший в тоскливый вой. Эти дикие, грозные звуки повторялись в той же последовательности раз

за разом, наполняя собой воздух. Баронет схватил меня за рукав, и я даже в темноте разглядел, какой мертвенной бледностью покрылось его лицо.

– Боже мой, Уотсон, что это?

– Не знаю. Говорят, что такие звуки не редкость на болотах. Я уже слышал их.

Вой снова замер, наступила полная тишина. Мы стояли, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало окружающего нас безмолвия.

– Уотсон, – сказал баронет, – это выла собака.

Кровь похолодела у меня в жилах, ибо голос сэра Генри дрогнул от ужаса.

– Как они объясняют этот звук? – спросил он.

– Кто?

– Здешние жители.

– Но ведь это совершенно невежественные люди! Не все ли вам равно, как они его объясняют?

– Уотсон, скажите мне, что они говорят об этом?

Минуту я колебался, но вопрос был поставлен так, что отмолчаться мне не удалось.

– Они говорят, что это воет собака Баскервилей.

Сэр Генри застонал.

– Да, так может выть только собака, – сказал он после долгого молчания, – но она где-то далеко, в той стороне.

– Я не могу определить, откуда шел этот вой.

– Его принесло ветром. А где Гримпенская трясина? Вон там?

– Да.

– Так оттуда он и шел. Бросьте, Уотсон! Вы же сами думаете, что это выла собака. Я не ребенок. Не бойтесь сказать мне правду.

– В тот раз со мной был Стэплтон. Он говорит, что так кричат какие-то птицы.

– Нет, это собака. Боже мой! Неужели во всех этих небылицах есть хоть доля правды? Неужели мне угрожает какая-то неведомая опасность? Вы не верите в это, Уотсон?

– Нет, нет!

– А все-таки одно дело – смеяться над такими глупостями в Лондоне и совсем другое – слышать этот вой, стоя в темноте на болотах. А мой дядя? Ведь около его тела нашли собачьи следы. Все одно к одному. Я далеко не трус, Уотсон, но у меня кровь стынет в жилах от этих звуков. Потрогайте мою руку.

Она была холодна, как мрамор.

– Ничего, завтра все пройдет.

– Нет, этого воя мне никогда не забыть. Что же нам теперь делать?

– Повернем домой?

– Ни за что! Ловить этого негодяя так ловить. Мы с вами охотимся за каторжником, а чудовищная собака, наверно, охотится за нами. Пойдемте, Уотсон! Пусть все исчадия ада ринутся сюда на болота, все равно отступать нельзя.

Спотыкаясь на каждом шагу, мы медленно двинулись дальше. И справа и слева от нас громоздились неясные в темноте очертания скалистых холмов. Впереди по-прежнему маячил маленький желтый огонек. Нет ничего обманчивее расстояния в кромешной тьме. Огонек мерцал то у самого горизонта, то всего в нескольких шагах от нас. Но наконец мы разглядели источник света и поняли, что теперь до него недалеко. Это была оплывшая свечка, вставленная в расселину между камнями, которые защищали ее от ветра и от посторонних глаз, оставляя открытой только с той стороны, где был Баскервиль-холл. Наше приближение скрывал большой гранитный валун. Мы притаились за ним и осторожно выглянули наружу. Странно было видеть эту одинокую свечу среди болот! Желтый язычок пламени, отсвечивающий на камнях, – и ни признака жизни вокруг.

– Что же теперь делать? – прошептал сэр Генри.

– Подождем здесь. Он, вероятно, где-нибудь поблизости. Может быть, сейчас покажется.

Я не успел договорить, как мы увидели его. В расселине, где горела свеча, появилось страшное, изборожденное следами пагубных страстей лицо, в котором не было ничего человеческого. Такое лицо, облепленное грязью, заросшее щетиной, все в космах спутанных волос, вполне могло бы быть у одного из тех дикарей, которые жили когда-то на склонах этих холмов. Огонек свечи отражался в хитрых маленьких глазках, злобно бегавших по сторонам, точно глаза зверя, заслышавшего в темноте шаги охотников. Что-то, вероятно, возбудило его подозрение. То ли у них с Бэрримором был какой-то неизвестный нам условный знак, то ли он почувствовал, что дело неладно, но я сразу подметил следы страха на его отвратительной физиономии. Он мог каждую секунду погасить свечу и скрыться в темноте. Я выбежал вперед, сэр Генри за мной. Каторжник с воплем швырнул в нас камнем, который разлетелся на куски, ударившись рядом о валун. Я успел только разглядеть, что он приземистый, широкоплечий. К счастью, в эту минуту из-за туч показалась луна. Мы кинулись вверх по холму, а каторжник мчался по другому его склону,

с ловкостью горного козла прыгая по камням. Удачный выстрел мог бы ранить его, но я захватил с собой револьвер только для защиты, а не для того, чтобы стрелять в спину невооруженному человеку.

И я и сэр Генри были неплохие бегуны, однако мы вскоре поняли, что нам не догнать его. Он долго виднелся впереди, освещенный ярким лунным светом, и наконец почти исчез, превратившись в маленькую точку, быстро движущуюся по склону отдаленного холма. Расстояние между нами все увеличивалось. Наконец мы окончательно выбились из сил, сели на камни и стали смотреть вслед его удаляющейся фигуре.

И вот тут-то произошло нечто странное и совершенно неожиданное. Мы уже поднялись, решив оставить бесполезную погоню. Луна была справа от нас; неровная вершина гранитного столба четко вырисовывалась на фоне ее серебряного диска. И на этом столбе я увидел человеческую фигуру, стоявшую неподвижно, словно статуя из черного дерева. Не думайте. Холмс, что это была галлюцинация. Я, как никогда, мог положиться на свое зрение! Насколько мне удалось разглядеть, это был высокий, худой человек.

Он стоял, чуть расставив ноги, скрестив руки на груди, опустив голову, и словно в раздумье смотрел на царство торфа и гранита, которое лежало перед ним. Вот таким и представляется мне дух здешних болот! Это был не каторжник. Он стоял далеко от места, где тот скрылся, да и ростом он был выше. Вскрикнув от неожиданности, я повернулся к баронету и схватил его за руку. Секунды, которая понадобилась мне на это, было достаточно – человек исчез. Острая вершина гранитного столба по-прежнему врезалась в лунный диск, но неподвижной, безмолвной фигуры на ней уже не было.

Я сразу же решил, что надо пойти туда и осмотреть этот столб, но он стоял довольно далеко от нас, а баронету было не до приключений – он все еще не мог успокоиться после страшного воя, напомнившего ему о мрачном семейном предании. К тому же сам он ничего не видел, и, следовательно, его не могло взволновать это странное зрелище.

– Наверно, часовой. Со времени побега болота так и кишат ими, – сказал он.

Возможно, что сэр Генри был прав, но мне так хотелось окончательно убедиться в этом! Сегодня мы дадим знать принстаунским властям, где скрывается беглый каторжник. Но все-таки жалко, что нам не удалось поймать его самим и с торжеством водворить обратно в тюрьму!

Таковы события последней ночи, и вы, дорогой Холмс, должны признать, что вам представлен полный отчет о них. Большая часть моих

рассказов, конечно, не имеет никакого отношения к нашему делу, но я считаю нужным сообщать в своих письмах все факты – выбирайте из них те, которые сослужат вам службу. Кое-какие успехи у нас все же есть. Мы узнали теперь всю подоплеку поведения Бэрриморов, а это значительно прояснило обстановку. Но тайна торфяных болот, тайна их странных обитателей остается по-прежнему неразгаданной. Может быть, в следующем письме мне удастся немного приоткрыть над ней завесу. А лучше всего было бы, если б вы приехали сюда сами».

Глава X

Отрывки из дневника доктора Уотсона

До сих пор я вполне обходился в своем повествовании отчетами, которые Шерлок Холмс получал от меня в первые дни после моего приезда в Баскервиль-холл. Теперь же мы подошли к такому моменту, когда я вынужден оставить этот способ и снова положиться на свою память, подкрепив ее выписками из собственного дневника. Эти два отрывка подведут нас вплотную к тем событиям, которые навеки запечатлелись у меня в мозгу.

Я остановился на описании нашей неудачной погони за каторжником и на том, что за ней последовало. Продолжаю свой рассказ на другое утро:

«16 октября. Туманный серый день, моросит дождь. Над Баскервиль-холлом низко нависли тучи; время от времени гряда их редеет, и тогда сквозь просветы вдали виднеются мрачные просторы торфяных болот, на которых поблескивают серебром склоны холмов и мокрые валуны. И дома и под открытым небом – всюду одинаково тоскливо. После пережитого ночью баронет находится в мрачном настроении. Я сам ощущаю какую-то тяжесть на сердце, и меня гнетет предчувствие неминуемой беды – предчувствие тем более страшное, что объяснить его я не в силах.

А разве оснований для беспокойства нет? Стоит только вспомнить цепь событий, которые все указывают на присутствие каких-то темных сил, действующих здесь. Смерть последнего хозяина Баскервиль-холла, в точности совпадающая с семейным преданием, толки среди фермеров о странном существе, которое то и дело появляется на болотах. Да я собственными ушами дважды слышал звуки, похожие на отдаленный собачий лай. Нельзя же в самом деле поверить, что все это – вне законов природы! Призрачная собака, которая оставляет следы на земле и громко воет? Нет, это невыносимо! Стэплтон, а за ним и Мортимер могли поддаться общему настроению, но если у меня есть какое-нибудь достоинство, так это здравый смысл, и я никогда не стану предаваться суеверию. Для этого надо опуститься на уровень развития здешних фермеров, которые, не довольствуясь рассказами о какой-то свирепой собаке, наделяют ее пламенем, пышущим из глаз и пасти. Холмс не стал бы даже слушать подобные бредни, а я представляю здесь его персону.

Однако факты остаются фактами: мне пришлось дважды слышать этот вой. А что, если по болотам действительно бегает какая-то огромная собака? Ведь тогда все станет понятным! Но где она прячется, что она ест, откуда она взялась, почему никто не видел ее днем? Надо сознаться, что, давая всему этому правдоподобное объяснение, мы наталкиваемся на не меньшие трудности. Но даже если оставить собаку в стороне – как объяснить то, что было в Лондоне? Неизвестный в кэбе, письмо, автор которого заклинал сэра Генри не выходить на торфяные болота? Уж в этом-то нет ничего сверхъестественного, хотя и то и другое можно в одинаковой степени приписать и дружеским и враждебным силам. Но где он сейчас, этот друг или враг? Остался ли в Лондоне или последовал за нами сюда? Неужели… Неужели его-то я и видел на вершине гранитного столба?

Правда, он всего лишь мелькнул у меня перед глазами, но кое-что я все же приметил и готов подтвердить это под присягой. Он не из здешних жителей – теперь я знаю всех соседей сэра Генри. Он выше Стэплтона и гораздо худее Френкленда. Его можно было бы принять за Бэрримора, но Бэрримор оставался дома, и я уверен, что ему не удалось бы прокрасться за нами незамеченным. Следовательно, здесь, так же как и в Лондоне, нас выслеживает какой-то неизвестный. Мы до сих пор не можем отделаться от него. Если б мне удалось поймать этого человека, тогда все наши недоумения сразу бы разъяснились. Вот моя цель, и я приложу все свои силы, чтобы достигнуть ее.

Первым моим побуждением было поделиться своими планами с сэром Генри. Но, поразмыслив, я решил вести игру самостоятельно и поменьше говорить об этом. Баронет молчалив и погружен в свои мысли. Вой, который мы слышали на болотах, очень на него подействовал. Я решил не усугублять его беспокойства, но оружия не сложу и буду действовать на свой страх и риск.

Сегодня после завтрака у нас разыгралась небольшая сцена. Бэрримор попросил у сэра Генри разрешения поговорить с ним, и они ушли в кабинет. Сидя в бильярдной, я слышал их повышенные голоса и прекрасно догадывался, о чем там идет речь. Вскоре дверь кабинета раскрылась и баронет позвал меня.

– Бэрримор в обиде на нас, – сказал сэр Генри. – С нашей стороны, видите ли, было нечестно преследовать его шурина, тайну которого он выдал нам по собственной воле.

Дворецкий стоял бледный, но держал себя в руках.

– Я, может быть, погорячился, сэр, но в таком случае прощу прощения.

Но все же меня очень удивило, когда я услышал ваши шаги на рассвете и узнал, что вы хотели поймать Селдена. Незачем мне наводить людей на его след – ему, несчастному, и без того плохо.

– Если б вы действительно выдали Селдена по собственной воле, это было бы совсем другое дело, – сказал баронет. – Но ведь вы, вернее, ваша жена признались во всем только под нашим нажимом. Вам ничего другого не оставалось.

– Я не думал, что вы воспользуетесь моим признанием, сэр Генри. Никак не думал.

– Селден опасен для общества. Ведь он ни перед чем не остановится, по его физиономии видно! Вспомните, как редко здесь встречается жилье. Взять хотя бы мистера Стэплтона – в случае нападения ему надеяться не на что, разве только на собственные силы. Нет, пока этого человека не посадят под замок, мы не можем чувствовать себя в безопасности!

– Селден никого не тронет, сэр, клянусь вам! Для здешних жителей он теперь не страшен. Поверьте мне, сэр Генри, через несколько дней все будет улажено и он уедет в Южную Америку, Умоляю вас, не сообщайте полиции, что Селден все еще здесь, на болотах. Его уже перестали искать, и он может спокойно дождаться парохода. Если вы донесете на него, нам с женой несдобровать. Прошу вас, сэр, не обращайтесь в полицию!

– Уотсон, что вы на это скажете?

Я пожал плечами:

– Если этот человек уберется из Англии, налогоплательщики вздохнут свободнее.

– А вдруг он натворит каких-нибудь бед до отъезда?

– Нет, сэр! Ведь не безумный же он! Мы дали ему все, что нужно. А новое преступление выдаст его с головой.

– Это верно, – сказал сэр Генри. – Хорошо, Бэрримор…

– Да благословит вас бог, сэр! Как я вам благодарен! Если Селдена поймают, моя жена не перенесет такого горя.

– Выходит, Уотсон, мы с вами укрываем уголовного преступника. Но у меня, кажется, не хватит теперь духу выдать его. Хорошо, покончим на этом. Вы можете идти, Бэрримор.

Пробормотав дрогнувшим голосом несколько слов благодарности, дворецкий пошел к дверям, но на пороге вдруг остановился.

– Вы так хорошо со мной обошлись, сэр, что мне хочется как-то отблагодарить вас, – нерешительно начал он. – Я кое-что знаю, сэр Генри… может быть, напрасно я так долго молчал, но это выяснилось, когда следствие было уже закончено. Я еще ни с кем не говорил об этом…

Речь идет о смерти сэра Чарльза.

Мы с баронетом так и подскочили на месте.

– Вам известны обстоятельства его смерти?

– Нет, сэр.

– Тогда что же?

– Я знаю, почему он стоял у калитки в такой поздний час. У него было свидание с женщиной.

– Свидание с женщиной! У сэра Чарльза!

– Да, сэр.

– Кто она такая?

– Имени ее я вам не скажу, сэр. Я знаю только первые буквы: «Л. Л.».

– Откуда вам это известно, Бэрримор?

– Сэр Генри, в то утро ваш дядюшка получил письмо. На его имя обычно приходило очень много писем, ведь он был человек известный и славился своей добротой. К нему каждый обращался со своим горем. Но в то утро пришло только одно письмо, почему я его и запомнил. Почерк на конверте был женский, и на штемпеле стояло: «Кумби-Треси».

– Дальше?

– Я бы не вспомнил больше об этом письме, если б не жена. Несколько недель тому назад она принялась за уборку в кабинете сэра Чарльза – в первый раз после его смерти – и нашла в глубине камина листок бумаги. Большая часть его превратилась в пепел, но один маленький кусочек – самый конец – уцелел, и слова еще можно было разобрать, хотя чернила посерели от огня, а бумага обуглилась. Это была, наверно, только приписка, и мы прочли вот что: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера». Внизу стояли две буквы: «Л. Л.».

– Вы сохранили этот обрывок?

– Нет, сэр. Он рассыпался у меня в руках.

– А до этого сэр Чарльз получал письма, написанные тем же почерком?

– Не знаю, сэр, не обращал внимания. Да и это письмо запомнилось мне только потому, что оно было единственное в тот день.

– И вы не знаете, кто такая «Л. Л.»?

– Нет, сэр, понятия не имею. Но я думаю, что, если б нам удалось разыскать эту леди, мы бы узнали кое-какие подробности о смерти сэра Чарльза.

– Я просто не понимаю вас, Бэрримор! Как можно было скрывать до сих пор такие важные сведения?

– Видите ли, сэр, сразу же вслед за этим на нас самих свалилась беда.

Кроме того, мы с женой очень любили сэра Чарльза и не забывали его благодеяний. Зачем, думаем, ворошить старое? Нашему несчастному хозяину это уже не поможет, а когда в дело замешана женщина, тут надо действовать осторожно. Ведь даже самые достойные люди…

– По-вашему, это может оскорбить его память?

– Да, сэр, я решил, что ничего хорошего из этого не получится. Но вы были так добры к нам… Мне не захотелось скрывать от вас то, что знаю.

– Хорошо, Бэрримор, можете идти.

Когда дворецкий вышел, сэр Генри повернулся ко мне:

– Ну, Уотсон, что вы скажете об этом новом луче света?

– По-моему, он еще больше сгустил темноту.

– Да, верно. Но если б нам удалось выследить эту «Л. Л.», тогда все бы прояснилось. Мы теперь знаем, что есть женщина, которой многое известно, а это уже серьезное достижение! Надо только найти ее. Что ж нам теперь делать?

– Немедленно сообщить обо всем Холмсу. Может быть, это наведет его на нужный след. Я почти уверен, что он сейчас же приедет сюда.

Я ушел к себе и написал Холмсу подробный отчет о событиях сегодняшнего утра. Мой друг, по-видимому, очень занят последнее время, так как письма с Бейкер-стрит становятся все реже и все короче. В них ни словом не упоминается о моих отчетах, а о цели моей поездки сюда – лишь вскользь. Дело о шантаже, вероятно, поглощает все силы Холмса. Но последние события, безусловно, привлекут его внимание и снова пробудят в нем интерес к нашему расследованию. Как бы мне хотелось, чтобы он был здесь!

17 октября. Сегодня весь день льет дождь; тяжелые капли шуршат в густом плюще, падают с карнизов. Я вспомнил каторжника, скрывающегося в глубине мрачных, открытых небу торфяных болот. Бедняга! Каковы бы ни были совершенные им преступления, теперешние его муки в какой-то мере искупают их. А потом вспомнился мне и тот, другой человек… Лицо, мелькнувшее в окне кэба, темная фигура, словно вырезанная на лунном диске. Неужели этот неуловимый соглядатай, этот пособник тьмы тоже бродит сейчас, под таким ливнем?

Вечером я надел непромокаемый плащ и отправился в глубь болот, рисуя в своем воображении страшные картины. Дождь хлестал мне в лицо, в ушах свистел ветер. Да хранит господь тех, кто блуждает сейчас около Гримпенской трясины! В такую погоду даже взгорья превращаются здесь в сплошную топь. Я отыскал гранитный столб, на котором стоял тот

одинокий созерцатель, и с его неровной, уступчатой вершины оглядел расстилавшиеся внизу унылые болота. Дождевые потоки заливали эти бурые низины, тяжелые, свинцово-серые тучи низко стлались над землей, а сквозь их обрывки проступали причудливые очертания холмов. Вдали, по левую руку от меня, над деревьями ложбины поднимались чуть видные в тумане узкие башни Баскервиль-холла. Только они одни и говорили о присутствии человека в этих местах, если не считать доисторических пещер, ютившихся на склонах холмов. И нигде ни малейшего следа того незнакомца, одинокую фигуру которого я видел на этой самой вершине две ночи назад!

На обратном пути меня догнал доктор Мортимер, ехавший в своей тележке со стороны Гнилой топи. Все это время доктор был к нам очень внимателен, и не проходило почти ни одного дня, чтобы он не заглянул в Баскервиль-холл справиться, как мы поживаем. Доктор усадил меня к себе в тележку и предложил подвезти домой. Он очень огорчен пропажей своего спаниеля. Собака убежала на болота и не вернулась. Я утешал доктора как мог, а сам, вспоминая пони, увязшего в Гримпенской трясине, думал, что Мортимеру вряд ли придется увидеть когда-нибудь свою собачонку.

– Кстати, доктор, – сказал я, трясясь вместе с ним по рытвинам дороги, – вы, вероятно, знаете здесь всех, кто находится в радиусе ваших разъездов?

– Думаю, что всех.

– Тогда вы, может быть, скажете мне полное имя и фамилию женщины, инициалы которой «Л. Л.»?

Мортимер задумался, потом ответил:

– Нет. Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и джентри[41] такие инициалы как будто ни к кому не подходят. Хотя постойте, – добавил он после паузы, – есть некая Лаура Лайонс – вот вам «Л. Л.». Но она живет в Кумби-Треси.

– Кто она такая? – спросил я.

– Дочь Френкленда.

– Как! Дочь этого старого чудака?

– Совершенно верно. Она вышла замуж за художника по фамилии Лайонс, который приезжал сюда на этюды. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, насколько я слышал, нельзя сваливать всю вину на одну сторону. Отец отрекся от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть, и не только поэтому. Одним словом, два греховодника – и старый и молодой – допекали несчастную женщину

как могли.

– Чем же она живет?

– Старик Френкленд, вероятно, дает ей кое-что, разумеется, не много, так как его собственные дела находятся в плачевном состоянии. Но каковы бы ни были ее прегрешения, нельзя же было позволять ей скатываться все ниже и ниже. Эта история стала известна здесь, и соседи – а именно Стэплтон и сэр Чарльз – помогли ей, дали возможность честно зарабатывать на жизнь. Я тоже кое-что пожертвовал. Мы хотели, чтобы она выучилась печатать на машинке.

Мортимер спросил, почему меня это интересует, и я кое-как удовлетворил его любопытство, стараясь не вдаваться в подробности, ибо нам совершенно незачем посвящать в свои дела лишних людей.

Завтра утром я съезжу в Кумби-Треси, и, если мне удастся повидать эту даму с весьма сомнительной репутацией, миссис Лауру Лайонс, мы сделаем большой шаг вперед к тому, чтобы одной загадкой стало у нас меньше.

Между прочим, ваш покорный слуга мало-помалу превращается в мудрого змия: когда Мортимер зашел уж слишком далеко в своих расспросах, я осведомился, к какому типу принадлежит череп Френкленда, и спас положение – вся остальная часть пути была посвящена лекции по краниологии[42]. Годы, проведенные в обществе Шерлока Холмса, не прошли для меня даром.

Чтобы покончить с описанием этого унылого дождливого дня, упомяну еще об одном разговоре, на сей раз с Бэрримором. Этот разговор дал мне козырь в руки, с которого я и пойду в нужную минуту.

Мортимер остался у нас, и после обеда они с баронетом затеяли партию в экартэ[43]. Дворецкий подал мне кофе в кабинет, и я воспользовался этим, чтобы задать ему несколько вопросов.

– Ну, Бэрримор, что поделывает ваш милый родственник? Уехал или все еще прячется на болотах?

– Не знаю, сэр. Хоть бы поскорее уехал! Ведь сколько мы с ним хватили горя! Я ничего о нем не знаю с тех пор, как отнес ему в последний раз еду, а это было третьего дня.

– А тогда вы его видели?

– Нет, сэр, но я потом проверил – еды на месте не оказалось.

– Раз еды не было, значит, он все еще там.

– Да как будто так, сэр, если только ее не взял тот, другой человек.

Моя рука с чашкой замерла на полдороге, и я во все глаза уставился

на Бэрримора:

– Так вы знаете, что там есть кто-то другой?

– Да, сэр, на болотах прячется еще один человек.

– Вы его видели?

– Нет, сэр.

– Откуда же вы о нем знаете?

– Мне говорил про него Селден недели полторы назад. Этот человек тоже скрывается, но, по-моему, он не из каторжников… Не нравится мне это, доктор Уотсон, совсем не нравится! – с неожиданной силой вырвалось вдруг у Бэрримора.

– Слушайте, друг мой! Я здесь действую исключительно в интересах вашего хозяина. Я только затем и приехал, чтобы помочь ему. Скажите мне прямо: что, собственно, вам не нравится?

Минуту Бэрримор колебался, точно сожалея о своей вспышке или же не находя подходящих слов для выражения обуревающих его чувств.

– Да все, что там делается, сэр! – воскликнул он наконец, показав на залитое дождевыми потоками окно, которое выходит на болота. – Не к добру это. Там замышляют черное дело, поверьте моему слову! Мне теперь хочется только одного: чтобы сэр Генри поскорее уехал отсюда в Лондон.

– Да что вас так напугало?

– А вы вспомните смерть сэра Чарльза! Мало ли что там следователь наговорил! Прислушайтесь ночью, что делается на болотах. Ведь люди ни за какие деньги не согласятся выйти туда после захода солнца… А этот человек, который там прячется и кого-то выслеживает, – кого он выслеживает? Что все это значит? Нет, для тех, кто носит имя Баскервилей, это добром не кончится, и я не дождусь того дня, когда новые слуги сэра Генри заступят на мое место и мне можно будет уехать отсюда!

– Расскажите мне про этого человека, – сказал я. – Что вы о нем знаете? Что говорил Селден? Ему известно, где тот прячется и зачем?

– Селден видел его раза два, но он осторожный, хитрый. Сначала Селден принял его за полицейского, а потом убедился, что тут нечто совсем другое. По виду он джентльмен, но что ему там нужно, никак не поймешь.

– А где он прячется?

– Селден говорит, что в старых пещерах на склонах холма – знаете, там есть каменные пещеры, где в древности жили люди.

– А чем он питается?

– Селден подглядел, что к нему ходит какой-то мальчишка.

Он, наверно, носит ему еду и все прочее из Кумби-Треси.

– Хорошо, Бэрримор. Мы еще с вами поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Когда дворецкий вышел, я остановился у окна и посмотрел сквозь мутное стекло на бегущие по небу облака и на деревья, которые трепал ветер. Если в такую погоду неуютно даже в доме, то каково же в каменной пещере на болотах! Какой ненавистью надо пылать, чтобы устроить засаду в таком месте и в такое время! И что побудило этого человека пойти на столь тяжкое испытание?

В одной из этих пещер таится самая суть той задачи, которая так мучит меня. Клянусь, не пройдет и дня, как я сделаю все, что в человеческих силах, и доберусь до разгадки этой тайны!»

Глава XI

Человек на гранитном столбе

Отрывки из моего дневника, составившие последнюю главу, подвели нас вплотную к 18 октября, то есть к тому числу, начиная с которого все эти невероятные события быстро двинулись к своей страшной развязке. Происшествия последних дней настолько врезались мне в память, что я могу рассказывать о них, не прибегая к своим записям.

Итак, начнем с того дня, в канун которого я выяснил два обстоятельства первостепенной важности. Первое: что миссис Лаура Лайонс из Кумби-Треси писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свидание в том самом месте, где он встретил свою смерть (причем в тот же условленный час), и второе: что человека, скрывающегося на болотах, следует искать в каменных пещерах на склоне холма. Я чувствовал, что теперь только недостаток мужества и сообразительности может помешать мне разгадать эти две загадки.

В тот вечер мне не удалось рассказать баронету о миссис Лайонс, так как доктор Мортимер допоздна засиделся с ним за картами. Но на другой день во время завтрака я поделился с ним своим открытием и предложил съездить со мной в Кумби-Треси. Сначала он охотно согласился на это, но, поразмыслив, мы решили, что лучше мне поехать одному. Чем официальнее будет обставлен этот визит, тем меньших результатов мы добьемся. И я не без угрызений совести оставил сэра Генри дома, а сам отправился на эти новые розыски.

Подъехав к Кумби-Треси, я велел Перкинсу придержать лошадей и навел справки о леди, которую мне предстояло допросить. Отыскать ее дом оказалось нетрудно – он стоял в самом центре деревни. Служанка, открывшая дверь, без дальнейших церемоний ввела меня в гостиную, где за пишущей машинкой сидела женщина. Она с приятной улыбкой поднялась мне навстречу, но, увидев перед собой незнакомца, нахмурилась, снова села к столу и осведомилась о цели моего посещения.

С первого взгляда миссис Лайонс поразила меня своей красотой. Светло-карие глаза, каштановые волосы, нежный румянец на щеках, правда усыпанных веснушками, – румянец того восхитительного оттенка, что таится в самом сердце белой розы. Повторяю, первое впечатление было очень сильное. Однако, присмотревшись, я настроился на критический лад. В этом лице было что-то неприятное, грубое – его совершенную красоту

портили то ли безвольные складки у рта, то ли жесткость взгляда. Но все эти мысли пришли мне в голову задним числом. В первую же минуту я просто почувствовал, что передо мной сидит очень красивая женщина и эта женщина спрашивает меня, зачем я пришел. И мне только тогда стало ясно, насколько щекотлива цель моего визита.

– Я имею удовольствие знать вашего батюшку, – сказал я.

Начало было довольно неудачное, и леди сразу же дала мне понять это.

– У меня нет ничего общего с моим отцом, – сказала она. – Я ничем ему не обязана и не могу считать его друзей своими друзьями. Он не обременяет себя отцовскими заботами. Если б не покойный сэр Чарльз Баскервиль и некоторые другие сердобольные люди, мне пришлось бы голодать.

– А я как раз хочу поговорить с вами о покойном сэре Чарльзе Баскервиле.

Веснушки ярко выступили на ее побледневшем лице.

– Что именно вас интересует? – спросила она, и ее пальцы нервно потрогали клавиши машинки.

– Вы были знакомы с ним?

– Я же говорю, что я многим ему обязана. Если мне удалось стать на ноги, то это объясняется главным образом тем участием, которое он проявлял к моей судьбе.

– Вы с ним переписывались?

Леди метнула на меня быстрый взгляд, и в ее светло-карих глазах вспыхнул злой огонек.

– Объясните мне цель этих расспросов, – резко сказала она.

– Цель их может быть только одна: избежать неприятной для вас огласки. Давайте поговорим здесь, иначе это уже будет не в нашей власти, а тогда выйдет хуже.

Она побледнела еще больше и долго молчала. Потом вдруг посмотрела на меня и сказала дерзким, вызывающим тоном:

– Хорошо, я согласна. Что вы хотите знать?

– Вы переписывались с сэром Чарльзом?

– Да, я писала ему раза два, благодарила его за великодушие и деликатность.

– Даты этих писем вы помните?

– Нет.

– А вы встречались с ним лично?

– Считаное число раз, во время его приездов в Кумби-Треси. Сэр Чарльз был очень скромный человек, он не любил выставлять напоказ

свои добрые дела.

– Вы редко с ним переписывались, редко встречались, тем не менее он был настолько посвящен в ваши дела, что даже оказывал вам помощь! Как же это так?

Она ответила на мой каверзный вопрос не задумываясь:

– Мне помогали общими силами и другие джентльмены, которые знали мою печальную историю. Один из них был мистер Стэплтон, сосед и близкий друг сэра Чарльза. Он проявил ко мне исключительную доброту, и сэр Чарльз через него познакомился со мной.

Я уже знал, что сэр Чарльз Баскервиль не раз поручал Стэплтону вести свои благотворительные дела, и поэтому счел такое объяснение вполне правдоподобным.

– Теперь скажите: в своих письмах к сэру Чарльзу вы не настаивали на личном свидании?

Она гневно вспыхнула:

– Я считаю такой вопрос неуместным, сэр!

– Простите, сударыня, но я вынужден повторить его.

– Хорошо, я отвечу: конечно, нет!

– Даже в день смерти сэра Чарльза?

Румянец в мгновение ока схлынул с ее щек; лицо, смотревшее на меня, покрылось мертвенной бледностью. Пересохшие губы дрогнули, и я скорее увидел, чем услышал еще одно «нет».

– Вам явно изменяет память. Я могу даже процитировать одну фразу из вашего письма. Там было сказано: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера».

Мне показалось, что еще секунда – и миссис Лайонс потеряет сознание, но она поборола себя огромным усилием воли.

– Значит, нет на свете порядочных джентльменов? – вырвалось у нее.

– Вы несправедливы к сэру Чарльзу: он исполнил вашу просьбу. Но иной раз можно прочесть даже сожженное письмо. Теперь вы признаетесь, что писали ему в тот день?

– Да, писала. Я не стану отказываться! – воскликнула она, вкладывая всю душу в свои слова. – Мне нечего стыдиться этого письма. Я просила его о помощи. Я была уверена, что, если мне удастся поговорить с ним, он не откажется поддержать меня.

– Но почему вы назначили такой час для встречи?

– Я узнала, что он уезжает на другой день в Лондон, возможно на несколько месяцев. А раньше я не могла прийти, на это у меня были свои причины.

– Зачем же вы назначили свидание в парке? Разве нельзя было устроить его в доме?

– По-вашему, женщина может явиться одна в такой поздний час в дом холостяка?

– Хорошо. Что же было, когда вы пришли на свидание?

– Я никуда не ходила.

– Миссис Лайонс!

– Клянусь вам всем, что для меня свято, я не ходила туда! Мне помешали.

– Что же вам помешало?

– Это мое личное дело, я не могу говорить о нем.

– Следовательно, вы назначили свидание сэру Чарльзу в том самом месте, где его постигла смерть, и даже в тот же самый час, но сами туда не пошли?

– Это святая правда.

Все мои дальнейшие ухищрения ни к чему не привели, она продолжала стоять на своем.

– Миссис Лайонс, – сказал я, заканчивая этот длинный и безрезультатный допрос, – вы не хотите говорить начистоту и тем самым берете на себя большую ответственность. Ваше положение весьма щекотливое. Если я обращусь к помощи полиции, вы убедитесь, насколько все это скомпрометирует вас. Допустим, что вы ни в чем не виноваты, но тогда зачем вам понадобилось с первых же слов отказываться от своего письма, которое было послано сэру Чарльзу в день его смерти?

– Я боялась, что из этого будут сделаны ложные выводы и меня вовлекут в неприятную историю.

– А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

– Если вы читали его, вам это должно быть ясно самому.

– Я не говорил, что читал все письмо.

– Вы привели на память целую фразу.

– Только постскриптум. Я уже сказал вам, что письмо было сожжено, мне не удалось прочитать его целиком. Повторяю свой вопрос еще раз: почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

– Это касается только меня.

– Тогда вы тем более должны остерегаться публичного расследования.

– Хорошо, я расскажу вам все. Если слухи о моей горькой судьбе дошли и до вас, то вы должны знать, что я вышла замуж опрометчиво и имею все основания сожалеть об этом.

– Да, я кое-что слышал.

– С тех пор муж, которого я ненавижу, не перестает преследовать меня своими домогательствами. Закон на его стороне, и мне каждый день грозит опасность, что он принудит меня к совместной жизни. Перед тем как написать письмо сэру Чарльзу, я узнала, что могу получить свободу, но для этого требовались деньги. Свобода даст мне все: душевное спокойствие, счастье, самоуважение – решительно все! Великодушие сэра Чарльза было хорошо известно, и я думала: если рассказать ему о своем горе, он не откажется помочь.

– Так почему же вы не пришли на свидание?

– Потому что за это время я успела получить помощь из других рук.

– Тогда надо было написать вторично и объяснить, почему вы не можете прийти!

– Я так бы и сделала, если б не прочла на следующее утро в газетах о его смерти.

Рассказ получался довольно связный, и мои вопросы не могли поколебать его правдоподобие. Проверить все это можно было бы только одним способом: узнать, начала ли миссис Лайонс бракоразводное дело вскоре после трагической смерти сэра Чарльза.

Она вряд ли осмелилась бы солгать, что не была на свидании, так как ей пришлось бы поехать в Баскервиль-холл в шарабане и вернуться в Кумби-Треси только к рассвету. Такую поездку не сохранишь в тайне. Следовательно, она говорит правду или по крайней мере часть правды.

Я ушел от нее, сбитый с толку и удрученный своей неудачей. Опять передо мной та глухая стена, которая вырастает на всех моих путях к намеченной цели. И все же, вспоминая лицо этой женщины и ее поведение во время нашего разговора, я все больше и больше убеждался, что она многое утаила от меня. Почему она вдруг так побледнела? Почему мне приходилось силой вырывать у нее каждое слово? Почему она не поехала на свидание, назначенное на тот час, когда произошла трагедия? Уж наверно, причины всего этого не так просты, как ей хотелось внушить мне. Да, тут ничего нельзя было поделать! Приходилось идти по другим следам, которые вели к каменным пещерам на болотах.

Но следы эти были в высшей степени неясные, в чем я убедился на обратном пути, проезжая мимо холмов, испещренных остатками жилья доисторического человека. Бэрримор сказал, что неизвестный прячется в одной из заброшенных пещер, но ведь тут они попадаются всюду! Впрочем, кроме указаний Бэрримора, у меня были и свои собственные соображения, так как я сам видел этого человека на вершине гранитного

столба. Следовательно, оттуда и надо начинать поиски. Я обследую каждую пещеру в этом месте и в конце концов найду ту, которая мне нужна. Если незнакомец попадется мне, я заставлю его назвать себя, заставлю признаться, почему он так упорно преследует нас. Пусть даже для этого придется пригрозить ему револьвером. Он улизнул от Холмса на многолюдной Риджент-стрит, но здесь, на пустынных болотах, это ему не удастся. Если же я найду ту самую пещеру, а ее обитателя там не окажется, что ж – буду ждать его возвращения, когда бы он ни пришел. Холмс упустил этого человека в Лондоне. Как же я буду торжествовать, если мне удастся настигнуть его и тем самым взять верх над моим учителем!

Счастье столько раз изменяло нам во время этого расследования, но теперь оно обернулось ко мне лицом, И вестником удачи был не кто иной, как седовласый, румяный мистер Френкленд, который встретил меня у своей садовой калитки, выходившей на проезжую дорогу.

– Добрый день, доктор Уотсон! – крикнул он с необычной для него приветливостью. – Дайте лошадям передохнуть! Зайдите, порадуйтесь вместе со мной, выпьем по стаканчику вина.

После всего, что я слышал об отношении мистера Френкленда к родной дочери, у меня не могло быть особо дружеских чувств к нему, но мне хотелось во что бы то ни стало отослать Перкинса домой, и такой предлог оказался как нельзя более кстати. Я вылез из коляски, велел передать сэру Генри, что вернусь к обеду, и последовал за Френклендом прямо в столовую.

– Сегодня у меня торжественный день, сэр, настоящий праздник! – объявил он, радостно похохатывая. – Я выиграл два судебных процесса. Теперь здешняя публика поймет, что закон есть закон и что в моем лице она имеет дело с человеком, который не побоится обрушить его возмездие на головы непокорных. Я добился права свободного проезда через парк старика Мидлтона – через самый парк, сэр! – в каких-нибудь ста шагах от его дверей! Ну, что вы на это скажете? Мы еще проучим наших магнатов, будь они прокляты! Пусть знают, что им никто не позволит безнаказанно попирать общинные права! Кроме того, я закрыл доступ в лес, где здешняя публика повадилась устраивать пикники. Эти негодяи ведут себя так, будто права частной собственности не существует! Они воображают, что им всюду можно оставлять пустые бутылки и клочки бумаги. Оба дела закончены, доктор Уотсон, и оба в мою пользу. У меня давно не было такого счастливого дня – с тех самых пор, как я притянул к ответу сэра Джона Морленда за браконьерство, когда он охотился

на кроликов в своем собственном загоне.

– Как же это вам удалось?

– Обратитесь к судебным архивам, сэр, вы не пожалеете потраченного времени. «Френкленд против Морленда». Дело слушалось в Лондоне. Оно обошлось мне в двести фунтов, но я его выиграл!

– И что это вам дало?

– Ничего, сэр, ровным счетом ничего. Я горжусь тем, что у меня нет личной заинтересованности в этих делах. Я только выполняю свой общественный долг. Не сомневаюсь, что сегодня ночью жители деревушки Фернворси сожгут на костре мое чучело. В последний раз, когда они это затеяли, я потребовал, чтобы полиция положила конец такому безобразию. Но ведь полицейские власти в нашем графстве ведут себя совершенно позорно, сэр! Я вправе рассчитывать на их защиту, а они мне ее не оказывают! Подождите, дело «Френкленд против полиции» привлечет к себе внимание общества. Я предупреждал, что местным властям придется пожалеть о своем возмутительном отношении ко мне, и вот мои слова уже сбылись.

– Каким же образом? – спросил я.

Старик бросил на меня многозначительный взгляд:

– Им до смерти хочется узнать одну вещь, а мне кое-что известно. Но я ни за какие блага в мире не стану помогать этим негодяям!

Я уже давно подыскивал предлог, чтобы поскорее отделаться от этого болтуна, но последние его слова меня заинтересовали. Однако мне был хорошо известен строптивый нрав старого греховодника; я знал, что стоит только проявить интерес к его рассказу, как он замолчит, и поэтому спросил совершенно равнодушным тоном:

– Наверно, опять браконьерство?

– Ха-ха! Нет, друг мой, тут дело гораздо серьезнее. А что, если оно касается беглого каторжника?

Я так и вздрогнул:

– Вы знаете, где он прячется?

– Точного места, может быть, и не знаю, а навести полицию на его след могу. Неужели вам не приходило в голову, что изловить этого человека удастся лишь тогда, когда мы узнаем, кто носит ему пищу, и проследим за ее доставкой?

Старик был настолько близок к истине, что мне стало не по себе.

– Да, правильно, – сказал я. – Но почему вы думаете, что каторжник все еще прячется на болотах?

– Потому что я собственными глазами видел того, кто носит ему еду.

У меня сжалось сердце при мысли о Бэрриморе. Если он попадет во власть этого злобного, пронырливого старикашки, его дело плохо. Но услышав дальнейшее я вздохнул свободнее.

– Представьте себе, еду носит ребенок! – продолжал Френкленд. – Я каждый день его вижу в подзорную трубу, которая у меня на крыше. Он ходит одной и той же дорогой, в одно и то же время. К кому? – спрашивается. Конечно, к каторжнику!

Вот она, удача, наконец-то! Но я даже виду не подал, насколько это меня интересует. Ребенок! Бэрримор говорил, что нашему неизвестному прислуживает какой-то мальчишка. Значит, Френкленд напал на след этого человека, а каторжник тут совершенно ни при чем. Если б я мог выпытать у старика все, что ему известно, это избавило бы меня от долгих и утомительных поисков. Но моими козырями в игре по-прежнему оставались недоверие и полное равнодушие:

– А мне кажется, что это сын какого-нибудь здешнего пастуха. Наверно, носит обед отцу.

Малейшее противоречие выбивало искры из властного старика. Он злобно сверкнул на меня глазами и весь ощетинился, словно разъяренная кошка.

– Вам так кажется, сэр? – И, протянув руку, он показал на расстилавшиеся перед нами болота: – А тот гранитный столб вы видите? Так! А невысокий холм позади него, с кустами терновника? Это самое каменистое место на всех болотах. Что там делать пастухам? Ваше предположение просто нелепо, сэр!

Я кротко согласился, что не учел этого обстоятельства. Моя покорность понравилась Френкленду, и он пустился в дальнейшие разглагольствования:

– Можете быть уверены, сэр, что я никогда не делаю поспешных заключений. Я вижу этого мальчишку с узелком не впервые. Каждый день, а то и два раза на дню он… постойте, доктор Уотсон!.. Это обман зрения или же по склону вон того холма что-то движется?

И действительно, я даже на расстоянии нескольких миль разглядел на тускло-зеленом склоне маленькую темную точку.

– Пойдемте, сэр, пойдемте! – крикнул Френкленд, кидаясь вверх по лестнице. – Вы увидите его собственными глазами!

На плоской крыше стояла укрепленная на треноге подзорная труба весьма внушительных размеров. Френкленд припал к ней и разразился восторженным воплем:

– Скорей, доктор Уотсон, скорей! Пока он не скрылся за холмом!

В самом деле, вверх по склону медленно карабкался мальчик с узелком за плечами. Вот он выбрался на гребень холма, и я совершенно ясно увидел, как его нескладная фигурка, одетая в отрепья, выступила на холодной синеве неба. Мальчик украдкой огляделся по сторонам, видимо, проверяя, не следят ли за ним, и скрылся за холмом.

– Ну что, прав я или нет?

– Действительно, мальчик, и, вероятно, у него есть причины пробираться туда тайком.

– А что это за тайные причины, об этом догадался бы даже полицейский констебль. Но я им ни единым словом не обмолвлюсь, и вас, доктор Уотсон, тоже прошу – молчите. Понимаете? Ни единого слова!

– Как вам будет угодно.

– Они пренебрегают мной самым возмутительным образом. Когда все обстоятельства дела «Френкленд против полиции» выплывут на свет божий, по стране пронесется волна негодования. Нет, пусть не рассчитывают на мою помощь! Они бы палец о палец не ударили, если б эти мерзавцы вздумали сжечь вместо чучела меня самого… Как, вам пора уходить? Неужели вы не поможете мне распить вот этот графин в честь такого радостного события?

Но я не поддался ни на какие мольбы, а когда старик заявил, что хочет проводить меня домой, уговорил его отказаться от этого намерения. Пока он мог видеть меня, я шел по дороге, но потом свернул напрямик к тому каменистому холму, за которым скрылся мальчик.

Все складывалось как нельзя лучше, и я поклялся мысленно, что если мне не удастся воспользоваться счастливым случаем, дарованным судьбой, то виной этому будет все, что угодно, только не отсутствие энергии и настойчивости с моей стороны.

Когда я взобрался на вершину, солнце уже садилось, и пологие склоны холма с одного бока были золотисто-зеленые, с другого – тонули в серой тени. Вдали, над самым горизонтом, низко стлалась мглистая дымка, из которой проступали фантастические очертания Лисьего столба. Кругом ни звука, ни движения. Только какая-то большая серая птица – не то чайка, не то кроншнеп – высоко парила в синем небе. Она и я – мы были единственными живыми существами между огромным небосводом и расстилающейся под ним пустыней. Голые просторы болот, безлюдье, неразгаданная тайна и важность предстоящей мне задачи – все это пронизало холодом мое сердце. Мальчугана нигде не было видно. Но между холмами, у самых ног, ютились древние каменные пещеры, и в середине их круга была одна, уцелевшие своды которой могли служить

защитой в непогоду. У меня забилось сердце, когда я увидел ее. Вот в этой норе, должно быть, и прячется тот человек. Наконец-то моя нога ступит на порог его убежища – он у меня в руках!

Я крадучись подходил к этой каменной дыре – точь-в-точь как Стэплтон, когда его сачок уже занесен над бабочкой! И, подойдя ближе, с удовлетворением убедился, что место здесь обжитое. К отверстию, служившему входом, вела еле заметная среди камней тропинка. Из самой пещеры не доносилось ни звука. Неизвестный или притаился там, или же рыщет по болотам. Нервы у меня были натянуты до предела в ожидании предстоящей встречи. Отбросив в сторону папиросу, я сжал рукоятку револьвера, быстро подошел ко входу и заглянул внутрь. Пещера была пуста.

Но чутье не обмануло меня: тут явно кто-то жил. На каменном ложе, где когда-то почивал неолитический человек, лежали одеяла, завернутые в непромокаемый плащ. В примитивном очаге виднелась кучка золы. Рядом с ним стояли кое-какие кухонные принадлежности и ведро, до половины налитое водой. Груда пустых консервных банок свидетельствовала о том, что здесь живут уже не первый день, а когда глаза мои привыкли к полутьме, я разглядел в углу железную кружку и початую бутылку виски. Посередине лежал плоский камень, служивший столом, а на нем – маленький узелок, вероятно тот самый, который я разглядел в подзорную трубу у мальчишки за спиной. В узелке был хлеб и две консервные банки – одна с копченым языком, другая с персиками в сиропе. Осмотрев все это, я хотел было положить узелок обратно, как вдруг сердце у меня так и екнуло: на камне лежал листок бумаги, на котором было что-то написано. Я взял его и, с трудом разобрав карандашные каракули, прочел следующее:

«Доктор Уотсон уехал в Кумби-Треси».

Минуту я стоял неподвижно с запиской в руках и раздумывал над смыслом этого краткого послания. Выходит, что незнакомец охотится не за сэром Генри, а за мной? Он выслеживает меня не сам, а приставил ко мне кого-то другого – может быть, этого мальчика? И вот его последнее донесение. С тех пор как я живу здесь, за каждым моим шагом, вероятно, ведется слежка. Ведь все это время меня не оставляло ощущение, что здесь действуют какие-то невидимые силы и что они осторожно и умело стягивают вокруг нас тончайшую сеть, легкое прикосновение которой мы чувствуем на себе лишь изредка, в самые критические минуты.

Эта записка, вероятно, не единственная. Я огляделся по сторонам,

но ничего больше не нашел. Не удалось мне обнаружить и какие-либо следы, по которым можно было бы судить об этом человеке, избравшем себе столь странное жилье, или о его намерениях. О нем можно было сказать только то, что он, по-видимому, спартанец в своих привычках и не придает особого значения жизненным удобствам. Вспомнив ливни последних дней и посмотрев на зияющую дыру в своде пещеры, я понял, насколько этот человек поглощен своим делом, если ради него он мирится даже с таким неуютным пристанищем. Кто же он – наш злобный враг или ангел-хранитель? И я дал себе клятву не выходить из пещеры, не узнав всего до конца.

Солнце уже пряталось, и небо на западе горело золотом. Отсветы заката ложились красноватыми пятнами на разводья далекой Гримпенской трясины. Вдали поднимались башни Баскервиль-холла, а в стороне от них еле виднелся дымок, встающий над крышами Гримпена. Между ним и Баскервиль-холлом, за холмом, стоял дом Стэплтонов. Золотой вечерний свет придавал всему столько прелести и безмятежного покоя! Но мое сердце не верило миру, разлитому в природе, и трепетало от той страшной неизвестности, которую таила в себе неминуемая, приближающаяся с каждой секундой встреча. Нервы у меня были натянуты, но я сидел, полный решимости, в темной пещере и с угрюмым упорством ждал возвращения ее обитателя.

И наконец я услышал его. Вот камень попал ему под каблук. Еще раз… еще… шаги все ближе, ближе… Я отскочил в самый темный угол и взвел курок револьвера, решив не показываться на свет до тех пор, пока мне не удастся хоть немного рассмотреть этого человека. Снаружи все смолкло; по-видимому, он остановился. Потом шаги послышались снова, и вход в пещеру заслонила чья-то тень.

– Сегодня такой чудесный вечер, дорогой Уотсон, – сказал хорошо знакомый мне голос. – Зачем сидеть в духоте? На воздухе гораздо приятнее.

Глава XII

Смерть на болотах

Минуту или две я стоял, не веря своим ушам, и не мог перевести дух от неожиданности. Потом дар речи вернулся ко мне, и я почувствовал, как огромная тяжесть спала у меня с плеч. Этот холодный, язвительный голос мог принадлежать только одному человеку во всем мире.

– Холмс! – крикнул я. – Холмс!

– Выходите, – сказал он, – и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я вылез из пещеры и увидел его. Холмс сидел на камне и с озорным блеском в серых глазах смотрел на мою изумленную физиономию. Он сильно похудел за это время, но вид у него был бодрый, спокойный, лицо – бронзовое от загара. Строгий спортивный костюм, кепи – ни дать ни взять турист, странствующий по болотам! Он даже остался верен своему поистине кошачьему пристрастию к чистоплотности: гладко выбритые щеки, рубашка без единого пятнышка. Как будто все это происходило на Бейкер-стрит!

– Кто другой мог бы так обрадовать меня своим появлением! – сказал я, крепко пожимая ему руку.

– А заодно и удивить?

– Да, вы правы.

– Но, уверяю вас, друг мой, удивились не вы один. Я и не подозревал, что вам удалось найти мое временное пристанище, и никак не думал застать вас здесь. Это выяснилось всего лишь за двадцать шагов до пещеры.

– Вы узнали мои следы?

– Нет, Уотсон! Боюсь, что это непосильная задача – различить ваши следы среди множества других, которые существуют на свете. Если же в будущем вы захотите как-нибудь провести меня, то советую вам сначала переменить табачный магазин, ибо стоит только мне увидеть папиросу с маркой «Бредли. Оксфорд-стрит», как я сразу же догадаюсь, что мой друг Уотсон находится где-то поблизости. Вон он, ваш окурок, валяется около тропинки. Вы, вероятно, бросили его в ту минуту, когда решили взять приступом мое пустое жилье?

– Совершенно верно.

– Так я и думал… И, зная ваш дотошный характер, догадался, что вы устроили в пещере засаду и ждете возвращения ее обитателя, держа

револьвер наготове. Так вы в самом деле приняли меня за преступника?

– Я не знал, кто вы такой, но решил выяснить.

– Великолепно, Уотсон! А как вам удалось отыскать мое жилье? Вы, вероятно, увидели меня во время погони за каторжником, когда я по собственной оплошности позволил луне светить мне в спину?

– Да, я вас увидел тогда.

– И стали обыскивать все пещеры подряд, пока не наткнулись на эту?

– Нет, меня навел на след ваш мальчишка – за ним тут кое-кто наблюдает.

– А! Старый джентльмен с подзорной трубой! Я видел, как солнце поблескивает на ее линзе, и сначала не мог догадаться, что это за штука. – Он встал и заглянул в пещеру. – Ага, Картрайт уже побывал здесь. Что это за бумажка? Так вы ездили в Кумби-Треси?

– Да.

– Повидаться с миссис Лаурой Лайонс?

– Совершенно верно.

– Прекрасно! В своих розысках мы с вами, очевидно, двигались по параллельным линиям. Что ж, теперь надо поделиться добытыми сведениями, и тогда у нас будет более или менее ясное представление об этом деле.

– Я страшно рад, что вы здесь! У меня уже нервы начали сдавать под бременем всех этих тайн и ответственности, которая лежала на мне. Но как вы сюда попали и что вы здесь делаете? А я-то думал, что Холмс сидит на Бейкер-стрит и трудится над делом о шантаже!

– Я хотел, чтобы вы именно так и думали.

– Значит, вы пользуетесь моей помощью и в то же время не доверяете мне! – рассердился я. – Это незаслуженно, Холмс!

– Друг мой, и в теперешнем деле, и во многих других ваша помощь была для меня бесценна. Если вам кажется, что я вас как-то надул, умоляю, не сердитесь! Откровенно говоря, я пошел на это отчасти ради вас же самих. Я чувствовал, что вы подвергаетесь опасности, и приехал сюда лично расследовать это дело. Если б я был вместе с сэром Генри и с вами, моя точка зрения ничем не отличалась бы от вашей, да и противники наши были бы начеку. Приезд в Баскервиль-холл меня очень связал бы, а так я мог действовать совершенно свободно, оставаясь за кулисами и готовясь выступить на сцену в самую критическую минуту.

– Но зачем вам понадобилось скрываться и от меня?

– Если б вы знали, что я здесь, это ничему бы на помогло и, может быть, даже кончилось моим разоблачением. Вам, наверно, захотелось бы

рассказать мне что-нибудь или же вы, по свойственной вам доброте, вдруг вздумали бы обставлять меня здесь удобствами. Зачем подвергаться ненужному риску? Я привез с собой Картрайта – помните мальчугана из Рассыльной конторы? – и он великолепно обслуживает меня. А вы знаете мои скромные требования: кусок хлеба, чистый воротничок, что еще человеку нужно? Кроме того, Картрайт – это лишняя пара глаз и лишняя пара ног, весьма быстрых. То и другое оказалось для меня просто кладом.

– Значит, все мои отчеты писались впустую! – сказал я дрогнувшим голосом, вспомнив, сколько труда и гордости этим трудом было вложено в них.

Холмс вынул из кармана пачку писем:

– Вот ваши отчеты, друг мой, изученные самым тщательным образом, в чем вы можете не сомневаться. Я так хорошо все устроил, что они попадали ко мне с опозданием только на один день. Примите мои горячие поздравления. Упорство и наблюдательность, которые вы проявили в таком необычайно трудном деле, выше всякой похвалы.

Я все еще никак не мог примириться с тем, что меня так ловко провели, но теплые слова Холмса рассеяли мою досаду. Кроме того, в глубине души я чувствовал правоту моего друга и признавал, что в интересах дела мне не следовало знать о его появлении в здешних местах.

– Ну, то-то же! – сказал он, глядя на мое просветлевшее лицо. – А теперь расскажите мне о своем визите к миссис Лауре Лайонс. Я сразу догадался, к кому вы поехали, ибо теперь мне уже ясно, что это единственный человек в Кумби-Треси, от которого мы можем кое-чего добиться. Откровенно говоря, если б вы не побывали там сегодня, я, по всей вероятности, отправился бы к ней завтра сам.

Солнце уже спряталось, над болотами сгустились сумерки. В воздухе сразу похолодало, и мы перешли в пещеру. И там, сидя в полутьме рядом с Холмсом, я рассказал ему о своем разговоре с миссис Лайонс. Он так заинтересовался им, что многое мне пришлось повторять по два раза.

– Это все очень важно, – сказал Холмс, когда я кончил. – Дело чрезвычайно сложное, и в нем был один пробел, который до сих пор мне никак не удавалось заполнить. Вы, вероятно, знаете, что Стэплтон в большой дружбе с миссис Лайонс?

– Нет, о дружбе я ничего не слыхал.

– Это факт. Они встречаются, обмениваются письмами – вообще между ними полное согласие, что дает нам крупный козырь в руки. Если б пустить этот козырь в ход, чтобы воздействовать на его жену…

– Его жену?

– Теперь я поделюсь кое-чем с вами в обмен на ваши открытия. Женщина, которую он выдает здесь за мисс Стэплтон, на самом деле его жена.

– Боже мой, Холмс! Вы уверены в этом? Тогда как же он допустил, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

– Романтические чувства сэра Генри грозят бедой только самому сэру Генри. Как вы заметили, Стэплтон всячески оберегает ее от ухаживаний баронета. Повторяю, эта леди не сестра, а жена Стэплтона.

– Но зачем понадобились такие хитросплетения?

– А вот зачем: Стэплтон предвидел, что она будет гораздо полезнее ему в роли свободной женщины.

Все мои неясные подозрения, все подсказанное чутьем вдруг выплыло наружу и сомкнулось вокруг натуралиста. От этого спокойного, бесцветного человека в соломенной шляпе и с сачком для ловли бабочек веяло чем-то грозным. Выдержка и терпение, сопряженное с хитростью, на губах улыбка, а в сердце черная злоба…

– Значит, это и есть наш противник? Значит, он и выслеживал нас в Лондоне?

– Да, так я разгадал эту загадку.

– А предостережение… Его прислала она?

– Совершенно верно.

Из мрака, в котором я так долго блуждал, выступили наполовину увиденные, наполовину угаданные мною очертания чудовищного злодейства.

– Неужели это верно, Холмс? Откуда вы узнали, что она его жена?

– В первую свою встречу с вами Стэплтон настолько увлекся, что поведал вам часть своей биографии, о чем, вероятно, не перестает жалеть до сих пор. У него действительно была школа на севере Англии. А ведь отыскать учителя – самое простое дело. На этот предмет существуют школьные агентства, которые дадут вам сведения о любом лице, связанном с этой профессией. Я навел справки и вскоре узнал, что действительно в одной школе разыгрались очень неприятные события и что директор ее – фамилия у него была другая – скрылся вместе с женой. Все их приметы совпадали в точности. А когда мне стало известно его увлечение энтомологией[44], тут уж я совсем перестал сомневаться.

Тьма, окутывавшая меня, мало-помалу начинала редеть, но многое еще оставалось в тени.

– Если эта женщина его жена, то при чем тут миссис Лаура Лайонс? – спросил я.

– Это один из пунктов, на который вы сами пролили некоторый свет. После вашей поездки в Кумби-Треси многое стало ясным. Я, например, не знал, что миссис Лайонс хочет развестись с мужем. Она, вероятно, рассчитывает на брак со Стэплтоном – ведь ей невдомек, что он женат.

– А когда она узнает правду?

– Тогда эта леди может оказаться весьма полезной для нас. Нам обоим нужно завтра же повидать ее. А теперь, Уотсон, как вы думаете, не пора ли вам вернуться к своим обязанностям? Ваше место в Баскервиль-холле.

Последние красные отблески заката погасли на западе, и на болота спустилась ночь. В лиловатом небе слабо мерцали редкие звезды.

– Еще один, последний, вопрос, Холмс, – сказал я, вставая. – Нам нечего скрывать друг от друга. Что все это значит? К чему он ведет?

Холмс ответил мне глухим голосом:

– К убийству, Уотсон… хладнокровно обдуманному убийству. Не допытывайтесь с подробностях. Стэплтон затягивает в свои сети сэра Генри, а я затягиваю его самого. Он почти у меня в руках, с вашей помощью. Теперь нам угрожает только одна опасность – он может нанести удар первым. Еще день, самое большее два, и у меня все будет готово, а до тех пор берегите сэра Генри, как любящая мать бережет больного ребенка. Ваше отсутствие сегодня вполне простительно, и все же я бы, пожалуй, предпочел, чтобы вы не оставляли его… Слышите?

Страшный протяжный вопль, полный ужаса и муки, пронесся над безмолвными болотами. Я слушал его и чувствовал, как у меня стынет кровь в жилах.

– Боже мой! Что это? Что это такое?

Холмс вскочил с места, и его высокая фигура заслонила от меня вход в пещеру. Он стал там, пригнувшись, вытянув шею, напряженно вглядываясь в темноту, и только успел бросить мне шепотом:

– Тише! Тише!

Этот крик, поразивший нас своей пронзительностью, шел из глубины беспросветно темных болот. Но вот он послышался ближе, явственнее…

– Где это? – шепнул Холмс, и по тому, как дрогнул у него голос – у него, у человека с железными нервами! – я понял, что этот вопль проник ему в самую душу. – Где кричат, Уотсон?

– По-моему, в той стороне. – Я протянул руку, показывая в темноту.

– Нет, вон там!

Мучительный крик снова пронесся в безмолвной ночи, но теперь он был еще ближе, еще громче. И к нему примешивались какие-то другие звуки – глухое низкое рычание, напоминающее чем-то непрестанный рокот

моря.

– Это собака! – крикнул Холмс. – Бежим, Уотсон, бежим! Боже мой! Только бы не опоздать!

Он бросился в темноту, я следом за ним. И вдруг где-то впереди, за валунами, раздался отчаянный вопль, потом глухой, тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Но больше ничто не нарушало давящей тишины безветренной ночи.

Я увидел, как Холмс, словно обезумев, схватился за голову и топнул ногой о землю:

– Он опередил нас, Уотсон! Мы опоздали!

– Нет, этого не может быть!

– Чего я медлил, дурак! И вы тоже хороши, Уотсон! Оставили Баскервиля одного, и вот чем все кончилось! Нет, если поправить ничего нельзя, я все равно отомщу негодяю!

Не разбирая дороги, мы бросились туда, откуда донесся этот страшный крик. Мы взбирались вверх по склонам, сбегали вниз, натыкались в темноте на валуны, продирались сквозь заросли дрока. С вершины каждого холма мой друг быстро оглядывался по сторонам, но болота покрывал густой мрак, и на их угрюмой шири нельзя было приметить ни малейшего движения.

– Вы что-нибудь видите?

– Ничего.

– Подождите! Что это?

До нас донесся приглушенный стон. Он шел откуда-то слева. Каменная гряда круто обрывалась там вниз, переходя в усеянный валунами склон, и среди валунов лежало что-то темное. Мы подбежали ближе, и темный предмет принял более ясные очертания. Это был человек, лежащий на земле лицом вниз. Он словно готовился сделать кульбит – подвернутая под каким-то невероятным углом голова, приподнятые плечи, округленная линия спины. Нелепость этой позы помешала мне в первую минуту осознать, что его стон был предсмертным. Мы стояли, наклонившись над ним, и не слышали ни хрипа, не могли уловить ни шороха. Холмс тронул неподвижное тело, вскрикнул в ужасе и тут же отдернул руку. Зажженная спичка осветила его окровавленные пальцы и страшную лужу, медленно расплывавшуюся из-под разбитого черепа мертвеца. И сердце у нас замерло – при свете спички мы увидели, что перед нами лежит сэр Генри Баскервиль!

Разве можно было забыть этот необычный красновато-коричневый костюм – тот самый, в котором баронет впервые появился на Бейкер-стрит!

Нам достаточно было секунды, чтобы узнать его, а потом спичка вспыхнула и погасла так же, как погасла в нас последняя искра надежды. Холмс застонал, и я даже в темноте разглядел, какой бледностью покрылось его лицо.

– Мерзавец! Мерзавец! – Руки у меня сами собой сжались в кулаки. – Холмс, я никогда не прощу себе, что оставил его на произвол судьбы!

– Моя вина больше, Уотсон. Я пожертвовал жизнью клиента только ради того, чтобы подытожить, так сказать, закруглить, это дело. Я не помню другого такого удара за всю свою практику. Но кто мог знать, кто мог знать, что, несмотря на все мои предостережения, он рискнет выйти один на болота!

– И мы слышали его крик – боже мой, какой крик! – и не могли сразу прийти ему на помощь! Но куда делась эта чудовищная собака – виновница его смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь здесь? И где Стэплтон? Он ответит за это!

– Да, он ответит за все, об этом я позабочусь. И дядя и племянник – оба убиты. Один умер от страха, только увидев перед собой это чудовище, которое он считал сверхъестественным существом, другой погиб, спасаясь от него бегством. Но теперь нам надо доказать, что между этим человеком и собакой есть связь. Мы слышали ее вой, но это еще не доказательство, так как сэр Генри, вероятно, разбился при падении. И все же, клянусь, как ни хитер наш противник, а завтра он будет у меня в руках!

Потрясенные внезапной непоправимой бедой, положившей столь грустный конец нашим долгим и нелегким трудам, мы стояли возле изуродованного тела. Потом, когда из-за туч показалась луна, поднялись на каменную гряду, с которой упал наш несчастный друг, и оглядели оттуда серебрившиеся в лунном свете болота. Вдали, где-то около Гримпена, виднелся желтый огонек. Он мог гореть только в уединенном жилище Стэплтонов. Я с проклятием погрозил в ту сторону кулаком:

– Чего мы ждем? Надо схватить его немедленно!

– Дело еще не закончено, а он человек осторожный, хитрый. Мало ли что мы знаем, а вот попробуйте доказать это. Один неосторожный шаг – и негодяй ускользнет от нас.

– Так что же тогда делать?

– На завтра забот у нас хватит. А сегодня нам остается только оказать последнюю услугу несчастному сэру Генри.

Мы спустились по крутому откосу и подошли к бесформенной черной груде, лежавшей на посеребренных луной камнях. При виде этого мучительно скорченного тела сердце у меня сжалось от боли и глаза

заволокло слезами.

– Придется послать за помощью, Холмс. Мы не донесем его до дому… Боже мой, что с вами? Вы сошли с ума!

Холмс вскрикнул и наклонился над телом сэра Генри. И вдруг начал приплясывать, с хохотом тряся мне руку. Неужели это мой строгий, всегда такой сдержанный друг? Вот что бывает, когда скрытое пламя прорывается наружу!

– Борода! У него борода!

– Борода?

– Это не сэр Генри!.. Боже, да это мой сосед – каторжник!

Мы с лихорадочной быстротой перевернули тело, и окровавленная борода уставилась теперь прямо в холодный яркий лик луны. Сомнений быть не могло! Низкий лоб, глубоко запавшие, как у обезьяны, глаза. Это было то же лицо, которое при свете свечи мелькнуло передо мной в расселине, – лицо убийцы Селдена!

И тут я понял все. Я вспомнил, что баронет подарил Бэрримору чуть ли не весь свой старый гардероб. Значит, Бэрримор отдал его Селдену, чтобы тот переоделся к отъезду. Башмаки, рубашка, кепи – все носил когда-то сэр Генри. Правда, трагедия оставалась трагедией, но ведь этот человек так или иначе заслужил смерть по законам нашей страны. Сам не свой от радости, я объяснил Холмсу, как все это получилось.

– Значит, несчастный погиб из-за костюма, – сказал он. – Собаке, конечно, дали понюхать какую-нибудь вещь сэра Генри – по всей вероятности, тот самый башмак, который был украден в отеле, – и пустили ее по следам каторжника. Остается невыясненным только одно: каким образом Селден увидел в темноте, что за ним кто-то гонится?

– Наверно, услышал.

– Услышал, что по болотам бегает собака, и стал звать на помощь, рискуя быть пойманным? Нет, каторжника этим не напугаешь. Так вот: как Селден мог увидеть, что за ним гонится собака?

– А по-моему, есть вещи более странные. Почему эту собаку… предполагая, что наши догадки правильны…

– Я ничего такого не предполагаю.

– Хорошо. Почему эту собаку выпустили на болота сегодня ночью? Вряд ли она всегда пользуется такой свободой. Стэплтон, вероятно, ждал, что сэр Генри придет сюда.

– Моя загадка труднее. На вашу мы скоро получим ответ, а моя, вероятно, так и останется неразгаданной. А теперь давайте решим, что нам делать с этим несчастным. Нельзя же оставлять его здесь на съедение

лисицам и коршунам.

– Пусть полежит в какой-нибудь пещере, пока мы не сообщим в полицию.

– Правильно. Туда-то мы его во всяком случае донесем. Смотрите, Уотсон! Что это? Неужели он сам? Нет, какова дерзость!.. Ни слова о наших подозрениях, ни единого слова! Не то все мои планы рухнут.

Из глубины болот к нам приближался человек. Он курил сигару, огонек которой тускло мерцал вдали. Луна ярко освещала его, и я сразу узнал щуплую фигуру и быструю, подпрыгивающую походку натуралиста. Увидев нас, он остановился, потом снова зашагал вперед.

– Доктор Уотсон! Нежели это вы? Вот уж никак не думал встретить вас ночью на болотах! Боже мой, что это? Что случилось? Нет, не может быть! Неужели это наш друг, сэр Генри?

Стэплтон пробежал мимо меня и нагнулся над трупом…

Я услышал прерывистый вздох, сигара выпала из его руки на землю.

– Кто… кто это? – запинаясь, пробормотал он.

– Это Селден, каторжник, сбежавший из принстаунской тюрьмы.

Стэплтон повернул к нам мертвенно-бледное лицо. Ему стоило громадного усилия воли овладеть собой и ничем не выдать своего удивления и разочарования. Его пристальный взгляд остановился сначала на Холмсе, потом на мне.

– Боже мой, какой ужас! Как это случилось?

– Должно быть, свалился вон с того откоса и сломал себе шею. Мы с приятелем гуляли по болотам и услышали чей-то крик.

– А я на этот крик и вышел из дому. Меня беспокоил сэр Генри.

– Почему именно сэр Генри? – не удержался я.

– Он должен был зайти к нам сегодня и почему-то не пришел, что меня очень удивило. А когда я услышал на болотах крики, то, естественно, встревожился за него. Кстати, – Стэплтон снова перевел взгляд с меня на Холмса, – кроме этих криков, вы ничего не слышали?

– Нет, – сказал Холмс. – А вы?

– Тоже нет.

– Тогда зачем об этом спрашивать?

– Ах, вы же знаете, что у нас тут рассказывают о призрачной собаке и тому подобных чудесах! Здешние фермеры говорят, будто бы она бегает каждую ночь по болотам. Вот я и интересуюсь: может быть, вы слышали ее?

– Нет, мы ничего такого не слышали, – сказал я.

– А как вы объясните гибель этого несчастного?

– Я уверен, что у него помутился рассудок от страха, от постоянной опасности быть пойманным. Вероятно, бегал по болотам в припадке сумасшествия и в конце концов упал под откос и сломал себе шею.

– Да, это вполне правдоподобно, – сказал Стэплтон и вздохнул с явным облегчением. – А что об этом думаете вы, мистер Шерлок Холмс?

– Какая догадливость! – сказал мой друг, отвесив ему низкий поклон.

– Мы давно вас поджидаем, с тех самых пор, как здесь появился доктор Уотсон. И вы вовремя приехали – как раз к трагедии.

– Да, в самом деле! Я уверен, что мой друг даст ей правильное объяснение. А я уеду завтра в Лондон с неприятным осадком в душе.

– Как! Вы завтра уезжаете?

– Собираюсь.

– Но ваш приезд, конечно, прольет свет на все эти события, которые поставили нас буквально в тупик.

Холмс пожал плечами:

– Успех не всегда дается нам в руки. При расследовании надо опираться на факты, а не на легенды и слухи. У меня что-то ничего не получается из этого дела.

Мой друг говорил самым естественным и самым спокойным тоном. Стэплтон взглянул на него внимательно, пристально. Потом обратился ко мне:

– Я охотно предложил бы перенести тело к нам в дом, но моя сестра так перепугается, что, пожалуй, лучше этого не делать. Давайте прикроем ему чем-нибудь лицо и оставим здесь. До утра с ним ничего не случится.

Так и было сделано. Мы с Холмсом отклонили предложение Стэплтона зайти в Меррипит-хаус и, предоставив ему возвращаться домой в одиночестве, пошли к Баскервиль-холлу. Пройдя несколько шагов, мы оглянулись и увидели его фигуру, медленно удаляющуюся в глубь болот, а дальше, позади нее, единственное черное пятно на посеребренном луной склоне – там, где лежал погибший такой страшной смертью человек.

– Наконец-то мы схватились врукопашную! – сказал Холмс, шагая рядом со мной. – Но какая выдержка! Как быстро он овладел собой! А ведь удар был поистине ошеломляющий – увидеть, что твоей жертвой пал совсем не тот человек, которого ты намечал. Я, Уотсон, говорил вам об этом в Лондоне и повторяю сейчас: нам еще не приходилось скрещивать рапиры с более достойным противником.

– Все-таки жалко, что он нас увидел!

– Я сначала сам об этом пожалел! Но, в конце концов, что ж поделаешь!

– А как вы думаете, встреча с вами отразится на его планах?

– Да, он будет действовать с еще большей осторожностью или же решится на какой-нибудь отчаянный шаг. Как и большинство незаурядных преступников, Стэплтон, вероятно, слишком полагается на свою хитрость и воображает, что обвел нас вокруг пальца.

– Почему же вы не хотите арестовать его?

– Мой дорогой Уотсон! Вы человек действия. Ваши инстинкты толкают вас на самые решительные меры. Ну хорошо, допустим, что ночью он будет арестован. А что это даст нам? Мы ничего не сможем доказать. Вот в чем дьявольская хитрость этого замысла! Если б пособником Стэплтона был человек, мы бы раздобыли кое-какие улики, но попробуйте вытащить на свет божий огромного пса! Разве это поможет нам затянуть петлю на шее его хозяина?

– Но ведь состав преступления налицо?

– Ничего подобного! Все это одни догадки и предположения. Нас поднимут на смех в суде, если мы явимся туда с такой фантастической историей и подкрепим ее такими уликами.

– А сэр Чарльз?

– Найден мертвым, следов насильственной смерти не обнаружено. Мы-то с вами знаем, что он умер от страха, и знаем, что его напугало. Но как убедить в этом тех двенадцать тупиц, которые будут присяжными заседателями? На чем основано предположение, что тут замешана какая-то собака? Где следы ее укусов? Мы с вами опять-таки знаем, что собаки не кусают мертвых и что сэр Чарльз умер до того, как она на него кинулась. Но ведь это надо доказать, а доказывать нам нечем.

– Ну, а сегодняшняя ночь?

– Она ничего особенного не дала. Прямой связи между собакой и гибелью каторжника все-таки нет. Никто этой собаки не видел. Правда, мы ее слышали, но у нас нет доказательств, что она гналась за каторжником. Полное отсутствие мотивировки! Нет, друг мой, факт остается фактом: состава преступления мы установить не можем, но, чтобы сделать это, стоит пойти на любой риск.

– Что же вы намерены предпринять?

– Я возлагаю большие надежды на миссис Лауру Лайонс. Когда истинное положение дел станет ей известно, она окажет нам серьезную помощь. Кроме того, у меня есть и другой план. Но не надо загадывать вперед, хотя я все-таки надеюсь, что завтра победа будет за мной.

Больше мне ничего не удалось выведать от Холмса, и до самых ворот Баскервиль-холла он шел молча, погруженный в свои думы.

– Вы зайдете?

– Да. Теперь уж не имеет смысла скрываться. Но еще одно слово, Уотсон. Не говорите сэру Генри о собаке. Пусть приписывает смерть Селдена тем же причинам, которые старался подсказать нам Стэплтон. Так ему будет легче перенести то испытание, что ждет его завтра, когда он пойдет обедать в Меррипит-хаус, если я правильно цитирую ваш последний отчет.

– Но меня тоже туда звали.

– Тогда вам придется отказаться от приглашения. Пусть идет один, это легко устроить… Ну-с, так. К обеду мы, наверно, опоздали, но к ужину пришли в самый раз.

Глава XIII

Сети расставлены

Сэр Генри не столько удивился, сколько обрадовался своему новому гостю, так как был уверен, что, узнав о событиях последних дней, Шерлок Холмс не усидит в Лондоне. Тем не менее баронет изумленно поднял брови, когда выяснилось, что мой друг явился без багажа и даже не дает себе труда объяснить его отсутствие. Холмса тут же снабдили всем необходимым, и за поздним ужином мы поведали баронету ту часть своих приключений, которую ему следовало знать. Но до этого мне пришлось выполнить одну тяжкую обязанность – сообщить Бэрримору и его жене о гибели Селдена. Дворецкий принял это известие с нескрываемым чувством облегчения, но миссис Бэрримор горько плакала, закрыв лицо передником. В глазах всего мира этот Селден был преступником, чем-то средним между дьяволом и зверем, а она по-прежнему видела в нем озорного мальчугана, ребенка, цеплявшегося в детстве за ее руку. Поистине чудовищем должен быть человек, если не найдется женщины, которая оплачет его смерть!

– С тех пор как вы уехали, Уотсон, я все сижу дома и пропадаю с тоски, – сказал баронет. – Надеюсь, такое послушание мне зачтется? Если б не данное вам слово не выходить на болота, я бы провел вечер гораздо веселее, потому что Стэплтон прислал мне записку с приглашением.

– Да, вы провели бы вечер гораздо веселее, я в этом не сомневаюсь, – сухо сказал Холмс. – Кстати, вы, вероятно, не цените, что, глядя на человека со сломанной шеей, мы оплакивали вас?

Сэр Генри широко открыл глаза:

– Это почему же?

– Потому, что злосчастный каторжник был в костюме с вашего плеча. Он получил его от Бэрримора, у которого могут быть из-за этого серьезные неприятности с полицией.

– Нет, вряд ли. Насколько я помню, там не было никаких меток.

– Ну что ж, его счастье, да и ваше тоже, поскольку вы все замешаны в противозаконных деяниях. В сущности говоря, мне как добросовестному сыщику следовало бы немедленно арестовать всю вашу компанию. Обличающим документом могут послужить письма Уотсона.

– Расскажите лучше, как обстоит наше дело? – спросил баронет. –

Удалось ли вам разобраться в этой путанице? Мы с Уотсоном с чем приехали, с тем и сидим – ничего не разузнали.

– Я думаю, что в самом ближайшем будущем многое выяснится. Дело на редкость трудное и запутанное. Для меня некоторые пункты до сих пор покрыты мраком… Но он рассеется, непременно рассеется.

– Уотсон, вероятно, уже рассказывал вам о том, что мы слышали на болотах. Так что это не пустое суеверие. Мне в свое время приходилось иметь дело с собаками, и тут меня не проведешь – собачий вой нельзя не узнать. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я буду считать вас величайшим сыщиком в мире.

– Будет он и в наморднике, будет и на цепи, только помогите мне.

– Я сделаю все, что вы прикажете.

– Прекрасно! Но я потребую слепого повиновения без всяких «зачем» и «почему».

– Как вам будет угодно.

– Если вы соглашаетесь на это, тогда мы разрешим нашу задачу. Я не сомневаюсь, что…

Холмс осекся на полуслове и устремил пристальный взгляд куда-то поверх моей головы. Лампа светила ему прямо в лицо – неподвижное, застывшее, словно лицо классической статуи. Оно было олицетворением тревоги и настороженности.

– Что случилось? – в один голос воскликнули мы с сэром Генри.

Холмс перевел взгляд на нас, и я почувствовал, что он старается подавить свое волнение. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, но глаза светились торжеством.

– Простите меня, но я не мог сдержать свой восторг, – сказал он, показывая на портреты, висевшие на противоположной стене. – Уотсон утверждает, что я ничего не смыслю в живописи, но это в нем говорит чувство соперничества, так как мы расходимся в своих оценках произведений искусства. А портреты на самом деле великолепные.

– Рад слышать, – сказал сэр Генри, с удивлением глядя на моего друга. – Я в картинах мало что понимаю. Вот лошадь или бычок – другое дело. Но кто бы мог подумать, что у вас есть время интересоваться искусством!

– Не беспокойтесь, хорошую вещь я всегда замечу. Бьюсь об заклад, что вон та дама в голубом шелковом платье – кисти Неллера. А толстый джентльмен в парике, безусловно, написан Рейнольдсом. Это, вероятно, фамильные портреты?

– Да, все до одного.

– И вы знаете их по именам?

– Бэрримор долго натаскивал меня по этому предмету, и я, кажется, могу ответить свой урок без запинки.

– Кто этот джентльмен с подзорной трубой?

– Это контр-адмирал Баскервиль, служивший в Вест-Индии. А вот тот, в синем сюртуке и со свитком в руках, сэр Вильям Баскервиль, председатель комиссии Палаты общин при Питте[45].

– А этот кавалер напротив меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

– О! С ним вы должны познакомиться. Это и есть виновник всех бед – злодей Гуго, положивший начало легенде о собаке Баскервилей. Мы его, вероятно, не скоро забудем.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым недоумением.

– Боже мой! – сказал Холмс. – А ведь по виду он такой спокойный, тихонький. Правда, в глазах есть что-то бесовское. Но я представлял себе вашего Гуго эдаким дюжим молодцем с разбойничьей физиономией.

– Портрет подлинный, в этом не может быть ни малейших сомнений. Сзади на полотне написано его имя и дата – тысяча шестьсот сорок седьмой год.

Весь остальной вечер Холмс говорил мало, но портрет беспутного Гуго словно приковывал его к себе, и за ужином он почти не отрывал от него глаз. Однако ход мыслей моего друга стал ясен мне только тогда, когда сэр Генри ушел к себе. Холмс захватил свечу со своего ночного столика и, вернувшись вместе со мной в пиршественный зал, поднес ее к потемневшему от времени портрету.

– Вы ничего особенного не замечаете?

Я долго рассматривал широкополую шляпу с плюмажем, белый кружевной воротник и длинные локоны, обрамляющие суровое узкое лицо. Это лицо никто не упрекнул бы ни в грубости черт, ни в жестокости выражения, но в поджатых тонких губах, в холодном, непреклонном взгляде было что-то черствое, чопорное, беспощадное.

– Он никого вам не напоминает?

– В нижней части лица есть что-то общее с сэром Генри.

– Да, пожалуй, чуть-чуть есть. Но подождите минутку!

Он встал на стул и, держа свечку в левой руке, прикрыл согнутой правой широкополую шляпу и длинные локоны.

– Силы небесные! – воскликнул я вне себя от изумления.

С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона.

– Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо

от того, что его обрамляет. Умение проникать взором за маскировку – основное качество сыщика.

– Поразительно! Как будто его портрет!

– Да, любопытный пример возврата к прошлому и в физическим, и в духовном отношении. Вот так начнешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, уверуешь в переселение душ. Он тоже Баскервиль, это совершенно очевидно.

– И метит в наследники.

– Безусловно. Этот случайно попавшийся мне на глаза портрет помог нам восполнить один из самых трудных пробелов. Теперь мы его поймали, Уотсон, теперь мы его поймали! И клянусь вам, завтра к ночи он будет биться в наших сетях, как бьются его бабочки под сачком. Булавка, пробка, ярлычок – и коллекция на Бейкер-стрит пополнится еще одним экземпляром.

Холмс громко расхохотался и отошел от портрета. В тех редких случаях, когда мне приходилось слышать его смех, я знал, что это всегда предвещает какому-нибудь злодею большую беду.

Одеваясь на следующее утро, я выглянул в окно и увидел Холмса, который, оказывается, встал еще раньше и уже успел куда-то отлучиться.

– Да, денек у нас будет хлопотливый, – сказал он, радостно потирая руки в предвкушении всех этих хлопот. – Скоро начнем действовать. Сети уже расставлены. А к вечеру будет видно, запуталась в них эта большая зубастая щука или уже ускользнула на волю.

– Вы уже успели побывать на болотах?

– Я дошел до Гримпена и дал оттуда телеграмму в Принстаун о смерти Селдена. Думаю, что никого из вас не станут беспокоить по этому делу. Кроме того, я связался с моим верным Картрайтом, который от тревоги за меня, по всей вероятности, не замедлил бы умереть на пороге пещеры, как собака на могиле своего хозяина.

– С чего же мы сегодня начнем?

– Прежде всего повидаем сэра Генри. Да вот и он сам!

– С добрым утром, Холмс! – сказал баронет. – Вы похожи на генерала, который обсуждает с начальником штаба план предстоящего сражения.

– Так оно и есть. Уотсон явился за приказаниями.

– Я тоже.

– Прекрасно. Если не ошибаюсь, наши друзья Стэплтоны пригласили вас сегодня к обеду?

– Надеюсь, что вы тоже пойдете? Они люди гостеприимные и будут очень рады вам.

– К сожалению, мы с Уотсоном должны уехать в Лондон.

– В Лондон?

– Да. При данных обстоятельствах нам лучше быть там.

Лицо у баронета вытянулось:

– А я-то думал, что вы не покинете меня до конца! Откровенно говоря, в Баскервиль-холле не так-то уютно одному.

– Друг мой, вы должны повиноваться мне беспрекословно и делать все, что я от вас потребую. Скажите вашим друзьям, что мы пришли бы с удовольствием, но неотложные дела призывают нас в Лондон. Впрочем, мы скоро вернемся в Девоншир. Вы не забудете передать им это?

– Если вы настаиваете.

– Уверяю вас, другого выхода нет.

По тому, как баронет нахмурился в ответ на эти слова, я понял, что он обиделся и считает наш отъезд дезертирством.

– Когда вы думаете выехать? – холодно спросил он.

– Сразу же после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумби-Треси, но Уотсон оставит вам свои вещи в залог, так что ждите его обратно. Уотсон, напишите записочку Стэплтону, извинитесь, что не можете у них быть.

– Мне тоже захотелось уехать в Лондон, – сказал баронет. – Почему я должен сидеть здесь один?

– Потому, что вам нельзя покидать свой пост. Потому, что вы дали слово слушаться меня во всем, а теперь я говорю вам: оставайтесь здесь.

– Хорошо, я останусь.

– Еще одна просьба. Поезжайте в Меррипит-хаус на лошадях. Отошлите экипаж обратно и скажите Стэплтонам, что домой вы пойдете пешком.

– Пешком, через болота?

– Да.

– Но ведь вы же сами столько раз удерживали меня от этого!

– А теперь можете идти совершенно спокойно. Я настаиваю на этом только потому, что уверен в вашем мужестве.

– Хорошо, я так и сделаю.

– И если вы хоть сколько-нибудь дорожите жизнью, не сворачивайте с тропинки, которая ведет от Меррипит-хаус к Гримпенской дороге, тем более что это ближайший путь к Баскервиль-холлу.

– Все будет исполнено в точности.

– Вот и хорошо. А мы постараемся выехать сразу же после завтрака, чтобы попасть в Лондон днем.

Меня очень удивила эта программа действий, хотя я помнил, как накануне вечером Холмс предупреждал Стэплтона о своем отъезде. Но кто бы мог подумать, что ему придет в голову ехать вместе со мной, да еще в такое время, которое он сам считал критическим! Впрочем, мне не оставалось ничего другого, как беспрекословно повиноваться моему другу, и вскоре мы простились с опечаленным баронетом, а через два часа, отослав шарабан домой, вышли на станционную платформу в Кумби-Треси. Там нас ждал небольшого роста мальчик.

– Какие будут приказания, сэр?

– Садись в поезд, Картрайт, и поезжай в Лондон. Как только приедешь, сейчас же дай от моего имени телеграмму сэру Генри Баскервилю. Запроси его, не нашел ли он где-нибудь мою записную книжку, которую я потерял. Если нашел, пусть вышлет ее заказной бандеролью на Бейкер-стрит.

– Слушаю, сэр.

– А сейчас узнай в станционной конторе, нет ли там чего на мое имя.

Мальчик вскоре вернулся с телеграммой. Холмс прочитал ее и протянул мне. Там было написано следующее:

Телеграмму получил. Выезжаю ордером на арест. Буду пять сорок. *Лестрейд.*

– Это ответ на мою утреннюю. Лестрейд – лучший сыщик-профессионал, нам может понадобиться его помощь… Ну-с, Уотсон, время у нас есть, и я думаю, что сейчас самое время нанести визит вашей знакомой, миссис Лауре Лайонс.

План кампании, составленный Холмсом, прояснялся для меня с каждой минутой. С помощью баронета он убедит Стэплтона, что нас нет здесь, а на самом деле мы вернемся к тому времени, когда наша помощь будет больше всего нужна. Если сэр Генри упомянет о телеграмме, полученной от Холмса из Лондона, это рассеет последние подозрения Стэплтона. И я уже видел мысленно, как наши сети все туже и туже стягиваются вокруг зубастой щуки.

Миссис Лаура Лайонс сидела у себя в рабочей комнате. Шерлок Холмс приступил к разговору с такой прямотой и откровенностью, что у нее широко открылись глаза от изумления.

– Я расследую обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, – начал он. – Мой друг, доктор Уотсон, передал мне все, что вы ему сообщили в связи с этим и о чем предпочли умолчать.

– О чем же я умолчала? – дерзко спросила она.

– Вы признались, что вызывали сэра Чарльза к калитке к десяти часам вечера. Как мы знаем, он умер именно в тот час и на том самом месте. Вы умолчали о связи, существующей между этими двумя фактами.

– Между ними не существует никакой связи.

– В таком случае совпадение получилось поистине поразительное. Но я думаю, что в конце концов мы эту связь установим. Я буду с вами совершенно откровенен, миссис Лайонс. Речь идет об убийстве, а улики по этому делу таковы, что под следствием может оказаться не только ваш друг, мистер Стэплтон, но и его жена.

Миссис Лайонс вскочила с кресла:

– Его жена!

– Это уже ни для кого не тайна. Особа, которую он выдает за свою сестру, на самом деле его жена.

Миссис Лайонс опустилась в кресло и с такой силой впилась пальцами в его ручки, что ногти у нее побелели.

– Его жена! Его жена… Но ведь он холостяк! – Шерлок Холмс пожал плечами. – Докажите мне это! Докажите! И если сможете… – Яростный блеск ее глаз говорил лучше всяких слов.

– За доказательствами дело не станет, – сказал Шерлок Холмс, вынимая из кармана какие-то бумаги. – Вот фотография этой супружеской четы, снятая четыре года назад в Йорке. На обороте надпись: «М-р и м-с Ванделер», но вы, конечно, узнаете и его, и эту женщину, если вам приходилось встречаться с ней. Дальше – три документа, подписанные людьми, заслуживающими всяческого доверия. Это описание мистера и миссис Ванделер, которые содержали некогда частную школу «Сент-Оливер». Прочтите их, и у вас не останется ни малейших сомнений в том, что это действительно знакомые вам люди.

Миссис Лайонс мельком просмотрела лежавшие перед ней бумаги и перевела взгляд на нас. Отчаяние превратило ее лицо в неподвижную маску.

– Мистер Холмс, – сказала она, – этот негодяй обещал жениться на мне, если я получу развод. Значит, нельзя верить ни одному его слову? Значит, он все время обманывал меня? Но зачем? Зачем? Я думала, что он печется только обо мне. А выходит, я была орудием в его руках. Чего ради хранить верность человеку, который так лжет? Чего ради выгораживать его? Пусть поплатится за свое злодейство! Спрашивайте меня о чем угодно, я ничего не утаю. В одном клянусь вам: когда я писала то письмо, мне и не снилось, что это погубит сэра Чарльза, моего лучшего друга!

– Я верю каждому вашему слову, сударыня, – сказал Шерлок Холмс. –

Вам, вероятно, очень тяжело рассказывать об этом. Давайте сделаем так: я буду говорить сам и, если ошибусь в чем-нибудь существенном, вы меня поправите. Письмо было написано по наущению Стэплтона?

– Под его диктовку.

– Он, вероятно, говорил вам, что сэр Чарльз возьмет на себя все издержки по бракоразводному процессу?

– Да.

– А потом, когда письмо было отослано, убедил вас не ходить на свидание?

– Он сказал, что перестанет уважать самого себя, если деньги на процесс даст кто-то другой. Клялся, что, несмотря на всю свою бедность, отдаст последнее пенни, лишь бы уничтожить препятствие, которое отделяет нас друг от друга.

– Он, по-видимому, весьма последователен в своих поступках! Итак, о дальнейших событиях вы ничего не слышали и узнали о смерти сэра Чарльза только из газет?

– Да.

– И Стэплтон взял с вас слово, что вы никому не скажете о предполагавшемся свидании?

– Да. Он сказал, что смерть сэра Чарльза произошла при весьма загадочных обстоятельствах и, если о письме узнают, я буду взята на подозрение. Он запугал меня, и я решила молчать.

– Так, понимаю. Но вы все-таки подозревали что-то?

Миссис Лайонс опустила глаза, видимо, не решаясь ответить.

– Я хорошо знаю этого человека, – сказала она наконец. – Но если б он не обманул меня, я бы его не выдала.

– В общем, вы счастливо отделались, – сказал Шерлок Холмс. – Он был в ваших руках и прекрасно знал это, а вы все-таки остались живы. Последние месяцы вы ходили по краю бездны. А теперь, миссис Лайонс, разрешите пожелать вам всего хорошего. Но мы еще, вероятно, увидимся…

– Ну вот, все мало-помалу выясняется, туман редеет, – сказал Холмс, когда мы снова вышли на станционную платформу к приходу лондонского экспресса. – Скоро я смогу пункт за пунктом воссоздать это преступление – пожалуй, самое сенсационное преступление нашего времени. Криминалисты скажут, что нечто подобное уже было, и, конечно, вспомнят убийство в Гродно, на Украине, в 1866 году и Андерсона из Северной Каролины, но у теперешнего нашего дела есть некоторые совершенно своеобразные черты. Мы даже сейчас не можем предъявить

прямые улики этому коварному хитрецу. Но помяните мое слово, Уотсон: к тому времени, когда мы ляжем спать, все будет выяснено.

Лондонский экспресс с грохотом подкатил к станции, и из вагона первого класса выскочил на платформу маленький коренастый человек, напоминающий чем-то бульдога. Мы поздоровались, и по той почтительности, с какой Лестрейд относился к моему товарищу, мне стало ясно, что он многое понял с тех пор, как они начали работать вместе. Я прекрасно помнил, сколько презрения вызывали когда-то у этого практика логические выкладки нашего любителя теорий.

– Ну как, крупное дело? – спросил Лестрейд.

– Такого давно не бывало, – сказал Холмс. – У нас в запасе два часа свободного времени. Давайте употребим его на обед, а потом, Лестрейд, мы угостим вас чистейшим ночным воздухом Дартмура и поможем вам прочистить горло от лондонского тумана. Никогда здесь не были? В таком случае вы не скоро забудете свое первое знакомство с этими местами.

Глава XIV

Собака Баскервилей

Одним из недостатков Шерлока Холмса – если только это можно назвать недостатком – было то, что он никогда и ни с кем не делился своими планами вплоть до их свершения. Такая скрытность объяснялась отчасти властной натурой этого человека, любившего повелевать окружающими и поражать их воображение, отчасти профессиональной осторожностью, не позволявшей ему рисковать без нужды. Как бы то ни было, эта черта характера Шерлока Холмса доставляла много неприятностей тем, кто работал с ним в качестве его агентов или помощников. Я сам часто страдал от нее, но то, что мне пришлось вытерпеть за это долгое путешествие в темноте, превзошло все мои прошлые муки. Нам предстояло нелегкое испытание, мы были готовы нанести последний, решающий удар, а Холмс упорно молчал, и я мог только догадываться о его планах. Мое нервное напряжение дошло до предела, как вдруг в лицо нам пахнуло холодным ветром, и, глянув в темноту, на пустынные просторы, тянувшиеся по обеим сторонам узкой дороги, я понял, что мы снова очутились на болотах. Каждый шаг лошадей, каждый поворот колес приближал нас к развязке всех этих событий.

В присутствии возницы, нанятого в Кумби-Треси, нельзя было говорить о деле, и мы, несмотря на все свое волнение, беседовали о каких-то пустяках. Я облегченно вздохнул, когда в стороне от дороги показался коттедж Френкленда, от которого оставалось две-три мили до Баскервиль-холла и до того места, где должна была разыграться заключительная сцена трагедии. Не останавливаясь у подъезда, мы проехали к калитке в тисовой аллее, расплатились с возницей, отправили его обратно в Кумби-Треси, а сами пошли по направлению к Меррипит-хаус.

– Вы с оружием, Лестрейд?

Маленький сыщик улыбнулся:

– Раз на мне брюки, значит, и задний карман у них есть, а раз есть задний карман, значит, он не пустует.

– Вот и прекрасно! Мы с Уотсоном тоже приготовились ко всяким неожиданностям.

– Я вижу, вы настроены очень серьезно, мистер Холмс. А что от нас теперь требуется в этой игре?

– Требуется терпение. Будем ждать.

– Действительно, места здесь не очень веселые! – Сыщик повел плечами, глядя на мрачные склоны холмов и туман, озером разлившийся над Гримпенской трясиной. – А вон где-то горит огонек.

– Это Меррипит-хаус – конечная цель нашего путешествия. Теперь попрошу вас ступать как можно тише и говорить шепотом.

Мы осторожно шагали по тропинке, которая вела к дому, но ярдов за двести от него Холмс остановился.

– Дальше не надо, – сказал он. – Вот эти валуны послужат нам прекрасной ширмой.

– Здесь и будем ждать?

– Да, устроим засаду. Станьте вот сюда, Лестрейд. Уотсон, ведь вы бывали в доме? Расположение комнат знаете? Вон те окна с переплетом – что это?

– По-моему, кухня.

– А следующее, ярко освещенное?

– Это столовая.

– Шторы подняты. Вы лучше меня знаете, как туда пройти. Загляните в окно – что они там делают? Только, ради бога, тише. Как бы вас не услышали.

Я подкрался на цыпочках к низкой каменной ограде, окружающей чахлый садик Стэплтонов, и, пробираясь в ее тени, дошел до того места, откуда можно было заглянуть в незанавешенное окно.

В комнате были двое мужчин – сэр Генри и Стэплтон. Они сидели друг против друга за круглым столом, ко мне в профиль, и курили сигары. Перед ними стояли чашки с кофе и вино. Стэплтон оживленно говорил о чем-то, но баронет сидел бледный и слушал его невнимательно. Ему, вероятно, не давала покоя мысль о скором возвращении домой по зловещим болотам.

Но вот Стэплтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри подлил себе вина в стакан и откинулся на спинку стула, попыхивая сигарой. Я услышал скрип двери, потом похрустывание гравия на тропинке. Шаги приближались ко мне. Выглянув из-за стены, я увидел, что натуралист остановился у небольшого сарая в углу сада. Звякнул ключ в замке, и в сарае послышалась какая-то возня. Стэплтон пробыл там не больше двух минут, снова звякнул ключом, прошел мимо меня и исчез в доме. Я увидел, что он вернулся к своему гостю; осторожно пробравшись к товарищам, я рассказал им все это.

– Значит, женщина не с ними? – спросил Холмс, когда я кончил.

– Нет.

– Тогда где же она? Ведь, кроме кухни и столовой, все окна темные.

– Право, не знаю.

Я уже говорил, что над Гримпенской трясиной стлался густой белый туман. Он медленно полз в нашу сторону, окружая нас и справа и слева низким, но плотным валом. Лившийся сверху лунный свет превращал его в мерцающее ледяное поле, над которым, словно черные пики, вздымались верхушки отдаленных гранитных столбов. Холмс повернулся в ту сторону и, глядя на эту медленно подползающую белую стену, нетерпеливо пробормотал:

– Смотрите, Уотсон, туман движется прямо на нас.

– А это нехорошо?

– Хуже некуда! Туман – единственное, что может нарушить мои планы. Но сэр Генри там не задержится. Уже десять часов. Теперь все – и наш успех и даже его жизнь – зависит от того, выйдет ли он прежде, чем туман доползет до тропинки, или нет.

Ночное небо было чистое, без единого облачка. Звезды холодно поблескивали в вышине, луна заливала болота мягким неверным светом. Прямо перед нами смутно чернели очертания дома с остроконечной крышей, словно ощетинившейся трубами, которые четко выступали на звездном небе. Широкие золотые полосы падали из окон нижнего этажа в сад и дальше, на болота. Одна из них вдруг погасла. Слуги вышли из кухни. Теперь лампа горела только в столовой, где те двое – убийца-хозяин и ничего не подозревающий гость – покуривали сигары и продолжали свой разговор.

Белая волокнистая пелена, затянувшая почти все болото, с каждой минутой приближалась к дому. Первые прозрачные клочья уже завивались у золотистого квадрата освещенного окна. Дальняя стена сада совсем исчезла в этой клубящейся мгле, над которой виднелись только верхушки деревьев. Вот белесые кольца показались с обеих сторон дома и медленно слились в плотный вал, и верхний этаж с крышей всплыл над ним, точно волшебный корабль на волнах призрачного моря. Холмс яростно ударил кулаком о камень, за которым мы стояли, и вне себя от нетерпения топнул ногой.

– Если он не появится через четверть часа, тропинку затянет туманом, а через полчаса мы уже не сможем разглядеть собственную руку в этой тьме.

– Отойдем немного назад, там выше.

– Да, пожалуй, так и сделаем.

По мере того как туман надвигался на нас, мы отступали все дальше

и дальше, пока не очутились в полумиле от дома. Но сплошное белесое море, посеребренное сверху луной, подбиралось и туда, продолжая свое медленное, неуклонное наступление.

– Мы слишком далеко зашли, – сказал Холмс. – Это уже рискованно: его могут настигнуть прежде, чем он дойдет до нас. Ну, будь что будет, останемся здесь.

Он опустился на колени и приложил ухо к земле.

– Слава богу! Кажется, идет!

В тишине болот послышались быстрые шаги. Пригнувшись за валунами, мы напряженно всматривались в подступавшую к нам мутно-серебристую стену. Шаги все приближались, и вот из тумана, словно распахнув перед собой занавес, выступил тот, кого мы поджидали. Увидя над собой чистое звездное небо, он с удивлением осмотрелся по сторонам. Потом быстро зашагал по тропинке, прошел мимо нас и стал подниматься вверх по отлогому склону, начинавшемуся сразу за валунами. На ходу он то и дело оглядывался через плечо, видимо остерегаясь чего-то.

– Тсс! – шепнул Холмс и щелкнул курком, – Смотрите! Вот она!

В самой гуще подползающего к нам тумана послышался мерный, дробный топот. Белая стена была от нас уже ярдах в пятидесяти, и мы трое вперили в нее взгляд, не зная, какое чудовище появится оттуда. Стоя рядом с Холмсом, я мельком взглянул ему в лицо – бледное, взволнованное, с горящими при лунном свете глазами. И вдруг оно преобразилось: взгляд стал сосредоточен и суров, рот приоткрылся от изумления. В ту же секунду Лестрейд вскрикнул от ужаса и упал ничком на землю. Я выпрямился и, почти парализованный тем зрелищем, которое явилось моим глазам, потянулся ослабевшей рукой к револьверу. Да! Это была собака, огромная, черная как смоль. Но такой собаки еще никто из нас, смертных, не видывал. Из ее отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьем воспаленном мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана.

Чудовище неслось по тропинке огромными прыжками, принюхиваясь к следам нашего друга. Мы опомнились лишь после того, как оно промчалось мимо. Тогда и я и Холмс выстрелили одновременно, и раздавшийся вслед за этим оглушительный рев убедил нас, что по меньшей мере одна из пуль попала в цель. Но собака не остановилась и продолжала мчаться вперед. Мы видели, как сэр Генри оглянулся, мертвенно-бледный при свете луны, поднял в ужасе руки и замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с чудовища, которое

настигало его.

Но голос взвывшей от боли собаки рассеял все наши страхи. Кто уязвим, тот и смертен, и если она ранена, значит, ее можно и убить. Боже, как бежал в ту ночь Холмс! Я всегда считался хорошим бегуном, но он опередил меня на такое же расстояние, на какое я сам опередил маленького сыщика. Мы неслись по тропинке и слышали непрекращающиеся крики сэра Генри и глухой рев собаки. Я подоспел в ту минуту, когда она кинулась на свою жертву, повалила ее на землю и уже примеривалась схватить за горло. Но Холмс всадил ей в бок одну за другой пять пуль. Собака взвыла в последний раз, яростно щелкнула зубами, повалилась на спину и, судорожно дернув всеми четырьмя лапами, замерла. Я нагнулся над ней, задыхаясь от бега, и приставил дуло револьвера к этой страшной светящейся морде, но выстрелить мне не пришлось – исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без сознания там, где она настигла его. Мы сорвали с него воротничок, и Холмс возблагодарил судьбу, убедившись, что он не ранен и что наша помощь подоспела вовремя. А потом веки у сэра Генри дрогнули и он слабо шевельнулся. Лестрейд просунул ему между зубами горлышко фляги с коньяком, и через секунду на нас глянули два испуганных глаза.

– Боже мой! – прошептал баронет. – Что это было? Где оно?

– Его уже нет, – сказал Холмс. – С привидением, которое преследовало ваш род, покончено навсегда.

Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь – поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза были обведены огненными кругами. Я дотронулся до этой светящейся головы и, отняв руку, увидел, что мои пальцы тоже засветились в темноте.

– Фосфор, – сказал я.

– Да, и какой-то особый препарат, – подтвердил Холмс, потянув носом. – Без запаха, чтобы у собаки не исчезло чутье. Простите нас, сэр Генри, что мы подвергли вас такому страшному испытанию. Я готовился увидеть собаку, но никак не ожидал, что это будет такое чудовище. К тому же нам помешал туман, и мы не смогли оказать псу достойную встречу.

– Вы спасли мне жизнь.

– Подвергнув ее сначала опасности… Ну как, можете встать?

– Дайте мне еще один глоток коньяку, и тогда все будет в порядке. Ну вот! Теперь с вашей помощью я встану. А что вы намерены делать дальше?

– Пока оставим вас здесь – вы уже достаточно натерпелись за сегодняшнюю ночь, – а потом кто-нибудь из нас вернется с вами домой.

Баронет попробовал подняться, но не смог. Он был бледен как полотно и дрожал всем телом. Мы подвели его к валуну. Он сел там, дрожа всем телом, и закрыл лицо руками.

– А теперь нам придется уйти, – сказал Холмс. – Надо кончить начатое дело. Дорога каждая минута. Состав преступления теперь налицо, остается только схватить преступника… Держу пари, в доме его уже не окажется, – продолжал Холмс, быстро шагая рядом с нами по тропинке. – Он не мог не слышать выстрелов и понял, что игра проиграна.

– Ну что вы! Это было далеко от дома, к тому же туман приглушает звуки.

– Можете не сомневаться, что он кинулся следом за собакой, ведь ее надо было оттащить от тела. Нет, мы его уже не застанем! Но на всякий случай надо обшарить все уголки.

Входная дверь была открыта настежь, и, вбежав в дом, мы быстро осмотрели комнату за комнатой, к удивлению дряхлого слуги, встретившего нас в коридоре. Свет горел только в столовой, но Холмс взял оттуда лампу и обошел с ней все закоулки в доме. Человек, которого мы искали, исчез бесследно. Однако на втором этаже дверь одной из спален оказалась запертой.

– Там кто-то есть! – крикнул Лестрейд.

В комнате послышался слабый стон и шорох. Холмс ударил ногой чуть повыше замка, и дверь распахнулась настежь. Держа револьверы наготове, мы ворвались туда.

Но дерзостного негодяя, за которым мы охотились, не оказалось и тут. Вместо него глазам нашим предстало нечто до такой степени странное и неожиданное, что мы замерли на месте.

Эта комната представляла собой маленький музей. Ее стены были сплошь заставлены стеклянными ящиками, где хранилась коллекция мотыльков и бабочек – любимое детище этой сложной и преступной натуры. Посередине поднималась толстая подпорка, подведенная под трухлявые балясины потолка. И у этой подпорки стоял человек, привязанный к ней простынями, которые укутывали его с головы до ног, так что в первую минуту даже нельзя было разобрать, кто это – мужчина или женщина. Одно полотнище шло вокруг горла, другое закрывало

нижнюю часть лица, оставляя открытыми только глаза, которые с немым вопросом смотрели на нас, полные ужаса и стыда. В мгновение ока мы сорвали эти путы, вынули кляп, и к нашим ногам упала не кто иная, как миссис Стэплтон. Голова ее опустилась на грудь, и я увидел красный рубец у нее на шее от удара плетью.

– Мерзавец! – крикнул Холмс. – Лестрейд, где коньяк? Посадите ее на стул. Такие пытки кого угодно доведут до обморока!

Миссис Стэплтон открыла глаза.

– Он спасся? – спросила она. – Он убежал?

– От нас он никуда не убежит, сударыня.

– Нет, нет, я не про мужа. Сэр Генри… спасся?

– Да.

– А собака?

– Убита!

У нее вырвался долгий вздох облегчения:

– Слава богу! Слава богу! Негодяй! Смотрите, что он со мной сделал! – Она засучила оба рукава, и мы увидели, что ее руки все в синяках. – Но это еще ничего… это ничего. Он истерзал, он опоганил мою душу. Пока у меня теплилась надежда, что этот человек любит меня, я все сносила, все: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную обмана… Но он лгал мне, я была орудием в его руках! – Она не выдержала и разрыдалась.

– Да, сударыня, у вас нет никаких оснований желать ему добра, – сказал Холмс. – Так откройте же, где его искать. Если вы были его сообщницей, воспользуйтесь случаем загладить свою вину – помогите нам.

– Он может спрятаться только в одном месте, больше ему некуда деваться, – ответила она. – В самом сердце трясины есть островок, на котором был когда-то рудник. Там он и держал свою собаку, и там у него все приготовлено на тот случай, если придется бежать.

Холмс посветил в окно лампой. Туман, словно белая вата, лип к стеклу.

– Смотрите, – сказал он. – Сегодня ночью никто не сможет пробраться на Гримпенскую трясину.

Миссис Стэплтон рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза ее сверкнули недобрым огнем.

– Туда-то он найдет дорогу, а обратно не выберется! – воскликнула она. – Разве в такую ночь разглядишь вехи? Мы ставили их вместе, чтобы наметить тропу через трясину. Ах, почему я не догадалась убрать их сегодня! Тогда он был бы в вашей власти!

При таком тумане о погоне нечего было и думать. Мы оставили Лестрейда полновластным хозяином Меррипит-хаус, а сами вместе с сэром

Генри вернулись в Баскервиль-холл. Скрывать от него историю Стэплтонов больше было нельзя. Узнав всю правду о любимой женщине, он мужественно принял этот удар.

Однако пережитое ночью потрясение не прошло даром для баронета. К утру он лежал без памяти в горячке под надзором доктора Мортимера. В дальнейшем им обоим было суждено совершить кругосветное путешествие, и только после него сэр Генри снова стал тем же веселым, здоровым человеком, какой приехал когда-то в Англию наследником этого злополучного поместья.

А теперь мое странное повествование быстро подходит к концу. Записывая его, я старался, чтобы читатель делил вместе с нами все те страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали нашу жизнь и завершились такой трагедией.

К утру туман рассеялся, и миссис Стэплтон проводила нас к тому месту, где начиналась тропинка, ведущая через трясину. Эта женщина с такой охотой и радостью направляла нас по следам мужа, что нам только тогда и стало ясно, как страшна была ее жизнь. Мы расстались с ней на узкой торфяной полоске, полуостровом вдававшейся в трясину. Маленькие прутики, воткнутые то там, то сям, намечали тропу, извивающуюся зигзагом от кочки к кочке, между затянутыми зеленью окнами, которые преградили бы путь всякому, кто был незнаком с этими местами. От гниющего камыша и покрытых илом водорослей над трясиной поднимались тяжелые испарения. Мы то и дело оступались, уходя по колено в темную зыбкую топь, мягкими кругами расходившуюся на поверхности. Вязкая жижа присасывалась к нашим ногам, и ее хватка была настолько сильна, что казалось, чья-то цепкая рука тянет нас в эти мерзостные глубины. На глаза нам попалось только одно-единственное доказательство, что не мы первые идем по этому опасному пути. На кочке, поросшей болотной травой, лежало что-то темное. Потянувшись туда. Холмс сразу ушел по пояс в тину, и если б не мы, вряд ли ему удалось бы когда-нибудь почувствовать под ногой твердую землю. Он держал в руке старый черный башмак. Внутри была метка: «Мейерс. Торонто».

– Из-за такой находки стоило принять грязевую ванну. Вот он, пропавший башмак нашего друга!

– Брошенный второпях Стэплтоном?

– Совершенно верно. Он дал собаке понюхать его, когда наводил ее на след сэра Генри, и так и убежал с ним, а потом бросил. Теперь мы, по крайней мере, знаем, что до этого места он добрался благополучно.

Но больше нам ничего не удалось узнать, хотя догадываться мы могли о многом. Разглядеть на тропинке следы не было никакой возможности – их сразу же затягивало тиной. Мы решили, что они обнаружатся на более сухом месте, однако все поиски были тщетны. Если земля говорила правду, то Стэплтону так и не удалось добраться до своего убежища на островке, к которому он стремился в ту памятную нам туманную ночь. Этот холодный, жестокий человек был навеки погребен в самом сердце зловонной Гримпенской трясины, засосавшей его в свою бездонную глубину.

Мы нашли немало его следов на опоясанном топью островке, где он прятал своего страшного сообщника. Огромный ворот и шахта, до половины заваленная щебнем, говорили, что когда-то здесь был рудник. Рядом с ним стояли развалившиеся лачуги рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда ядовитые болотные испарения. В одной из этих лачуг мы нашли кольцо в стене, цепь и множество обглоданных костей. Здесь, вероятно, Стэплтон и держал своего пса. Среди мусора валялся скелет собаки с оставшимся на нем клочком рыжей шерсти.

– Боже мой! – воскликнул Холмс. – Да это спаниель! Бедный Мортимер больше никогда не увидит своего любимца. Ну что ж, теперь, я думаю, этот островок открыл нам все свои тайна. Спрятать собаку было нетрудно, а вот попробуйте заставить ее молчать! Отсюда и шел этот вой, от которого людям даже днем становилось не по себе. В случае крайней необходимости Стэплтон мог бы перевести собаку в сарай, поближе к дому, но на такой риск можно было пойти только в самую критическую минуту, в расчете на близкую развязку. А вот эта паста в жестянке – тот самый светящийся состав, которым он смазывал своего пса. Его натолкнуло на эту мысль не что иное, как легенда о чудовищной собаке Баскервилей, и он решил разделаться таким способом с сэром Чарльзом. Теперь неудивительно, что злосчастный каторжник с воплями пустился наутек, когда эдакое страшилище выскочило на него из темноты. Точно так же поступил и наш друг, да и мы сами были недалеки от этого. Стэплтон хитро придумал! Уж не говоря о том, что собака помогла бы ему убить его жертву, кто из здешних фермеров решился бы поближе познакомиться с ней? С такой тварью достаточно и одной встречи. А ведь ее многие видели на болотах. Я говорил об этом в Лондоне, Уотсон, и повторяю опять: нам никогда не приходилось иметь дело с человеком более опасным, чем тот, кто лежит теперь там! – И он показал на зелено-бурую трясину, уходившую вдаль, к пологим склонам торфяных болот.

Глава XV

Взгляд назад

Был конец ноября. Ненастным туманным вечером мы с Холмсом сидели у пылающего камина в кабинете на Бейкер-стрит. Со времени трагедии, которая завершила нашу поездку в Девоншир, мой друг успел расследовать два очень серьезных дела. В первом из них ему удалось разоблачить полковника Эпвуда, замешанного в скандале, разыгравшемся за карточным столом в клубе «Патриций», во втором – полностью снять с несчастной мадам Монпенсье обвинение в убийстве падчерицы, молоденькой мадемуазель Карэр, которая, как известно, полгода спустя объявилась в Нью-Йорке и благополучно вышла там замуж. После успешного разбора двух таких трудных и серьезных дел Холмс был в прекрасном расположении духа, и, пользуясь этим, я решил выведать у него некоторые подробности загадочной баскервильской истории. Я терпеливо ждал своего часа, зная, что Холмс не любит держать в голове сразу по нескольку дел и что его ясный, логический ум не станет отвлекаться от текущей работы ради воспоминаний о прошлом.

В эти дни в Лондоне как раз были сэр Генри и доктор Мортимер, готовившиеся к далекому путешествию, которое врачи предписали баронету для укрепления расшатанной нервной системы. Утром они нанесли нам визит, так что у меня был хороший повод завести разговор на нужную тему.

– С точки зрения человека, именующего себя Стэплтоном, события разворачивались как по писаному, – начал Холмс, – но нам все это казалось чрезвычайно сложным, потому что мы не имели тогда ни малейшего понятия, чем он руководствуется в своих действиях, и знали только кое-какие факты. С тех пор у меня было два разговора с миссис Стэплтон, и все разъяснилось. Думаю, что теперь загадок уже нет. Можете посмотреть мои заметки по этому делу в картотеке под литерой «Б».

– А может, вы изложите ход событий просто по памяти?

– С удовольствием, хотя и не ручаюсь, что вспомню все подробности. Когда сосредоточишься на чем-нибудь одном, прошлые помыслы улетучиваются из головы. Адвокат, знающий назубок свое очередное дело и ломающий из-за него копья в суде, недели через две начисто все забывает. Так и у меня: каждое новое расследование вытесняет из памяти предыдущее, и мадемуазель Карэр своей персоной заслонила в моем

сознании Баскервиль-холл. Завтра передо мной, может быть, встанет следующая загадка, которая, в свою очередь, заслонит очаровательную француженку и шулера Эпвуда. Но я все-таки постараюсь изложить вам всю эту историю, а если я что-нибудь забуду, вы мне подскажете.

Наведенные справки окончательно убедили меня, что фамильный портрет не лгал и что этот человек действительно из рода Баскервилей. Он оказался сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, которому пришлось бежать в Южную Америку, где он и женился, и после него остался сын, носивший отцовскую фамилию. Сей небезызвестный вам молодчик женился на некой Бэрил Гарсиа, одной из красавиц Коста-Рики, растратил казенные деньги и, переменив фамилию на Ванделер, бежал в Англию, где вскоре открыл школу в восточной части Йоркшира. Этот род деятельности он избрал потому, что сумел воспользоваться знаниями и опытом одного учителя, с которым познакомился в пути. Но его компаньон, Фрезер, был в последней стадии чахотки и вскоре умер. Дела школы шли все хуже и хуже, а конец у нее был совсем бесславный. Супруги Ванделер сочли за благо переменить фамилию и с тех пор стали именоваться Стэплтонами. В дальнейшем Стэплтон вместе с остатками своего состояния, новыми планами на будущее и страстью к энтомологии перебрался на юг Англии. Я наводил справки в Британском музее и выяснил, что Ванделер считался признанным авторитетом в своей области и что его имя было присвоено одной ночной бабочке, описанной им еще в Йоркшире.

Теперь мы дошли до того периода его жизни, который оказался столь интересным для нас. Этот человек, по-видимому, разузнал, что между ним и крупным поместьем стоят всего две жизни. Когда он собрался в Девоншир, его планы были, вероятно, еще весьма туманны, но недобрый замысел зрел – недаром он с самого начала выдал свою жену за сестру. Мысль воспользоваться ею в качестве приманки овладела им сразу, хотя он, может быть, еще и не представлял себе, как все сложится в дальнейшем. Его цель была – получить поместье; ради этого он не стеснялся в средствах и шел на любой риск. Итак, для начала надо было поселиться как можно ближе к Баскервиль-холлу, а потом завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом и с другими соседями.

Баронет сам рассказал ему предание о собаке и таким образом ступил на свой смертный путь. Стэплтон, как я его по-прежнему буду называть, знал, что у старика больное сердце и что сильное потрясение может убить его. Все это он слышал от доктора Мортимера. Кроме того, ему было известно, что сэр Чарльз – человек суеверный и придает большое значение

этой мрачной легенде. Изворотливый ум Стэплтона немедленно подсказал ему способ, каким можно убить баронета и остаться самому вне подозрений.

Выработав план действия, Стэплтон приступил к его осуществлению со всей изощренностью, свойственной его натуре. Заурядный преступник удовольствовался бы в таком случае просто злой собакой, но Стэплтона осенила гениальная мысль – сделать из нее исчадие ада. Он купил этого пса в Лондоне у Росса и Менгласа, на Фулхем-роуд, выбрав самого крупного и самого свирепого из всех, какие были. Потом приехал с ним в Девоншир по северной линии и сделал немалый конец пешком через болота, чтобы провести его домой незаметно. Во время своих экскурсий за бабочками он нашел путь в глубь Гримпенской трясины, а более надежного места для собаки нельзя и придумать. Он посадил ее там на цепь и стал ждать удобного случая.

Но такой случай долго не представлялся: сэра Чарльза нельзя было выманить ночью за пределы поместья. Стэплтон не раз подстерегал старика, держа собаку наготове, но все было тщетно. Вот во время этих бесплодных блужданий по болотам он, вернее, его сообщник и попался на глаза кое-кому из тамошних фермеров, и легенда о чудовищном псе получила новое подтверждение. Тогда Стэплтон возложил все свои надежды на жену, но на сей раз она проявила неожиданную твердость характера. Миссис Стэплтон наотрез отказалась пускать в ход свои чары против старика, зная, что это может погубить его. Ни угрозы, ни даже – увы! – побои, ничто не помогало. Она не хотела принимать участие в кознях мужа, и на время Стэплтон оказался в тупике.

Но выход из этого тупика был найден. Сэр Чарльз проникся дружескими чувствами к Стэплтону и послал его в качестве своего посредника к миссис Лауре Лайонс. Выдав себя за холостяка, тот совершенно покорил эту несчастную женщину и дал ей понять, что женится на ней, если она добьется развода. И тут же вскоре выяснилось, что надо действовать безотлагательно: сэр Чарльз собрался в Лондон по настоянию доктора Мортимера, с которым Стэплтон для видимости соглашался. Нельзя было терять ни минуты, иначе жертва могла ускользнуть. Стэплтон заставил миссис Лайонс написать сэру Чарльзу письмо, в котором она умоляла старика дать ей возможность повидаться с ним накануне его отъезда из Баскервиль-холла. Потом под благовидным предлогом он уговорил ее не ходить на свидание, и вот долгожданный случай представился.

Вернувшись вечером из Кумби-Треси, Стэплтон успел сбегать

за собакой, смазал ее этим адским составом и привел на то место, куда должен был прийти старик. Собака, натравленная хозяином, перемахнула через калитку и помчалась за несчастным баронетом, который с криками бросился бежать по тисовой аллее. Представляю себе, какое это было страшное зрелище! Кругом темнота, и в этой темноте за тобой мчится что-то огромное со светящейся мордой и огненными глазами. Сердце у баронета не выдержало, и он упал мертвый в самом конце аллеи. Собака неслась за ним по узкой полоске дерна, и поэтому на дорожке не было никаких следов, кроме человеческих. Когда сэр Чарльз упал, она, вероятно, обнюхала его, но не стала трогать мертвеца и убежала. Вот эти следы и заметил доктор Мортимер. Стэплтон подозвал своего пса и поторопился увести его назад, в глубь Гримпенской трясины. Таково происхождение этой загадки, которая сбила с толку полицию, переполошила всех окрестных жителей и, наконец, была представлена на наше рассмотрение.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы понимаете, с какой дьявольской хитростью этот человек обделал свое дело! Ведь уличить преступника не представлялось возможным! Соучастник у него был только один, причем такой, который не выдаст, а непостижимый, фантастический характер всего замысла и вовсе запутывал расследование. Обе женщины, замешанные в это дело, миссис Стэплтон и миссис Лаура Лайонс, подозревали, кто истинный виновник смерти сэра Чарльза. Миссис Стэплтон знала, что муж строит козни против старика, знала и о существовании собаки. Миссис Лайонс не имела ни малейшего понятия ни о том, ни о другом, но ее поразило, что смерть сэра Чарльза совпала по времени с несостоявшейся встречей у калитки, о которой, кроме Стэплтона, никто не знал. Но обе они были всецело под его влиянием, и он мог не бояться их. Таким образом, первая половина задачи была выполнена успешно, оставалась вторая – куда более трудная.

Очень возможно, что сначала Стэплтон даже не подозревал о существовании наследника в Канаде. Но он не замедлил узнать об этом от своего приятеля, доктора Мортимера, который заодно уведомил его и о дне приезда Генри Баскервиля. Прежде всего ему пришла в голову мысль, нельзя ли будет разделаться с этим молодым канадцем в Лондоне, до того как он приедет в Девоншир. Жене Стэплтон больше не доверял, помня, что она отказалась завлечь в свои сети старика Баскервиля. Оставлять ее надолго одну он тоже не решался – так можно было совсем утратить над ней власть. Пришлось ехать в Лондон вместе. Они остановились, как я потом выяснил, в отеле «Мексборо», на Кревен-стрит, куда Картрайт тоже заходил в поисках изрезанной страницы

«Таймса». Стэплтон держал жену взаперти в номере, а сам, приклеив фальшивую бороду, ходил по пятам за доктором Мортимером – на Бейкер-стрит, на вокзал, в отель «Нортумберленд». Миссис Стэплтон подозревала, какие планы строит ее супруг, но она испытывала такой страх перед ним – страх, рожденный его жестокостью, – что не решалась написать сэру Генри о грозящей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стэплтона, кто бы мог поручиться за ее жизнь? В конце концов, как мы уже знаем, она пошла на хитрость: вырезала нужные слова из газеты и написала адрес измененным почерком. Письмо дошло до баронета и послужило ему первым предостережением.

Стэплтону нужно было во что бы то ни стало раздобыть какую-нибудь вещь из туалета сэра Генри на тот случай, если придется пускать собаку по его следу. Действуя, как всегда, быстро и смело, он не стал медлить, и мы можем не сомневаться, что и коридорный и горничная в отеле получили щедрую мзду за оказанную ему помощь. Увы! Первый башмак оказался ненадеванным и, следовательно, был непригоден. Он вернул его и взамен получил другой. Из этого факта я сделал очень важный вывод. Мне стало ясно, что мы имеем дело с настоящей собакой, ибо только этим можно было объяснить старания Стэплтона получить старый башмак. Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем большего внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые на первый взгляд лишь усложняют дело, чаще всего приводят вас к разгадке. Надо только как следует, не по-дилетантски, разобраться в них.

На другое утро наши друзья пожаловали к нам, а Стэплтон следовал за ними издали в кэбе. Судя по многим признакам и хотя бы по тому, что он знал меня в лицо, знал и мой адрес, его карьера не ограничивалась баскервильским делом, я в этом почти уверен. Так, например, за последние три года в западных графствах было совершено четыре крупных ограбления, а преступников обнаружить не удалось. Последнее из них – это было в Фолкстон-корт в мае месяце – не обошлось без кровопролития. Грабитель в маске уложил выстрелом из револьвера мальчика-слугу, который застиг его. Теперь я не сомневаюсь, что Стэплтон поправлял таким способом свои расстроенные финансовые дела и что он уже давно был опасным преступником.

В его находчивости и дерзости мы могли убедиться в то утро, когда он так ловко улизнул от нас и потом назвался моим же именем, прекрасно зная, что я доберусь до этого кэбмена. И тогда Стэплтон понял: в Лондоне рассчитывать на успех нечего, так как за это дело взялся я. Он уехал в Дартмур и стал ждать приезда баронета…

– Постойте! – перебил я Холмса. – Вы совершенно точно изложили весь ход событий, но один пункт все же для меня неясен. Что стало с собакой, когда ее хозяин уехал в Лондон?

– Вопрос очень существенный, я сам этим интересовался. У Стэплтона, конечно, был какой-то сообщник, хотя вряд ли он делился с ним всеми своими планами – это значило бы полностью отдаться в его власть. Помните слугу в Меррипит-хаус, старика Антони? Он жил у Стэплтонов несколько лет, еще в то время, когда у них была школа, и, конечно, знал, что они муж и жена. Так вот, этот самый Антони исчез бесследно, в Англии его нет. Обратите также внимание на то, что имя Антони встречается у нас довольно редко, а в Испании и в Латинской Америке Антонио попадаются на каждом шагу. Старик говорил по-английски не хуже миссис Стэплтон, но с тем же странным акцентом. Я сам видел, как он ходил в глубь Гримпенской трясины по тропинке, намеченной Стэплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие хозяина собаку кормил слуга Антони, хотя, может статься, ему было невдомек, с какой целью ее здесь держат.

Итак, Стэплтоны вернулись в Девоншир, а вскоре туда приехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о себе. Вы, вероятно, помните, что, разглядывая письмо, присланное сэру Генри, я заинтересовался, есть ли на нем водяные знаки. Я поднес листок к глазам и уловил легкий запах – от него пахло духами «Белый жасмин». Есть семьдесят три сорта духов, которые опытный сыщик должен уметь отличать один от другого. Я на собственном опыте убедился, что успешное расследование преступлений не раз зависело именно от этого. Если пахнет жасмином, значит, автор письма женщина, а к тому времени Стэплтоны уже начинали интересовать меня. Итак, я понял, что собака существует на самом деле, и догадался, кто преступник, еще до своей поездки в Девоншир.

За Стэплтоном надо было установить слежку. Но если б я следил за ним, находясь в вашем обществе, он бы сразу насторожился. Пришлось обмануть всех, в том числе и вас. Я сказал, что останусь в Лондоне, а сам поехал следом за вами. Лишения, которые мне пришлось испытать, вовсе не так страшны, как вам кажется. Впрочем, подобные пустяки не должны мешать нашей работе. Я жил, собственно, в Кумби-Треси, а пещеру на болотах навещал лишь в тех случаях, когда требовалось быть поближе к месту действия. Картрайт приехал в Девоншир вместе со мной и, расхаживая повсюду под видом деревенского мальчика, оказал мне большую помощь. Кроме того, он снабжал меня едой и чистым бельем и следил за вами, когда я был занят Стэплтоном. Так что, как видите,

все нити были у меня в руках.

Вы уже знаете, что ваши отчеты немедленно пересылались с Бейкер-стрит в Кумби-Треси. Я очень много из них почерпнул, особенно из того, где сообщался единственный подлинный эпизод из биографии Стэплтонов. После этого мне уже нетрудно было установить личность их обоих, и я понял, с кем имею дело. Однако расследование осложнялось одним побочным обстоятельством – бегством каторжника и связью между ним и Бэрриморами. Но вы распутали и этот узел, хотя я уже сам пришел к тем же выводам на основе собственных наблюдений.

К тому времени, когда вы отыскали меня в пещере на болотах, картина преступления стала окончательно ясна, но выносить это дело на суд присяжных было преждевременно. Даже неудачное покушение Стэплтона на сэра Генри, закончившееся гибелью злосчастного каторжника, не давало прямых улик. Оставался единственный выход: схватить его на месте преступления, выставив сэра Генри в качестве приманки. Баронет должен был идти один, якобы никем не охраняемый. Так мы и сделали и ценой тяжелого потрясения, пережитого нашим другом, не только завершили расследование, но и довели Стэплтона до гибели. Подвергнув своего клиента такому испытанию, я, конечно, вполне заслужил упрек в плохом ведении дела, но кто мог знать заранее, какое страшное, ошеломляющее зрелище предстанет нашим глазам, кто мог предвидеть, что ночью будет туман и собака выскочит из него прямо на нас! Мы достигли цели дорогой ценой, но оба врача – и специалист по нервным болезням, и доктор Мортимер – уверяют меня, что сэр Генри скоро поправится. Путешествие поможет нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но и залечить сердечные раны. Ведь ему пришлось так обмануться в миссис Стэплтон, к которой он питал такие искренние и глубокие чувства! Это его больше всего и угнетает.

Теперь мне остается рассказать, какую роль сыграла она в этой мрачной истории. Я не сомневаюсь, что Стэплтон совершенно подчинил ее своему влиянию. Чем это объяснить? Любила она его или боялась – или и то и другое? Ведь эти чувства вполне совместимы. Во всяком случае, он действовал наверняка. Миссис Стэплтон согласилась выдать себя за его сестру, но стать прямой пособницей убийства все же отказалась наотрез, и тут ему пришлось убедиться, что его власть над ней не безгранична. Она не раз пыталась предупредить сэра Генри о грозящей ему опасности, но делала это так, чтобы не подвести мужа. Стэплтон, по-видимому, был способен на ревность, и когда баронет начал проявлять нежные чувства к даме своего сердца, Стэплтон не выдержал, хотя это входило

в его планы, и выдал в бешеной вспышке всю страстность своей натуры, до тех пор тщательно скрываемую. Тем не менее он продолжал поощрять ухаживания сэра Генри, рассчитывая, что тот будет частым гостем в Меррипит-хаус и рано или поздно попадется ему в лапы. Но в самую решительную минуту жена взбунтовалась. Она прослышала о гибели беглого каторжника и узнала, что в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти к обеду, собаку перевели в сарай во дворе. Последовала бурная сцена. Миссис Стэплтон назвала мужа преступником и впервые услышала от него, что у нее есть соперница. Былая преданность уступила место ненависти. Стэплтон понял, что жена его выдаст, и связал ее, чтобы она не могла предостеречь сэра Генри. Все его расчеты основывались на том, что, узнав о смерти баронета, в графстве вспомнят о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, а тогда он снова добьется от жены повиновения и заставит ее молчать. Стэплтон и тут просчитался. Его судьба была решена и без нашего вмешательства. Женщина, в жилах которой течет испанская кровь, не простила бы ему измены…

Вот и все, дорогой мой Уотсон. А если вам нужен более подробный отчет об этом из ряда вон выходящем деле, то мне придется заглянуть в свои записи. Но я, кажется, ничего существенного не упустил.

– Неужели Стэплтон надеялся, что сэр Генри тоже умрет от страха при виде этого пугала?

– Собака была совершенно дикая, кроме того, он держал ее впроголодь. Если б сэр Генри не умер на месте, то, во всяком случае, такое страшное зрелище могло бы парализовать его силы и он не оказал бы никакого сопротивления.

– Да, пожалуй. Теперь остается только один вопрос. Если бы Стэплтон доказал свои права на владение Баскервиль-холлом, как бы ему удалось объяснить тот факт, что он, наследник, жил под чужим именем да еще так близко от поместья? Неужели это не возбудило бы подозрений?

– На этот вопрос я вряд ли смогу вам ответить – вы слишком многого от меня требуете. Моя сфера деятельности – прошлое и настоящее. Что человек собирается делать в будущем, это я не берусь решать. По словам миссис Стэплтон, ее супруг думал об этом не раз. Он мог найти три выхода. Первый: уехать в Южную Америку, установить там свою личность в британском консульстве и затребовать наследство оттуда, не приезжая в Англию. Второй: проделать все это в Лондоне, предварительно изменив себя до неузнаваемости. И третий: выдать за наследника подставное лицо, снабдив его всеми необходимыми документами, а себе выговорив за это известную часть доходов. Зная

Стэплтона, мы можем не сомневаться, что тот или иной выход из положения был бы найден.

А теперь, друг мой, обратимся мыслями к предметам более приятным. Несколько недель такого тяжелого труда дают нам право на свободный вечер. Я взял ложу в оперу. Вы слышали де Рецке в «Гугенотах»? Так вот, будьте любезны собраться в течение получаса. Тогда мы заедем по дороге к Марцини и не спеша пообедаем там.

Рассказы

Скандал в Богемии

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Этой Женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл ее каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирэн Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюбленного он оказался бы не на своем месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной насмешкой, с издевкой. Нежные чувства были в его глазах великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощренного мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утонченный и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительный инструмент, или трещина в одной из его могучих линз – вот что такое была бы любовь для такого человека, как Холмс. И все же для него существовала одна женщина, и этой женщиной была покойная Ирэн Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

За последнее время я редко виделся с Холмсом – моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моего личного безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится господином собственного домашнего очага, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, ненавидевший своей цыганской душой всякую форму светской жизни, оставался жить в нашей квартире на Бейкер-стрит, окруженный грудами своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином[46] с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана[47] – с дикой энергией, присущей его натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен расследованием преступлений. Он отдавал свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности поискам нитей к выяснению тех тайн, которые официальной полицией были признаны непостижимыми. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, что его

вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о поручении голландского королевского дома, выполненном им исключительно тонко и удачно.

Однако, помимо этих сведений о его деятельности, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, я мало знал о моем прежнем друге и товарище.

Однажды ночью – это было 20 марта 1888 года – я возвращался от пациента (так как теперь я вновь занялся частной практикой), и мой путь привел меня на Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая в моем уме навсегда связана с воспоминанием о времени моего сватовства и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», меня охватило острое желание вновь увидеть Холмса и узнать, над какими проблемами нынче работает его замечательный ум. Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на опущенной шторе. Он быстро, стремительно ходил по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки. Мне, знавшему все его настроения и привычки, его ходьба из угла в угол и весь его внешний облик говорили о многом. Он вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и распутывал нити какой-то новой загадки. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без восторженных излияний. Таким излияниям он предавался чрезвычайно редко, но, мне кажется, был рад моему приходу. Почти без слов, он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и указал на погребец, где хранилось вино. Затем он встал перед камином и оглядел меня своим особым, проницательным взглядом.

– Семейная жизнь вам на пользу, – заметил он. – Я думаю, Уотсон, что с тех пор, как я вас видел, вы пополнели на семь с половиной фунтов.

– На семь.

– Правда? Нет, нет, немного больше. Чуточку больше, уверяю вас. И снова практикуете, как я вижу. Вы мне не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

– Так откуда же вы это знаете?

– Я вижу это, я делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно сильно промокли и что ваша горничная большая неряха?

– Дорогой Холмс, – сказал я, – это уж чересчур. Вас, несомненно, сожгли бы на костре, если бы вы жили несколько веков назад. Правда,

что в четверг мне пришлось быть за городом и я вернулся домой весь испачканный, но ведь я переменил костюм, так что от дождя не осталось следов. Что касается Мэри Джен, она и в самом деле неисправима, и жена уже предупредила, что хочет уволить ее. И все же я не понимаю, как вы догадались об этом.

Холмс тихо рассмеялся и потер свои длинные нервные руки.

– Проще простого! – сказал он. – Мои глаза уведомляют меня, что с внутренней стороны вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, на коже видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, царапины были сделаны кем-то, кто очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда я, как видите, делаю двойной вывод, что вы выходили в дурную погоду и что у вас очень скверный образчик лондонской прислуги. А что касается вашей практики, – если в мою комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от азотной кислоты, а на цилиндре – шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного мира.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне путь своих умозаключений.

– Когда вы раскрываете свои соображения, – заметил я, – все кажется мне смехотворно простым, я и сам без труда мог бы все это сообразить. А в каждом новом случае я совершенно ошеломлен, пока вы не объясните мне ход ваших мыслей. Между тем я думаю, что зрение у меня не хуже вашего.

– Совершенно верно, – ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. – Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

– Часто.

– Как часто?

– Ну, несколько сот раз!

– Отлично. Сколько же там ступенек?

– Сколько? Не обратил внимания.

– Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек – семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал. Кстати, вы ведь интересуетесь теми небольшими проблемами, в разрешении которых заключается мое ремесло, и даже были добры описать два-три из моих маленьких опытов. Поэтому вас может, пожалуй,

заинтересовать вот это письмо.

Он бросил мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

– Получено только что, – сказал он. – Прочитайте-ка вслух.

Письмо было без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, – говорилось в записке, – к Вам придет джентльмен, который хочет получить у Вас консультацию по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из королевских семейств Европы, показали, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы со всех сторон получали. Будьте дома в этот час и не подумайте ничего плохого, если Ваш посетитель будет в маске».

– Это в самом деле таинственно, – заметил я. – Как вы думаете, что все это значит?

– У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, опасно. Незаметно для себя человек начинает подтасовывать факты, чтобы подогнать их к своей теории, вместо того чтобы обосновывать теорию фактами. Но сама записка! Какие вы можете сделать выводы из записки?

Я тщательно осмотрел письмо и бумагу, на которой оно было написано.

– Написавший это письмо, по-видимому, располагает средствами, – заметил я, пытаясь подражать приемам моего друга. – Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Очень уж она прочная и плотная.

– Диковинная – самое подходящее слово, – заметил Холмс. – И это не английская бумага. Посмотрите ее на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое E и маленькое «g», затем P и большое G с маленьким «t».

– Какой вывод вы можете из этого сделать? – спросил Холмс.

– Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма[48].

– Вот и ошиблись! Большое G с маленьким «t» – это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше Ко. P, конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь Eg. Заглянем в иностранный географический справочник… – Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. – Eglow, Eglonitz… Вот мы и нашли: Egeria. Это местность, где говорят по-немецки, в Богемии, недалеко от Карлсбада[49]. Место смерти Валленштейна[50], славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками… Ха-ха, мой мальчик, какой вы из этого делаете вывод? – Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил

из своей трубки большое синее облако.

– Бумага изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно. А человек, написавший записку, немец. Вы замечаете странное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы со всех сторон получали»? Француз или русский не мог бы так написать. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать своего лица… Вот и он сам, если я не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали резкий стук лошадиных копыт и визг колес, скользнувших вдоль ближайшей обочины. Вскоре затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

– Судя по звуку, парный экипаж… Да, – продолжал он, выглянув в окно, – изящная маленькая карета и пара рысаков… по сто пятьдесят гиней каждый. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

– Я думаю, что мне лучше уйти, Холмс?

– Нет, нет, оставайтесь! Что я стану делать без моего биографа? Дело обещает быть интересным. Будет жаль, если вы пропустите его.

– Но ваш клиент…

– Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже… Ну, вот он идет. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

Медленные, тяжелые шаги, которые мы слышали на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел человек ростом едва ли меньше шести футов и шести дюймов[51], геркулесовского[52] сложения. Он был одет роскошно, но эту роскошь сочли бы в Англии вульгарной. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены тяжелыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, был подбит огненно-красным шелком и застегнут на шее пряжкой из сверкающего берилла[53]. Сапоги, доходящие до половины икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли то впечатление варварской пышности, которое производил весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу, а верхняя часть его лица была закрыта черной маской, опускавшейся ниже

скул. Эту маску, походившую на забрало, он, очевидно, только что надел, потому что, когда он вошел, рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, переходящей в упрямство.

– Вы получили мою записку? – спросил он низким, грубым голосом с сильным немецким акцентом. – Я сообщал, что приду к вам. – Он смотрел то на одного из нас, то на другого, видимо не зная, к кому обратиться.

– Садитесь, пожалуйста. – сказал Холмс. – Это мой друг и товарищ, доктор Уотсон. Он так добр, что иногда помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

– Вы можете считать, что я граф фон Крамм, богемский дворянин. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, – человек, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? Если это не так, я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и толкнул обратно в кресло:

– Говорите либо с нами обоими, либо не говорите. В присутствии этого джентльмена вы можете сказать все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал широкими плечами.

– В таком случае я должен прежде всего взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет это не будет иметь значения. В настоящее время я могу, не преувеличивая, сказать: вся эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

– Даю слово, – сказал Холмс.

– И я.

– Простите мне эту маску, – продолжал странный посетитель. – Августейшее лицо, по поручению которого я действую, пожелало, чтобы его доверенный остался для вас неизвестен, и я должен признаться, что титул, которым я себя назвал, не совсем точен.

– Это я заметил, – сухо сказал Холмс.

– Обстоятельства очень щекотливые, и необходимо принять все меры, чтобы из-за них не разросся огромный скандал, который мог бы сильно скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с царствующим домом Ормштейнов, королей Богемии.

– Так я и думал, – пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь

в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося, равнодушного человека, которого ему, несомненно, описали как самого проницательного и самого энергичного из всех европейских сыщиков. Холмс медленно открыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего тяжеловесного клиента.

– Если ваше величество соблаговолите посвятить нас в свое дело, – заметил он, – мне легче будет дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и принялся шагать по комнате в сильном возбуждении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он, – я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

– Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследственный король Богемии.

– Но вы понимаете, – сказал наш странный посетитель, снова усевшись и проводя рукой по высокому белому лбу, – вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его кому-нибудь из полицейских агентов, не рискуя оказаться в его власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы обратиться к вам за советом.

– Пожалуйста, обращайтесь, – сказал Холмс, снова закрывая глаза.

– Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с хорошо известной авантюристкой Ирэн Адлер. Это имя вам, несомненно, знакомо?

– Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, – пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он завел систему регистрации разных фактов, касавшихся людей и вещей, так что трудно было назвать лицо или предмет, о которых он не мог бы сразу дать сведения. В данном случае я нашел биографию Ирэн Адлер между биографией еврейского раввина и биографией одного начальника штаба, написавшего труд о глубоководных рыбах.

– Покажите-ка, – сказал Холмс. – Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм… Ла Скала[54], так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве, да! Покинула оперную сцену, ха! Проживает в Лондоне… совершенно верно! Ваше величество, насколько я

понимаю, попали в сети к этой молодой особе, писали ей компрометирующие письма и теперь желали бы вернуть эти письма.

– Совершенно верно. Но каким образом?

– Вы тайно женились на ней?

– Нет.

– Никаких документов или свидетельств?

– Никаких.

– В таком случае я вас не понимаю, ваше величество. Если эта молодая женщина захочет использовать письма для шантажа или других целей, как она докажет их подлинность?

– Мой почерк.

– Пустяки! Подлог.

– Моя личная почтовая бумага.

– Украдена.

– Моя личная печать.

– Подделка.

– Моя фотография.

– Куплена.

– Но мы сфотографированы вместе!

– О-о, вот это очень плохо! Ваше величество действительно допустили большую оплошность.

– Я был без ума от Ирэн.

– Вы серьезно себя скомпрометировали.

– Тогда я был всего лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и теперь только тридцать.

– Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

– Мы пытались, но нам не удалось.

– Ваше величество должны пойти на издержки: фотографию надо купить.

– Ирэн не желает ее продавать.

– Тогда ее надо выкрасть.

– Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли весь ее дом. Раз, когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды ее заманивали в ловушку. Мы не добились никаких результатов.

– Никаких?

– Абсолютно никаких.

Холмс засмеялся.

– Ничего себе задачка! – сказал он.

– Но для меня это очень серьезная задача! – с упреком возразил король.

– Да, действительно. А что она намеревается сделать с фотографией?

– Погубить меня.

– Но каким образом?

– Я собираюсь жениться.

– Об этом я слышал.

– На Клотильде Лотман фон Саксен-Менинген. Быть может, вы знаете строгие принципы этой семьи. Сама Клотильда – воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого привела бы к разрыву.

– А Ирэн Адлер?

– Она грозит, что пошлет фотоснимок родителям моей невесты. И пошлет, непременно пошлет! Вы ее не знаете. У нее железный характер. Да, да, лицо обаятельной женщины, а душа жестокого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.

– Вы уверены, что она еще не отправила фотографию вашей невесте?

– Уверен.

– Почему?

– Она сказала, что пошлет фотографию в день моей официальной помолвки. А это будет в ближайший понедельник.

– О, у нас остается три дня! – сказал Холмс, зевая. – И это очень приятно, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими важными делами. Ваше величество, конечно, останетесь пока что в Лондоне?

– Конечно. Вы можете найти меня в гостинице «Лэнгхэм» под именем графа фон Крамма.

– В таком случае я пришлю вам записочку – сообщу, как продвигается дело.

– Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

– Ну, а как насчет денег?

– Тратьте, сколько найдете нужным. Вам предоставляется полная свобода действий.

– Абсолютно?

– О, я готов отдать за эту фотографию любую из провинций моего королевства!

– А на текущие расходы?

Король достал из-за плаща тяжелый кожаный мешочек и положил его на стол.

– Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями, – сказал он.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

– Адрес мадемуазель? – спросил он.

– Брайони-лодж, Серпантайн-авеню, Сент-Джонсвуд.

Холмс записал.

– И еще один вопрос, – сказал он. – Фотография была кабинетного размера?

– Да, кабинетного.

– А теперь доброй ночи, ваше величество, и я надеюсь, что скоро у нас будут хорошие вести… Доброй ночи, Уотсон, – добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. – Будьте любезны зайти завтра в три часа, я бы хотел потолковать с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с намерением дождаться его, сколько бы мне ни пришлось ждать. Я глубоко заинтересовался его расследованием, хотя оно было лишено причудливых и мрачных черт, присущих тем двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Но своеобразные особенности этого случая и высокое положение клиента придавали делу необычный характер. Если даже оставить в стороне самое содержание исследования, которое производил мой друг, – как удачно, с каким мастерством он сразу овладел всей ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие следить за быстрыми, ловкими приемами, с помощью которых он разгадывал самые запутанные тайны. Я настолько привык к его неизменным триумфам, что самая возможность неудачи не укладывалась у меня в голове.

Было около четырех часов, когда дверь отворилась и в комнату вошел подвыпивший грум[55], с бакенбардами, с растрепанной шевелюрой, с воспаленным лицом, одетый бедно и вульгарно. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось трижды вглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в темном костюме, корректный, как всегда. Сунув руки в карманы, он протянул ноги к пылающему камину и несколько минут весело смеялся.

– Чудесно! – воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался,

да так, что под конец обессилел и в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

– В чем дело?

– Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вы никогда не угадаете, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

– Не могу себе представить. Полагаю, что вы наблюдали за привычками или, может быть, за домом мисс Ирэн Адлер.

– Совершенно верно, но последствия были довольно необычайные… Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Существует удивительная симпатия, своего рода содружество между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайони-лодж. Это крохотная шикарная двухэтажная вилла; она выходит на улицу, позади нее сад. Массивный замок на садовой калитке. С правой стороны большая гостиная, хорошо обставленная, с высокими окнами, почти до полу, и с нелепыми английскими оконными затворами, которые мог бы открыть и ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что к окну галереи можно добраться с крыши каретного сарая. Я обошел этот сарай со всех сторон и рассмотрел его очень внимательно, но ничего интересного не заметил. Затем я пошел вдоль улицы и увидел, как я и ожидал, в переулке, примыкающем к стене сада, конюшню. Я помог конюхам чистить лошадей и получил за это два пенса, стакан водки, два пакета табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер, а также и о других местных жителях. Местные жители меня не интересовали нисколько, но я был вынужден выслушать их биографии.

– А что вы узнали об Ирэн Адлер? – спросил я.

– О, она вскружила головы всем мужчинам в этой части города. Она самое прелестное существо из всех, носящих дамскую шляпку на этой планете. Так говорят в один голос все серпантайнские конюхи. Она живет тихо, выступает иногда на концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает кататься и ровно в семь возвращается к обеду. Редко выезжает в другое время, кроме тех случаев, когда она поет. Только один мужчина посещает ее – только один, но зато очень часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Его зовут мистер Годфри Нортон из Темпла[56]. Видите, как выгодно войти в доверие к кучерам! Они его возили домой от серпантайнских конюшен раз двадцать и все о нем знают. Выслушав то, что они мне рассказывали, я снова стал прогуливаться взад и вперед вблизи Брайони-лодж и обдумывать дальнейшие действия.

Этот Годфри Нортон, очевидно, играет существенную роль во всем деле. Он юрист. Это звучит зловеще. Что их связывает и какова причина его частых посещений? Кто она: его клиентка? Его друг? Его возлюбленная? Если она его клиентка, то, вероятно, отдала ему на хранение ту фотографию. Если же возлюбленная – едва ли. От решения этого вопроса зависит, продолжать ли мне работу в Брайони-лодж или обратить внимание на квартиру того джентльмена в Темпле. Этот вопрос очень щекотлив и расширяет поле моих розысков… Боюсь, Уотсон, что надоедаю вам этими подробностями, но, чтобы вы поняли всю ситуацию, я должен открыть вам мои мелкие затруднения.

– Я внимательно слежу за вашим рассказом, – ответил я.

– Я все еще взвешивал в уме это дело, когда к Брайони-лодж подкатил изящный экипаж и из него выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, усатый, смуглый, с орлиным носом. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. По-видимому, он очень спешил и был крайне взволнован. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь, с видом человека, который чувствует себя в этом доме хозяином.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкует о чем-то и размахивает руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните, как дьявол! – крикнул он кучеру. – Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви Святой Моники на Эджвер-роуд. Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Они умчались, а я как раз соображал, не последовать ли мне за ними, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо[57]. Пальто на кучере было полузастегнуто, узел галстука торчал под самым ухом, а ремни упряжи выскочили из пряжек. Кучер едва успел остановить лошадей, как Ирэн выпорхнула из дверей виллы и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но а этого было довольно: очень миловидная женщина с таким лицом, в которое мужчины влюбляются до смерти. «Церковь Святой Моники, Джон! – крикнула она. – Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Это был случай, которого нельзя было упустить, Уотсон. Я уже начал раздумывать, что лучше: бежать за ней вслед или прицепиться к задку ландо, как вдруг на улице показался кэб. Кучер дважды посмотрел на такого неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо

возразить. «Церковь Святой Моники, – сказал я, – и полгинеи, если вы доедете за двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, конечно, нетрудно было догадаться, в чем дело.

Мой кэб мчался стрелой. Не думаю, чтобы когда-нибудь я ехал быстрее, но экипаж и ландо со взмыленными лошадьми уже стояли у входа в церковь. Я рассчитался с кучером и взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника, который, по-видимому, обращался к ним с какими-то упреками. Все трое стояли перед алтарем. Я стал бродить по боковому приделу, как праздношатающийся, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, те трое обернулись ко мне, и Годфри Нортон со всех ног бросился в мою сторону.

«Слава богу! – закричал он. – Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» – спросил я.

«Идите, идите, добрый человек, всего три минуты!»

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, еще не успев опомниться, я бормотал ответы, которые мне шептали в ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще помогал бракосочетанию Ирэн Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все это совершилось в одну минуту, и вот джентльмен благодарит меня с одной стороны, леди – с другой, а священник так и сияет улыбкой. Это было самое нелепое положение, в каком я когда-либо находился; воспоминание о нем и заставило меня сейчас хохотать. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания, если не будет свидетеля. Мое удачное появление в церкви избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста дала мне гинею, и я собираюсь носить эту монету на часовой цепочке как память о своем приключении.

– Дело приняло весьма неожиданный оборот, – сказал я. – Что же будет дальше?

– Ну, я понял, что мои планы под серьезной угрозой. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и потому с моей стороны требовались быстрые и энергичные действия. Однако у дверей церкви они расстались: он уехал в Темпл, она – к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как всегда, в пять часов», – сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не слыхал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы взяться за свои приготовления.

– В чем они заключаются?

– Немного холодного мяса и стакан пива, – ответил Холмс, дергая колокольчик. – Я был слишком занят и совершенно забыл о еде. Вероятно, сегодня вечером у меня будет еще больше хлопот. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

– Буду очень рад.

– Вы не боитесь нарушать законы?

– Ничуть.

– И опасность ареста вас не пугает?

– Ради хорошего дела готов и на это.

– О, дело великолепное!

– В таком случае я к вашим услугам.

– Я был уверен, что могу на вас положиться.

– Но что вы задумали?

– Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню… Теперь, – сказал он, жадно накидываясь на скромную пищу, приготовленную экономкой, – я должен во время еды обсудить с вами все дело, потому что времени у меня осталось мало. Сейчас без малого пять часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирэн, или, скорее, миссис, возвращается со своей прогулки в семь часов. Мы должны быть у Брайони-лодж, чтобы встретить ее.

– Что же дальше?

– А это предоставьте мне. Я уже подготовил то, что должно произойти. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось – не вмешивайтесь. Вы понимаете?

– Я должен быть нейтрален?

– Вот именно. Не делать ничего. Вероятно, получится небольшая неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня отнесут в дом. Через четыре или пять минут откроют окно гостиной. Вы должны стать поближе к этому открытому окну.

– Хорошо.

– Вы должны наблюдать за мною, потому что я буду у вас на виду.

– Хорошо.

– И когда я подниму руку – вот так, – вы бросите в комнату то, что я вам дам для этой цели, и в то же время закричите: «Пожар!» Вы меня понимаете?

– Вполне.

– Тут ничего нет опасного, – сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. – Это обыкновенная дымовая ракета, снабженная с обоих концов капсюлем, чтобы она сама собою воспламенялась. Вся ваша работа

сводится к этому. Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик будет подхвачен множеством людей, после чего вы можете дойти до конца улицы, а я нагоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

– Я должен оставаться нейтральным, подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по вашему сигналу бросить в окно этот предмет, затем поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу улицы.

– Совершенно верно.

– Можете на меня положиться.

– Ну, и отлично. Пожалуй, мне пора уже начать подготовку к новой роли, которую придется сегодня играть.

Он скрылся в спальне и через несколько минут появился в виде любезного, простоватого священника. Его широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, привлекательная улыбка и общее выражение благожелательного любопытства были бесподобны. Дело не только в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, самая душа, казалось, изменялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Сцена потеряла в его лице прекрасного актера, а наука – тонкого мыслителя, когда он стал специалистом по расследованию преступлений.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и до назначенного часа оставалось десять минут, когда мы оказались на Серпантайн-авеню. Уже смеркалось, на улице только что зажглись фонари, и мы принялись расхаживать мимо Брайони-лодж, поджидая возвращения его обитателей. Дом был как раз такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но местность оказалась далеко не такой безлюдной, как я ожидал. Наоборот: эта маленькая тихая улица на окраине города буквально кишела народом. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, тут же был точильщик со своим колесом, два гвардейца, флиртовавших с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей, расхаживавших взад и вперед с сигарами во рту.

– Видите ли, – заметил Холмс, когда мы бродили перед домом, – эта свадьба значительно упрощает все дело. Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, что Ирэн так же не хочется, чтобы фотографию увидел мистер Годфри Нортон, как не хочется нашему клиенту, чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос теперь в том, где мы найдем фотографию.

– Действительно, где?

– Совершенно невероятно, чтобы Ирэн носила ее при себе. Фотография кабинетного формата слишком велика, и ее не спрятать под женским

платьем. Ирэн знает, что король способен заманить ее куда-нибудь и обыскать. Две попытки такого рода уже были сделаны. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

– Ну, а где же она ее хранит?

– У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по своей природе склонны к таинственности и любят окружать себя секретами. Зачем ей посвящать в свой секрет кого-нибудь другого? Она могла положиться на собственное умение хранить вещи, но вряд ли у нее была уверенность, что деловой человек, если она вверит ему свою тайну, сможет устоять против политического или какого-нибудь иного влияния. Кроме того, вспомните, что она решила пустить в ход фотоснимок в ближайшие дни. Для этого нужно держать его под рукой. Фотоснимок должен быть в ее собственном доме.

– Но два раза взломщики перерыли дом.

– Чепуха! Они не знали, как надо искать.

– А как вы будете искать?

– Я не буду искать.

– А как же иначе?

– Я сделаю так, что Ирэн покажет его мне сама.

– Она откажется.

– В том-то и дело, что ей это не удастся… Но, я слышу, стучат колеса. Это ее карета. Теперь в точности выполняйте мои указания.

В эту минуту свет боковых фонарей кареты показался на повороте, нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайони-лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился открывать дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили оба гвардейца, ставшие на сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение леди, вышедшая из экипажа, оказалась в свалке разгоряченных, дерущихся людей, которые дико лупили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить леди. Но, пробившись к ней, он вдруг испустил крик и упал на землю с залитым кровью лицом. Когда он упал, солдаты бросились бежать в одну сторону, оборванцы – в другую. Несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, подбежали, чтобы защитить леди и оказать помощь раненому. Ирэн Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала по ступенькам, но остановилась на площадке и стала

смотреть на улицу; ее великолепная фигура выделялась на фоне освещенной гостиной.

– Бедный джентльмен сильно ранен? – спросила она.

– Он умер, – ответило несколько голосов.

– Нет, нет, он еще жив! – крикнул кто-то. – Но он умрет раньше, чем вы его довезете до больницы.

– Вот смелый человек! – сказала какая-то женщина. – Если бы не он, они отобрали бы у леди и кошелек и часы. Их тут целая шайка и очень опасная. А-а, он стал дышать!

– Ему нельзя лежать на улице… Вы позволите перенести его в дом, мадам?

– Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайони-лодж и уложили в гостиной, между тем как я все еще наблюдал за происходившим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы не были опущены, так что я мог видеть Холмса, лежащего на диване. Не знаю, упрекала ли его совесть за то, что он играл такую роль, – я же ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, ухаживала с такой добротой и лаской за раненым. И все же было бы черной изменой, если бы я не выполнил поручения Холмса. С тяжелым сердцем я достал из-под моего пальто дымовую ракету. «В конце концов, – подумал я, – мы не причиняем ей вреда, мы только мешаем ей повредить другому человеку».

Холмс приподнялся на диване, и я увидел, что он делает движения, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась к окну и широко распахнула его. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату ракету и крикнул: «Пожар!» Едва это слово успело слететь с моих уст, как его подхватила вся толпа. Хорошо и плохо одетые джентльмены, конюхи и служанки – все завопили в один голос: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, за окном, мечутся люди; мгновением позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Проталкиваясь сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут, к моей радости, меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Некоторое время он шел быстро и не проронил ни единого слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджвер-роуд.

– Вы очень ловко это проделали, доктор, – заметил Холмс. – Как нельзя

лучше. Все в порядке.

– Достали фотографию?

– Я знаю, где она спрятана.

– А как вы узнали?

– Ирэн мне сама показала, как я вам предсказывал.

– Я все же ничего не понимаю.

– Я не делаю из этого никакой тайны, – сказал он, смеясь. – Все было очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице были моими сообщниками. Все они были наняты мною.

– Об этом-то я догадался.

– В руке у меня было немного влажной красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал окровавленный… Старый прием.

– Это я тоже смекнул…

– Они вносят меня в дом. Ирэн Адлер вынуждена принять меня, что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне. Я твердо решил выяснить, где именно. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха. Они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

– А что вы от этого выиграли?

– Очень много. Когда женщина думает, что у нее в доме пожар, инстинкт заставляет ее спасать то, что ей всего дороже. Это самый властный импульс, и я не раз извлекал из него пользу. В случае дарлингтоновского скандала я использовал его, также и в деле с арнсворским дворцом. Замужняя женщина спасает ребенка, незамужняя – шкатулку с драгоценностями. Теперь мне ясно, что для нашей леди в доме нет ничего дороже того, что мы ищем. Она бросилась спасать именно это. Пожарная тревога была отлично разыграна. Дыма и крика было достаточно, чтобы потрясти стальные нервы. Ирэн поступила точно так, как я ждал. Фотография находится в тайничке, за выдвижной дощечкой, как раз над шнурком от звонка. Ирэн в одно мгновение очутилась там, и я даже увидел краешек фотографии, когда она наполовину вытащила ее. Когда же я закричал, что это ложная тревога, Ирэн положила фотографию обратно, глянула мельком на ракету, выбежала из комнаты, и после этого я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось сразу достать фотографию, но в комнату вошел кучер и начал зорко следить за мною, так что мне поневоле пришлось отложить свой налет до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

– Ну, а дальше? – спросил я.

– Практически наши розыски закончены. Завтра я приду к Ирэн Адлер с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, леди не найдет ни нас, ни фотографии. Возможно, что его величеству будет приятно своими собственными руками достать фотографию.

– А когда вы отправитесь туда?

– В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что нам обеспечена полная свобода действий. Кроме того, надо действовать быстро, потому что брак может полностью изменить ее быт и ее привычки. Я должен немедленно послать королю телеграмму.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей нашего дома. Холмс искал в карманах свой ключ, когда какой-то прохожий сказал:

– Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от проходившего мимо стройного юноши в длинном пальто.

– Я где-то уже слышал этот голос, – сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, – но не понимаю, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

Эту ночь я спал на Бейкер-стрит. Мы сидели утром за кофе с гренками, когда в комнату стремительно вошел король Богемии.

– Вы действительно добыли фотографию? – воскликнул он, обнимая Шерлока Холмса за плечи и весело глядя ему в лицо.

– Нет еще.

– Но вы надеетесь ее достать?

– Надеюсь.

– В таком случае идемте! Я сгораю от нетерпения.

– Нам нужна карета.

– Мой экипаж у дверей.

– Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайони-лодж.

– Ирэн Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.

– Замуж? Когда?

– Вчера.

– За кого?

– За английского адвоката по имени Нортон.

– Но она, конечно, не любит его?

– Надеюсь, что любит.

– Почему вы надеетесь?

– Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если леди любит своего мужа, значит, она не любит ваше величество, и тогда у нее нет основания мешать планам вашего величества.

– Верно, верно. И все же… О, как я хотел бы, чтобы она была одного ранга со мною! Какая бы это была королева!

Он погрузился в угрюмое молчание, которого не прерывал, пока мы не выехали на Серпантайн-авеню.

Двери виллы Брайони-лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с какой-то странной иронией смотрела на нас, пока мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

– Да, я Шерлок Холмс, – ответил мой друг, смотря на нее вопрошающим и удивленным взглядом.

– Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром, в пять часов пятнадцать минут, она уехала со своим мужем на континент с Черинг-кросского вокзала.

– Что?! – Шерлок Холмс отшатнулся назад, бледный от огорчения и неожиданности. – Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

– Да. Навсегда.

– А бумаги? – хрипло спросил король. – Все потеряно!

– Посмотрим! – Холмс быстро прошел мимо служанки и бросился в гостиную.

Мы с королем следовали за ним. Вся мебель в комнате была беспорядочно сдвинута, полки стояли пустые, ящики были раскрыты – видно, хозяйка второпях рылась в них, перед тем как пуститься в бегство.

Холмс бросился к шнурку звонка, отодвинул маленькую выдвижную планку и, засунув в тайничок руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирэн Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу. Вручить ему, когда он придет».

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое принялись читать письмо. Оно было датировано минувшей ночью, и вот что было в нем написано:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли. На первых порах я отнеслась к вам с доверием. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, как выдала себя, я не могла не задуматься. Уже несколько месяцев назад меня предупредили, что если король

решит прибегнуть к агенту, он, конечно, обратится к вам. Мне дали ваш адрес. И все же вы заставили меня открыть то, что вы хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, я не хотела дурно думать о таком милом, добром, старом священнике… Но вы знаете, я сама была актрисой. Мужской костюм для меня не новость. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Я послала кучера Джона следить за вами, а сама побежала наверх, надела мой костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз, как раз когда вы уходили. Я следовала за вами до ваших дверей и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл, к мужу.

Мы решили, что, поскольку нас преследует такой сильный противник, лучшим спасением будет бегство. И вот, явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю человека, который лучше его. Человек этот любит меня. Король может делать все, что ему угодно, не опасаясь препятствий со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраняю у себя фотографию только ради моей безопасности, ради того, чтобы у меня осталось оружие, которое защитит меня в будущем от любых враждебных шагов короля. Я оставляю здесь другую фотографию, которую ему, может быть, будет приятно сохранить у себя, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданная вам Ирэн Нортон, урожденная Адлер».

– Что за женщина, о, что за женщина! – воскликнул король Богемии, когда мы все трое прочитали это послание. – Разве я не говорил вам, что она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Разве не жаль, что она не одного ранга со мной?

– Насколько я узнал эту леди, мне кажется, что она действительно совсем другого уровня, чем ваше величество, – холодно сказал Холмс. – Я сожалею, что не мог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

– Наоборот, дорогой сэр! – воскликнул король. – Большей удачи не может быть. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь так же безопасна, как если бы она была сожжена.

– Я рад слышать это от вашего величества.

– Я бесконечно обязан вам. Пожалуйста, скажите мне, как я могу

вознаградить вас? Это кольцо…

Он снял с пальца изумрудное кольцо и поднес его на ладони Холмсу.

– У вашего величества есть нечто еще более ценное для меня, – сказал Холмс.

– Вам стоит только указать.

– Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

– Фотография Ирэн?! – воскликнул он. – Пожалуйста, если она вам нужна.

– Благодарю, ваше величество. В таком случае с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам всего лучшего.

Холмс поклонился и, не замечая руки, протянутой ему королем, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился очень громкий скандал и как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были разрушены мудростью женщины. Холмс вечно подшучивал над женским умом, но за последнее время я уже не слышу его издевательств. И когда он говорит об Ирэн Адлер или вспоминает ее фотографию, то всегда произносит, как почетный титул: «Эта Женщина».

Союз рыжих

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон, – приветливо проговорил он.

– Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

– Да, я занят. И даже очень.

– Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

– Нет, нет… Мистер Уилсон, – сказал он, обращаясь к толстяку, – этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

– Садитесь сюда, на диван, – сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

– Я знаю, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения… причем по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

– Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными, – возразил я.

– Не далее как вчера я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

– Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

– И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон.

Обстановка, где она произошла, совершенно заурядная и будничная, а между тем мне сдается, что за всю свою жизнь я не слыхал более чудесной истории… Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал рассказ с начала до конца, но и для того, чтобы мне самому не упустить ни малейшей подробности. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти. Но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего я никогда не слыхал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробегал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его и пытался, подражая Шерлоку Холмсу, угадать по его одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель – самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Брюки у него были мешковатые, серые, в клетку. Его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Его поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От проницательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие.

– Конечно, для всякого ясно, – сказал он с улыбкой, – что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон[58], что он был в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не мог отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон вскочил с кресла и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

– Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? – спросил он. – Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начал свою карьеру корабельным плотником.

– Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая

рука больше левой. Вы работали ею, и мускулы на ней сильнее развиты.

– А нюханье табаку? А франкмасонство?

– О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы, вопреки строгому уставу вашего общества, носите запонку с изображением дуги и окружности[59].

– Ах да! Я и забыл про нее… Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

– О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

– А Китай?

– Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучал татуировки, и мне приходилось даже писать о них научные статьи. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом свойствен одному лишь Китаю. Увидев китайскую монетку на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

– Вот оно что! – сказал он. – Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

– Я думаю, Уотсон, – сказал Холмс, – что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «*Omne ignotum pro magnifico*»[60], и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен… Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

– Нашел, – ответил тот, держа толстый красный палец в центре газетного столбца. – Вот оно. С этого все и началось. Прочтите его сами, сэр.

Я взял газету и прочел:

СОЮЗ РЫЖИХ

Во исполнение завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США), ОТКРЫТА новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалованье – *четыре фунта стерлингов* в неделю за чисто номинальную работу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флит-стрит, Попс-корт, 7.

– Что это, черт побери, может означать? – воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовольствие.

– Не слишком заурядное объявление, как по-вашему, а? – сказал он. – Ну, мистер Уилсон, продолжайте вашу повесть и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

– «Утренняя хроника». 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

– Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

– Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс, – сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб, – у меня есть маленькая ссудная касса на Сэкс-Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов с него хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двух помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье, чтобы иметь возможность изучить мое дело.

– Как зовут этого услужливого юношу? – спросил Шерлок Холмс.

– Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы обойтись без меня и зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем же я стану внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

– В самом деле, зачем? Вам, я вижу, очень повезло: у вас есть помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встречаются в наше время такие бескорыстные служащие.

– О, у моего помощника есть свои недостатки! – сказал мистер Уилсон. – Я никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. Но в остальном он хороший работник.

– Надеюсь, он и теперь еще служит у вас?

– Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого у меня нет, я вдовец и к тому же бездетный. Мы трое живем очень тихо, сэр, поддерживаем огонь в очаге и платим по счетам – вот и все наши заслуги… Это объявление выбило нас из колеи, – продолжал мистер Уилсон. – Сегодня исполнилось как раз

восемь недель с того дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал:

«Хотел бы я, мистер Уилсон, чтобы господь создал меня рыжим».

«Почему?» – спрашиваю я.

«Да вот, – говорит он, – открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тому, кто займет ее, она даст недурные доходы. Там, похоже, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают себе голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, я непременно воспользовался бы этим выгодным местом».

«Что это за Союз рыжих?» – спросил я.

Видите ли, мистер Холмс, я большой домосед, и так как мне не приходится бегать за клиентами, клиенты сами приходят ко мне, я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад услышать что-нибудь новенькое…

«Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих?» – спросил Сполдинг, широко раскрыв глаза.

«Никогда».

«Это очень меня удивляет, так как вы один из тех, что имеет право занять вакансию».

«А много ли это может дать?» – спросил я.

«Около двухсот фунтов стерлингов в год, не больше, но работа пустяковая и притом такая, что не мешает человеку заниматься любым другим делом».

Понятно, я насторожил уши, так как предприятие мое за последнее время давало очень мало дохода и лишние двести фунтов в год были мне очень кстати.

«Расскажите мне все, что вы знаете об этом Союзе», – сказал я.

«Как вы видите сами, – ответил Сполдинг, показывая мне объявление, – в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за справкой, если хотите узнать все подробности. Насколько мне известно, этот Союз был основан американским миллионером Иезекией Хопкинсом, большим чудаком. Он сам был огненно-рыжий и сочувствовал всем рыжим на свете. Умирая, он оставил своим душеприказчикам огромную сумму и завещал употребить ее на облегчение участи тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Мне говорили, что этим счастливцам платят превосходное жалованье, а работы не требуют с них почти никакой».

«Но ведь рыжих миллионы, – сказал я, – и каждый пожелает занять это

вакантное место».

«Не так много, как вам кажется, – ответил он. – Объявление, как видите, обращено только к лондонцам и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал, в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие, – там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, вам нужно только пройтись до конторы Союза рыжих. Но имеет ли для вас смысл отвлекаться от вашего основного занятия ради нескольких сот фунтов?..»

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, у меня настоящие ярко-рыжие волосы огненно-красного оттенка, и мне казалось, что, если дело дойдет до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс занять освободившуюся вакансию. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог принести мне большую пользу, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и велел ему сопровождать меня в помещение Союза. Он очень обрадовался, что сегодня ему не придется работать, и мы, закрыв контору, отправились по адресу, указанному в объявлении.

Я увидел зрелище, мистер Холмс, какого мне никогда больше не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада все люди, в волосах которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета, устремились в Сити. Вся Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Здесь были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, оттенок ирландских сеттеров, оттенок желчи, оттенок глины; но, как и указал Сполдинг, голов настоящего – живого, яркого, огненного цвета тут было очень немного. Все же, увидев такую толпу, я пришел в отчаяние. Сполдинг не растерялся. Не знаю, как это ему удалось, но он проталкивался и протискивался с таким усердием, что сумел провести меня сквозь толпу, и мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе…

– Замечательно интересная с вами случилась история! – сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку. – Пожалуйста, продолжайте.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев

и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из кандидатов, по мере того как они подходили к столу, и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда мы, в свою очередь, подошли к столу, маленький человечек встретил меня гораздо приветливее, чем остальных кандидатов, и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

«Это мистер Джабез Уилсон, – сказал мой помощник. – Он хотел бы занять вакансию в Союзе».

«И он вполне достоин того, чтобы занять ее, – ответил человечек. – Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!»

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

«Было бы несправедливостью с моей стороны медлить, – сказал он. – Однако, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности».

Он вцепился в мои волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

«У вас на глазах слезы, – сказал он, отпуская меня. – Значит, все в порядке. Извините, нам приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз – с помощью краски. Я мог бы рассказать вам о таких бесчестных проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям».

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия уже занята. Стон разочарования донесся снизу, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро во всей этой местности не осталось ни одного рыжего, кроме меня и того человека, который меня нанимал.

«Меня зовут мистер Дункан Росс, – сказал он, – и я тоже получаю пенсию из того фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что я бездетный вдовец. На лице у него появилось выражение скорби.

«Боже мой! – мрачно сказал он. – Да ведь это серьезнейшее препятствие! Как мне грустно, что вы не женаты! Фонд был создан для размножения и распространения рыжих, а не только для поддержания их жизни. Какое несчастье, что вы оказались холостяком!»

При этих словах мое лицо вытянулось, мистер Холмс, так как я стал

опасаться, что меня не возьмут; но, подумав, он заявил, что все обойдется:

«Ради всякого другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Это несколько затруднительно, так как я занят в другом деле», – сказал я.

«Не беспокойтесь об этом, мистер Уилсон! – сказал Винсент Сполдинг. – С той работой я справлюсь и без вас».

«В какие часы я буду занят?» – спросил я.

«От десяти до двух».

Так как в ссудных кассах главная работа происходит по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я решил, что недурно будет заработать кое-что в утренние часы. Тем более что помощник мой – человек надежный и вполне может меня заменить, если нужно.

«Эти часы мне подходят, – сказал я. – А какое вы платите жалованье?»

«Четыре фунта в неделю».

«А в чем заключается работа?».

«Работа чисто номинальная».

«Что вы называете чисто номинальной работой?»

«Все назначенное для работы время вам придется находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где помещается наша контора. Если вы хоть раз уйдете в рабочие часы, вы потеряете службу навсегда. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Будет считаться, что вы не исполнили наших требований, если вы хоть раз покинете контору в часы работы».

«Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет покидать контору», – сказал я.

«Это очень важно, – настаивал мистер Дункан Росс. – Потом мы никаких извинений и слушать не станем. Никакие болезни, никакие дела не будут служить оправданием. Вы должны находиться в конторе – или вы теряете службу».

«А в чем все-таки заключается работа?»

«Вам придется переписывать Британскую энциклопедию. Первый том – в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достанете сами; мы же даем вам стол и стул. Можете ли вы приступить к работе завтра?»

«Конечно», – ответил я.

«В таком случае до свиданья, мистер Джабез Уилсон. Позвольте мне еще раз поздравить вас с тем, что вам удалось получить такое хорошее

место».

Он кивнул мне. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, радуясь своей необыкновенной удаче. Весь день я размышлял об этом происшествии и к вечеру несколько упал духом, так как мне стало казаться, что все это дело – просто мошенничество, хотя мне никак не удавалось отгадать, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось невероятным, что существует такое завещание и что люди согласны платить такие большие деньги за переписку Британской энциклопедии. Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром мне пришло в голову, что следует хотя бы сходить туда на всякий случай. Купив на пенни чернил, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был уже приготовлен для моей работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел; однако время от времени он возвращался в контору, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалил меня за то, что я успел так много переписать, и запер за мной дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мой хозяин выложил передо мной на стол четыре золотых соверена – плату за неделю. Так прошла и вторая неделя и третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и ровно в два уходил. Мало-помалу мистер Дункан Росс начал заходить в контору только по утрам, а со временем и вовсе перестал туда наведываться. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как не мог быть уверен, что он не придет, и не хотел рисковать такой выгодной службой.

Прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени перейти к букве «Б». У меня ушло очень много бумаги, и написанное мною уже едва помещалось на полке. Но вдруг все разом кончилось.

– Кончилось?

– Да, сэр. Сегодня утром. Я пошел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит гвоздиком клочок картона. Вот он, читайте сами.

Он протянул нам картон величиною с листок блокнота. На картоне было написано:

Союз Рыжих

распущен 1 октября 1890 года

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали и краткую эту записку и унылое лицо Джабеза Уилсона; наконец смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное: не удержавшись, мы захохотали.

– Я не вижу здесь ничего смешного! – крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней своих жгучих волос. – Если вы, вместо того чтобы помочь мне, собираетесь смеяться надо мной, я обращусь за помощью к кому-нибудь другому!

– Нет, нет! – воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло. – С вашим делом я не расстанусь ни за что на свете. Оно буквально освежает мне душу своей новизной. Но в нем, простите меня, все же есть что-то забавное… Что же предприняли вы, найдя эту записку на дверях?

– Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец, я отправился к хозяину дома, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слыхал о такой организации. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что это имя он слышит впервые.

«Я говорю, – сказал я, – о джентльмене, который снимал у вас квартиру номер четыре».

«О рыжем?»

«Да».

«Его зовут Уильям Моррис. Он юрист, снимал у меня помещение временно – его постоянная контора была в ремонте. Вчера выехал».

«Где его можно найти?»

«В его постоянной конторе. Он оставил свой адрес. Вот: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора Святого Павла».

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская; в ней никто никогда не слыхал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– Что же вы предприняли тогда? – спросил Холмс.

– Я вернулся домой на Сэкс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Он ничем не мог мне помочь. Он сказал, что следует подождать и что, вероятно, мне сообщат что-нибудь по почте. Но меня это не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу уступать такое отличное место без боя, и, так как я слыхал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, я отправился прямо к вам.

– И правильно поступили, – сказал Холмс. – Ваш случай –

замечательный случай, и я счастлив, что имею возможность заняться им. Выслушав вас, я прихожу к заключению, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Уж чего серьезнее! – сказал мистер Джабез Уилсон. – Я лишился четырех фунтов в неделю.

– Если говорить о вас лично, – сказал Холмс, – вряд ли вы можете жаловаться на этот необычайный Союз. Напротив, вы, насколько я понимаю, стали благодаря ему богаче фунтов на тридцать, не говоря уже о том, что вы приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

– Не спорю, все это так, сэр. Но мне хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это была шутка. Забава обошлась им довольно дорого: они заплатили за нее тридцать два фунта.

– Мы попытаемся все это выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник… тот, что показал вам объявление?

– К тому времени он служил у меня около месяца.

– Где вы нашли его?

– Он явился ко мне по моему объявлению в газете.

– Только он один откликнулся на ваше объявление?

– Нет, откликнулось человек десять.

– Почему вы выбрали именно его?

– Потому что он разбитной и дешевый.

– Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?

– Да.

– Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?

– Маленький, коренастый, очень живой. Ни одного волоска на лице, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятнышко от ожога кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

– Я так и думал! – сказал он. – А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

– Заметил, сэр. Он объяснил мне, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был маленький.

– Гм! – произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. – Он до сих пор у вас?

– О да, сэр, я только что видел его.

– Он хорошо справлялся с вашими делами, когда вас не было дома?

– Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в моей ссудной кассе почти нечего делать.

– Довольно, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие сообщить вам, что я думаю об этом происшествии. Сегодня суббота… Надеюсь, в понедельник мы все уже будем знать.

– Ну, Уотсон, – сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, – что вы обо всем этом думаете?

– Ничего не думаю, – ответил я откровенно. – Дело это представляется мне совершенно таинственным.

– Общее правило таково, – сказал Холмс, – чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее всего разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем нужно покончить как можно скорее.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Эта задача как раз на три трубки, и я прошу вас минут десять не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я пришел к заключению, что он заснул, и сам уже начал дремать, как вдруг он вскочил с видом человека, принявшего твердое решение, и положил свою трубку на камин.

– Сарасате[61] играет сегодня в Сент-Джемс-холле, – сказал он. – Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

– Сегодня я свободен. Моя практика отнимает у меня не слишком много времени.

– В таком случае надевайте шляпу и идем. Раньше всего мне нужно в Сити. Где-нибудь по дороге закусим.

Мы доехали в метро до Олдерсгэйта, оттуда прошли пешком до Сэкс-Кобург-сквер, где совершились все те события, о которых нам рассказывали утром.

Сэкс-Кобург-сквер – маленькая сонная площадь с жалкими претензиями на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом.

Три позолоченных шара и висящая на углу коричневая вывеска с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь находится предприятие нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью, устремил на нее глаза, ярко блестевшие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, потом возвратился к углу, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стрэнд.

– Третий поворот направо, четвертый налево, – мгновенно ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

– Ловкий малый! – заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице. – Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

– Видимо, – сказал я, – помощник мистера Уилсона играет немалую роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– На что же?

– На его колени.

– И что вы увидели?

– То, что ожидал увидеть.

– А зачем вы стучали по камням мостовой?

– Милейший доктор, сейчас время для наблюдений, а не для разговоров. Мы – разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сэкс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с той стороны.

Разница между Сэкс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом проходила одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками вправо и влево, а на тротуарах чернели рои пешеходов. Глядя на ряды прекрасных магазинов и роскошных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится такая убогая, безлюдная площадь.

– Позвольте мне вдоволь насмотреться, – сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим. – Я хочу

запомнить порядок зданий. Изучение Лондона – моя страсть… Сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, затем вегетарианский ресторан, затем каретное депо Макферлена. А там уже следующий квартал… Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного поразвлечься: бутерброд, чашка кофе и – в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой; он был не только очень способный исполнитель, но и незаурядный композитор. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке: его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов. Его удивительный характер слагался из двух начал.

Мне часто приходило в голову, что его потрясающая своей точностью проницательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии. Мне хорошо было известно, с каким бездумным спокойствием отдавался он по вечерам своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним в Сент-Джемс-холле и видя, с какой полнотой душа его отдается музыке, я чувствовал, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

– Вы, доктор, собираетесь, конечно, идти домой, – сказал он, когда концерт кончился.

– Домой, понятно.

– А мне предстоит еще одно дело, которое отнимет у меня три-четыре часа. Это происшествие на Кобург-сквер – очень серьезная штука.

– Серьезная?

– Там готовится крупное преступление. У меня есть все основания думать, что мы еще успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Вечером мне может понадобиться ваша помощь.

– В котором часу?

– Часов в десять, не раньше.

– Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

– Отлично. Имейте в виду, доктор, что дело будет опасное. Суньте

в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, я видел то же самое, что видел он, однако, судя по его словам, он знает и понимает не только то, что случилось, но и то, что случится, мне же все это дело по-прежнему представляется непонятной нелепостью.

По дороге домой я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика Британской энциклопедии, и наше посещение Сэкс-Кобург-сквер, и те зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Что означает эта ночная экспедиция и для чего нужно, чтобы я пришел вооруженным? Куда мы отправимся с ним и что предстоит нам делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник владельца ссудной кассы весьма опасный человек, способный на большие преступления.

Я изо всех сил пытался разгадать эти загадки, но ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя по Гайд-парку, по Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кэба, и, войдя в прихожую, я услышал шум голосов. Я застал у Холмса двух человек. Холмс оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал – это был Питер Джонс, официальный агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

– А, вот мы и в сборе! – сказал Холмс, застегивая матросскую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью. – Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда? Позвольте вас представить мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер тоже примет участие в нашем ночном приключении.

– Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе, – сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом. – Наш друг – бесценный человек. Но в самом начале охоты ему нужна для преследования зверя помощь старого гончего пса.

– Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку, – угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

– Можете вполне положиться на мистера Холмса, сэр, – покровительственно проговорил агент полиции. – У него свои собственные любимые методы, которые, позволю себе заметить, несколько отвлеченны

и фантастичны, но тем не менее дают отличные результаты. Нужно признать, что бывали случаи, когда он оказывался прав, а официальная полиция ошибалась.

– Раз уж вы так говорите, мистер Джонс, значит, все в порядке, – снисходительно сказал незнакомец. – И все же, признаться, мне жаль, что сегодня не придется сыграть мою обычную партию в роббер. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

– В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх, – сказал Шерлок Холмс, – и самая игра увлекательнее. Ваша ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс, – человек, которого вы давно хотите поймать.

– Джон Клей – убийца, вор, взломщик и мошенник, – сказал Джонс. – Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но это искуснейший вор в стране: ни на кого другого я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Он замечательный человек, этот Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде[62]. Мозг его так же изощрен, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу натыкаемся на его следы, он до сих пор остается неуловимым. На этой неделе он обворует кого-нибудь в Шотландии, а на следующей он уже собирает деньги на постройку детского приюта в Корнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

– Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два натыкаться на подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что он искуснейший вор в стране… Уже одиннадцатый час, и нам пора двигаться в путь. Вы двое поезжайте в первом кэбе, а мы с Уотсоном поедем во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел откинувшись и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечной путанице освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингдон-стрит.

– Теперь мы совсем близко, – сказал мой приятель. – Мерриуэзер – директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и цепок, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит… Мы приехали. Вот и они.

Мы снова остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером

Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер для нас. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий. В конце коридора были массивные железные двери. Открыв эти двери, мы спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, чтобы зажечь фонарь, и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном склепе или погребе, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

– Сверху проникнуть сюда не так-то легко, – заметил Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

– Снизу тоже, – сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол. – Черт побери, звук такой, будто там пустота! – воскликнул он с изумлением.

– Я вынужден просить вас не шуметь, – сердито сказал Холмс. – Из-за вас вся наша экспедиция может закончиться крахом. Будьте любезны, сядьте на один из этих ящиков и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

– У нас впереди по крайней мере час, – заметил он, – так как они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный владелец ссудной кассы заснет. А когда он заснет, они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они окончат работу, тем больше времени у них останется для бегства… Мы находимся, доктор, – как вы, без сомнения, уже догадались, – в подвалах отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер – председатель правления банка; он объяснит нам, что заставляет наиболее дерзких преступников именно в настоящее время с особым вниманием относиться к этим подвалам.

– Мы храним здесь наше французское золото, – шепотом сказал директор. – Мы уже имели ряд предупреждений, что будет совершена попытка похитить его.

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев назад нам понадобились дополнительные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров[63] у банка Франции. Но нам даже не пришлось распаковывать эти деньги, и они до сих пор лежат в наших подвалах. Корзина, на которой я сижу, содержит две тысячи наполеондоров, уложенных между листами свинцовой бумаги. Редко

в одном отделении банка хранят столько золота, сколько хранится у нас в настоящее время. Каким-то образом это стало известно многим, и это заставляет директоров беспокоиться.

– У них есть все основания для беспокойства, – заметил Холмс. – Ну, нам пора приготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, закрыть этот фонарь чем-нибудь темным…

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, чтобы вы могли сыграть свою партию в роббер, так как нас здесь четверо. Но я вижу, что приготовления врага зашли очень далеко и что оставить здесь свет было бы рискованно. Кроме того, нам нужно поменяться местами. Они смелые люди и, хотя мы нападем на них внезапно, могут причинить нам немало вреда, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за теми. Когда я направлю на грабителей свет, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте в них без колебания.

Я положил свой заряженный револьвер на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ящиком. Холмс накрыл фонарь и оставил нас в полнейшей тьме. Запах нагретого металла напоминал нам, что фонарь не погашен и что свет готов вспыхнуть в любое мгновение. Мои нервы, напряженные от ожидания, были подавлены этой внезапной тьмой, этой холодной сыростью подземелья.

– Для бегства у них есть только один путь – обратно, через дом на Сэкс-Кобург-сквер, – прошептал Холмс. – Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

– Инспектор и два офицера ждут их у парадного входа.

– Значит, мы заткнули все дыры. Теперь нам остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! В сущности, прошел всего час с четвертью, но мне казалось, что ночь уже кончилась и наверху рассветает. Ноги у меня устали и затекли, так как я боялся шевельнуться; нервы были натянуты. И вдруг внизу я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра, мелькнувшая в просвете между плитами пола. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом без всякого шума в полу возникло отверстие, и в самой середине освещенного пространства появилась рука – белая, женственная, – которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. В течение минуты эта рука с движущимися пальцами торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через

узенькую щель между двумя плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит перевернулась с резким скрипом, и на ее месте оказалась глубокая квадратная яма, из которой хлынул свет фонаря. Над ямой появилось гладко выбритое мальчишеское лицо; неизвестный зорко глянул во все стороны: две руки уперлись в края отверстия; плечи поднялись из ямы, потом поднялось все туловище; колено уперлось в пол. Через секунду незнакомец уже во весь рост стоял на полу возле ямы и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

– Все в порядке, – прошептал он. – Стамеска и мешки у тебя?.. Черт! Прыгай, Арчи, прыгай, а я уж за себя постою.

Шерлок Холмс схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно: я услышал треск рвущейся материи. Свет блеснул на стволе револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул своего пленника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

– Бесполезно, Джон Клей, – сказал Холмс мягко. – Вы попались.

– Вижу, – ответил тот совершенно спокойно. – Но товарищу моему удалось ускользнуть, и вы поймали только фалду его пиджака.

– Три человека поджидают его за дверями, – сказал Холмс.

– Ах вот как! Чисто сработано! Поздравляю вас.

– А я – вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

– Вы сейчас увидите своего приятеля, – сказал Джонс. – Он шибче умеет нырять в норы, чем я. А теперь я надену на вас наручники.

– Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! – сказал ему наш пленник после того, как наручники были надеты. – Может быть, вам неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте же любезны, обращаясь ко мне, называть меня «сэр» и говорить мне «пожалуйста».

– Отлично, – сказал Джонс, усмехаясь. – Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кэб, который отвезет вашу светлость в полицию.

– Вот так-то лучше, – спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

– Мистер Холмс, – сказал Мерриуэзер, выводя нас из кладовой, – я, право, не знаю, как наш банк может отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшую кражу.

– У меня были свои собственные счеты с мистером Джоном Клеем, –

сказал Холмс. – Расходы я на сегодняшнем деле понес небольшие, и ваш банк, безусловно, возместит их мне, хотя, в сущности, я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих…

– Видите ли, Уотсон, – объяснил мне рано утром Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, – мне с самого начала было ясно, что единственной целью этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания Британской энциклопедии может быть только удаление из дома не слишком умного владельца ссудной кассы на несколько часов ежедневно. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они вполне добились своего. Весь этот план, без сомнения, был подсказан вдохновенному уму Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю служили для Уилсона приманкой, а что значит четыре фунта для них, если они рассчитывали получить тысячи! Они поместили в газете объявление; один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина сходить туда, и оба вместе получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Чуть только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого у него есть основательные причины.

– Но как вы отгадали их замысел?

– Предприятие нашего рыжего клиента – ничтожное, во всей его квартире нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто, находящееся вне его квартиры. Что это может быть? Я вспомнил о страсти помощника к фотографии, о том, что он пользуется этой страстью, чтобы лазить зачем-то в погреб. Погреб! Вот другой конец запутанной нити. Я подробно расспросил Уилсона об этом таинственном помощнике и понял, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он что-то делает в погребе, что-то сложное, так как ему приходится работать там по нескольку часов каждый день в течение двух месяцев. Что же он может там делать? Только одно: рыть подкоп, ведущий в какое-нибудь другое здание. Придя к такому выводу, я захватил вас и отправился познакомиться с тем местом, где все это происходит. Вы были очень удивлены, когда я стукнул тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп – перед фасадом или на задворках. Оказалось, что перед фасадом его не было. Я позвонил. Как я и ожидал, мне открыл помощник. У нас уже бывали с ним кое-какие стычки, но мы

никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я в лицо ему не посмотрел. Я хотел видеть его колени. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты, протерты. Они свидетельствовали о многих часах, проведенных за рытьем подкопа. Оставалось только выяснить, куда он вел свой подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка.

– А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? – спросил я.

– Закрыв контору Союза рыжих, они тем самым давали понять, что больше не нуждаются в отсутствии мистера Джабеза Уилсона, – другими словами, их подкоп готов. Было ясно, что они постараются воспользоваться им поскорее, так как, во-первых, подкоп может быть обнаружен, а во-вторых, золото может быть перевезено в другое место. Суббота им особенно удобна, потому что она предоставляет им для бегства лишние сутки. На основании всех этих соображений я пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

– Ваши рассуждения прекрасны! – воскликнул я в непритворном восторге. – Вы создали такую длинную цепь, и каждое звено в ней безупречно.

– Этот случай спас меня от угнетающей скуки, – проговорил Шерлок Холмс, зевая. – Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь – сплошное усилие избегнуть тоскливого однообразия наших жизненных будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне достигнуть этой цели.

– Вы истинный благодетель человечества, – сказал я.

Холмс пожал плечами:

– Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу. «L'homme c'est rien – l’oeuvre c’est tout»[64], как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд[65].

Пять апельсиновых зернышек

Когда я просматриваю мои заметки о Шерлоке Холмсе за годы от 1882 до 1890-го, я нахожу так много удивительно интересных дел, что просто не знаю, какие выбрать. Однако одни из них уже известны публике из газет, а другие не дают возможности показать во всем блеске те своеобразные качества, которыми мой друг обладал в такой высокой степени. Все же одно из этих дел было так замечательно по своим подробностям и так неожиданно по результатам, что мне хотелось бы рассказать о нем, хотя с ним связаны такие обстоятельства, которые, по всей вероятности, никогда не будут полностью выяснены.

1887 год принес длинный ряд более или менее интересных дел. Все они записаны мною. Среди них – рассказ о «Парадол-Чэмбер», Обществе Нищих-любителей, которое имело роскошный клуб в подвальном этаже большого мебельного магазина; отчет о фактах, связанных с гибелью британского судна «Софи Эндерсон»; рассказ о странных приключениях Грайса Петерсона на острове Юффа и, наконец, записки, относящиеся к Кемберуэльскому делу об отравлении. В последнем деле Шерлоку Холмсу удалось путем исследования механизма часов, найденных на убитом, доказать, что часы были заведены за два часа до смерти и поэтому покойный лег спать в пределах этого времени, – вывод, который помог обнаружить преступника.

Все эти дела я, может быть, опишу когда-нибудь позже, но ни одно из них не обладает такими своеобразными чертами, как те необычайные события, которые я намерен сейчас изложить.

Был конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь барабанил в окна так, что даже здесь, в самом сердце огромного Лондона, мы невольно отрывались на миг от привычного течения жизни и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал и всхлипывал, как ребенок.

Шерлок Холмс был мрачен. Он расположился у камина и приводил в порядок свою картотеку преступлений, а я, сидя против него, так углубился в чтение прелестных морских рассказов Кларка Рассела[66], что завывание бури слилось в моем сознании с текстом, а шум дождя стал казаться мне рокотом морских волн.

Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней устроился в нашей старой квартире на Бейкер-стрит.

– Послушайте, – сказал я, взглянув на Холмса, – это звонок. Кто же может прийти сегодня? Кто-нибудь из ваших друзей?

– Кроме вас, у меня нет друзей, – ответил Холмс. – А гости ко мне не ходят.

– Может быть, клиент?

– Если так, то дело должно быть очень серьезное. Что другое заставит человека выйти на улицу в такой день и в такой час? Но скорее всего это какая-нибудь кумушка, приятельница нашей квартирной хозяйки.

Однако Холмс ошибся, потому что послышались шаги в прихожей и стук в нашу дверь.

Холмс протянул свою длинную руку и повернул лампу от себя так, чтобы осветить пустое кресло, предназначенное для посетителя.

– Войдите! – сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, изящно одетый, с некоторой изысканностью в манерах. Зонт, с которого бежала вода, и блестевший от дождя длинный непромокаемый плащ свидетельствовали об ужасной погоде. Вошедший тревожно огляделся, и при свете лампы я увидел, что лицо его бледно, а глаза полны беспокойства, как у человека, внезапно охваченного большой тревогой.

– Я должен перед вами извиниться, – произнес он, поднося к глазам золотой лорнет. – Надеюсь, вы не сочтете меня навязчивым… Боюсь, что я принес в вашу уютную комнату некоторые следы бури и дождя.

– Дайте мне ваш плащ и зонт, – сказал Холмс. – Они могут повисеть здесь, на крючке, и быстро высохнут. Я вижу, вы приехали с юго-запада.

– Да, из Хоршема.

– Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для этих мест.

– Я пришел к вам за советом.

– Это легко получить.

– И за помощью.

– А вот это не всегда так легко.

– Я слышал о вас, мистер Холмс. Я слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его от скандала в клубе Тэнкервилл.

– А-а, помню. Он был ложно обвинен в нечистой карточной игре.

– Он сказал мне, что вы можете во всем разобраться.

– Он чересчур много мне приписывает.

– По его словам, вы никогда не знали поражений.

– Я потерпел поражение четыре раза. Три раза меня побеждали мужчины и один раз женщина.

– Но что это значит в сравнении с числом ваших успехов!

– Да, обычно у меня бывают удачи.

– В таком случае вы добьетесь успеха и в моем деле.

– Прошу вас придвинуть ваше кресло к камину и сообщить мне подробности дела.

– Дело мое необыкновенное.

– Обыкновенные дела ко мне не попадают. Я высшая апелляционная инстанция.

– И все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось за все время вашей деятельности слышать о таких непостижимых и таинственных происшествиях, как те, которые произошли в моей семье.

– Вы меня очень заинтересовали, – сказал Холмс. – Пожалуйста, сообщите нам для начала основные факты, а потом я расспрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне наиболее существенными.

Молодой человек придвинул кресло и протянул мокрые ноги к пылающему камину.

– Меня зовут Джон Опеншо, – сказал он. – Но, насколько я понимаю, мои личные дела мало связаны с этими ужасными событиями. Это какое-то наследственное дело, и поэтому, чтобы дать вам представление о фактах, я должен вернуться к самому началу всей истории…

У моего деда было два сына: мой дядя, Элиас, и мой отец, Джозеф. Мой отец владел небольшой фабрикой в Ковентри. Ему удалось расширить ее, когда началось производство велосипедов. Отец изобрел особо прочные шины «Опеншо», и его предприятие пошло очень успешно, так что когда отец в конце концов продал свою фирму, он удалился на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элиас в молодые годы эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, как говорили, дела его шли очень хорошо. Во времена войны[67] он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и достиг чина полковника. Когда Ли сложил оружие[68], мой дядя возвратился на свою плантацию, где прожил три или четыре года. В 1869 или 1870 году он вернулся в Европу и арендовал небольшое поместье в Сассексе, вблизи Хоршема. В Соединенных Штатах он нажил большой капитал и покинул Америку, так как питал отвращение к неграм и был недоволен республиканским правительством, освободившим их от рабства. Дядя был странный человек – жестокий и вспыльчивый. При всякой вспышке гнева он изрыгал страшные ругательства. Жил он одиноко и чуждался людей. Сомневаюсь, чтобы

в течение всех лет, прожитых под Хоршемом, он хоть раз побывал в городе. У него был сад, лужайки вокруг дома, и там он прогуливался, хотя часто неделями не покидал своей комнаты. Он много пил и много курил, но избегал общения с людьми и не знался даже с собственным братом. А ко мне он, пожалуй, даже привязался, хотя впервые мы увиделись, когда мне было около двенадцати лет. Это произошло в 1878 году. К тому времени дядя уже восемь или девять лет прожил в Англии. Он уговорил моего отца, чтобы я переселился к нему, и был ко мне по-своему очень добр. В трезвом виде он любил играть со мной в кости и в шашки. Он доверил мне все дела с прислугой, с торговцами, так что к шестнадцати годам я стал полным хозяином в доме. У меня хранились все ключи, мне позволялось ходить куда угодно и делать все что вздумается при одном условии: не нарушать уединения дяди. Но было все же одно странное исключение: на чердаке находилась комната, постоянно запертая, куда дядя не разрешал заходить ни мне, ни кому-либо другому. Из мальчишеского любопытства я заглядывал в замочную скважину, но ни разу не увидел ничего, кроме старых сундуков и узлов.

Однажды – это было в марте 1883 года – на столе перед прибором дяди оказалось письмо с иностранной маркой. Дядя почти никогда не получал писем, потому что покупки он всегда оплачивал наличными, а друзей у него не было.

«Из Индии, – сказал он, беря письмо. – Почтовая марка Пондишерри! Что это может быть?»

Дядя поспешно разорвал конверт; из него выпало пять сухих зернышек апельсина, которые выкатились на его тарелку. Я было рассмеялся, но улыбка застыла у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Его нижняя губа отвисла, глаза выкатились из орбит, лицо стало серым; он смотрел на конверт, который продолжал держать в дрожащей руке.

«Три К.» – воскликнул он, а затем: – Боже мой, боже мой! Вот расплата за мои грехи!»

«Что это, дядя?» – спросил я.

«Смерть», – сказал он, встал из-за стола и ушел в свою комнату, оставив меня в недоумении и ужасе.

Я взял конверт и увидел, что на внутренней его стороне красными чернилами была три раза написана буква К. В конверте не было ничего, кроме пяти сухих зернышек апельсина. Почему дядю охватил такой ужас?

Я вышел из-за стола и взбежал по лестнице наверх. Навстречу мне спускался дядя. В одной руке у него был старый, заржавевший ключ, по-видимому, от чердачного помещения, а в другой – небольшая шкатулка

из латуни.

«Пусть они делают что хотят, я все-таки им не сдамся! – проговорил он с проклятием. – Скажи Мэри, чтобы затопила камин в моей комнате и пошла за Фордхэмом, хоршемским юристом».

Я сделал все, как он велел. Когда приехал юрист, меня позвали в комнату дяди. Пламя ярко пылало, а на решетке камина толстым слоем лежал пепел, по-видимому, от сожженной бумаги. Рядом стояла открытая пустая шкатулка. Взглянув на нее, я невольно вздрогнул, так как заметил на внутренней стороне крышки тройное К. – точно такое же, какое я сегодня утром видел на конверте.

«Я хочу, Джон, – сказал дядя, – чтобы ты был свидетелем при составлении завещания. Я оставляю свое поместье моему брату, твоему отцу, от которого оно, несомненно, перейдет к тебе. Если ты сможешь мирно пользоваться им, тем лучше. Если же ты убедишься, что это невозможно, то последуй моему совету, мой мальчик, и отдай поместье своему злейшему врагу. Мне очень грустно, что приходится оставлять тебе такое наследство, но я не знаю, какой оборот примут дела. Будь любезен, подпиши бумагу в том месте, какое тебе укажет мистер Фордхэм».

Я подписал бумагу, как мне было указано, и юрист взял ее с собой.

Этот странный случай произвел на меня, как вы понимаете, очень глубокое впечатление, и я все время думал о нем, не находя объяснений. Я не мог отделаться от смутного чувства страха, хотя оно притуплялось по мере того, как шли недели и ничто не нарушало привычного течения жизни. Правда, я заметил перемену в моем дяде. Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдимым. Большую часть времени он проводил, запершись в своей комнате. Но иногда в каком-то пьяном бреду он выбегал из дому, слонялся по саду с револьвером в руке и кричал, что никого не боится и не даст ни человеку, ни дьяволу зарезать себя, как овцу. Однако когда эти горячечные припадки проходили, он сразу бежал домой и запирался в комнате на ключ и на засовы, как человек, охваченный непреодолимым страхом. Во время таких припадков его лицо даже в холодные дни блестело от пота, как будто он только что вышел из бани.

Чтобы покончить с этим, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, скажу только, что однажды настала ночь, когда он совершил одну из своих пьяных вылазок, после которой уже не вернулся. Мы отправились на розыски. Он лежал ничком в маленьком, заросшем тиной пруду, расположенном в глубине нашего сада. На теле не было никаких признаков насилия, а воды в пруду было не больше двух футов.

Поэтому суд присяжных, принимая во внимание чудачества дяди, признал причиной смерти самоубийство. Но я, знавший, как его пугала самая мысль о смерти, не мог убедить себя, что он добровольно расстался с жизнью. Как бы то ни было, дело на этом и кончилось, и мой отец вступил во владение поместьем и четырнадцатью тысячами фунтов, которые лежат на его текущем счете в банке…

– Позвольте, – прервал его Холмс. – Ваше сообщение, как я вижу, одно из самых интересных, какие я когда-либо слышал. Укажите мне дату получения вашим дядей письма и дату его предполагаемого самоубийства.

– Письмо пришло десятого марта 1883 года. Он погиб через семь недель, в ночь на второе мая.

– Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

– Когда отец вступил во владение хоршемской усадьбой, он, по моему настоянию, произвел тщательный осмотр чердачного помещения, которое всегда было заперто. Мы нашли там латунную шкатулку. Все ее содержимое было уничтожено. Ко внутренней стороне крышки была приклеена бумажная этикетка с тремя буквами К и подписью внизу: «Письма, записи, расписки и реестр». Как мы полагаем, эти слова указывали на характер бумаг, уничтоженных полковником Опеншо. Кроме этого, на чердаке не было ничего существенного, если не считать огромного количества разбросанных бумаг и записных книжек, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из них относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо выполнял свой долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие бумаги относились к эпохе преобразования Южных штатов и по большей части касались политических вопросов, так как дядя, очевидно, играл большую роль в оппозиции.

Так вот, в начале 84-го года отец поселился в Хоршеме, и все шло у нас как нельзя лучше до 85-го года. Четвертого января, когда мы все сидели за завтраком, отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал только что вскрытый конверт, а на протянутой ладони другой руки – пять сухих зернышек апельсина. Он всегда смеялся над тем, что он называл «небылицами насчет полковника», а теперь и сам испугался, когда получил такое же послание.

«Что бы это могло значить, Джон?» – пробормотал он.

Мое сердце окаменело.

«Это «Три К.», – ответил я.

Отец заглянул внутрь конверта.

«Да, здесь те же буквы. Но что это написано под ними?»

«Положите бумаги на солнечные часы», – прочитал я, взглянув ему через плечо.

«Какие бумаги? Какие солнечные часы?» – спросил он.

«Солнечные часы в саду, других здесь нет. Но бумаги, должно быть, те, которые уничтожены».

«Черт возьми! – сказал он. – Мы живем в цивилизованной стране и не можем принимать всерьез такую чушь. Откуда это письмо?»

«Из Данди», – ответил я, взглянув на почтовую марку.

«Чья-нибудь нелепая шутка, – сказал он. – Какое мне дело до солнечных часов и бумаг? Нечего и смотреть на этакий вздор!»

«Я бы сообщил полиции», – сказал я.

«Чтобы меня высмеяли? И не подумаю».

«Тогда позвольте мне это сделать».

«Ни в коем случае. Я не хочу поднимать шум из-за таких пустяков».

Уговаривать отца было бы напрасным трудом, потому что он был очень упрям. А меня охватили тяжелые предчувствия.

На третий день после получения письма отец поехал навестить своего старого друга, майора Фрибоди, который командует одним из фортов Портсдаун-Хилла. Я был рад, что он уехал, так как мне казалось, что вне дома он дальше от опасности. Однако я ошибся… На второй день после его отъезда я получил от майора телеграмму, в которой он умолял меня немедленно приехать. Отец упал в один из глубоких меловых карьеров, которыми изобилует местность, и лежал без чувств, с раздробленным черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался из Фэрхема в сумерки. А так как местность ему незнакома и меловые шахты не огорожены, суд присяжных, не колеблясь, вынес решение: «Смерть от несчастного случая».

Я тщательно изучил все факты, связанные с его смертью, но не мог обнаружить ничего, что наводило бы на мысль об убийстве. Не было признаков насилия, не было никаких следов на земле, не было ограбления, не было посторонних лиц на дорогах. И все же излишне говорить вам, что я не находил покоя и был почти уверен, что отец мой попал в расставленные кем-то сети.

При таких трагических обстоятельствах я вступил в права наследства. Вы спросите меня, почему я не отказался от него? Отвечу вам: я был убежден, что наши несчастья каким-то образом связаны с давними событиями в жизни моего дяди и что опасность будет мне угрожать одинаково в любом доме.

Мой бедный отец скончался в январе 85-го года; с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я мирно прожил в Хоршеме и начал уже надеяться, что это проклятье не тяготеет больше над нашей семьей, что оно рассеялось после гибели старшего поколения. Однако я слишком рано успокоился. Вчера утром меня постиг удар в той же самой форме, в какой он постиг моего отца…

Молодой человек достал из кармана смятый конверт и, повернувшись к столу, высыпал на скатерть пять маленьких сухих зернышек апельсина.

– Вот конверт, – продолжал он. – Почтовый штемпель – Лондон, Восточный район. Внутри те же самые слова, которые были в письме, полученном моим отцом; «К. К. К.», а затем: «Положите бумаги на солнечные часы».

– Что вы сделали? – спросил Холмс.

– Ничего.

– Ничего?

– По правде говоря, – он опустил лицо на тонкие белые руки, – я почувствовал себя беспомощным, как жалкий кролик, к которому приближается змея. По-видимому, я во власти какой-то непреодолимой и неумолимой силы, от которой не могут спасти никакие предосторожности.

– Что вы! Что вы! – воскликнул Шерлок Холмс. – Вы должны действовать, иначе вы погибнете. Только энергия может спасти вас. Теперь не время предаваться отчаянию.

– Я был в полиции.

– Ну, и?..

– Но там с улыбкой выслушали мой рассказ. Я убежден, что инспектор считает эти письма чьей-то шуткой, а смерть моих родных, как и установил суд присяжных, – несчастным случаем, никак не связанным с этими предупреждениями.

Холмс потряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Невероятная тупость! – воскликнул он.

– Все же ко мне прикомандировали полицейского, который все время дежурит в моем доме.

– Он пришел с вами сейчас?

– Нет, ему приказано находиться при доме.

Холмс снова потряс в воздухе кулаками.

– Зачем вы пришли ко мне? – спросил он. – И главное, почему вы не пришли ко мне сразу?

– Я не знал. Только сегодня я говорил о моих опасениях с майором

Прендергастом, и он посоветовал мне обратиться к вам.

– Ведь уже два дня, как вы получили письмо. Вам следовало начать действовать раньше. У вас нет, я полагаю, других данных, кроме тех, которые вы мне сообщили? Нет каких-либо наводящих подробностей, которые могли бы вам помочь?

– Есть одна вещь, – сказал Джон Опеншо. Он пошарил в кармане пальто и, вынув кусок выцветшей синей бумаги, положил его на стол. – Мне помнится, – сказал он, – что в день, когда дядя жег бумаги, маленькие несгоревшие полоски, лежавшие среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу дядиной комнаты и склонен думать, что это одна из бумаг, которая случайно отлетела от остальных и таким образом избежала уничтожения. Кроме упоминания зернышек, я не вижу в этой бумаге ничего, что могло бы нам помочь. Я думаю, что это страница дневника. Почерк, несомненно, дядин.

Холмс повернул лампу, и мы оба нагнулись над листом бумаги, неровные края которого свидетельствовали о том, что лист был вырван из книги. Наверху была надпись: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

4-го. Гудзон явился. Прежняя платформа.

7-го. Посланы зернышки Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Августина.

9-го. Мак-Коули убрался.

10-го. Джон Свейн убрался.

12-го. Посетили Парамора. Все в порядке.

– Благодарю вас, – сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. – Теперь вы не должны терять ни минуты. Мы даже не можем тратить время на обсуждение того, что вы мне сообщили. Вы должны немедленно вернуться домой и действовать.

– Что я должен делать?

– Есть только одно дело, и оно должно быть выполнено немедленно. Вы должны положить бумагу, которую только что нам показали, в латунную шкатулку, описанную вами. Вы должны приложить записку и в ней сообщить, что все остальные бумаги были сожжены вашим дядей и остался только этот лист. Вы должны заявить это словами, внушающими доверие. Написав такое письмо, немедленно поставьте шкатулку на диск солнечных часов, как вам указано. Вы понимаете?

– Вполне понимаю.

– Не думайте в настоящее время о мести или о чем-либо подобном.

Я полагаю, что этого мы могли бы добиться законным путем, но ведь нам еще предстоит сплести свою сеть, тогда как их сеть уже сплетена. Прежде всего надо отстранить непосредственную опасность, угрожающую вам. А затем уже выяснить это таинственное дело и наказать виновных.

– Благодарю вас, – сказал молодой человек, вставая и надевая плащ. – Вы вернули мне жизнь и надежду. Я поступлю так, как вы мне советуете.

– Не теряйте ни минуты. И главное, берегите себя, так как не может быть сомнения, что вам угрожает весьма реальная и большая опасность. Каким путем вы думаете вернуться домой?

– Поездом, с вокзала Ватерлоо.

– Еще нет девяти часов. На улицах будет очень людно, так что, я надеюсь, вы будете в безопасности. И все же вы должны очень остерегаться врагов.

– Я вооружен.

– Это хорошо. Завтра я примусь за ваше дело.

– Значит, я увижу вас в Хоршеме?

– Нет, секрет вашего дела – в Лондоне, и здесь я буду его искать.

– В таком случае я приду к вам через день или два и сообщу все, что будет выяснено насчет шкатулки и бумаг. Я в точности выполню все ваши советы.

Он пожал нам руки и простился.

Ветер по-прежнему завывал, и дождь стучал в окна. Казалось, этот странный рассказ навеян обезумевшей стихией, занесен к нам, как морская трава заносится бурей, и теперь снова поглощен ею.

Шерлок сидел некоторое время молча, опустив голову и устремив взгляд на красное пламя камина. Затем он закурил трубку и, откинувшись на спинку кресла, стал следить за синими кольцами дыма, которые нагоняли друг друга под потолком.

– Я думаю, Уотсон, – заметил он наконец, – что в нашей практике не было более опасного и фантастического дела.

– Но вы составили себе определенное представление о характере этих опасностей? – спросил я.

– Здесь не может быть сомнения относительно их характера, – ответил он.

– Но в чем дело? Кто этот «К. К. К.» и почему он преследует несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза и, опершись на подлокотники кресла, соединил концы пальцев.

– Истинный мыслитель, – заметил он, – увидев один-единственный

факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него. Как Кювье[69] мог правильно описать целое животное на основании одной кости, так и наблюдатель, основательно изучивший одно звено в серии событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья – и предшествующие, и последующие. Но чтобы довести искусство мышления до высшей точки, необходимо, чтобы мыслитель мог использовать все установленные факты, а для этого ему нужны самые обширные познания. Если мне не изменяет память, вы в ранние дни нашей дружбы очень точно определили границы моих знаний.

– Да, – ответил я, смеясь, – это был необыкновенный документ. Я помню, что философия, астрономия и политика стояли под знаком нуля. Познания в ботанике – колеблющиеся, в геологии – глубокие, поскольку дело касается пятен грязи из любого района в пределах пятидесяти миль вокруг Лондона; в химии – эксцентрические; в анатомии – разрозненные; в области уголовной литературы и судебных отчетов – исключительные; при этом скрипач, боксер, владеет шпагой, юрист, отравляет себя кокаином и табаком. Таковы были главнейшие пункты моего анализа.

Холмс усмехнулся при последних словах.

– Что ж, я говорю сейчас, как говорил и тогда, что человек должен обставить чердачок своего мозга всем, что ему, вероятно, понадобится, а остальные знания он должен сложить в чулан при своей библиотеке, откуда может достать их в случае надобности. Для такого дела, какое было предложено нам сегодня вечером, мы, конечно, должны мобилизовать все доступные нам ресурсы. Дайте мне, пожалуйста, том на букву «К» из Американской энциклопедии. Он стоит на полке, которая рядом с вами. Благодарю вас. Теперь обсудим все обстоятельства и посмотрим, какой можно сделать из них вывод. Начать мы должны с предположения, что у полковника Опеншо были весьма серьезные причины, заставившие его покинуть Америку. В его годы люди не склонны нарушать все свои привычки и добровольно отказываться от прелестного климата Флориды ради уединенной жизни в английском провинциальном городке. Его крайнее пристрастие к уединению в Англии подсказывает мысль, что он боялся кого-то или чего-то. Поэтому мы можем принять как рабочую гипотезу, что то был страх перед кем-то или чем-то, что заставило его покинуть Америку. О том, чего именно он боялся, мы можем судить только на основании зловещих писем, которые получали он и его наследники. Вы заметили почтовые штемпели этих писем?

– Первое было из Пондишерри, второе – из Данди и третье –

из Лондона.

– Из Восточного Лондона! Какой вы можете сделать отсюда вывод?

– Это все океанские порты. По-видимому, писавший находился на борту корабля.

– Великолепно! У нас уже есть ключ. Вероятно, весьма вероятно, что писавший письма находился на борту корабля. А теперь посмотрим на это дело с другой стороны. В случае с Пондишерри прошло семь недель между угрозой и ее выполнением. В случае с Данди между угрозой и выполнением прошло всего три-четыре дня. Это вас наводит на какую-нибудь мысль?

– Большее расстояние, которое надо было в первом случае пройти.

– Но ведь письмо тоже должно было пройти большее расстояние.

– Тогда я не понимаю, в чем дело.

– Есть основание предполагать, что судно, на котором находится этот человек – или, может быть, их несколько, – парусное судно. Похоже на то, что они всегда посылали свои странные предупреждения или знаки перед тем, как отправиться на выполнение своего дела. Вы видите, как быстро дело последовало за предупреждением, посланным из Данди. Если бы они ехали из Пондишерри пароходом, они прибыли бы почти одновременно с письмом. Но прошло семь недель. Я думаю, что семь недель представляют разницу между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и скоростью парусника, доставившего автора письма.

– Это возможно.

– Это более чем возможно. Это вероятно. Теперь вы видите смертельную опасность в нашем последнем деле и понимаете, почему я настаивал, чтобы молодой Опеншо был осторожен. Удар всегда настигал к концу срока, который нужен был отправителям письма, чтобы пройти расстояние на паруснике. Но ведь это письмо послано из Лондона, и поэтому мы не можем рассчитывать на отсрочку!

– Боже мой! – воскликнул я. – Что значит это беспощадное преследование?

– Очевидно, бумаги, увезенные Опеншо, представляют жизненный интерес для человека или людей, находящихся на паруснике. Полагаю, что там не один человек. Один человек не мог бы совершить два убийства таким образом, чтобы ввести в заблуждение судебное следствие. В этом должно было участвовать несколько человек, притом изобретательных и решительных. Свои бумаги они решили получить, в чьих бы руках те ни находились. Таким образом, вы видите, что «К. К. К.» перестают быть

инициалами человека, а становятся знаком целого общества.

– Но какого общества?

– Вы никогда не слышали о ку-клукс-клане? – сказал Шерлок Холмс, нагибаясь и понижая голос.

– Никогда не слышал.

Холмс перелистал страницы тома, лежавшего у него на коленях:

– Вот что здесь говорится: «Ку-клукс-клан – название, происходящее от сходства со звуком взводимого затвора винтовки. Это ужасное тайное общество было создано бывшими солдатами Южной армии после гражданской войны и быстро образовало местные отделения в различных штатах, главным образом в Теннесси, в Луизиане, в обеих Каролинах, в Джорджии и Флориде. Это общество использовало свои силы в политических целях, главным образом для того, чтобы терроризировать негритянских избирателей, а также для убийства или изгнания из страны тех, кто противился его взглядам. Их преступлениям обычно предшествовало предупреждение, посылаемое намеченному лицу в фантастической, но широко известной форме: в некоторых частях страны – дубовые листья, в других – семена дыни или зернышки апельсина. Получив это предупреждение, человек должен был либо открыто отречься от прежних взглядов, либо покинуть страну. Если он не обращал внимания на предупреждение, его неизменно постигала смерть, обычно странная и непредвиденная. Общество было так хорошо организовано и его методы были настолько продуманны, что едва ли известен хоть один случай, когда человеку удалось безнаказанно пренебречь предупреждением или когда были раскрыты виновники злодеяния. Несколько лет организация процветала, несмотря на усилия правительства Соединенных Штатов и прогрессивных кругов Юга. В 1869 году движение неожиданно прекратилось, хотя отдельные вспышки расовой ненависти наблюдались и позже…»[70]

Заметьте, – сказал Холмс, откладывая том энциклопедии, – что внезапное прекращение деятельности общества совпало с отъездом из Америки Опеншо, когда он увез с собой бумаги этой организации. Весьма возможно, что тут налицо и причина и следствие. Не приходится удивляться, что за молодым Опеншо и его семьей следят беспощадные люди. Вы понимаете, что эта опись и дневники могут опорочить виднейших деятелей Юга и что многие не заснут спокойно, пока эти бумаги не будут у них в руках?

– Значит, страница, которую мы видели…

– Такая, какую можно было ожидать. Если мне не изменяет память,

там было написано: «Посланы зернышки А. Б. В.» – то есть послали им предупреждение. Затем последовательно идут записи, что А и Б убрались, то есть покинули страну, и что В навестили. Боюсь, это плохо кончилось для В. Я думаю, доктор, нам удастся пролить некоторый свет на это темное дело. А тем временем единственное спасение для молодого Опеншо – действовать так, как я ему посоветовал. Сегодня ничего больше мы не можем ни сказать, ни сделать… Передайте мне мою скрипку, и попытаемся на полчаса забыть отвратительную погоду и еще более отвратительные поступки людей.

К утру буря стихла, и солнце тускло светило сквозь туманный покров, нависший над Лондоном. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился вниз.

– Извините, что я начал без вас, – сказал он. – Я предвижу, что мне придется много поработать по делу молодого Опеншо.

– Какие шаги вы собираетесь предпринять? – спросил я.

– Это в значительной степени зависит от результатов моих первых расследований. Может быть, мне придется еще съездить в Хоршем.

– Вы не собираетесь прежде всего поехать туда?

– Нет, я начну с Сити. Позвоните, и служанка принесет нам кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал бегло просматривать ее. Я увидел заголовок, от которого у меня похолодело сердце.

– Холмс, – воскликнул я, – вы опоздали!

– А-а! – сказал он, отставляя чашку. – Я опасался, что так и будет. Как это произошло? – Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

Мне бросилось в глаза имя Опеншо и заголовок: «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что было написано:

«Вчера между девятью и десятью вечера констебль Кук, дежуривший у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Однако ночь была очень темная, бушевала буря, так что, несмотря на смелые попытки нескольких прохожих, оказалось невозможным спасти тонувшего. Был дан сигнал тревоги, и с помощью речной полиции тело удалось найти. Это был молодой джентльмен, имя которого, как видно по конверту, найденному в его кармане, Джон Опеншо, проживавший вблизи Хоршема. Предполагают, что он спешил к последнему поезду, отходившему со станции Ватерлоо, и что в спешке при исключительной темноте сбился с дороги и шагнул через край одной из маленьких пристаней речного пароходства. На теле не было обнаружено следов насилия, и не может быть

сомнения в том, что покойный оказался жертвой несчастного случая; это должно заставить власти обратить внимание на состояние речных пристаней».

Несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким угнетенным.

– Это наносит удар моему самолюбию, – сказал он наконец. – Бесспорно, самолюбие мелкое чувство, но с этим ничего не поделаешь. Теперь это становится для меня личным делом, и если бог пошлет мне здоровье, я выловлю всю банду. Он пришел ко мне за помощью, и я же послал его на смерть!

Он вскочил со стула, зашагал по комнате с пылающим румянцем на бледном лице, нервно сжимая и разжимая свои длинные тонкие пальцы.

– Хитрые дьяволы! – выкрикнул он наконец. – Как им удалось заманить его туда, вниз, к реке? Набережная не лежит по дороге к станции. На мосту, конечно, даже в такую ночь было слишком людно. Ну, Уотсон, посмотрим, кто в конечном счете победит. Сейчас я пойду!

– В полицию?

– Нет, я сам буду полицией. Я сплету паутину, и пусть тогда полиция ловит в нее мух, но не раньше.

Весь день я был занят своей медицинской практикой и вернулся на Бейкер-стрит поздно вечером. Шерлок Холмс еще не приходил. Было почти десять часов, когда он вошел, бледный и усталый. Он подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, стал жадно жевать его, запивая большими глотками воды.

– Проголодались? – заметил я.

– Умираю от голода. Совершенно забыл поесть. С утреннего завтрака у меня не было ни крошки во рту.

– Ничего?

– Ни крошки. Мне некогда было об этом думать.

– А как ваши успехи?

– Хороши.

– Вы нашли ключ?

– Они у меня в руках. Молодой Опеншо недолго останется неотмщенным. Знаете, Уотсон, поставим на них их собственное дьявольское клеймо! Разве это плохо придумано?

– Что вы хотите сказать?

Он взял из буфета апельсин, разделил его на дольки и выдавил на стол зернышки. Из них он взял пять и положил в конверт. На внутренней

стороне конверта он написал: «Ш. Х. за Д. О.». Затем он запечатал конверт и адресовал его: «Капитану Джеймсу Келгуну, парусник «Одинокая звезда». Саванна, Джорджия».

– Письмо будет ждать Келгуна, когда он войдет в порт, – сказал Холмс, тихо смеясь. – Это ему обеспечит бессонную ночь. Я уверен, что он сочтет письмо вестником той же судьбы, какая постигла Опеншо.

– А кто этот капитан Келгун?

– Вожак всей шайки. Я доберусь и до других, но он будет первым.

– Как вы его обнаружили?

Он достал из кармана большой лист бумаги, сплошь исписанный датами и именами.

– Я провел весь день над ллойдовскими журналами и связками старых бумаг, прослеживая дальнейшую судьбу каждого корабля, прибывавшего в Пондишерри в январе и феврале 83-го года. За эти месяцы было отмечено тридцать шесть судов значительного водоизмещения; из них одно судно, «Одинокая звезда», сразу привлекло мое внимание, так как местом отправления указан был Лондон, между тем «Одинокая звезда» – это прозвище одного из штатов Америки.

– Кажется, Техаса.

– Я не был в этом уверен, не уверен и сейчас. Но я знал, что это судно должно быть американского происхождения.

– И что же?

– Я просмотрел записи прихода и ухода судов в Данди, и, когда я обнаружил, что парусник «Одинокая звезда» был там в январе 85-го года, мои подозрения обратились в уверенность. Тогда я навел справки относительно судов, находящихся в настоящее время в Лондонском порту.

– И что же?

– «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я спустился к докам Альберта и узнал, что сегодня утром с ранним приливом «Одинокая звезда» ушла вниз по реке, чтобы последовать обратно в Саванну. Я телеграфировал в Гревзенд и узнал, что «Одинокая звезда» прошла там недавно, и так как ветер восточный, я не сомневаюсь, что она уже миновала Гудуин и находится недалеко от острова Уайт.

– Что же вы теперь сделаете?

– О, Келгун теперь в моих руках! Он и два матроса, как я узнал, – единственные американцы на корабле. Все остальные финны и немцы. Я знаю также, что прошлую ночь все трое провели не на судне. Это мне сказал грузчик, который работал на погрузке «Одинокой звезды». Прежде чем парусник достигнет Саванны, почтовый пароход доставит мое письмо,

а телеграф сообщит полиции в Саванне, что эти три джентльмена крайне нужны здесь в связи с обвинением их в убийстве.

Однако в самых лучших человеческих планах всегда оказывается какая-нибудь трещина, и убийцам Джона Опеншо не суждено было получить зернышки апельсина, которые показали бы им, что другой человек, такой же хитрый и решительный, как они, напал на их след.

В том году равноденственные штормы были очень продолжительны и жестоки. Мы долго ждали из Саванны вестей об «Одинокой звезде», но так и не дождались. Наконец мы узнали, что где-то далеко, в Атлантике, видели разбитую корму корабля, залитую волной; на ней были вырезаны буквы «О. 3.». Это все, что суждено было нам узнать о судьбе «Одинокой звезды».

Голубой карбункул

На третий день Рождества зашел я к моему приятелю Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; справа от него было несколько трубок, набитых табаком, а слева – груда смятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул; на его спинке висела сильно поношенная, жалкая войлочная шляпа, продырявленная в нескольких местах. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же, на сиденье стула, лежали пинцет и лупа.

– Вы заняты, – сказал я. – Боюсь, что я вам мешаю.

– Нисколько, – ответил он. – Я рад, что у меня есть товарищ, с которым я могу побеседовать о результатах моих исследований. Вещь, как видите, весьма заурядная. – Он ткнул большим пальцем в сторону старой шляпы. – Но с этой вещью связаны кое-какие любопытные события, не лишенные даже некоторой поучительности.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

– Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, – заметил я. – Очевидно, она послужит ключом к разгадке каких-нибудь страшных тайн, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

Шерлок Холмс засмеялся.

– Нет, нет, – сказал он, – тут не преступление, а очень мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти в такой местности, где четыре миллиона человек толкутся на пространстве в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье всегда возможны любые комбинации фактов, которые, будучи чрезвычайно загадочны, все же не таят в себе никаких преступлений. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

– Еще бы! – воскликнул я. – Из последних шести эпизодов, которые были описаны мною, три не заключали в себе ничего беззаконного.

– Совершенно верно. Я не сомневаюсь, что и этот пустячный случай окажется столь же невинным. Вы знаете Петерсона, посыльного?

– Да.

– Этот трофей принадлежит ему.

– То есть это его шляпа?

– Нет, нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Попробуйте

посмотреть на нее не как на старую рухлядь, а как на серьезную задачу… Раньше всего расскажу вам, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данное время жарится у Петерсона на кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Петерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тотенхем-Коорт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то высокий субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу. Незнакомец, защищаясь, размахнулся палкой и нечаянно попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Стекло разлетелось вдребезги. Петерсон бросился вперед, чтобы защитить незнакомца, но несчастный, потрясенный тем, что разбил стекло, как только увидел бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тотенхем-Коорт-роуд. Петерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего напугало беглеца. Так как при появлении Петерсона хулиганы разбежались, рассыльный очутился один на поле битвы и оказался обладателем добычи в виде этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся…

– …которого Петерсон, конечно, возвратил незнакомцу.

– Вот в этом-то и заключается наша загадка, мой милый. Кто этот незнакомец и где он живет? Правда, на маленькой карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Миссис Генри Бейкер», правда и то, что инициалы «Г. Б.» можно разобрать на подкладке этой шляпы. Но так как в городе живет несколько тысяч Бейкеров и в том числе несколько сот Генри Бейкеров, нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

– Что же сделал Петерсон?

– Он попросту принес мне и гуся и шляпу, зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше съесть, не откладывая. Петерсон унес гуся и угостился на славу, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

– Он не помещал объявления в газете?

– Нет.

– Как же вы узнаете, кто он?

– Только путем размышлений.

– Размышлений над этой шляпой?

– Конечно.

– Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого, рваного войлока?

– Вот моя лупа. Возьмите ее и попробуйте применить к этой шляпе мой метод. Вам ведь он хорошо известен. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа. Жесткая, сильно поношенная. Шелковая подкладка была некогда красной, но теперь полиняла. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал мне Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил дырочку для придерживавшей шляпу резинки, но резинки не оказалось. Вообще шляпа была рваная, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

– Я ничего в ней не вижу, – сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

– Нет, Уотсон, вы видите все, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что вы видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

– Тогда, пожалуйста, скажите мне, какие выводы делаете вы из осмотра этой шляпы.

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее проницательным взглядом, свойственным ему одному.

– Конечно, не все в ней достаточно ясно, – заметил он, – но кое-что можно установить наверняка, а кое-что можно предположить с достаточной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее – человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали черные дни. Он всегда был очень предусмотрителен, всегда заботился о завтрашнем дне, а сейчас немного опустился. Так как благосостояние его тоже упало, мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пагубному пороку – быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена разлюбила его…

– Милый мой Холмс!

– Но все же в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство, – продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание. – Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Это человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно постригся. Вдобавок я твердо уверен, что в доме у него нет газового освещения.

– Вы, конечно, шутите, Холмс.

– Ничуть. Неужели даже теперь, когда я вам все рассказал, вы не понимаете, как я узнал обо всем этом!

– Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он очень умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

– Видите, какой размер! – сказал он. – Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

– Ну а откуда вы взяли, что он обеднел?

– Этой шляпе три года. Плоские поля, загнутые по краям, были тогда очень модными. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад этот человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, совершенно ясно, что дела у него пошатнулись.

– Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный и что в настоящее время он переживает душевный упадок?

– Предусмотрительность – вот она, – сказал он, показывая на дырочку от резинки. – Резинки никогда не продают вместе со шляпами, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить ее к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь свою шляпу от ветра. Но резинка оторвалась, и он не стал прилаживать новую, а это значит, что раньше он следил за своей наружностью, теперь же опустился и, так сказать, махнул на себя рукой. Однако, с другой стороны, он пытался прикрыть пятна на шляпе, замазать их чернилами – значит, он еще не вполне потерял чувство собственного достоинства.

– Все это очень похоже на правду.

– Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы – все это становится ясным, если внимательно осмотреть в его шляпе нижнюю часть подкладки. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, срезанные ножницами парикмахера. Все эти волосы пахнут помадой. Заметьте, что пыль на ней не уличная – серая и песочная, а домашняя – бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о том, как легко владелец ее покрывается потом, потому что он отвык от движения.

– А как вы узнали, что его разлюбила жена?

– Шляпа не чищена уже несколько недель. Если бы я увидел,

мой дорогой Уотсон, что ваша шляпа не чищена хотя бы одну неделю и что ваша жена позволяет вам выходить в таком виде, я стал бы опасаться, что и вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

– А может быть, он холостяк?

– Нет, он нес гуся домой именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке этой птицы.

– У вас на все готов ответ. Но откуда вы можете знать, что в его доме нет газа?

– Одно-два сальных пятна на шляпе – случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я могу не сомневаться в том, что этому человеку часто приходится пользоваться сальной свечой – вероятно, подниматься ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую сальную свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен… Теперь вы согласны со мною?

– Да, все это очень просто, – смеясь, сказал я. – Но в том, что вы рассказали, еще нет преступления. Никто не понес убытков – никто, кроме человека, потерявшего гуся, – и, значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату, потрясенный, взволнованный, влетел посыльный Петерсон. Щеки у него буквально пылали.

– Гусь-то, гусь, мистер Холмс! – задыхаясь, прокричал он.

– Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно?

Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Петерсона.

– Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Он протянул руку, и на его ладони мы увидели ярко сверкающий голубой камень величиной чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра.

Холмс свистнул и опустился на кушетку.

– Честное слово, Петерсон, – сказал он, – вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

– Бриллиант, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

– Это не просто драгоценный камень – это тот самый драгоценный камень.

– Неужели это голубой карбункул[71] графини Моркар? – вскричал я.

– Совершенно правильно. Я знаю, каков он, так как последнее время каждый день читал объявления в «Таймс». Камень этот – единственный в своем роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда

в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

– Тысяча фунтов! О боже!

Посыльный бухнулся в кресло, изумленно тараща глаза то на меня, то на Холмса.

– Награда наградой, но у меня есть основания думать, – сказал Холмс, – что по некоторым соображениям графиня отдала бы половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

– Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен», – заметил я.

– Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня был обвинен Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьезны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчет.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, сложил ее пополам и прочитал следующее:

«Кража драгоценностей в отеле «Космополитен»

Джон Хорнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в том, что 22-го сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки ее драгоценный камень, известный под именем «Голубой карбункул». Джеймс Райдер, старший слуга отеля, показал, что в день кражи видел Хорнера в туалетной комнате графини Моркар, где тот припаивал расшатанный прут каминной решетки. Некоторое время Райдер оставался в комнате с Хорнером, но потом его вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и, как обнаружилось впоследствии, маленький сафьяновый футляр, в котором графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валяется пустой на туалетном столике.

Райдер сейчас же забил тревогу, и в тот же вечер Хорнер был арестован. Но камня не нашли ни при нем, ни в его комнате. Кэтерин Кьюзек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже обнаружила исчезновение камня. Полицейский инспектор Брэдстрит из округа «Б» отдал распоряжение арестовать Хорнера, который бурно сопротивлялся и горячо доказывал свою невиновность. Но так как Хорнер и раньше судился за кражу, судья отказался разбирать это дело и передал его суду присяжных. Хорнер, все время выказывавший признаки сильной тревоги, упал в обморок при этом решении и был вынесен из зала суда».

– Гм! Вот и все полицейские сведения, – задумчиво сказал Холмс, откладывая газету в сторону. – Наша задача теперь – выяснить, каким образом из футляра графини камень очутился в гусином зобу. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались внезапно не совсем уж такими невинными. Они гораздо полезнее, чем мы полагали. Вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь был у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя истрепанной шляпы, личность которого я пытался охарактеризовать перед вами, чем и навел на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Чтобы разыскать его, мы раньше всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путем мы не достигнем цели, я прибегну к иным методам.

– Что будет сказано в объявлении?

– Дайте мне карандаш и клочок бумаги. Вот: «На углу Гудж-стрит найдены гусь и черная войлочная шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

– Весьма. Но заметит ли он объявление?

– Конечно. Он просматривает теперь все газеты, так как он бедный человек и рождественский гусь для него целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Петерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чем. Но потом, конечно, ему стало жалко, что он поддался страху и выронил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию… Так вот, Петерсон, бегите скорее в бюро объявлений и поместите эти строки в вечерних газетах.

– В каких, сэр?

– О, в «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюз», «Стендард», «Ико» и во всех других, какие придут вам на ум.

– Слушаю, сэр. А как быть с этим камнем?

– Ах да! Камень я оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Петерсон, купите гуся и принесите его ко мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которого в настоящее время уписывает ваша семья.

Посыльный вышел, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

– Славный камешек! – сказал он. – Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе

преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых драгоценных камнях каждая грань повествует о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет еще и двадцати лет. Он был найден на берегу реки Амой, в Южном Китае, и замечателен тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за этого прозрачного угля весом в сорок гран было совершено множество ограблений, два убийства, одно самоубийство и кого-то облили серной кислотой. Кто бы мог сказать, что такая красивая безделушка ведет людей к тюрьмам и виселицам! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он хранится у нас.

– Вы считаете, что Хорнер невиновен?

– Не могу ничего утверждать.

– А замешан в это дело Генри Бейкер?

– Вернее всего, Генри Бейкер здесь совсем ни при чем. Я думаю, ему и в голову не приходит, что, будь этот гусь из чистого золота, он и то стоил бы гораздо дешевле. Все это мы очень скоро узнаем наверняка, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

– А до тех пор вы ничего не можете предпринять?

– Ничего.

– В таком случае я уеду к своим пациентам, а вечером в назначенный час снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

– Буду счастлив вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, после недавних событий не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть ее зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит.

Подойдя к дверям, я увидел высокого мужчину в шотландской шапочке и в наглухо застегнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошел, ему отперли, и мы одновременно вошли в комнату Шерлока Холмса.

– Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? – сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с наивно-радушным видом, который он умел напускать на себя. – Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер холодный, а мне кажется, что лето вы переносите лучше, чем зиму… Уотсон, вы пришли как раз вовремя… Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

– Да, сэр, это, несомненно, моя шляпа.

Бейкер был крупный сутулый человек с большой головой, с широким

умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красные пятна на носу и щеках и легкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонности к выпивке. На нем был порыжелый сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не видно было ни малейшего признака белья. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, сильно помятого жизнью.

– Мы на несколько дней задержали шляпу и гуся, – сказал Холмс, – так как все время ждали, что вы напечатаете в газетах объявление со своим адресом. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

– У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то, – сказал он. – Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу и гуся, и не хотел тратить деньги по-пустому.

– Вполне естественно. Между прочим, ведь нам пришлось съесть вашего гуся.

– Съесть?!

Наш посетитель в большом волнении приподнялся на стуле.

– Да ведь он все равно испортился бы, если бы мы его не съели, – продолжал Холмс. – Но я полагаю, что вон тот гусь на буфете, совершенно свежий и того же веса, заменит вам вашего гуся.

– О, конечно, конечно! – ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

– Но у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если вы хотите…

Бейкер от души расхохотался.

– Разве только на память о моем приключении, – сказал он. – Право, не знаю, на что мне могут пригодиться бренные останки моего покойного знакомца! Нет, сэр, позвольте мне, с вашего разрешения, сосредоточить внимание на том превосходном гусе, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс быстро переглянулся со мной и чуть заметно пожал плечами.

– Вот ваша шляпа, а вот ваш гусь, – сказал он. – Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в этом деле и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

– Охотно, сэр, – сказал Бейкер; он встал и сунул под мышку своего нового гуся. – Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ музея, – мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. В этом году хозяин нашего трактира Виндигет, отличный человек, основал «гусиный клуб». Выплачивая по нескольку пенсов в неделю, каждый из нас

к Рождеству получает по гусю. Я уже целиком выплатил свою долю. Остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр, – ведь неудобно солидному человеку в моем возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

– С Генри Бейкером покончено, – сказал Холмс, закрыв за ним дверь. – Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы голодны, Уотсон?

– Не особенно.

– Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

– С удовольствием.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачно ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от множества пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Гарли-стрит, через Вигмор-стрит вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощекому трактирщику в белом переднике.

– У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей. – сказал Холмс.

– Моих гусей?

Трактирщик, казалось, был изумлен.

– Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

– А! Да, понимаю. Но, видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

– В самом деле? А чьи же?

– Я купил две дюжины гусей у одного торговца в Ковент-Гарден.

– Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

– Его зовут Брэкинридж.

– А! Нет, Брэкинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!

– А теперь к мистеру Брэкинриджу, – сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто. – Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи всего только гусь, а к другому ее концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции

и случайно попавшая к нам. Дойдем же, держась за нее, до конца, как бы печален он ни был. Итак, поворот на юг, и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Энделл-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковент-гарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брэкин-ридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холеными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

– Добрый вечер! Каков мороз, а? – сказал Холмс.

Торговец кивнул головой и бросил вопросительный взгляд на моего друга.

– Гуси, видно, распроданы, – продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

– Завтра утром можете получить хоть пятьсот штук.

– Завтра они мне ни к чему.

– Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

– Да, но меня направили к вам.

– Кто же?

– Хозяин «Альфы».

– А, да! Я отослал ему две дюжины.

– Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привел торговца в бешенство.

– А ну-ка, мистер, – сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока, – к чему вы клоните? Говорите прямо.

– Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продает вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

– Вот и не скажу.

– Не скажете – и не надо. Велика важность! Интересно, отчего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

– Кипячусь? Небось на моем месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «где гуси?», «у кого вы купили гусей?», «кому вы продали гусей?» и «сколько вы возьмете за ваших гусей?». Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошелся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

– Я не имею никакого отношения к тем людям, которые пристают к вам с расспросами, – небрежно сказал Холмс. – Не хотите говорить – и не надо. Но я понимаю толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

– Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! – выпалил торговец.

– Быть не может!

– А я говорю – городской!

– Ни за что не поверю!

– Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня, хотя я этим делом занимаюсь чуть не с пеленок? Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены не в деревне, а в городе.

– Вы никогда не заставите меня поверить в такую нелепость.

– Хотите пари?

– Это значило бы просто взять у вас деньги. Я не сомневаюсь в своей правоте. Но я согласен поставить соверен только для того, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец мрачно ухмыльнулся.

– Принеси-ка мне книги, Билл, – сказал он.

Мальчишка принес две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

– Ну-с, мистер Спорщик, – сказал торговец, – я считал, что сегодня распродал всех гусей, но бог занес ко мне в лавку еще одного гуся. Видите эту книжку?

– Ну и что же?

– Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в большой книге, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите ее вслух.

– «Миссис Окшот, Брикстон-роуд, 117, страница 249», – прочел Холмс.

– Совершенно правильно. Теперь откройте 249-ю страницу в большой книге.

Холмс открыл указанную страницу.

– Вот: «Миссис Окшот, Брикстон-роуд, 117 – поставщица дичи и яиц».

– А что гласит последняя запись?

– «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

– Правильно. Запомните это. А внизу?

– «Проданы мистеру Виндигету, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

– Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчен. Вынув соверен из кармана, он швырнул его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Пройдя несколько метров, он остановился под фонарем и рассмеялся своим особенным – веселым и беззвучным –

смехом.

– Если вы видите человека с такими усами и с таким красным платком в кармане, вы можете выудить из него все, что угодно, предложив ему любое пари, – сказал он. – Я утверждаю, что и за сто фунтов мне никогда не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти до конца распутали загадочную нить. Единственное, что нам осталось решить, – пойдем ли мы к этой миссис Окшот сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется еще кто-то, кроме нас, и я…

Громкий шум, донесшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы в желтом свете качающейся лампы увидели маленького краснолицего человечка. Брэкинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

– Хватит с меня и вас и ваших гусей! – орал Брэкин-ридж. – Провалитесь вы все к дьяволу! Если вы еще раз сунетесь ко мне с вашими дурацкими расспросами, я спущу на вас цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшот, ей я отвечу. А вы-то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей?

– Нет, но все же один из них мой, – захныкал человечек.

– Ну и спрашивайте его тогда с миссис Окшот!

– Она мне велела узнать у вас.

– Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Довольно! Убирайтесь отсюда!

Он яростно бросился вперед, и человечек быстро исчез во мраке.

– Ага, нам, кажется, не придется идти на Брикстон-роуд, – прошептал Холмс. – Пойдем посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещенных ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, что он сильно побледнел.

– Кто вы такой? Что вам надо? – спросил он дрожащим голосом.

– Извините меня, – мягко сказал Холмс, – но я случайно слышал, какой вопрос вы задали этому торговцу. Я думаю, что могу быть вам полезен.

– Вы? Кто вы? Откуда вы могли узнать, что мне нужно?

– Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия – знать то, чего не знают другие.

– Но о том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

– Прошу прощения, но я знаю все. Вы пытаетесь разыскать следы

гусей, проданных миссис Окшот с Брикстон-роуд торговцу по имени Брэкинридж, которых он продал мистеру Виндигету, владельцу «Альфы», а тот, в свою очередь, своему «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

– О сэр, вы как раз тот самый человек, с которым я жаждал встретиться! – вскричал человечек, протягивая дрожащие руки. – Я просто не могу выразить вам, как все это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

– В таком случае лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади, – сказал он. – Но прежде чем мы отправимся в путь, скажите мне, пожалуйста, кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

– Меня зовут Джон Робинсон, – сказал он, отводя глаза в сторону.

– Нет, нет, как ваше настоящее имя? – ласково сказал Холмс. – Всегда гораздо удобнее действовать под собственным именем.

Бледные щеки незнакомца загорелись румянцем.

– В таком случае, – сказал он, – мое настоящее имя Джеймс Райдер.

– Вот это правильно. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кеб, и вскоре я расскажу вам все, что вы пожелаете знать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на одного, то на другого из нас, и в глазах его надежда сменялась испугом. Видно было, что он не знал, ждет ли его беда или великое счастье. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы уже были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой не было произнесено ни единого слова. Но спутник наш так громко дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что и без слов было ясно, в каком нервном возбуждении находился он во время пути.

– Ну, вот мы и дома! – весело сказал Холмс. – Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займемся вашим делом. Ну вот! Вы хотите знать, что стало с теми гусями?

– Да, сэр.

– Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них – белый, с черной полоской на хвосте…

Райдер затрепетал от волнения.

– О сэр! – вскричал он. – Вы можете мне сказать, где находится этот гусь?

– Он здесь.

– Здесь?

– Да. И он оказался необыкновенным гусем. Неудивительно, что вы так заинтересовались им. После смерти он снес яйцо, красивое, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, у меня в музее.

Наш посетитель встал, шатаясь, и правой рукой уцепился за каминную доску. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным ярким переливчатым светом. Райдер стоял с искаженным лицом, не зная, требовать ли камень себе или отказаться от всяких прав на него.

– Игра проиграна, Райдер, – спокойно сказал Шерлок Холмс. – Держитесь крепче на ногах, не то вы упадете в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он еще недостаточно силен, чтобы хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток водки. Так. Теперь он немного похож на человека. Ну и жалкая же козявка!

Райдер зашатался и чуть не упал на пол, но водка вызвала на его щеки слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

– Я знаю почти все, и в моих руках почти все доказательства, поэтому вам немногое придется добавить. Однако это немногое вы должны рассказать нам сейчас же, чтобы в деле не было ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, об этом голубом карбункуле графини Моркар?

– Мне сказала о нем Кэтерин Кьюзек, – ответил тот дрожащим голосом.

– Знаю: горничная ее сиятельства. И искушение легкой наживы оказалось слишком сильным для вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не стали разбираться в средствах. Мне кажется, Райдер, что из вас мог бы выйти неплохой негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже однажды уличен в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут от каминной решетки в комнате графини – вы и ваша сообщница Кьюзек – и устроили так, что именно Хорнера послали сделать необходимый ремонт. Когда Хорнер ушел, вы украли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого…

Тут Райдер внезапно сполз на ковер и обеими руками обхватил колени моего друга.

– Ради бога, сжальтесь надо мной! – закричал он. – Подумайте о моем отце, о моей матери! Это убьет их! Я никогда не воровал! Никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради Христа, не доводите его до суда!

– Ступайте на место, – сурово сказал Холмс. – Хорошо вам теперь пресмыкаться и ползать! А что вы думали, когда отправляли беднягу

Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он неповинен?

– Я могу бежать, мистер Холмс! Я покину Англию, сэр! Тогда обвинение против него отпадет…

– Гм! Мы еще потолкуем об этом. А пока послушаем правдивый рассказ о том, что случилось после воровства. Каким образом камень попал в гуся и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда – единственный путь к спасению.

Райдер провел языком по пересохшим губам.

– Я расскажу вам всю правду, – сказал он. – Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень, пока полиции не пришло в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто по служебному делу, и направился к дому моей сестры. Она замужем за неким Окшотом, живет на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный вечер, пот градом струился у меня по лицу, пока я не дошел до Брикстон-роуд. Сестра спросила меня, что случилось и почему я так бледен. Я ответил, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошел на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что предпринять.

У меня был приятель по имени Модели, который сбился с пути и отбыл срок наказания в Пентонвильской тюрьме. Однажды мы встретились с ним, разговорились о ворах, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килбурн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться до него? Я вспомнил о тех терзаниях, которые я пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял, прислонившись к стене, глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире…

Несколько недель назад сестра сказала мне, что к Рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а я знал, что она всегда держит слово. Я решил взять гуся сейчас же и в нем донести камень до Килбурна. Во дворе был какой-то сарай, и за этот сарай я загнал огромного, очень хорошего гуся, белого с полосатым хвостом. Я поймал его, открыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень прошел к нему в зоб. Но гусь бился и хлопал

крыльями, и сестра вышла узнать, в чем дело. Когда я повернулся к ней, чтобы ответить, негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты сделал с птицей, Джеймс?» – спросила сестра.

«Да вот, – сказал я, – ты говорила, что подаришь мне гуся к Рождеству, и я пробовал, который из них пожирнее».

«О, – сказала она, – мы уже отобрали для тебя гуся. Мы так и называем его: «Гусь Джеймса». Вон тот, большой, весь белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один для тебя, один для нас, а две дюжины – на продажу».

«Спасибо, Мэгги, – сказал я. – Но если тебе все равно, дай мне того, которого я только что держал в руках».

«Твой тяжелее этого по крайней мере фунта на три, и мы откармливали его специально для тебя».

«Это ничего не значит. Я хочу именно этого и хочу сейчас же взять его с собой».

«Твое дело, – сказала сестра немного обиженно. – Какого же хотел бы ты взять?»

«Вон того белого, с черной полоской на хвосте… Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста. Режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понес птицу в Килбурн. Я рассказал своему приятелю обо всем – он из тех людей, кому легко рассказывать подобные вещи. Он хохотал до упаду, а потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что камня здесь нет и что произошла страшная ошибка. Я оставил гуся, пустился бегом к сестре и влетел к ней на задний двор. Во дворе гусей не было.

«Где гуси, Мэгги?» – крикнул я.

«Отправлены торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брэкинриджу, на Ковент-Гарден».

«А был среди гусей еще один с полосатым хвостом – такой же, как и тот, которого я только что зарезал?» – спросил я.

«Да, Джеймс, было два гуся с полосатыми хвостами, и я всегда путала их»

Тут, конечно, я понял все и со всех ног помчался к этому Брэкинриджу. Но он уже распродал всех гусей и ни за что не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как грубо он мне отвечал. Сестра моя думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот…

и вот я – презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погубил свою жизнь. Боже, помоги мне! Боже, помоги!

Он судорожно зарыдал, закрыв лицо руками. Наступило долгое молчание, прерываемое лишь тяжелыми вздохами Райдера да мерным постукиванием пальцев моего друга по краю стола. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь парадную дверь.

– Убирайтесь! – проговорил он.

– Как, сэр?.. О, да благословит вас небо!

– Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донесся быстрый топот.

– В конце концов, Уотсон, – сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке, – я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и дело заглохнет. Возможно, я делаюсь укрывателем мошенника, но, вернее, я спасаю человека от окончательной гибели. С этим молодцом подобных случаев уже не повторится – он слишком напуган. Жизнь столкнула нас со странной и забавной загадкой! Разрешение этой загадки – само по себе награда. Если вы будете любезны дернуть звонок, мы займемся новым «исследованием», в котором главную роль будет играть опять-таки птица: не забудьте, что к обеду у нас куропатка.

Пестрая лента

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса – а таких записей у меня больше семидесяти, – я нахожу в них немало трагического, кое-что забавное, кое-что странное, но нет ни в одной из них ничего заурядного. Работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, банальных дел; его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело Ройлотта. Мы с Холмсом, два холостяка, жили тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет небесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримсби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1888 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно.

– Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, – сказал он. – Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она – меня, а я – вас.

– Что же там такое? Пожар?

– Нет, клиентка. Какая-то девушка, ужасно взволнованная, приехала и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодые дамы решаются в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постелей незнакомых людей, я полагаю, что они хотят сообщить какие-то очень важные факты. Дело может оказаться интересным, и вам будет неприятно, если вы не услышите этой истории с самого первого слова.

– Буду счастлив услышать ее.

Я не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порою казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся и через несколько минут был готов. Мы вошли в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

– Доброе утро, сударыня, – сказал Холмс приветливо. – Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага, я вижу: миссис Хадсон догадалась затопить камин. Это хорошо, так как вы очень продрогли. Подсаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

– Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, – тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

– А что же?

– Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее бледное, искаженное ужасом лицо. В ее остановившихся глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

– Вам нечего бояться, – сказал он, ласково погладив ее по руке. – Я уверен, что нам удастся отстранить от вас все неприятности… Вы приехали утренним поездом.

– Разве вы меня знаете?

– Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама сильно вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

– Здесь нет никакого чуда, сударыня, – сказал он, улыбаясь. – Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах обрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

– Все так и было, – сказала она. – Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Лэтерхэде и с первым поездом приехала в Лондон, на вокзал Ватерлоо… Сэр, я не могу больше вынести этого, я сойду с ума! Я умру!.. У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне большое участие, но чем он может мне помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы так помогли в минуту ее тяжелого горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот

непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но месяца через два я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

– Фаринтош… – сказал он. – Ах да, я вспоминаю этот случай. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Дело шло о диадеме из опалов. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам все подробности вашего дела.

– Увы! – ответила девушка. – Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, подозрения основываются на таких мелочах, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взорах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца, и вы можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

– Я весь внимание, сударыня.

– Меня зовут Эллен Стонер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии.

Холмс кивнул головой.

– Мне знакомо это имя, – сказал он.

– Было время, когда семья Ройлотт была одной из самых богатых в Англии. На севере Ройлотты владели поместьями в Беркшире, а на западе – в Гемпшире. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали свое состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежнего поместья остались лишь несколько акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад. Впрочем, дом уже давно заложен.

Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособляться к новому положению вещей, взял взаймы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил

в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража. Кража эта так возмутила Ройлотта, что в припадке бешенства он избил до смерти туземца-дворецкого, который служил у него. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стонер, молодой вдове генерал-майора бенгальской[72] артиллерии. Мы были близнецы – я и моя сестра Джулия. Когда мать наша выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, всем этим доходом должен был пользоваться доктор Ройлотт, но только до тех пор, пока мы живем в его доме. Если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода.

Вскоре после нашего возвращения в Англию моя мать умерла – она погибла восемь лет назад при железнодорожной катастрофе. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне, чтобы наладить там медицинскую практику, и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морене. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять все наши желания, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того чтобы подружиться с соседями, которые вначале радовались, увидев, что Ройлотт из Сток-Морена вернулся в старое родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, да и то лишь затем, чтобы затеять безобразную ссору с первым же человеком, который встретится ему на пути.

Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках.

Много было у него яростных столкновений с соседями. Два раза дело кончалось полицейским участком. Он сделался грозой всего селения… Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и так как он в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в разные стороны.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги,

какие я могла собрать. Единственные друзья его – кочующие цыгане. Этим бродягам он позволяет раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают пантера и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Слуги не хотели жить у нас, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

– Ваша сестра умерла?

– Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни у нас было мало возможностей встречаться с людьми нашего возраста и нашего круга. У нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, которая живет близ Хэрроу, и к ней время от времени нас отпускали погостить. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее Рождество. Там она встретилась с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня моей единственной подруги…

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на диванную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

– Прошу вас рассказать все возможно точнее, не пропуская ни одной подробности, – сказал он.

– Мне легко быть точной, потому что все события этого ужасного времени глубоко врезались в мою память… Как я уже говорила, помещичий дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей – я. Между спальнями нет сообщения, все они выходят в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

– О да, очень ясно.

– Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он не лег,

так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Запах этот заставил сестру покинуть свою комнату и перейти в мою, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня: «Скажи, Эллен, не кажется ли тебе по ночам, будто кто-то свистит?»

«Нет», – сказала я.

«И ты уверена, что тебе не случалось свистеть во время сна?»

«Конечно, не случалось. Но почему ты спрашиваешь об этом?»

«В последние ночи, часов около трех, мне ясно слышится тихий отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Я не могу понять, откуда он доносится, – быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки», – улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

– Вот как! – сказал Холмс. – Вы на ночь всегда запирались на ключ?

– Всегда.

– А почему?

– Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили пантера и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

– Понимаю. Прошу продолжать.

– Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Была жуткая ночь: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль ужаса. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно упал на землю тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь приоткрыта. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Подбежав к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени ее подогнулись и она рухнула

наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, а руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнала, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула… О, я никогда не забуду ее страшного голоса!

«Боже мой, Эллен! – кричала она. – Пестрая банда!»

Она пыталась еще что-то сказать, указала пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова.

Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он вбежал к ней в комнату. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры…

– Позвольте спросить, – сказал Холмс, – вы уверены, что слышали свист и металлический лязг? Могли бы вы показать это под присягой?

– Об этом спрашивал меня следователь на допросе. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение завывания бури и потрескивания старого дома.

– Ваша сестра была одета?

– Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечный коробок.

– Это доказывает, что она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

– Он тщательно изучил все это дело, потому что буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Исследование полов тоже не дало результатов. Печная труба широка, в ней целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

– А как насчет яда?

– Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

– Что же, по-вашему, было причиной смерти?

– Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я

не представляю себе, кто мог ее так напугать.

– А цыгане были в то время в усадьбе?

– Да, цыгане почти всегда живут у нас.

– А что, по-вашему, могли означать ее слова о банде, о пестрой банде?

– Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда я думала, что они относятся к какой-то банде людей – может быть, к банде цыган. Но почему эта банда пестрая? Возможно, что платки с крапинками, которые многие цыганки носят на голове, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, такое объяснение не удовлетворяло его.

– Это дело темное, – сказал он. – Прошу вас, продолжайте.

– С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знала много лет, сделал мне предложение. Его зовут Эрмитедж, Пэрси Эрмитедж, он второй сын мистера Эрмитеджа из Крэнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и весной мы должны были обвенчаться.

Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Лечь в постель я не могла – я была слишком взволнована, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Лэтерхэд, а оттуда сюда – с одной только мыслью повидать вас и просить у вас совета.

– Вы очень умно поступили, – сказал мой друг. – Но все ли вы рассказали мне?

– Да, все.

– Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

– Я не понимаю вас…

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку рукава нашей посетительницы. Пять багровых пятнышек – следы пяти пальцев – ясно виднелись на белом запястье.

– С вами обошлись очень жестоко, – сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

– Отчим суровый человек, – сказала она. – Он очень силен и, возможно, сам не сознает своей силы.

Наступило долгое молчание, во время которого Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

– Это очень сложное дело, – сказал он наконец. – Мне хотелось бы выяснить еще тысячи подробностей, прежде чем решить, как надо действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морен, удалось бы нам осмотреть эти комнаты так, чтобы ваш отчим ничего не узнал?

– Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то очень важным делам. Возможно, что он будет отсутствовать весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

– Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

– Ровно ничего.

– Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

– У меня есть кое-какие дела, которые мне хотелось бы сделать здесь, в городе. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

– Ждите нас вскоре после полудня. У меня тоже здесь есть кое-какие дела. Может быть, вы останетесь и позавтракаете с нами?

– Нет, мне надо идти! У меня камень свалился с души, когда я рассказала вам о своем горе. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

– Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

– По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

– Достаточно грязное и достаточно темное.

– Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в той комнате крепки, что через двери, окна и печную трубу невозможно туда проникнуть, ее сестра в минуту своей таинственной смерти находилась в полном одиночестве.

– В таком случае что означают эти ночные свисты и в высшей степени странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить все факты вместе: ночные свисты, банду цыган, с которой у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то банду и, наконец, тот факт, что мисс Эллен

Стонер слышала какой-то металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни… если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, – я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам пролить свет на это таинственное происшествие.

– Что же, по-вашему, делали здесь цыгане?

– Не знаю… Не могу сообразить.

– У меня множество возражений против вашей гипотезы.

– У меня тоже, и потому мы сегодня же едем в Сток-Морен. Я хочу проверить все на месте… Но, черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Одет он был не то как врач, не то как помещик. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гетры и охотничий хлыст. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискался в эту дверь. Его толстое, желтое от загара лицо было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд с Шерлока Холмса на меня и обратно.

– Который из вас Холмс? – промолвил наконец посетитель.

– Это мое имя, сэр, – спокойно ответил мой друг. – Теперь вы имеете предо мной преимущество, так как ваша фамилия мне неизвестна.

– Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морена.

– Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Шерлок Холмс.

– Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

– Холодная у нас нынче весна! – сказал Холмс.

– Что она говорила вам? – злобно закричал старик.

– Но я слышал, что крокусы будут отлично цвести, – невозмутимо продолжал мой приятель.

– Ага, вы хотите отделаться от меня! – сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом. – Знаю я вас: вы подлец! Я уже слышал про вас. Вы любите соваться в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

– Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

– Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

– Вы удивительно приятный собеседник, – сказал он. – Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

– Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стонер была здесь, я выследил ее! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

– Постарайтесь не попадаться мне в лапы! – прорычал он, швырнул искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

– Какой любезный господин! – смеясь, сказал Холмс. – Я не такой великан, но, если бы он не ушел, мне пришлось бы показать ему, что я едва ли слабее его.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

– Какая наглость смешивать меня с полицейскими! Благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает оттого, что так необдуманно позволила этой скотине проследить за собой. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

– Я видел завещание покойной жены доктора, – сказал он. – Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу сто фунтов стерлингов, но с тех пор, в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. При выходе замуж каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей… Я не напрасно потратил все утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма важные основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер – превосходный аргумент для джентльмена,

который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка – вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть в вагон. Приехав в Лэтерхэд, мы в гостинице возле станции взяли тарантас и проехали миль пять живописными дорогами Сэрри. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Странным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда! Мой приятель сидел, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал мне на луга куда-то вдаль.

– Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма; из-за веток виднелись очертания крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

– Сток-Морен? – спросил Шерлок Холмс.

– Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта, – ответил возница.

– Там сбоку есть постройка, – сказал Холмс. – Нам нужно попасть туда.

– Мы едем к деревне, – сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева. – Но если вы хотите скорей попасть к дому, ближе всего вам будет перелезть здесь через забор, а потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

– А эта леди – как будто мисс Стонер, – сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца. – Да, мы пойдем по тропинке.

Мы вышли из тарантаса, расплатились, и экипаж покатил обратно в Лэтерхэд.

– Пусть этот малый думает, что мы архитекторы, – сказал Холмс, – тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стонер! Видите, как точно мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

– Я с таким нетерпением ждала вас! – воскликнула она, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, – сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стонер побледнела.

– Боже мой! – воскликнула она. – Значит, он шел за мной следом!

– Похоже на то.

– Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что скажет он, когда возвратится?

– Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. Вы должны на ночь запереться от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Хэрроу… Ну а теперь нам нужно как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был построен из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клещи у краба, по обеим сторонам высокого центрального здания. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной. Зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что семья живет именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, с глубоким вниманием изучая внешний вид окон.

– Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно – из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, – из комнаты доктора Ройлотта…

– Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

– Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

– Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

– Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

– Да, но очень маленькие. Такие узкие, что в них невозможно пролезть.

– Так как вы обе запирались на ключ, то с той стороны пробраться в ваши комнаты было никак нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стонер исполнила его просьбу. Холмс употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. Он при помощи лупы осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

– Гм! – проговорил он, в раздумье почесывая подбородок. – Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Никто не может влезть в эти окна, когда ставни закрыты… Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверца вела в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стонер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином, одним из тех, которые встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный стол. Убранство комнаты довершали два стула да плетеный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние, что, казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг всей комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

– Куда проведен этот звонок? – спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала почти на подушке.

– Он проведен в комнату прислуги.

– Он как будто новее всех прочих вещей.

– Да, он проведен всего два-три года назад.

– Вероятно, ваша сестра просила об этом?

– Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

– Действительно, здесь это лишняя роскошь. Вы меня извините, я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, внимательно исследуя каждую трещину в половицах. Так же тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

– Да ведь это поддельный звонок! – сказал он.

– Он не звонит?

– Он даже не соединен с проволокой. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентилятора.

– Как странно! Я и не заметила этого.

– Очень странно… – бормотал Холмс, дергая шнур. – В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть

безумным строителем, чтобы вывести вентилятор в соседнюю комнату, когда его с такой же легкостью можно было вывести наружу!

– Все это сделано тоже очень недавно, – сказала Эллен.

– Сделано примерно в одно время со звонком, – заметил Холмс.

– Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

– Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляторы, которые не вентилируют. С вашего позволения, мисс Стонер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф – вот те предметы, которые бросились нам в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, исследуя каждую вещь с живейшим интересом.

– Что здесь? – спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

– Деловые бумаги.

– Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

– Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была куча бумаг.

– А нет ли в нем, например, кошки?

– Нет. Что за странная мысль!

– А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.

– Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть пантера и павиан.

– Пантера, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце может удовлетворить ее жажду. В этом кроется как раз то, что хотел бы я выяснить.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать его сиденье.

– Благодарю вас, все ясно, – сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. – Ага, вот нечто весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая плеть для собаки, висевшая в углу кровати. На ее конце была петля.

– Что вы об этом думаете, Уотсон?

– По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось свертывать ее в петлю.

– Не такая уж обыкновенная… Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь, с вашего разрешения, мы выйдем

пройтись по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и мрачным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стонер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

– Очень важно, мисс Стонер, чтобы вы в точности следовали моим советам, – сказал он.

– Я исполню все беспрекословно.

– Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

– Я отдаю себя в ваши руки.

– Во-первых, мы оба – мой друг и я – должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стонер и я взглянули на него с изумлением.

– Это необходимо. Я вам все объясню. Что это там, на той стороне? Деревенская гостиница?

– Да, там «Корона».

– Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

– Конечно.

– Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запритесь на ключ. Потом, когда вы услышите, что он пошел спать, вы откроете ставни вашего окна, снимете засов и поставите на окно лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Потом, захватив с собой все, что пожелаете, вы пройдете в ту комнату, которую раньше занимали. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

– Безусловно.

– Остальное предоставьте нам.

– Но что же вы собираетесь сделать?

– Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

– Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу, – сказала мисс Стонер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

– Быть может, да.

– Тогда, ради всего святого, скажите мне: отчего умерла моя сестра?

– Я хотел бы собрать более точные улики.

– Тогда скажите мне, по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

– Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более

вещественна… А теперь, мисс Стонер, мы должны вас покинуть, потому что, если мистер Ройлотт, возвратившись, увидит нас, наша поездка окажется совершенно напрасной. До свиданья! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из нашего окна видны были ворота парка и обитаемое крыло сток-моренского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримсби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые ворота, и мы слышали, как хрипло рычит на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал перед ним кулаками. Экипаж миновал ворота, и через несколько минут свет от лампы, зажженной в одной из гостиных, замелькал среди деревьев.

Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

– Право, не знаю, – сказал Холмс, – брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то, оказывается, очень опасное.

– Могу ли я быть полезен вам?

– Ваша помощь может оказаться огромной.

– Тогда я непременно пойду.

– Спасибо.

– Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего я не видел.

– Нет, я видел то же самое, но сделал другие выводы.

– Я не заметил в комнате ничего странного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели может служить такой звонок.

– А на вентилятор вы обратили внимание?

– Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли может пролезть сквозь него.

– Я знал об этом вентиляторе прежде, чем мы приехали в Сток-Морен.

– Неужели?

– Да, знал. Вы помните, мисс Стонер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар доктора Ройлотта? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе оно было бы замечено следователем при осмотре комнаты. Я решил, что тут должен быть вентилятор.

– Но какую опасность может таить в себе вентилятор?

– А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью устраивают вентилятор, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

– Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

– А в кровати вы не заметили ничего особенного?

– Нет.

– Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели прежде, чтобы кровати привинчивали к полу?

– Пожалуй, не видел.

– Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентилятору и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

– Холмс! – вскричал я. – Кажется, для меня немного проясняется то, что для вас совершенно ясно. Мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

– Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступления, он ужаснее всех прочих преступников. У него сильные нервы и опасные знания… Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому прошу вас, давайте пока спокойно закурим наши трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий свет засиял прямо против нашего окна.

– Это сигнал для нас, – сказал Холмс, вскакивая. – Свет горит в среднем окне.

Выходя, он объяснил хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем.

Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, и желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и только собирались лезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного урода-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом быстро промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

– Боже! – прошептал я. – Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее словно тисками. Потом тихо рассмеялся и пробормотал еле слышно:

– Милая семейка! Ведь это павиан.

Я забыл о любимцах доктора. А пантера, которая каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал:

– Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой.

– Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентилятор он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

– Не засните – от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы садитесь на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную тонкую трость и положил ее возле себя на кровать вместе с коробком спичек и огарком свечи, потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами, в таком же напряженном нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча, и мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: пантера, видимо, в самом деле гуляла на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы глухо отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы все сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно у вентилятора мелькнул луч света. Он сразу же исчез, но тотчас мы почувствовали сильный запах горелого масла и накаленного металла – кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась

из котла тонкая струйка пара. Услыхав этот звук, Холмс сразу вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

– Вы видите ее, Уотсон? – проревел он. – Видите?

Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Мы в ужасе глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

– Что это значит? – спросил я, задыхаясь.

– Это значит, что все кончено, – ответил Холмс. – И, в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел за ним следом, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял потайной фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись его голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в его взоре застыло страшное, угрюмое выражение. Вокруг его головы обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

– Лента! Пестрая лента! – прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка ужасной змеи.

– Болотная гадюка! – вскричал Холмс. – Самая смертоносная индийская змея! Он умер через десять секунд после укуса. «Поднимающий меч

от меча и погибнет». Посадим эту тварь в ее логово, потом отправим мисс Стонер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

При этих словах он быстро взял плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ее ужасного насеста, понес змею на вытянутой руке к несгораемому шкафу, швырнул туда и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морена. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как с утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Хэрроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей – ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

– Вначале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, слово «банда»[73], сказанное несчастной девушкой, – всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я сразу понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Как я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня сразу зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим вентилятор с кроватью. Мне сразу пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, напал на верный след. Именно такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти в голову употребить яд, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентилятор в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее – если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентилятора. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдце с молоком и плеть, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стонер, был, очевидно, стуком дверцы несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипение змеи, я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

– Вы прогнали ее назад в вентилятор…

– … и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти

доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

Берилловая диадема

– Посмотрите-ка, Холмс, – сказал я. – Какой-то сумасшедший бежит. Не понимаю, как родные отпускают такого без присмотра.

Я стоял у сводчатого окна нашей комнаты и глядел вниз, на Бейкер-стрит.

Холмс лениво поднялся с кресла, встал у меня за спиной и, засунув руки в карманы халата, взглянул в окно.

Было ясное февральское утро. Выпавший вчера снег лежал плотным слоем, сверкая в лучах зимнего солнца. На середине улицы снег превратился в бурую грязную массу, но по обочинам он оставался белым, как будто только что выпал. Хотя тротуары уже очистили, было все же очень скользко, и пешеходов на улице было меньше, чем обычно. Сейчас на улице на всем протяжении от станции подземки до нашего дома находился только один человек. Его эксцентричное поведение и привлекло мое внимание.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, солидный, с широким энергичным лицом и представительной фигурой. Одет он был богато, но не броско: блестящий цилиндр, темный сюртук из дорогого материала, хорошо сшитые светло-серые брюки и коричневые гетры. Однако все его поведение решительно не соответствовало его внешности и одежде. Он бежал, то и дело подскакивая, как человек, не привыкший к физическим упражнениям, размахивал руками, вертел головой, лицо его искажалось гримасами.

– Что с ним? – недоумевал я. – Он, кажется, ищет какой-то дом.

– Я думаю, что он спешит сюда, – сказал Холмс, потирая руки.

– Сюда?

– Да. Полагаю, ему нужно посоветоваться со мной. Все признаки налицо. Ну, прав я был или нет?

В это время незнакомец, тяжело дыша, кинулся к нашей двери и принялся судорожно дергать колокольчик, огласив звоном весь дом.

Через минуту он вбежал в комнату, едва переводя дух и жестикулируя. В глазах у него затаилось такое горе и отчаяние, что наши улыбки погасли и насмешка уступила место глубокому сочувствию и жалости. Сначала он не мог вымолвить ни слова, только раскачивался взад и вперед и хватал себя за голову, как человек, доведенный до грани сумасшествия. Вдруг он бросился к стене и ударился о нее головой. Мы кинулись к нашему посетителю и оттащили его на середину комнаты. Холмс усадил

несчастного в кресло, сам сел напротив и, похлопав его по руке, заговорил так мягко и успокаивающе, как никто, кроме него, не умел.

– Вы пришли ко мне, чтобы рассказать, что с вами случилось? – сказал он. – Вы утомились от быстрой ходьбы. Успокойтесь, придите в себя, и я с радостью выслушаю вас, что вы имеете сказать.

Незнакомцу потребовалась минута или больше того, чтобы отдышаться и побороть волнение. Наконец он провел платком по лбу, решительно сжал губы и повернулся к нам.

– Вы, конечно, сочли меня за сумасшедшего? – спросил он.

– Нет, но я вижу, что с вами стряслась беда, – ответил Холмс.

– Да, видит бог! Беда такая неожиданная и страшная, что можно сойти с ума. Я вынес бы бесчестье, хотя на моей совести нет ни единого пятнышка. Личное несчастье – это случается с каждым. Но одновременно и то и другое, да еще в такой ужасной форме! Кроме того, это касается не только меня. Если не будет немедленно найден выход из моего бедственного положения, может пострадать одна из знатнейших персон нашей страны.

– Успокойтесь, сэр, прошу вас, – сказал Холмс. – Расскажите, кто вы и что с вами случилось.

– Мое имя, возможно, известно вам, – проговорил посетитель. – Я Александр Холдер из банкирского дома «Холдер и Стивенсон» на Тренидл-стрит.

Действительно, имя было хорошо знакомо нам; оно принадлежало старшему компаньону второй по значению банкирской фирмы в Лондоне. Что же привело в такое жалкое состояние одного из виднейших граждан столицы? Мы с нетерпением ждали ответа на этот вопрос. Огромным усилием воли Холдер взял себя в руки и приступил к рассказу.

– Я понимаю, что нельзя терять ни минуты. Как только полицейский инспектор порекомендовал мне обратиться к вам, я немедленно поспешил сюда. Я добрался до Бейкер-стрит подземкой и всю дорогу от станции бежал: по такому снегу кэбы движутся очень медленно. Я вообще мало двигаюсь и потому так запыхался. Но сейчас мне стало лучше, и я постараюсь изложить все факты как можно короче и яснее.

Вам, конечно, известно, что в банковском деле очень многое зависит от умения удачно вкладывать средства и в то же время расширять клиентуру. Один из наиболее выгодных способов инвестирования средств – выдача ссуд под солидное обеспечение. За последние годы мы немало успели в этом отношении. Мы ссужаем крупными суммами знатные семейства под обеспечение картинами, фамильными

библиотеками, сервизами.

Вчера утром я сидел в своем кабинете в банке, и кто-то из клерков принес мне визитную карточку. Я вздрогнул, прочитав имя, потому что это был не кто иной, как… Впрочем, пожалуй, даже вам я не решусь его назвать. Это имя известно всему миру; имя одной из самых высокопоставленных и знатных особ Англии. Я был ошеломлен оказанной мне честью и, когда он вошел, хотел было выразить свои чувства высокому посетителю. Но он прервал меня: ему, видно, хотелось как можно быстрее уладить неприятное для него дело.

– Мистер Холдер, я слышал, что вы предоставляете ссуды.

– Да. Фирма дает ссуды под надежные гарантии, – отвечал я.

– Мне совершенно необходимы пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и притом немедленно, – заявил он. – Конечно, такую небольшую сумму я мог бы одолжить у своих друзей, но я предпочитаю сделать этот заем в деловом порядке. И я вынужден сам заниматься этим. Вы, конечно, понимаете, что человеку моего положения неудобно вмешивать в это дело посторонних.

– Позвольте узнать, на какой срок вам нужны деньги? – осведомился я.

– В будущий понедельник мне вернут крупную сумму денег, и я погашу вашу ссуду с уплатой любого процента. Но мне крайне важно получить деньги сразу.

– Я был бы счастлив безоговорочно дать вам деньги из своих личных средств, но это довольно крупная сумма, так что придется сделать это от имени фирмы. Элементарная справедливость по отношению к моему компаньону требует, чтобы я принял меры деловой предосторожности.

– Иначе и быть не может, – сказал он и взял в руки квадратный футляр черного сафьяна, который перед тем положил на стол возле себя. – Вы, конечно, слышали о знаменитой берилловой диадеме?

– Разумеется. Это – национальное достояние.

– Совершенно верно. – Он открыл футляр: на мягком розовом бархате красовалось великолепнейшее произведение ювелирного искусства. – В диадеме тридцать девять крупных бериллов, – сказал он. – Ценность золотой оправы не поддается исчислению. Самая минимальная ее стоимость вдвое выше нужной мне суммы. Я готов оставить диадему у вас.

Я взял в руки футляр с драгоценной диадемой и с некоторым колебанием поднял глаза на своего именитого посетителя.

– Вы сомневаетесь в ценности диадемы? – улыбнулся он.

– О, что вы, я сомневаюсь лишь…

– …удобно ли мне оставить эту диадему вам? Можете не беспокоиться.

Мне эта мысль и в голову бы не пришла, не будь я абсолютно убежден, что через четыре дня получу диадему обратно. Пустая формальность! Ну, а само обеспечение вы считаете удовлетворительным?

– Вполне.

– Вы, разумеется, понимаете, мистер Холдер, что мой поступок – свидетельство глубочайшего доверия, которое я питаю к вам. Это доверие основано на том, что я знаю о вас. Я рассчитываю на вашу скромность, на то, что вы воздержитесь от каких-либо разговоров о диадеме. Прошу вас также беречь ее особенно тщательно, так как любое повреждение вызовет скандал. Оно повлечет почти такие же катастрофические последствия, как и пропажа диадемы. В мире больше нет таких бериллов, и, если потеряется хоть один, возместить его будет нечем. Но я доверяю вам и со спокойной душой оставляю у вас диадему. Я вернусь за нею лично в понедельник утром.

Видя, что мой клиент спешит, я без дальнейших разговоров вызвал кассира и распорядился выдать пятьдесят банковских билетов по тысяче фунтов стерлингов.

Оставшись один и разглядывая драгоценность, лежащую на моем письменном столе, я подумал об огромной ответственности, которую принял на себя. В случае пропажи диадемы, несомненно, разразится невероятный скандал: ведь она достояние нации! Я даже начал сожалеть, что впутался в это дело. Но сейчас уже ничего нельзя было изменить. Я запер диадему в свой личный сейф и вернулся к работе.

Когда настал вечер, я подумал, что было бы опрометчиво оставлять в банке такую драгоценность. Кому не известны случаи взлома сейфов? А вдруг взломают и мой? В каком ужасном положении я окажусь, случись такая беда! И я решил держать диадему при себе. Затем я вызвал кэб и поехал домой в Стритем с футляром в кармане. Я не мог успокоиться, пока не поднялся к себе наверх и не запер диадему в бюро в комнате, смежной с моей спальней.

А теперь два слова о людях, живущих в моем доме.

Я хочу, чтобы вы, мистер Холмс, полностью ознакомились с положением дел. Мой конюх и мальчик-слуга – приходящие работники, поэтому о них можно не говорить. У меня три горничные, работающие уже много лет, и их абсолютная честность не вызывает ни малейшего сомнения. Четвертая – Люси Парр, официантка, живет у нас только несколько месяцев. Она поступила с прекрасной рекомендацией и вполне справляется со своей работой. Люси – хорошенькая девушка, у нее есть поклонники, которые слоняются возле дома. Это – единственное, что мне

не нравится. Впрочем, я считаю ее вполне порядочной девушкой во всех отношениях.

Вот и все, что касается слуг. Моя собственная семья так немногочисленна, что мне не придется много о ней говорить. Я вдовец и имею единственного сына Артура. К великому моему огорчению, он обманул мои надежды. Нет ни малейшего сомнения, что виноват я сам. Говорят, я избаловал его. Очень может быть. Когда скончалась жена, я понял, что теперь сын – моя единственная привязанность. Я не мог ему отказать ни в чем, я совершенно не мог выносить даже малейшего его неудовольствия. Может быть, для нас обоих было бы лучше, будь я с ним хоть чуточку построже. Но в то время я думал иначе.

Естественно, я мечтал, что Артур когда-нибудь сменит меня в моем деле. Однако у него не оказалось никакой склонности к этому. Он стал необузданным, своенравным, и, говоря по совести, я не мог доверить ему большие деньги. Юношей он вступил в аристократический клуб, а позже благодаря обаятельным манерам стал своим человеком в кругу самых богатых и расточительных людей. Он пристрастился к крупной игре в карты, проматывал деньги на скачках и поэтому все чаще и чаще обращался ко мне с просьбой дать ему денег – в счет будущих карманных расходов. Деньги нужны были для того, чтобы расплатиться с карточными долгами. Правда, Артур неоднократно пытался отойти от этой компании, но каждый раз влияние его друга сэра Джорджа Бэрнвелла возвращало его на прежний путь.

Собственно говоря, меня не очень удивляет, что сэр Джордж Бэрнвелл оказывал такое влияние на моего сына. Артур нередко приглашал его к нам, и должен сказать, что даже я подпадал под обаяние сэра Джорджа. Он старше Артура, светский человек до мозга костей, интереснейший собеседник, много поездивший и повидавший на своем веку, к тому же человек исключительно привлекательной внешности. Но все же, думая о нем спокойно, отвлекаясь от его личного обаяния и вспоминая его циничные высказывания и взгляды, я сознавал, что сэру Джорджу нельзя доверять.

Так думал не только я – того же взгляда придерживалась и Мэри, обладающая тонкой женской интуицией.

Теперь остается рассказать лишь о Мэри, моей племяннице. Когда лет пять тому назад умер брат и она осталась одна на всем свете, я взял ее к себе. С тех пор она для меня словно родная дочь. Мэри – солнечный луч в моем доме – такая ласковая, чуткая, милая, какой только может быть женщина, и к тому же превосходная хозяйка. Мэри – моя правая рука,

я не могу себе представить, что я делал бы без нее. И только в одном она шла против моей воли. Мой сын Артур любит ее и дважды просил ее руки, но она каждый раз отказывала ему. Я глубоко убежден, что если хоть кто-нибудь способен направить моего сына на путь истинный, так это только она. Брак с ней мог бы изменить всю его жизнь… но сейчас, увы, слишком поздно. Все погибло!

Ну вот, мистер Холмс, теперь вы знаете людей, которые живут под моей крышей, и я продолжу свою печальную повесть.

Когда в тот вечер после обеда мы пили кофе в гостиной, я рассказал Артуру и Мэри, какое сокровище находится у нас в доме. Я, конечно, не назвал имени клиента. Люси Парр, подававшая нам кофе, к тому времени уже вышла из комнаты. Я твердо уверен в этом, хотя не берусь утверждать, что дверь за ней была плотно закрыта. Мэри и Артур, заинтригованные моим рассказом, хотели посмотреть знаменитую диадему, но я почел за благо не прикасаться к ней.

– Куда же ты ее положил? – спросил Артур.

– В бюро.

– Будем надеяться, что сегодня ночью к нам не вломятся грабители, – сказал он.

– Бюро заперто на ключ, – возразил я.

– Пустяки! К нему подойдет любой ключ. В детстве я сам открывал его ключом от буфета.

Он часто нес всякий вздор, и я не придал значения его словам. После кофе Артур с мрачным видом последовал в мою комнату.

– Послушай, папа, – сказал он, опустив глаза. – Не мог бы ты одолжить мне двести фунтов?

– Ни в коем случае, – ответил я резко. – Я и так слишком распустил тебя в денежных делах.

– Да, ты всегда щедр, – сказал он. – Но сейчас мне крайне нужна эта сумма, иначе я не смогу показаться в клубе.

– Тем лучше! – воскликнул я.

– Но меня же могут посчитать за нечестного человека! Я не вынесу такого позора. Так или иначе я должен достать деньги. Если ты не дашь мне двести фунтов, я буду вынужден раздобыть их иным способом.

Я возмутился: за последний месяц он третий раз обращался ко мне с подобной просьбой.

– Ты не получишь ни фартинга! – закричал я.

Он поклонился и вышел из комнаты, не сказав ни слова.

После ухода Артура я заглянул в бюро, убедился, что драгоценность

на месте, и снова запер его на ключ.

Затем я решил обойти комнаты и посмотреть, все ли в порядке. Обычно эту обязанность берет на себя Мэри, но сегодня я решил, что лучше сделать это самому. Спускаясь с лестницы, я увидел свою племянницу – она закрывала окно в гостиной.

– Скажите, папа, вы разрешили Люси отлучиться?

Мне показалось, что Мэри немножко встревожена.

– Об этом и речи не было.

– Она только что вошла через черный ход. Думаю, что она выходила к калитке повидаться с кем-нибудь. Мне кажется, это ни к чему, и пора это прекратить.

– Непременно поговори с ней завтра, или, если хочешь, я сам это сделаю. Ты проверила, все хорошо заперто?

– Да, папа.

– Тогда спокойной ночи, дитя мое. – Я поцеловал ее отправился к себе в спальню и вскоре уснул.

Я подробно говорю обо всем, что может иметь хоть какое-нибудь отношение к делу, мистер Холмс. Но, если что-либо покажется вам неясным, спрашивайте, не стесняйтесь.

– Нет, нет, вы рассказываете вполне ясно, – ответил Холмс.

– Сейчас я перехожу к той части рассказа, которую хотел бы изложить особенно детально. Обычно я сплю не очень крепко, а беспокойство в тот раз отнюдь не способствовало крепкому сну. Около двух часов ночи я проснулся от какого-то слабого шума. Шум прекратился прежде, чем я сообразил, в чем дело, но у меня создалось впечатление, что где-то осторожно закрыли окно. Я весь обратился в слух. Вдруг до меня донеслись легкие шаги в комнате рядом с моей спальней. Я выскользнул из постели и, дрожа от страха, выглянул за дверь.

– Артур! – закричал я. – Негодяй! Вор! Как ты посмел притронуться к диадеме!

Газ был притушен, и при его свете я увидел своего несчастного сына – на нем была только рубашка и брюки. Он стоял около газовой горелки и держал в руках диадему. Мне показалось, что он старался согнуть ее или сломать. Услышав меня, Артур выронил диадему и повернулся ко мне, бледный как смерть. Я схватил сокровище: не хватало золотого зубца с тремя бериллами.

– Подлец! – закричал я вне себя от ярости. – Сломать такую вещь! Ты обесчестил меня, понимаешь? Куда ты дел камни, которые украл?

– Украл? – попятился он.

– Да, украл! Ты вор! – кричал я, тряся его за плечи.

– Нет, не может быть, ничего не могло пропасть! – бормотал он.

– Тут недостает трех камней. Где они? Ты, оказывается, не только вор, но и лжец! Я же видел, как ты пытался отломить еще кусок.

– Хватит! Я больше не намерен терпеть оскорбления, – холодно сказал Артур. – Ты не услышишь от меня ни слова. Утром я ухожу из дому и буду сам устраиваться в жизни.

– Ты уйдешь из моего дома только в сопровождении полиции! – кричал я, обезумев от горя и гнева. – Я хочу знать все, абсолютно все!

– Я не скажу ни слова! – неожиданно взорвался он. – Если ты считаешь нужным вызвать полицию – пожалуйста, пусть ищут!

Я кричал так, что поднял на ноги весь дом. Мэри первой вбежала в комнату. Увидев диадему и растерянного Артура, она все поняла и, вскрикнув, упала без чувств. Я послал горничную за полицией. Когда прибыли полицейский инспектор и констебль, Артур, мрачно стоявший со скрещенными руками, спросил меня, неужели я действительно собираюсь предъявить ему обвинение в воровстве. Я ответил, что это дело отнюдь не частное, что диадема – собственность нации и что я твердо решил дать делу законный ход.

– Но ты по крайней мере не дашь им арестовать меня сейчас же, – сказал он. – Во имя наших общих интересов разреши мне отлучиться из дому хотя бы на пять минут.

– Для того, чтобы ты скрылся или получше припрятал краденое? – воскликнул я.

Я понимал весь ужас своего положения и заклинал его подумать о том, что на карту поставлено не только мое имя, но и честь гораздо более высокого лица, что исчезновение бериллов вызовет огромный скандал, который потрясет всю нацию. Всего можно избежать, если только он скажет, что он сделал с тремя камнями.

– Пойми, – говорил я. – Ты задержан на месте преступления. Признание не усугубит твою вину. Напротив, если ты вернешь бериллы, то поможешь исправить создавшееся положение и тебя простят.

– Приберегите свое прощение для тех, кто в нем нуждается, – сказал он высокомерно и отвернулся.

Я видел, что он крайне ожесточен, и понял, что дальнейшие уговоры бесполезны. Оставался один выход. Я пригласил инспектора, и тот взял Артура под стражу.

Полицейские немедленно обыскали Артура и его комнату, обшарили каждый закоулок в доме, но обнаружить драгоценные камни не удалось,

а негодный мальчишка не раскрывал рта, несмотря на наши увещевания и угрозы. Сегодня утром его отправили в тюрьму. А я, закончив формальности, поспешил к вам. Умоляю вас применить все свое искусство, чтобы раскрыть это дело. В полиции мне откровенно сказали, что в настоящее время вряд ли смогут чем-нибудь помочь мне. Я не остановлюсь ни перед какими расходами. Я уже предложил вознаграждение в тысячу фунтов… Боже! Что же мне делать? Я потерял честь, состояние и сына в одну ночь… О, что мне делать?!

Он схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, бормотал, как ребенок, который не в состоянии выразить свое горе.

Несколько минут Холмс сидел молча, нахмурив брови и устремив взгляд на огонь в камине.

– У вас часто бывают гости? – спросил он.

– Нет, у нас никого не бывает, иногда разве придет компаньон с женой да изредка кто-либо из друзей Артура. Недавно к нам несколько раз заглядывал сэр Джордж Бэрнвелл. Больше никого.

– А вы сами часто бываете в обществе?

– Артур – часто. А мы с Мэри всегда дома. Мы оба домоседы.

– Это необычно для молодой девушки.

– Она не очень общительная и к тому же не такая уж юная. Ей двадцать четыре года.

– Вы говорите, что случившееся явилось для нее ударом?

– О да! Она потрясена больше меня.

– А у вас не появлялось сомнения в виновности Артура?

– Какие же могут быть сомнения, когда я собственными глазами видел диадему в руках у Артура?

– Я не считаю это решающим доказательством вины. Скажите, кроме отломанного зубца, были какие-нибудь еще повреждения на диадеме?

– Она была погнута.

– А вам не приходила мысль, что ваш сын просто пытался распрямить ее?

– Что вы! Я понимаю, вы хотите оправдать его в моих глазах. Но это невозможно. Что он делал в моей комнате? Если он не имел преступных намерений, отчего он молчит?

– Все это верно. Но, с другой стороны, если он виновен, то почему бы ему не попытаться придумать какую-нибудь версию в свое оправдание? То обстоятельство, что он не хочет говорить, по-моему, исключает оба предположения. И вообще тут есть несколько неясных деталей. Что думает полиция о шуме, который вас разбудил?

– Они считают, что Артур, выходя из спальни, неосторожно стукнул дверью.

– Очень похоже! Человек, идущий на преступление, хлопает дверью, чтобы разбудить весь дом! А что они думают по поводу исчезнувших камней?

– Они и сейчас еще простукивают стены и обследуют мебель.

– А они не пытались искать вне дома?

– Они проявили исключительную энергию. Они прочесали весь сад.

– Ну, дорогой мистер Холдер, – сказал Холмс, – разве не очевидно, что все гораздо сложнее, чем предполагаете вы и полиция? Вы считаете дело ясным, а с моей точки зрения, это очень запутанная история. Судите сами, по-вашему, ход событий таков: Артур поднимается с постели, пробирается с большим риском в ту комнату, открывает бюро и достает диадему, отламывает с большим трудом зубец, выходит и где-то прячет три берилла из тридцати девяти, причем с такой ловкостью, что никто не может их разыскать, затем вновь возвращается в вашу комнату, подвергая себя огромному риску: ведь его могут застать там. Неужели такая версия в самом деле кажется вам правдоподобной?

– Но тогда я ума не приложу, что могло случиться! – воскликнул банкир в отчаянии. – Если он не имел дурных намерений, почему он молчит?

– А вот это уже наше дело – разгадать загадку, – ответил Холмс. – Теперь, мистер Холдер, мы отправимся вместе с вами в Стритем и потратим часок-другой, чтобы на месте познакомиться с кое-какими обстоятельствами.

Мой друг настоял, чтобы я сопровождал его. И я охотно согласился: эта странная история вызвала у меня предельное любопытство и глубокую симпатию к несчастному мистеру Холдеру. Говоря откровенно, виновность Артура казалась мне, как и нашему клиенту, совершенно бесспорной, и все же я верил в чутье Холмса: если мой друг не удовлетворился объяснениями Холдера, значит, есть какая-то надежда.

Пока мы ехали к южной окраине Лондона, Холмс не проронил ни слова. Погруженный в глубокое раздумье, он сидел, опустив голову на грудь и надвинув шляпу на самые глаза. Наш клиент, напротив, казалось, воспрянул духом от слабого проблеска надежды и даже пытался завести со мной разговор о своих банковских делах. В пути мы были недолго: непродолжительная поездка по железной дороге, краткая прогулка пешком – и вот мы уже в Фэрбенке, скромной резиденции богатого финансиста.

Фэрбенк – большой квадратный дом из белого камня, расположенный недалеко от шоссе, с которым его соединяет только дорога для экипажей. Сейчас эта дорога, упирающаяся в массивные железные ворота, была занесена снегом. Направо от нее – густые заросли кустарника, за ними – узкая тропинка, по обе стороны которой живая изгородь; тропинка ведет к кухне, и ею пользуются главным образом поставщики продуктов. Налево – дорожка к конюшне. Она, собственно говоря, не входит во владения Фэрбенка и является общественной собственностью. Впрочем, там очень редко можно встретить посторонних.

Холмс не вошел в дом вместе с нами; он медленно двинулся вдоль фасада, по дорожке, ведущей на кухню и дальше через сад, в сторону конюшни. Мистер Холдер и я так и не дождались Холмса; войдя в дом, мы молча расположились в столовой около камина. Внезапно дверь отворилась, и в комнату тихо вошла молодая девушка. Она была немного выше среднего роста, стройная, с темными волосами и глазами. Эти глаза казались еще темнее оттого, что в лице ее не было ни кровинки. Мне никогда еще не приходилось видеть такой мертвенной бледности. Губы тоже были совсем белые, глаза заплаканы. Казалось, что она сильнее потрясена горем, чем даже мистер Холдер. В то же время черты ее лица говорили о сильной воле и огромном самообладании.

Не обращая на меня внимания, она подошла к дяде и нежно провела рукой по его волосам.

– Вы распорядились, чтобы Артура освободили, папа? – спросила она.

– Нет, моя девочка, дело надо расследовать до конца.

– Я глубоко убеждена, что он невиновен. Мне сердце подсказывает это. Он не мог сделать ничего дурного. Вы потом сами пожалеете, что обошлись с ним так сурово.

– Но почему же он молчит, если не виновен?

– Возможно, он обиделся, что вы подозреваете его в краже.

– Как же не подозревать, если я застал его с диадемой в руках?

– Он взял диадему в руки, чтобы посмотреть. Поверьте, папа, он невиновен. Пожалуйста, прекратите это дело. Как ужасно, что наш дорогой Артур в тюрьме!

– Я не прекращу дела, пока не будут найдены бериллы. Ты настолько привязана к Артуру, что забываешь об ужасных последствиях. Нет, Мэри, я не отступлюсь, напротив, я пригласил джентльмена из Лондона для самого тщательного расследования.

– Это вы? – Мэри повернулась ко мне.

– Нет, это его друг. Тот джентльмен попросил, чтобы мы оставили его

одного. Он хотел пройти по дорожке, которая ведет к конюшне.

– К конюшне? – Ее темные брови удивленно поднялись. – Что он думает там найти? А вот, очевидно, и он сам. Я надеюсь, сэр, что вам удастся доказать непричастность моего кузена к этому преступлению. Я убеждена в этом.

– Я полностью разделяю ваше мнение, – сказал Холмс, стряхивая у половика снег с ботинок. – Полагаю, я имею честь говорить с мисс Холдер? Вы позволите задать вам несколько вопросов?

– Ради бога, сэр! Если б только мои ответы помогли распутать это ужасное дело!

– Вы ничего не слышали сегодня ночью?

– Ничего, пока до меня не донесся громкий голос дяди, и тогда я спустилась вниз.

– Накануне вечером вы закрывали окна и двери. Хорошо ли вы их заперли?

– Да.

– И они были заперты сегодня утром?

– Да.

– У вашей горничной есть поклонник. Вчера вечером вы говорили дяде, что она выходила к нему?

– Да, она подавала нам вчера кофе. Она могла слышать, как дядя рассказывал о диадеме.

– Понимаю. Отсюда вы делаете вывод, что она могла что-то сообщить своему поклоннику и они вместе замыслили кражу.

– Ну какой прок от всех этих туманных предположений? – нетерпеливо воскликнул мистер Холдер. – Ведь я же сказал, что застал Артура с диадемой в руках.

– Не надо спешить, мистер Холдер. К этому мы еще вернемся. Теперь относительно вашей прислуги. Мисс Холдер, она вошла в дом через кухню?

– Да. Я спустилась посмотреть, заперта ли дверь, и увидела Люси у порога. Заметила в темноте и ее поклонника.

– Вы знаете его?

– Да, он зеленщик, приносит нам овощи. Его зовут Фрэнсис Проспер.

– И он стоял немного в стороне, не у самой двери?

– Да.

– И у него деревянная нога?

Что-то вроде испуга промелькнуло в выразительных черных глазах девушки.

– Вы волшебник, – сказала она. – Как вы это узнали? – Она улыбнулась, но на худощавом энергичном лице Холмса не появилось ответной улыбки.

– Я хотел бы подняться наверх, – сказал он. – Впрочем, сначала я посмотрю окна.

Он быстро обошел первый этаж, переходя от одного окна к другому, затем остановился у большого окна, которое выходило на дорожку, ведущую к конюшне. Он открыл окно и тщательно, с помощью сильной лупы осмотрел подоконник.

– Что ж, теперь пойдемте наверх, – сказал он наконец.

Комната, расположенная рядом со спальней банкира, выглядела очень скромно: серый ковер, большое бюро и высокое зеркало. Холмс первым делом подошел к бюро и тщательно осмотрел замочную скважину.

– Каким ключом отперли его? – спросил он.

– Тем самым, о котором говорил мой сын, – от буфета в чулане.

– Где ключ?

– Вон он, на туалетном столике.

Холмс взял ключ и открыл бюро.

– Замок бесшумный, – сказал он. – Неудивительно, что вы не проснулись. В этом футляре, я полагаю, и находится диадема? Посмотрим… – Он открыл футляр, извлек диадему и положил на стол.

Это было чудесное произведение ювелирного искусства. Таких изумительных камней мне никогда не приходилось видеть. Один зубец диадемы был отломан.

– Вот этот зубец соответствует отломанному, – сказал Холмс. – Будьте любезны, мистер Холдер, попробуйте отломить его.

– Боже меня сохрани! – воскликнул банкир, в ужасе отшатнувшись от Холмса.

– Ну, так попробую я. – Холмс напряг все силы, но попытка оказалась безуспешной. – Немного поддается, но мне, пожалуй, пришлось бы долго повозиться, чтоб отломить зубец, хотя руки у меня очень сильные. Человеку с обычным физическим развитием это вообще не под силу. Но допустим, что я все же сломал диадему. Раздался бы треск, как выстрел из пистолета. Неужели вы полагаете, мистер Холдер, что это произошло чуть ли не над вашим ухом и вы ничего не услышали?

– Уж не знаю, что и думать. Мне все это совершенно непонятно.

– Как знать, может быть, все разъяснится. А что вы думаете, мисс Холдер?

– Признаюсь, я разделяю недоумение моего дяди.

– Скажите, мистер Холдер, были ли в тот момент на ногах вашего сына

ботинки или туфли?

– Нет, он был босой, на нем были только брюки и рубашка.

– Благодарю вас. Ну что ж, нам просто везет, и если мы не раскроем тайну, то только по нашей собственной вине. С вашего разрешения, мистер Холдер, я еще раз обойду вокруг дома.

Холмс вышел один: лишние следы, по его словам, только затрудняют работу.

Он пропадал около часу, а когда вернулся, ноги у него были все в снегу, а лицо непроницаемо, как обычно.

– Мне кажется, я осмотрел все, что нужно, – сказал он, – и могу отправиться домой.

– Ну, а как же камни, мистер Холмс, где они? – воскликнул банкир.

– Этого я сказать не могу.

Банкир в отчаянии заломил руки.

– Неужели они безвозвратно пропали? – простонал он. – А как же Артур? Дайте хоть самую маленькую надежду!

– Мое мнение о вашем сыне не изменилось.

– Ради всего святого, что же произошло в моем доме?

– Если вы посетите меня на Бейкер-стрит завтра утром между девятью и десятью, я думаю, что смогу дать более подробные объяснения. Надеюсь, вы предоставите мне свободу действий при условии, разумеется, что камни будут возвращены, и не постоите за расходами?

– Я отдал бы все свое состояние!

– Прекрасно. Я подумаю над этой историей. До свидания. Возможно, я еще загляну сегодня сюда.

Было совершенно ясно, что Холмс уже что-то надумал, но я даже приблизительно не мог представить себе, к каким выводам он пришел. По дороге в Лондон я несколько раз пытался навести беседу на эту тему, но Холмс всякий раз уходил от ответа. Наконец, отчаявшись, я прекратил свои попытки. Не было еще и трех часов, когда мы возвратились домой. Холмс поспешно ушел в свою комнату и через несколько минут снова появился. Он успел переодеться. Потрепанное пальто с поднятым воротником, небрежно повязанный красный шарф и стоптанные башмаки придавали ему вид типичного бродяги.

– Ну, так, я думаю, сойдет, – сказал он, взглянув в зеркало над камином. – Хотелось бы взять с собою и вас, Уотсон, но это невозможно. На верном пути я или нет, скоро узнаем. Думаю, что вернусь через несколько часов. – Он открыл буфет, отрезал кусок говядины, положил его между двумя кусками хлеба и, засунув сверток в карман,

ушел.

Я только что закончил пить чай, когда Холмс возвратился в прекрасном настроении, размахивая каким-то старым ботинком. Он швырнул его в угол и налил себе чашку.

– Я заглянул на минутку, сейчас отправлюсь дальше.

– Куда же?

– На другой конец Вест-Энда. Вернусь, возможно, не скоро. Не ждите меня, если я запоздаю.

– Как успехи?

– Ничего, пожаловаться не могу. Я был в Стритеме, но в дом не заходил. Интересное дельце, не хотелось бы упустить его. Хватит, однако, болтать, надо сбросить это тряпье и снова стать приличным человеком.

По поведению моего друга я видел, что он доволен результатами. Глаза у него блестели, на бледных щеках даже появился слабый румянец. Он поднялся к себе в комнату, и через несколько минут я услышал, как стукнула входная дверь. Холмс снова отправился на «охоту».

Я ждал до полуночи, но, видя, что его все нет и нет, отправился спать. Холмс имел обыкновение исчезать на долгое время, когда нападал на след, так что меня ничуть не удивило его опоздание. Не знаю, в котором часу он вернулся, но, когда на следующее утро я вышел к завтраку, Холмс сидел за столом с чашкой кофе в одной руке и газетой в другой. Как всегда, он был бодр и подтянут.

– Простите, Уотсон, что я начал завтрак без вас, – сказал он. – Но вот-вот явится наш клиент.

– Да, уже десятый час, – ответил я. – Кажется, звонят? Наверное, это он.

И в самом деле это был мистер Холдер. Меня поразила перемена, происшедшая в нем. Обычно массивное и энергичное лицо его осунулось и как-то сморщилось, волосы, казалось, побелели еще больше. Он вошел усталой походкой, вялый, измученный, что представляло еще более тягостное зрелище, чем его бурное отчаяние вчерашним утром. Тяжело опустившись в придвинутое мною кресло, он проговорил:

– Не знаю, за что такая кара! Два дня назад я был счастливым, процветающим человеком, а сейчас опозорен и обречен на одинокую старость. Беда не приходит одна. Исчезла Мэри.

– Исчезла?

– Да. Постель ее не тронута, комната пуста, а на столе вот эта записка. Вчера я сказал ей, что, выйди она замуж за Артура, с ним ничего не случилось бы. Я говорил без тени гнева, просто был убит горем.

Вероятно, так не нужно было говорить. В записке она намекает на эти слова.

«Дорогой дядя!

Я знаю, что причинила вам много горя и что, поступи я иначе, не произошло бы это ужасное несчастье. С этой мыслью я не смогу быть счастливой под вашей крышей и покидаю вас навсегда. Не беспокойтесь о моем будущем и, самое главное, не ищите меня, потому что это бесцельно и может только повредить мне. Всю жизнь до самой смерти

любящая вас Мэри».

– Что означает эта записка, мистер Холмс? Уж не хочет ли она покончить самоубийством?

– О нет, ничего подобного. Может быть, это наилучшим образом решает все проблемы. Я уверен, мистер Холдер, что ваши испытания близятся к концу.

– Да, вы так думаете? Вы узнали что-нибудь новое, мистер Холмс? Узнали, где бериллы?

– Тысячу фунтов за каждый камень вы не сочтете чересчур высокой платой?

– Я заплатил бы все десять!

– В этом нет необходимости. Трех тысяч вполне достаточно, если не считать некоторого вознаграждения мне. Чековая книжка при вас? Вот перо. Выпишите чек на четыре тысячи фунтов.

Банкир в изумлении подписал чек. Холмс подошел к письменному столу, достал маленький треугольный кусок золота с тремя бериллами и положил на стол. Мистер Холдер с радостным криком схватил свое сокровище.

– Я спасен, спасен! – повторял он, задыхаясь. – Вы нашли их!

Радость его была столь же бурной, как и вчерашнее отчаяние. Он крепко прижимал к груди найденное сокровище.

– За вами еще один долг, мистер Холдер, – сказал Холмс сурово.

– Долг? – Банкир схватил перо. – Назовите сумму, и я выплачу вам ее немедленно.

– Нет, не мне. Вы должны попросить прощения у вашего сына. Он держал себя мужественно и благородно. Имей я такого сына, я гордился бы им.

– Значит, не Артур взял камни?

– Да, не он. Я говорил это вчера и повторяю сегодня.

– В таком случае поспешим к нему и сообщим, что правда восторжествовала.

– Он все знает. Я беседовал с ним, когда распутал дело. Поняв, что он не хочет говорить, я сам изложил ему всю историю, и он признал, что я прав, и, в свою очередь, рассказал о некоторых подробностях, которые были неясны мне. Новость, которую вы нам только что сообщили, возможно, заставит его быть вполне откровенным.

– Так раскройте же, ради бога, эту невероятную тайну!

– Сейчас я расскажу, каким путем мне удалось добраться до истины. Но сначала разрешите сообщить вам тяжелую весть: ваша племянница Мэри была в сговоре с сэром Джорджем Бэрнвеллом. Сейчас они оба скрылись.

– Мэри? Это невозможно!

– К сожалению, это факт! Принимая в своем доме сэра Джорджа Бэрнвелла, ни вы, ни ваш сын не знали его как следует. А между тем он один из опаснейших субъектов, игрок, отъявленный негодяй, человек без сердца и совести. Ваша племянница и понятия не имела, что бывают такие люди. Слушая его признания и клятвы, она думала, что завоевала его любовь. А он говорил то же самое многим до нее. Одному дьяволу известно, как он сумел поработить волю Мэри, но так или иначе она сделалась послушным орудием в его руках. Они виделись почти каждый вечер.

– Я не верю, не могу этому верить! – вскричал банкир. Его лицо стало пепельно-серым.

– А теперь я расскажу, что произошло в вашем доме вчера ночью. Когда ваша племянница убедилась, что вы ушли к себе, она спустилась вниз и, приоткрыв окно над дорожкой, которая ведет в конюшню, сообщила своему возлюбленному о диадеме. Следы сэра Джорджа ясно отпечатались на снегу под окном. Жажда наживы охватила сэра Джорджа, он буквально подчинил Мэри своей воле. Я не сомневаюсь, что Мэри любит вас, но есть категория женщин, у которых любовь к мужчине преодолевает все другие чувства. Мэри из их числа. Едва она успела договориться с ним о похищении драгоценности, как услышала, что вы спускаетесь по лестнице. Тогда, быстро закрыв окно, она сказала вам, что к горничной приходил ее зеленщик. И он в самом деле приходил…

В ту ночь Артуру не спалось: его тревожили клубные долги. Вдруг он услышал, как мимо его комнаты прошуршали осторожные шаги. Он встал, выглянул за дверь и с изумлением увидел двоюродную сестру – та крадучись пробиралась по коридору и исчезла в вашей комнате.

Ошеломленный Артур наскоро оделся и стал ждать, что произойдет дальше. Скоро Мэри вышла; при свете лампы в коридоре ваш сын заметил у нее в руках драгоценную диадему. Мэри спустилась вниз по лестнице. Трепеща от ужаса, Артур проскользнул за портьеру около вашей двери: оттуда видно все, что происходит в гостиной. Мэри потихоньку открыла окно, передала кому-то в темноте диадему, а затем, закрыв окно, поспешила в свою комнату, пройдя совсем близко от Артура, застывшего за портьерой.

Боясь разоблачить любимую девушку, Артур ничего не мог предпринять, хотя понимал, каким ударом будет для вас пропажа диадемы и как важно вернуть драгоценность. Но едва Мэри скрылась за дверью своей комнаты, он бросился вниз полуодетый и босой, распахнул окно, выскочил в сад и помчался по дорожке; там, вдали, виднелся при свете луны чей-то темный силуэт.

Сэр Джордж Бэрнвелл попытался бежать, но Артур догнал его. Между ними завязалась борьба. Ваш сын тянул диадему за один конец, его противник – за другой. Ваш сын ударил сэра Джорджа и повредил ему бровь. Затем что-то неожиданно хрустнуло, и Артур почувствовал, что диадема у него в руках; он кинулся назад, закрыл окно и поднялся в вашу комнату. Только тут он заметил, что диадема погнута, и попытался распрямить ее. В это время вошли вы.

– Боже мой! Боже мой! – задыхаясь, повторял банкир.

– Артур был потрясен вашим несправедливым обвинением. Ведь, напротив, вы должны были бы благодарить его. Он не мог рассказать вам правду, не предав Мэри, хотя она и не заслуживала снисхождения. Он вел себя как рыцарь и сохранил тайну.

– Так вот почему она упала в обморок, когда увидела диадему! – воскликнул мистер Холдер. – Бог мой, какой же я безумец! Ведь Артур просил отпустить его хотя бы на пять минут! Бедный мальчик думал отыскать отломанный кусок диадемы на месте схватки. Как я ошибался!

– Приехав к вам, – продолжал Холмс, – я в первую очередь внимательно осмотрел участок возле дома, надеясь что-нибудь обнаружить. Снега со вчерашнего вечера не выпадало, а сильный мороз должен был хорошо сохранить следы на снегу. Я прошел по дорожке, которой подвозят продукты, но она была утоптана. Но неподалеку от двери в кухню я заметил следы женских ботинок; рядом с женщиной стоял мужчина. Круглые отпечатки показывали, что одна нога у него деревянная. По-видимому, кто-то помешал их разговору, так как женщина побежала к двери: носки женских ботинок отпечатались глубже, чем каблуки.

Человек с деревянной ногой подождал немного, а затем ушел. Я тут же подумал, что это, должно быть, горничная и ее поклонник, о которых вы говорили. Так оно и оказалось. Я обошел сад, но больше ничего не заметил, кроме беспорядочных следов, разбегавшихся во всех направлениях. Это ходили полицейские. Но когда я дошел до дорожки, которая вела к конюшне, вся сложная история этой ночи открылась мне, будто написанная на снегу.

Я увидел две линии следов: одна из них принадлежала человеку в ботинках, другая, как я с удовлетворением заметил, – человеку, бежавшему босиком. Я был уверен, что эта вторая линия – следы вашего сына. Впоследствии ваши слова подтвердили правильность моего предположения.

Первый человек спокойно шагал туда и обратно, второй бежал. Следы бежавшего отпечатались там же, где шел человек в ботинках. Из этого можно было сделать вывод, что второй человек преследовал первого. Я пошел по следам человека в ботинках. Они привели меня к окну вашей гостиной; здесь снег был весь истоптан, очевидно, этот человек кого-то долго поджидал. Тогда я направился по его следам в противоположную сторону. Они тянулись по дорожке примерно на сотню ярдов. Потом человек в ботинках обернулся – в этом месте снег был сильно истоптан, словно шла борьба. Капли крови на снегу свидетельствовали о том, что это так и было. Затем человек в ботинках бросился бежать. На некотором расстоянии я снова заметил кровь; значит, ранен был именно он. Я пошел по тропинке до самой дороги; там снег был счищен и следы обрывались.

Вы помните, что, войдя в дом, я осмотрел через лупу подоконник и раму окна гостиной и обнаружил, что кто-то вылезал из окна. Я заметил также очертание следа мокрой ноги, то есть человек залезал и обратно. После этого я уже был в состоянии представить себе все, что произошло. Кто-то стоял под окном, и кто-то подал ему диадему. Ваш сын видел это, бросился преследовать неизвестного, вступил с ним в борьбу. Каждый из них тянул сокровище к себе. Тогда-то и был отломан кусок диадемы. Артур поспешил с диадемой домой, не заметив, что у противника остался обломок. Пока все понятно. Но возникал вопрос: кто этот человек, боровшийся с вашим сыном, и кто подал ему диадему?

Мой старый принцип расследования состоит в том, чтобы исключить все явно невозможные предположения.

Тогда то, что остается, является истиной, какой бы неправдоподобной она ни казалась.

Рассуждал я примерно так: естественно, не вы отдали диадему. Значит,

оставались только ваша племянница или горничные. Но если в похищении замешаны горничные, то ради чего ваш сын согласился принять вину на себя? Для такого предположения нет оснований. Вы говорили, что Артур любит свою двоюродную сестру. И мне стала понятна причина его молчания: он не хотел выдавать Мэри. Тогда я вспомнил, что вы застали ее у окна и что она упала в обморок, увидав диадему в руках Артура. Мои предположения превратились в уверенность.

Но кто ее сообщник? Разумеется, это мог быть только ее возлюбленный. Лишь под его влиянием она могла так легко забыть, чем обязана вам. Я знал, что вы редко бываете в обществе и круг ваших знакомых ограничен. Но в их числе сэр Джордж Бэрнвелл. Я и прежде слышал о нем как о человеке крайне легкомысленном по отношению к женщинам. Очевидно, это он стоял под окном и только у него должны находиться пропавшие бериллы. Артур узнал его, и все же сэр Джордж считал себя в безопасности, ибо был уверен, что ваш сын не скажет ни слова, чтобы не скомпрометировать свою собственную семью.

Ну, а теперь элементарная логика подскажет вам, что я предпринял. Переодевшись бродягой, я отправился к сэру Джорджу. Мне удалось познакомиться с его лакеем, который сообщил, что его хозяин накануне где-то расшиб до крови голову. Мне удалось раздобыть у него за шесть шиллингов старые ботинки сэра Джорджа, с которыми я отправился в Стритем и убедился, что ботинки точно соответствуют следам на снегу.

– Вчера вечером я видел какого-то бродягу на тропинке, – сказал мистер Холдер.

– Совершенно верно, это был я. Я понял, что сэр Джордж в моих руках. Нужен был большой такт, чтобы успешно завершить дело и избежать огласки. Этот хитрый негодяй понимал, как связаны у нас руки.

Вернувшись домой, я переоделся и отправился к сэру Джорджу. Вначале он, разумеется, все отрицал, но когда я рассказал в подробностях, что произошло той ночью, он стал угрожать мне и даже схватил висевшую на стене трость. Я знал, с кем имею дело, и мигом приставил револьвер к его виску. Тогда он образумился. Я объявил ему, что мы согласны выкупить камни по тысяче фунтов за каждый. Тогда-то он впервые обнаружил признаки огорчения.

– Черт побери! Я уже отдал все три камня за шестьсот фунтов! – воскликнул он.

Пообещав сэру Джорджу, что против него не будет возбуждено судебное расследование, я узнал адрес скупщика, поехал туда и после долгого торга выкупил у него камни по тысяче фунтов каждый. Затем я

отправился к вашему сыну, объяснил ему, что все в порядке, и к двум часам ночи после тяжкого трудового дня добрался домой.

– Благодаря вам в Англии не разразился огромный скандал, – сказал банкир, поднимаясь с кресла. – Сэр, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность. Но вы убедитесь, что я не забуду того, что вы сделали для меня. Ваше искусство превосходит всякую фантазию. А сейчас я поспешу к моему дорогому мальчику и буду просить у него прощения за то, что так с ним обошелся. Что же касается бедняжки Мэри, то ее поступок глубоко поразил меня. Боюсь, что даже вы с вашим богатым опытом не сможете разыскать ее.

– Можно с уверенностью сказать, – возразил Холмс, – что она сейчас там же, где сэр Джордж Бэрнвелл. Несомненно также и то, что, как бы ни расценивать поступок вашей племянницы, она будет скоро наказана.

«Медные буки»

– Человек, который любит искусство ради искусства, – заговорил Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с объявлениями из «Дейли телеграф», – самое большое удовольствие зачастую черпает из наименее значительных и ярких его проявлений. Отрадно заметить, что вы, Уотсон, хорошо усвоили эту истину при изложении наших скромных подвигов, которые по доброте своей вы решились увековечить и, вынужден констатировать, порой пытаетесь приукрашивать, уделяете внимание не столько громким делам и сенсационным процессам, в коих я имел честь принимать участие, сколько случаям самим по себе незначительным, но зато предоставляющим большие возможности для дедуктивных методов мышления и логического синтеза, что особенно меня интересует.

– Тем не менее, – улыбнулся я, – не смею утверждать, что в моих записках вовсе отсутствует стремление к сенсационности.

– Возможно, вы и ошибаетесь, – продолжал он, подхватив щипцами тлеющий уголек и раскуривая длинную трубку вишневого дерева, которая заменяла глиняную в те дни, когда он был настроен скорее спорить, нежели размышлять, – возможно, вы и ошибаетесь, стараясь приукрасить и оживить ваши записки вместо того, чтобы ограничиться сухим анализом причин и следствий, который единственно может вызывать интерес в том или ином деле.

– Мне кажется, в своих записках я отдаю вам должное, – несколько холодно возразил я, ибо меня раздражало самомнение моего друга, которое, как я неоднократно убеждался, было весьма приметной чертой в его своеобразном характере.

– Нет, это не эгоизм и не тщеславие, – сказал он, отвечая по привычке скорее моим мыслям, чем моим словам. – Если я прошу отдать должное моему искусству, то это не имеет никакого отношения ко мне лично, оно – вне меня. Преступление – вещь повседневная. Логика – редкая. Именно на логике, а не преступлении вам и следовало бы сосредоточиться. А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов.

Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми, расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде – со стола еще не убирали. Все утро Шерлок Холмс молчал, сосредоточенно

просматривая газетные объявления, пока наконец, по-видимому, отказавшись от поисков и пребывая не в лучшем из настроений, не принялся читать мне нравоучения по поводу моих литературных занятий.

– В то же время, – после паузы продолжал он, попыхивая своей длинной трубкой и задумчиво глядя в огонь, – вас вряд ли можно обвинить в стремлении к сенсационности, ибо большинство тех случаев, к которым вы столь любезно проявили интерес, вовсе не представляет собой преступления. Незначительное происшествие с королем Богемии, когда я пытался оказать ему помощь, странный случай с Мэри Сазерлэнд, история человека с рассеченной губой и случай со знатным холостяком – все это не может стать предметом судебного разбирательства. Боюсь, однако, что, избегая сенсационности, вы оказались в плену тривиальности.

– Может, в конце концов так и случилось, – ответил я, – но методы, о которых я рассказываю, своеобразны и не лишены новизны.

– Мой дорогой, какое дело публике, великой, но лишенной наблюдательности публике, едва ли способной по зубам узнать ткача или по большому пальцу левой руки – наборщика, до тончайших оттенков анализа и дедукции? И тем не менее, даже если вы банальны, я вас не виню, ибо дни великих дел сочтены. Человек, или по крайней мере преступник, утратил предприимчивость и самобытность. Что же касается моей скромной практики, то я, похоже, превращаюсь в агента по розыску утерянных карандашей и наставника молодых леди из пансиона для благородных девиц. Наконец-то я разобрался, на что гожусь. А полученное мною утром письмо означает, что мне пора приступить к новой деятельности. Прочтите его. – И он протянул мне помятый листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс накануне вечером.

«Дорогой мистер Холмс!

Мне очень хочется посоветоваться с вами по поводу предложения занять место гувернантки. Если разрешите, я зайду к вам завтра в половине одиннадцатого.

С уважением

Вайолет Хантер».

– Вы знаете эту молодую леди? – спросил я.

– Нет.

– Сейчас половина одиннадцатого.

– Да, а вот, не сомневаюсь, она звонит.

– Это дело может оказаться более интересным, нежели вы

предполагаете. Вспомните случай с голубым карбункулом, который сначала вы сочли просто недоразумением, а потом он потребовал серьезного расследования. Так может получиться и на этот раз.

– Что ж, будем надеяться! Наши сомнения очень скоро рассеются, ибо вот и особа, о которой идет речь.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина. Она была просто, но аккуратно одета, лицо у нее было смышленое, живое, все в веснушках, как яичко ржанки, а энергичность, которая чувствовалась в ее движениях, свидетельствовала о том, что ей самой приходится пробивать себе дорогу в жизни.

– Ради бога, извините за беспокойство, – сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу, – но со мной произошло нечто настолько необычное, что я решила просить у вас совета. У меня нет ни родителей, ни родственников, к которым я могла бы обратиться.

– Прошу садиться, мисс Хантер. Буду счастлив помочь вам, чем могу.

Я понял, что речь и манеры клиентки произвели на Холмса благоприятное впечатление: Он испытующе оглядел ее с ног до головы, а затем, прикрыв глаза и сложив вместе кончики пальцев, приготовился слушать.

– В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы. Я давала объявления, сама ходила по объявлениям, но все безуспешно. Наконец та небольшая сумма денег, что мне удалось скопить, начала иссякать, и я просто ума не приложу, что делать.

В Вест-Энде есть агентство по найму «Вестэуэй» – его все знают, – и я взяла за правило заходить туда раз в неделю в поисках чего-либо подходящего. Вестэуэй – фамилия владельца этого агентства, в действительности же все дела вершит некая мисс Стопер. Она сидит у себя в кабинете, женщины, которые ищут работу, ожидают в приемной; их поочередно вызывают в кабинет, и она, заглядывая в свой гроссбух, предлагает им те или иные вакансии.

По обыкновению и меня пригласили в кабинет, когда я зашла туда на прошлой неделе, но на этот раз мисс Стопер была не одна. Рядом с ней сидел толстый-претолстый человек с улыбчивым лицом и большим подбородком, тяжелыми складками спускавшимся на грудь, и сквозь очки внимательно разглядывал просительниц. Стоило лишь мне войти, как он подскочил на месте и обернулся к мисс Стопер.

– Подходит, – воскликнул он. – Лучшего и желать нельзя. Грандиозно!

Грандиозно!

Он, по-видимому, был в восторге и от удовольствия потирал руки. На него приятно было смотреть: таким добродушным он казался.

– Ищете место, мисс? – спросил он.

– Да, сэр.

– Гувернантки?

– Да, сэр.

– А сколько вы хотите получать?

– Полковник Спенс Манроу, у которого я служила, платил мне четыре фунта в месяц.

– Вот это да! Самая что ни на есть настоящая эксплуатация! – вскричал он, яростно размахивая пухлыми кулаками. – Разве можно предлагать столь ничтожную сумму леди, наделенной такой внешностью и такими достоинствами?

– Мои достоинства, сэр, могут оказаться менее привлекательными, нежели вы полагаете, – сказала я. – Немного французский, немного немецкий, музыка и рисование…

– Вот это да! – снова вскричал он. – Значит, и говорить не о чем. Кратко, в двух словах, вопрос вот в чем: обладаете ли вы манерами настоящей леди? Если нет, то вы нам не подходите, ибо речь идет о воспитании ребенка, который в один прекрасный день может сыграть значительную роль в истории Англии. Если да, то разве имеет джентльмен право предложить вам сумму, выраженную менее чем трехзначной цифрой? У меня, сударыня, вы будете получать для начала сто фунтов в год.

Вы, конечно, представляете, мистер Холмс, что подобное предложение показалось мне просто невероятным – я ведь осталась совсем без средств. Однако джентльмен, прочитав недоверие на моем лице, вынул бумажник и достал оттуда деньги.

– В моих обычаях также ссужать юным леди половину жалованья вперед, – сказал он, улыбаясь на самый приятный манер, так что глаза его превратились в две сияющие щелочки среди белых складок лица, – дабы они могли оплатить мелкие расходы во время путешествия и приобрести нужный гардероб.

«Никогда еще я не встречала более очаровательного и внимательного человека», – подумалось мне. Ведь у меня уже появились кое-какие долги, аванс был очень кстати, и все-таки было что-то странное в этом деле, и, прежде чем дать согласие, я попыталась разузнать об этом человеке побольше.

– А где вы живете, сэр? – спросила я.

– В Хемпшире. Чудная сельская местность. «Медные буки», в пяти милях от Уинчестера. Место прекрасное, моя дорогая юная леди, и дом восхитительный – старинный загородный дом.

– А мои обязанности, сэр? Хотелось бы знать, в чем они состоят.

– Один ребенок, очаровательный маленький проказник, ему только что исполнилось шесть лет. Если бы вы видели, как он бьет комнатной туфлей тараканов! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Не успеешь и глазом моргнуть, а трех как не бывало.

Расхохотавшись, он откинулся на спинку стула, и глаза его снова превратились в щелочки.

Меня несколько удивил характер детских забав, но отец смеялся – я решила, что он шутит.

– Значит, мои обязанности – присматривать за ребенком? – спросила я.

– Нет-нет, не только присматривать, не только, моя дорогая юная леди! – вскричал он. – Вам придется также – я уверен, вы и протестовать не будете, – выполнять кое-какие поручения моей жены при условии, разумеется, если эти поручения не будут унижать вашего достоинства. Немного, не правда ли?

– Буду рада оказаться вам полезной.

– Вот именно. Ну, например, речь пойдет о платье. Мы, знаете ли, люди чудаковатые, но сердце у нас доброе. Если мы попросим вас надеть платье, которое мы дадим, вы ведь не будете возражать против нашей маленькой прихоти, а?

– Нет, – ответила я в крайнем удивлении.

– Или сесть там, где нам захочется? Это ведь не покажется вам обидным?

– Да нет…

– Или остричь волосы перед приездом к нам?

Я едва поверила своим ушам. Вы видите, мистер Холмс, у меня густые волосы с особым каштановым отливом. Их считают красивыми. Зачем мне ни с того ни с сего жертвовать ими?

– Нет, это невозможно, – ответила я.

Он жадно глядел на меня своими глазками, и я заметила, что лицо у него помрачнело.

– Но это – обязательное условие, – сказал он. – Маленькая прихоть моей жены, а дамским капризам, как вам известно, сударыня, следует потакать. Значит, вам не угодно остричь волосы?

– Нет, сэр, не могу, – твердо ответила я.

– Что ж… Значит вопрос решен. Жаль, жаль, во всех остальных отношениях вы нам вполне подходите. Мисс Стопер, в таком случае мне придется познакомиться с другими юными леди.

Заведующая агентством все это время сидела, просматривая свои бумаги и не проронив ни слова, но теперь она глянула на меня с таким раздражением, что я поняла: из-за меня она потеряла немалое комиссионное вознаграждение.

– Вы хотите остаться в наших списках? – спросила она.

– Если можно, мисс Стопер.

– Мне это представляется бесполезным, поскольку вы отказались от очень интересного предложения, – резко заметила она. – Не будем же мы из кожи лезть вон, чтобы подобрать для вас такое место. Всего хорошего, мисс Хантер.

Она позвонила в колокольчик, и мальчик проводил меня обратно в приемную.

Вернувшись домой – в буфете у меня было пусто, а на столе – лишь новые счета, – я спросила себя, не поступила ли я неосмотрительно. Что из того, что у этих людей есть какие-то причуды и они хотят, чтобы исполнялись самые неожиданные их капризы? Они ведь готовы платить за это. Много ли в Англии гувернанток, получающих сотню в год? Кроме того, какой прок от моих волос? Некоторым даже идет короткая стрижка, может, пойдет и мне? На следующий день я подумала, что совершила ошибку, а еще через день перестала в этом сомневаться. Я уже собиралась, подавив чувство гордости, пойти снова в агентство, чтобы узнать, не занято ли еще это место, как вдруг получаю письмо от этого самого джентльмена. Вот оно, мистер Холмс, я прочту его:

«Медные буки», близ Винчестера.

«Дорогая мисс Хантер!

Мисс Стопер любезно согласилась дать мне ваш адрес, и я пишу вам из дома, желая осведомиться, не переменили ли вы свое решение. Моя жена очень хочет, чтобы вы приехали к нам, – я описал ей вас, и вы ей страшно понравились. Мы готовы платить вам десять фунтов в месяц, то есть сто двадцать в год в качестве компенсации за те неудобства, которые могут причинить наши требования. Да они не так уж и суровы. Моя жена очень любит цвет электрик, и ей хотелось бы, чтобы вы надевали платье такого цвета по утрам. Вам совершенно незачем тратиться на подобную вещь, поскольку у нас есть платье моей дорогой дочери Алисы (ныне пребывающей в Филадельфии), думаю,

оно будет вам впору. Полагаю, что и просьбу занять определенное место в комнате или выполнить какое-либо иное поручение вы не сочтете чересчур обременительной. Что же касается ваших волос, то их действительно очень жаль: даже во время нашей краткой беседы я успел заметить, как они хороши, но тем не менее я вынужден настаивать на этом условии. Надеюсь, что прибавка к жалованью вознаградит вас за эту жертву. Обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Пожалуйста, приезжайте, я встречу вас в Винчестере. Сообщите, каким поездом вы прибудете.

Искренне ваш

Джефри Рукасл».

Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение. Однако, прежде чем сделать окончательный шаг, мне хотелось бы услышать ваше мнение.

– Что ж, мисс Хантер, коли вы решились, значит, дело сделано, – улыбнулся Холмс.

– А вы не советуете?

– Признаюсь, место это не из тех, что я пожелал бы для своей сестры.

– А что все-таки под этим кроется, мистер Холмс?

– Не знаю. Может, у вас есть какие-либо соображения?

– Я думаю, что мистер Рукасл – добрый, мягкосердечный человек. А его жена, наверное, немного сумасшедшая. Вот он и старается держать это в тайне, опасаясь, как бы ее не забрали в дом для умалишенных, и потворствует ее причудам, чтобы с ней не случился припадок.

– Может быть, может быть. На сегодняшний день это самое вероятное предположение. Тем не менее место это вовсе не для молодой леди.

– Но деньги, мистер Холмс, деньги!

– Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это меня и тревожит. Почему они дают сто двадцать фунтов, когда легко найти человека и за сорок? Значит, есть какая-то веская причина.

– Вот я и подумала, что, если расскажу вам все обстоятельства дела, вы позволите мне в случае необходимости обратиться к вам за помощью. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у меня есть заступник.

– Можете вполне на меня рассчитывать. Уверяю вас, ваша маленькая проблема обещает оказаться наиболее интересной за последние месяцы. В деталях определенно есть нечто оригинальное. Если у вас появятся какие-либо подозрения или возникнет опасность…

– Опасность? Какая опасность?

– Если бы опасность можно было предвидеть, то ее не нужно было бы страшиться, – с самым серьезным видом пояснил Холмс. – Во всяком случае, в любое время дня и ночи шлите телеграмму, и я приду вам на помощь.

– Тогда все в порядке. – Выражение озабоченности исчезло с ее лица, она проворно поднялась. – Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, вечером остригу мои бедные волосы и завтра отправлюсь в Винчестер.

Скупо поблагодарив Холмса и попрощавшись, она поспешно ушла.

– Во всяком случае, – сказал я, прислушиваясь к ее быстрым, твердым шагам на лестнице, – она производит впечатление человека, умеющего за себя постоять.

– Ей придется это сделать, – мрачно заметил Холмс. – Не сомневаюсь, через несколько дней мы получим от нее известие.

Предсказание моего друга, как всегда, сбылось. Прошла неделя, в течение которой я неоднократно возвращался мыслями к нашей посетительнице, задумываясь над тем, в какие дебри человеческих отношений может завести жизнь эту одинокую женщину. Большое жалованье, странные условия, легкие обязанности – во всем этом было что-то неестественное, хотя я абсолютно был не в состоянии решить, причуда это или какой-то замысел, филантроп этот человек или негодяй. Что касается Холмса, то он подолгу сидел, нахмурив лоб и рассеянно глядя вдаль, но когда я принимался его расспрашивать, он лишь махал в ответ рукой.

– Ничего не знаю, ничего! – раздраженно восклицал он. – Когда под рукой нет глины, из чего лепить кирпичи?

А потом бормотал себе под нос, что будь у него сестра, он не посоветовал бы ей принять подобное предложение.

Телеграмма, которую мы получили, прибыла поздно вечером, когда я уже собирался лечь спать, а Холмс приступил к опытам, за которыми частенько проводил ночи напролет.

Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; утром, спустившись к завтраку, я застал его в том же положении. Он открыл желтый конверт и, пробежав взглядом листок, передал его мне.

– Посмотрите расписание поездов, – сказал он и повернулся к своим колбам.

Текст телеграммы был кратким и настойчивым:

Прошу быть гостинице «Черный лебедь» Винчестере завтра полдень. Приезжайте! Не знаю, что делать. *Хантер.*

– Поедете со мной? – спросил Холмс, на секунду отрываясь от своих колб.

– С удовольствием.

– Тогда посмотрите расписание.

– Есть поезд в половине десятого, – сказал я, изучая справочник. – Он прибывает в Винчестер в одиннадцать тридцать.

– Прекрасно. Тогда, пожалуй, я отложу анализ ацетона, завтра утром нам может понадобиться максимум энергии.

В одиннадцать утра на следующий день мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс всю дорогу не отрывался от газет, но после того как мы переехали границу Хемпшира, он отбросил их и принялся смотреть в окно. Стоял прекрасный весенний день, бледно-голубое небо было испещрено маленькими кудрявыми облаками, которые плыли с запада на восток. Солнце светило ярко, и в воздухе царило веселье и бодрость. На протяжении всего пути, вплоть до холмов Олдершота, среди яркой весенней листвы проглядывали красные и серые крыши ферм.

– До чего приятно на них смотреть! – воскликнул я с энтузиазмом человека, вырвавшегося из туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс мрачно покачал головой.

– Знаете, Уотсон, – сказал он, – беда такого мышления, как у меня, в том, что я воспринимаю окружающее очень субъективно. Вот вы смотрите на эти рассеянные вдоль дороги дома и восхищаетесь их красотой. А я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

– О господи! – воскликнул я. – Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

– Они внушают мне страх. Я уверен, Уотсон, – и уверенность эта проистекает из опыта, – что в самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

– Вас прямо страшно слушать.

– И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что

единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых – всего один шаг. А теперь взгляните на эти уединенные дома – каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественными бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год. Если бы эта дама, что обратилась к нам за помощью, поселилась в Винчестере, я не боялся бы за нее. Расстояние в пять миль от города – вот где опасность! И все-таки ясно, что опасность угрожает не ей лично.

– Понятно. Если она может приехать в Винчестер встретить нас, значит, она в состоянии вообще уехать.

– Совершенно справедливо. Ее свобода передвижения не ограничена.

– В чем же тогда дело? Вы нашли какое-нибудь объяснение?

– Я придумал семь разных версий, и каждая из них опирается на известные нам факты. Но какая из них правильная, покажут новые сведения, которые, не сомневаюсь, нас ждут. А вот и купол собора, скоро мы узнаем, что же хочет сообщить нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался уважаемой в городе гостиницей на Хайд-стрит, совсем близко от станции, там мы и нашли молодую женщину. Она сидела в гостиной, на столе нас ждал завтрак.

– Я рада, что вы приехали, – серьезно сказала она. – Большое спасибо. Я в самом деле не знаю, что делать. Мне страшно нужен ваш совет.

– Расскажите же, что случилось.

– Сейчас расскажу, я должна спешить, потому что обещала мистеру Рукаслу вернуться к трем. Он разрешил мне съездить в город нынче утром, хотя ему, конечно, неведомо, зачем.

– Изложите все по порядку. – Холмс вытянул свои длинные ноги в сторону камина и приготовился слушать.

– Прежде всего должна сказать, что, в общем, мистер и миссис Рукасл встретили меня довольно приветливо. Ради справедливости об этом следует упомянуть. Но понять их я не могу, и это не дает мне покоя.

– Что именно?

– Их поведение. Однако все по порядку. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и повез в своем экипаже в «Медные буки». Поместье, как он и говорил, чудесно расположено, но вовсе не отличается красотой: большой квадратный дом, побеленный известкой, весь в пятнах и потеках от дождя и сырости. С трех сторон его окружает лес, а с фасада – луг, который опускается к дороге на Саутгемптон,

что проходит примерно ярдах в ста от парадного крыльца. Участок перед домом принадлежит мистеру Рукаслу, а леса вокруг – собственность лорда Саутертона. Прямо перед домом растет несколько медных буков, отсюда и название усадьбы.

Мой хозяин, сама любезность, встретил меня на станции и в тот же вечер познакомил со своей женой и сыном. Наша с вами догадка, мистер Холмс, оказалась неверной: миссис Рукасл не сумасшедшая. Молчаливая бледная женщина, она намного моложе своего мужа, на вид ей не больше тридцати, в то время как ему дашь все сорок пять. Из разговоров я поняла, что они женаты лет семь, что он остался вдовцом и что от первой жены у него одна дочь – та самая, которая в Филадельфии. Мистер Рукасл по секрету сообщил мне, что уехала она из-за того, что испытывала какую-то непонятную антипатию к мачехе. Поскольку дочери никак не менее двадцати лет, то я вполне представляю, как неловко она чувствовала себя рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне внутренне столь же бесцветным существом, сколь и внешне. Она не произвела на меня никакого впечатления. Пустое место. И сразу заметна ее страстная преданность мужу и сыну. Светло-серые глаза постоянно блуждают от одного к другому, подмечая их малейшее желание и по возможности предупреждая его. Мистер Рукасл тоже в присущей ему грубовато-добродушной манере неплохо к ней относится, и в целом они производят впечатление благополучной пары. Но у женщины есть какая-то тайна. Она часто погружается в глубокую задумчивость, и лицо ее становится печальным. Не раз я заставала ее в слезах. Порой мне кажется, что причиной этому – ребенок, ибо мне еще ни разу не доводилось видеть такое испорченное и злобное маленькое существо. Для своего возраста он мал, зато у него несоразмерно большая голова. Он то подвержен припадкам дикой ярости, то пребывает в состоянии мрачной угрюмости. Причинять боль любому слабому созданию – вот единственное его развлечение, и он выказывает недюжинный талант в ловле мышей, птиц и насекомых. Но о нем незачем распространяться, мистер Холмс, он не имеет отношения к нашей истории.

– Мне нужны все подробности, – сказал Холмс, – представляются они вам относящимися к делу или нет.

– Постараюсь ничего не пропустить. Что мне сразу не понравилось в этом доме, так это внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер, так зовут слугу, – грубый, неотесанный человек с серой гривой и седыми бакенбардами, от него постоянно несет спиртным.

Я дважды видела его совершенно пьяным, но мистер Рукасл, по-моему, не обращает на это внимания. Жена Толлера – высокая сильная женщина с сердитым лицом, она так же молчалива, как миссис Рукасл, но гораздо менее любезна. Удивительно неприятная пара! К счастью, большую часть времени я провожу в детской и в моей собственной комнате, они расположены рядом.

Первые два дни после моего приезда в «Медные буки» все шло спокойно. На третий день сразу после завтрака миссис Рукасл что-то шепнула своему мужу.

– Мы очень обязаны вам, мисс Хантер, – поворачиваясь ко мне, сказал он, – за снисходительность к нашим капризам, вы ведь даже остригли волосы. Право же, это ничуть не испортило вашу внешность. А теперь посмотрим, как вам идет цвет электрик. У себя на кровати вы найдете платье, и мы будем очень благодарны, если вы согласитесь его надеть.

Платье, которое лежало у меня в комнате, весьма своеобразного оттенка синего цвета, сшито было из хорошей шерсти, но, сразу заметно, уже ношеное. Сидело оно безукоризненно, как будто его шили специально для меня. Когда я вошла, мистер и миссис Рукасл выразили восхищение, но мне их восторг показался несколько наигранным. Мы находились в гостиной, которая тянется по всему фасаду дома, с тремя огромными окнами, доходящими до самого пола. Возле среднего окна спинкой к нему стоял стул. Меня усадили на этот стул, а мистер Рукасл принялся ходить взад и вперед по комнате и рассказывать смешные истории. Вы представить себе не можете, как комично он рассказывал, и я хохотала до изнеможения. Миссис Рукасл чувство юмора, очевидно, чуждо, она сидела, сложив на коленях руки, с грустным и озабоченным выражением на лице, так ни разу и не улыбнувшись. Примерно через час мистер Рукасл вдруг объявил, что пора приступать к повседневным обязанностям и что я могу переодеться и пойти в детскую к маленькому Эдуарду.

Два дня спустя при совершенно таких же обстоятельствах вся эта сцена повторилась. Снова я должна была переодеться, сесть у окна и хохотать над теми забавными историями, неисчислимым запасом которых обладал мой хозяин. И рассказчиком он был неподражаемым. Затем он дал мне какой-то роман в желтой обложке и, подвинув мой стул так, чтобы моя тень не падала на страницу, попросил почитать ему вслух. Я читала минут десять, начав где-то в середине главы, а потом он вдруг перебил меня, не дав закончить фразы, и велел пойти переодеться.

Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, как меня удивил этот спектакль. Я заметила, что они настойчиво усаживали меня, чтобы я оказалась спиной к окну, поэтому я решила во что бы то ни стало узнать, что происходит на улице. Сначала это не представлялось возможным, но потом мне пришла в голову счастливая мысль: у меня был осколок ручного зеркальца, и я спрятала его в носовой платок. В следующий раз, в самый разгар веселья, я приложила носовой платок к глазам и, чуть-чуть приспособившись, сумела рассмотреть все, что находилось позади. Признаться, я была разочарована. Там не было ничего.

По крайней мере так было на первый взгляд. Но, присмотревшись, я заметила на Саутгемптонской дороге невысокого бородатого человека в сером костюме. Он смотрел в нашу сторону. Дорога эта очень оживленная, на ней всегда полно народу. Но этот человек стоял, опершись на ограду, и пристально вглядывался в дом. Я опустила платок и увидела, что миссис Рукасл испытующе смотрит на меня. Она ничего не сказала, но, я уверена, поняла, что у меня зеркало и я видела, кто стоит перед домом. Она тотчас же поднялась.

– Джефри, – сказала она, – на дороге стоит какой-то мужчина и самым непозволительным образом разглядывает мисс Хантер.

– Может быть, ваш знакомый, мисс Хантер? – спросил он.

– Нет. Я никого здесь не знаю.

– Подумайте, какая наглость! Пожалуйста, повернитесь и помашите ему, чтобы он ушел.

– А не лучше ли просто не обращать внимания?

– Нет, нет, не то он все время будет здесь слоняться. Пожалуйста, повернитесь и помашите ему.

Я сделала, как меня просили, и в ту же секунду миссис Рукасл опустила занавеску. Это произошло неделю назад, с тех пор я не сидела у окна, не надевала синего платья и человека на дороге тоже не видела.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Холмс. – Все это очень интересно.

– Боюсь, мой рассказ довольно бессвязен. Не знаю, много ли общего между всеми этими событиями. Так вот, в первый же день моего приезда в «Медные буки» мистер Рукасл подвел меня к маленькому флигелю позади дома. Когда мы приблизились, я услышала звяканье цепи: внутри находилось какое-то большое животное.

– Загляните-ка сюда, – сказал мистер Рукасл, указывая на щель между досками. – Ну, разве это не красавец?

Я заглянула и увидела два горящих во тьме глаза и смутное очертание какого-то животного. Я вздрогнула.

– Не бойтесь, – засмеялся мой хозяин. – Это мой дог Карло. Я называю его моим, но в действительности только старик Толлер осмеливается подойти к нему, чтобы спустить с цепи на ночь, и да поможет бог тому, в кого он вонзит свои клыки. Ни под каким видом не переступайте порога дома ночью, ибо тогда вам суждено распроститься с жизнью.

Предупредил он меня не зря. На третью ночь я случайно выглянула из окна спальни примерно часа в два. Стояла прекрасная лунная ночь, и лужайка перед домом вся сверкала серебром. Я стояла, захваченная мирной красотой пейзажа, как вдруг заметила, что в тени буков кто-то движется. Таинственное существо вышло на лужайку, и я увидела огромного, величиной с теленка, дога рыжевато-коричневой масти, с отвислым подгрудком, черной мордой и могучими мослами. Он медленно пересек лужайку и исчез в темноте на противоположной стороне. При виде этого страшного немого стража сердце у меня замерло так, как никогда не случалось при появлении грабителя.

А вот еще одно происшествие, о котором мне тоже хочется вам рассказать. Вы знаете, что я остригла волосы еще до отъезда из Лондона и отрезанную косу спрятала на дно чемодана. Однажды вечером, уложив мальчика спать, я принялась раскладывать свои вещи. В комнате стоит старый комод, два верхних ящика его открыты, и там ничего не было, но нижний заперт. Я положила свое белье в верхние ящики, места не хватило, и я, естественно, была недовольна тем, что нижний ящик заперт. Я решила, что его заперли по недоразумению, поэтому, достав ключи, я попыталась его открыть. Подошел первый же ключ, ящик открылся. Там лежала только одна вещь. И как вы думаете, что именно? Моя коса!

Я взяла ее и как следует рассмотрела. Такой же особый цвет, как у меня, такие же густые волосы. Но затем я сообразила, что это не мои волосы. Как они могли очутиться в запертом ящике комода? Дрожащими руками я раскрыла свой чемодан, выбросила из него вещи и на дне его увидела свою косу. Я положила две косы рядом, уверяю вас, они были совершенно одинаковыми. Ну, разве это не удивительно? Я была в полнейшем недоумении. Я положила чужую косу обратно в ящик и ничего не сказала об этом Рукаслам: я поступила дурно, чувствовала я, открыв запертый ящик.

Вы, мистер Холмс, наверное, заметили, что я наблюдательна, поэтому мне не составило труда освоиться с расположением комнат и коридоров в доме. Одно крыло его, по-видимому, было нежилым. Дверь, которая вела туда, находилась напротив комнат Толлеров, но была заперта. Однажды,

поднимаясь по лестнице, я увидела, как оттуда с ключами в руках выходил мистер Рукасл. Лицо его в этот момент было совсем не таким, как всегда. Щеки его горели, лоб морщинился от гнева, а на висках набухли вены. Не взглянув на меня и не сказав ни слова, он запер дверь и поспешил вниз.

Это событие пробудило мое любопытство. Отправившись на прогулку с ребенком, я пошла туда, откуда хорошо видны окна той части дома. Окон было четыре, все они выходили на одну сторону, три просто грязные, а четвертое еще и загорожено ставнями. Там, по-видимому, никто не жил. Пока я ходила взад и вперед по саду, ко мне вышел снова веселый и жизнерадостный мистер Рукасл.

– Не сочтите за грубость, моя дорогая юная леди, – обратился ко мне он, – что я прошел мимо вас, не сказав ни слова привета. Я был очень озабочен своими делами.

Я уверила его, что ничуть не обиделась.

– Между прочим, – сказала я, – у вас наверху, по-видимому, никто не живет, потому что одно окно даже загорожено ставнями.

– Я увлекаюсь фотографией, – ответил он, – и устроил там темную комнату. Но до чего вы наблюдательны, моя дорогая юная леди! Кто бы мог подумать!

Говорил он шутливым тоном, но во взгляде его я прочла подозрение, раздражение, но не шутку.

Так вот, мистер Холмс, как только я поняла, что от меня что-то скрывают, я загорелась желанием проникнуть в эти комнаты. Это было не просто любопытство, хоть и оно мне не чуждо. Это было чувство долга и уверенности, что если я туда проникну, я совершу добрый поступок. Говорят, что у женщин есть какое-то особое чутье. Быть может, именно оно поддерживало эту уверенность. Во всяком случае, я настойчиво искала возможность проникнуть за запретную дверь.

Возможность эта представилась только вчера. Должна сказать вам, что кроме мистера Рукасла в пустые комнаты зачем-то входили Толлер и его жена, а один раз я даже видела, как Толлер вынес оттуда большой черный мешок. Последние дни он много пьет и вчера вечером был совсем пьян. Поднявшись наверх, я заметила, что ключ от двери торчит в замке. Мистер и миссис Рукасл находились внизу, ребенок был с ними, поэтому я решила воспользоваться предоставившейся мне возможностью. Тихо повернув ключ, я отворила дверь и проскользнула внутрь.

Передо мной был небольшой коридор с голыми стенами и пол, не застланный ковром. В конце коридор сворачивал налево. За углом шли подряд три двери, первая и третья отворены и вели в пустые комнаты,

запыленные и мрачные. В первой комнате было два окна, а во второй – одно, такое грязное, что сквозь него еле-еле проникал вечерний свет. Средняя дверь была закрыта и заложена снаружи широкой перекладиной от железной кровати; один конец перекладины был продет во вделанное в стену кольцо, а другой привязан толстой веревкой. Ключа в двери не оказалось. Эта забаррикадированная дверь вполне соответствовала закрытому ставнями окну, но по свету, что пробивался из-под нее, я поняла, что в комнате не совсем темно. По-видимому, свет проникал туда из люка, ведущего на чердак. Я стояла в коридоре, глядя на страшную дверь и раздумывая, что может таиться за нею, как вдруг услышала внутри шаги и увидела, как на узкую полоску тусклого света, проникающего из-под двери, то надвигалась какая-то тень, то удалялась от нее. Безумный страх охватил меня, мистер Холмс. Напряженные нервы не выдержали, я повернулась и бросилась бежать – так, будто сзади меня хватала какая-то страшная рука. Я промчалась по коридору, выбежала на площадку и очутилась прямо в объятиях мистера Рукасла.

– Значит, – улыбаясь, сказал он, – это были вы. Я так и подумал, когда увидел, что дверь открыта.

– Ох, как я перепугалась! – пролепетала я.

– Моя дорогая юная леди! Что же так напугало вас, моя дорогая юная леди?

Вы и представить себе не можете, как ласково и успокаивающе он это говорил.

Но голос его был чересчур добрым. Он переигрывал. Я снова была начеку.

– По глупости я забрела в нежилое крыло, – объяснила я. – Но там так пусто и такой мрак, что я испугалась и убежала. Ох, как там страшно!

– И это все? – спросил он, зорко вглядываясь в меня.

– Что же еще? – воскликнула я.

– Как вы думаете, почему я запер эту дверь?

– Откуда же мне знать?

– Чтобы посторонние не совали туда свой нос. Понятно?

Он продолжал улыбаться самой любезной улыбкой.

– Уверяю вас, если бы я знала…

– Что ж, теперь знайте. И если вы хоть раз снова переступите этот порог… – при этих словах улыбка его превратилась в гневную гримасу, словно дьявол глянул на меня своим свирепым оком, – я отдам вас на растерзание моему псу.

Я была так напугана, что не помню, как поступила в ту минуту.

Наверное, я метнулась мимо него в свою комнату. Очнулась я, дрожа всем телом, уже у себя на постели. И тогда я подумала про вас, мистер Холмс. Я больше не могла там находиться, мне нужно было посоветоваться с вами. Этот дом, этот человек, его жена, его слуги, даже ребенок – все внушало мне страх. Если бы только вызвать вас сюда, тогда все было бы в порядке. Конечно, я могла бы бежать оттуда, но меня терзало любопытство, не менее сильное, чем страх. И я решила послать вам телеграмму. Я надела пальто и шляпу, сходила на почту, что в полумиле от нас, и затем, испытывая некоторое облегчение, пошла назад. У самого дома мне пришла в голову мысль, не спустили ли они собаку, но тут же я вспомнила, что Толлер напился до бесчувствия, а без него никто не сумеет спустить с цепи эту злобную тварь. Я благополучно проскользнула внутрь и полночи не спала, радуясь, что увижу вас. Сегодня утром я без труда получила разрешение съездить в Винчестер. Правда, мне нужно вернуться к трем часам, так как мистер и миссис Рукасл едут к кому-то в гости, поэтому я весь вечер должна быть с ребенком. Теперь вам известны, мистер Холмс, все мои приключения, и я была бы очень рада, если бы вы объяснили мне, что все это значит, и прежде всего научили, как я должна поступить.

Холмс и я, затаив дыхание, слушали этот удивительный рассказ. Мой друг встал и, засунув руки в карманы, принялся ходить взад и вперед по комнате. Лицо его было чрезвычайно серьезным.

– Толлер все еще пьян? – спросил он.

– Да. Его жена утром говорила миссис Рукасл, что ничего не может с ним сделать.

– Хорошо. Так вы говорите, что Рукаслов нынче весь вечер не будет дома?

– Да.

– В доме есть какой-нибудь погреб, который закрывается на хороший, крепкий замок?

– Да, винный погреб.

– Мисс Хантер, вы вели себя очень отважно и разумно. Сумеете ли вы совершить еще один смелый поступок? Я бы не обратился с подобной просьбой, если бы не считал вас женщиной незаурядной.

– Попробую. А что я должна сделать?

– Мы, мой друг и я, приедем в «Медные буки» в семь часов. К этому времени Рукаслы уедут, а Толлер, надеюсь, не проспится. Остается мисс Толлер. Если вы сумеете под каким-нибудь предлогом послать ее в погреб, а потом запереть там, вы облегчите нашу задачу.

– Я это сделаю.

– Прекрасно! Тогда нам удастся поподробнее расследовать эту историю, у которой только одно объяснение. Вас пригласили туда сыграть роль некоей молодой особы, которую они заточили в комнате наверху. Тут нет никаких сомнений. Кто она? Я уверен, что дочь мистера Рукасла, Алиса, которая, если я не запамятовал, уехала в Америку. Выбор пал на вас, вы похожи на нее ростом, фигурой и цветом волос. Во время болезни ей, наверное, остригли волосы, поэтому пришлось принести в жертву и ваши. Вы случайно нашли ее косу. Человек на дороге – это ее друг или жених, а так как вы похожи на нее – на вас было ее платье, – то видя, что вы смеетесь и даже машете, чтобы он ушел, он решил, что мисс Рукасл счастлива и более в нем не нуждается. Собаку спускали по ночам для того, чтобы помешать его попыткам увидеться с Алисой. Все это совершенно ясно. Самое существенное в этом деле – это ребенок.

– Он-то какое отношение имеет ко всей этой истории? – воскликнул я.

– Мой дорогой Уотсон, вы врач и должны знать, что поступки ребенка можно понять, изучив нрав его родителей. И наоборот. Я часто определял характер родителей, изучив нрав их детей. Этот ребенок аномален в своей жестокости, он наслаждается ею, и унаследовал ли он ее от своего улыбчивого отца или от матери, эта черта одинаково опасна для той девушки, что находится в их власти.

– Вы совершенно правы, мистер Холмс! – вскричала наша клиентка. – Мне приходят на память тысячи мелочей, которые свидетельствуют о том, как вы правы. О, давайте не будем терять ни минуты, поможем этой бедняжке.

– Надо быть осторожными, потому что мы имеем дело с очень хитрым человеком. До вечера мы ничего не можем предпринять. В семь мы будем у вас и сумеем разгадать эту тайну.

Мы сдержали слово и ровно в семь, оставив нашу двуколку у придорожного трактира, явились в «Медные буки». Даже если бы мисс Хантер с улыбкой на лице и не ждала нас на пороге, мы все равно узнали бы дом, увидев деревья с темными листьями, сверкающими, как начищенная медь, в лучах заходящего солнца.

– Удалось? – только и спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился глухой стук.

– Это миссис Толлер в погребе, – объяснила мисс Хантер. – А ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, кажется, такие же, как у мистера Рукасла.

– Умница! – восхищенно вскричал Холмс. – А теперь ведите нас, через

несколько минут преступление будет раскрыто.

Мы поднялись по лестнице, отперли дверь, прошли по коридору и очутились перед дверью, о которой рассказывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял перекладину. Затем он хотел отпереть дверь, но ни один ключ не подходил к замку. Изнутри не доносилось ни звука, и Холмс нахмурился.

– Надеюсь, мы не опоздали, – сказал он. – Мне кажется, мисс Хантер, нам лучше войти туда без вас. Ну-ка, Уотсон, нажмите на дверь плечом, не удастся ли нам открыть ее силой.

Старая, обшарпанная дверь тотчас же уступила нашим объединенным усилиям, и мы ворвались в комнату. Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

– Здесь что-то произошло, – сказал Холмс. – Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

– Но каким образом?

– Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал. – Он влез на стол. – Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

– Но это невозможно, – возразила мисс Хантер. – Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

– Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если услышу на лестнице его шаги. Уотсон, вам лучше приготовить свой пистолет.

Едва он произнес эти слова, как на пороге появился очень полный, крупный мужчина с толстой палкой в руках. Мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс решительно встал между ними.

– Негодяй! – сказал он. – Куда вы дели свою дочь?

Толстяк обежал глазами комнату и затем бросил взгляд на люк.

– Это я у вас должен спросить! – закричал он. – Воры! Шпионы и воры! Я поймал вас! Вы в моей власти! Я вам покажу! – Он повернулся и бросился вниз по лестнице.

– Он пошел за собакой! – воскликнула мисс Хантер.

– У меня есть пистолет, – сказал я.

– Надо закрыть парадную дверь, – распорядился Холмс, и мы втроем побежали вниз.

Едва мы спустились, как раздался собачий лай, а затем ужасный вопль, сопровождаемый жутким рычанием. Из соседней двери, спотыкаясь, выскочил пожилой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

– Боже мой! – вскричал он. – Кто-то спустил собаку. Ее не кормили целых два дня. Быстрее, не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали из дома и вслед за Толлером завернули за угол. Огромный зверь с черной мордой терзал за горло Рукасла, а тот корчился на земле и кричал. Подбежав к собаке, я выстрелил; она упала, но белые ее клыки так и остались в жирных складках шеи. С большим трудом мы оторвали собаку от Рукасла и понесли его, еще живого, но жестоко искалеченного, в дом. Мы положили его на диван в гостиной, послали протрезвевшего Толлера за его женой, а я попытался по мере сил и возможностей облегчить положение раненого. Мы все стояли вокруг него, когда дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина.

– Миссис Толлер! – воскликнула мисс Хантер.

– Да, мисс, это я. Мистер Рукасл отпер погреб, когда вернулся, а потом уж пошел наверх к вам. Как жаль, мисс, что вы не рассказали мне о своих намерениях. Я бы убедила вас, что вы стараетесь напрасно.

– Так! – воскликнул Холмс, пристально глядя на нее. – Значит, мисс Толлер известно об этом деле больше, чем кому-либо другому.

– Да, сэр, и я готова рассказать, что знаю.

– Тогда, пожалуйста, садитесь, и мы послушаем, некоторые детали, признаюсь, я еще не совсем уяснил.

– Постараюсь прояснить их, – сказала она. – Я бы сделала это и раньше, если бы сумела выбраться из погреба. Коли вмешается полиция, прошу вас помнить, что я была на вашей стороне и помогла мисс Алисе.

У мисс Алисы не было счастья с тех пор, как ее отец женился вторично. На нее не обращали внимания, с ней не считались. Но совсем плохо стало, когда у своей подруги она познакомилась с молодым мистером Фаулером. Насколько мне известно, у мисс Алисы по завещанию были собственные деньги, но уж такой робкой и терпеливой она была, что и словом не заикнулась про них, а просто передала все в руки мистера Рукасла. Он знал, что в отношении денег ему беспокоиться не о чем. Однако перспектива замужества, когда супруг может потребовать все, что принадлежит ему по закону, заставила его призадуматься и решить, что пора действовать. Он хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться деньгами, независимо от того, выйдет она замуж или нет. Она отказалась это сделать, но он не отставал до тех пор, пока у нее не сделалось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Потом она поправилась, но стала как тень, а ее прекрасные волосы пришлось остричь. Правда, молодого человека это ничуть не смутило – он по-прежнему оставался ей предан, как и полагается

порядочному человеку.

– Ваш рассказ значительно прояснил дело, – заметил Холмс. – Остальное я, пожалуй, в состоянии домыслить сам. Значит, мистер Рукасл применил систему насильственной изоляции?

– Да, сэр.

– И привез миссис Хантер из Лондона, чтобы избавиться от настойчивости мистера Фаулера?

– Именно так, сэр.

– Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и подобает настоящему моряку, осадил дом, а встретившись с вами, сумел звоном монет и другими способами убедить вас, что у вас с ним общие интересы.

– Мистер Фаулер умеет уговаривать, человек он щедрый, – безмятежно отозвалась миссис Толлер.

– Ему удалось сделать так, что ваш почтенный супруг не испытывал недостатка в спиртном и чтобы на тот случай, когда ваш хозяин уедет из дома, лестница была наготове.

– Именно так, сэр, все и произошло.

– Премного вам обязан, миссис Толлер, за то, что вы разъяснили нам кое-какие непонятные вещи, – сказал Холмс. – А вот и здешний доктор и с ним миссис Рукасл! Мне думается, Уотсон, нам пора взять мисс Хантер с собой в Винчестер, так как наш locus standi[74] представляется сейчас довольно сомнительным.

Так была раскрыта тайна страшного дома с медными буками у парадного крыльца. Мистер Рукасл остался жив, но превратился в полного инвалида, и существование его теперь целиком зависит от забот преданной жены. Они по-прежнему живут вместе со старыми слугами, которым, наверное, так много известно из прошлой жизни мистера Рукасла, что у него нет сил с ними расстаться. Мистер Фаулер и мисс Рукасл обвенчались в Саутгемптоне на следующий же день после побега, и сейчас он правительственный чиновник на острове Святого Маврикия. Что же касается мисс Вайолет Хантер, то мой друг Холмс, к крайнему моему неудовольствию, больше не проявлял к ней никакого интереса, поскольку она перестала быть центром занимающей его проблемы, и сейчас она трудится на посту директора частной школы в Уолсоле, делая это, не сомневаюсь, весьма успешно.

Желтое лицо

Вполне естественно, что я, готовя к изданию эти короткие очерки, в основу которых легли те многочисленные случаи, когда своеобразный талант моего друга побуждал меня жадно выслушивать его отчет о какой-нибудь необычной драме, а порой и самому становиться ее участником, что я при этом чаще останавливаюсь на его успехах, чем на неудачах. Я поступаю так не в заботе о его репутации, нет: ведь именно тогда, когда задача ставила его в тупик, он особенно удивлял меня своей энергией и многогранностью дарования. Я поступаю так по той причине, что там, где Холмс терпел неудачу, слишком часто оказывалось, что и никто другой не достиг успеха, и тогда рассказ оставался без развязки. Временами, однако, случалось и так, что мой друг заблуждался, а истина все же бывала раскрыта. У меня записано пять-шесть случаев этого рода, и среди них наиболее яркими и занимательными представляются два – дело о втором пятне и та история, которую я собираюсь сейчас рассказать.

Шерлок Холмс редко занимался тренировкой ради тренировки. Немного найдется людей, в большей мере способных к напряжению всей своей мускульной силы, и в своем весе он был бесспорно одним из лучших боксеров, каких я только знал; но в бесцельном напряжении телесной силы он видел напрасную трату энергии, и его, бывало, с места не сдвинешь, кроме тех случаев, когда дело касалось его профессии. Вот тогда он бывал совершенно неутомим и неотступен, хотя, казалось бы, для этого требовалось постоянная и неослабная тренировка; но, правда, он всегда соблюдал крайнюю умеренность в еде и в своих привычках, был до строгости прост. Он не был привержен ни к каким порокам, а если изредка и прибегал к кокаину, то разве что в порядке протеста против однообразия жизни, когда загадочные случаи становились редки и газеты не предлагали ничего интересного.

Как-то ранней весной он был в такой расслабленности, что пошел со мной днем прогуляться в парк. На вязах только еще пробивались хрупкие зеленые побеги, а клейкие копьевидные почки каштанов уже начали развертываться в пятиперстные листики. Два часа мы прохаживались вдвоем, большей частью молча, как и пристало двум мужчинам, превосходно знающим друг друга. Было около пяти, когда мы вернулись на Бейкер-стрит.

– Разрешите доложить, сэр, – сказал наш мальчик-лакей, открывая нам дверь. – Тут приходил один джентльмен, спрашивал вас, сэр.

Холмс посмотрел на меня с упреком.

– Вот вам и погуляли среди дня! – сказал он. – Так он ушел, этот джентльмен?

– Да, сэр.

– Ты не предлагал ему зайти?

– Предлагал, сэр, он заходил и ждал.

– Долго он ждал?

– Полчаса, сэр. Очень был беспокойный джентльмен, сэр, он все расхаживал, пока тут был, притопывал ногой. Я ждал за дверью, сэр, и мне все было слышно. Наконец он вышел в коридор и крикнул: «Что же, он так никогда и не придет, этот человек?» Это его точные слова, сэр. А я ему: «Вам только надо подождать еще немного». – «Так я, – говорит, – подожду на свежем воздухе, а то я просто задыхаюсь! Немного погодя зайду еще раз». – С этим он встал и ушел, и, что я ему ни говорил, его никак было не удержать.

– Хорошо, хорошо, ты сделал что мог, – сказал Холмс, проходя со мной в нашу общую гостиную. – Как все-таки досадно получилось, Уотсон! Мне позарез нужно какое-нибудь интересное дело, а это, видно, такое и есть, судя по нетерпению джентльмена. Эге! Трубка на столе не ваша! Значит, это он оставил свою. Добрая старая трубка из корня вереска с длинным чубуком, какой в табачных магазинах именуется янтарным. Хотел бы я знать, сколько в Лондоне найдется чубуков из настоящего янтаря! Иные думают, что признаком служит муха. Возникла, знаете, целая отрасль промышленности – вводить поддельную муху в поддельный янтарь. Он был, однако, в сильном расстройстве, если забыл здесь свою трубку, которой явно очень дорожит.

– Откуда вы знаете, что он очень ею дорожит? – спросил я.

– Такая трубка стоит новая семь с половиной шиллингов. А между тем она, как видите, дважды побывала в починке: один раз чинилась деревянная часть, другой – янтарная. Починка, заметьте, оба раза стоила дороже самой трубки – здесь в двух местах перехвачено серебряным кольцом. Человек должен очень дорожить трубкой, если предпочитает дважды чинить ее, вместо того чтобы купить за те же деньги новую.

– Что-нибудь еще? – спросил я, видя, что Холмс вертит трубку в руке и задумчиво, как-то по-своему ее разглядывает. Он высоко поднял ее и постукивал по ней длинным и тонким указательным пальцем, как мог бы профессор, читая лекцию, постукивать по кости.

– Трубки бывают обычно очень интересны, – сказал он. – Ничто другое не заключает в себе столько индивидуального, кроме, может быть, часов да

шнурков на ботинках. Здесь, впрочем, указания не очень выраженные и не очень значительные. Владелец, очевидно, крепкий человек с отличными зубами, левша, неаккуратный и не склонен наводить экономию.

Мой друг бросал эти сведения небрежно, как бы вскользь, но я видел, что он скосил на меня взгляд, проверяя, слежу ли я за его рассуждением.

– Вы думаете, человек не стеснен в деньгах, если он курит трубку за семь шиллингов? – спросил я.

– Он курит гросвенорскую смесь по восемь пенсов унция, – ответил Холмс, побарабанив по голове трубки и выбив на ладонь немного табаку. – А ведь можно и за половину этой цены купить отличный табак – значит, ему не приходится наводить экономию.

– А прочие пункты?

– Он имеет привычку прикуривать от лампы и газовой горелки. Вы видите, что трубка с одного боку сильно обуглилась. Спичка этого, конечно, не наделала бы. С какой стати станет человек, разжигая трубку, держать спичку сбоку? А вот прикурить от лампы вы не сможете, не опалив головки. И опалена она с правой стороны. Отсюда я вывожу, что ее владелец левша. Попробуйте сами прикурить от лампы и посмотрите, как, естественно, будучи правшой, вы поднесете трубку к огню левой ее стороной. Иногда вы, может быть, сделаете и наоборот, но не будете так поступать из раза в раз. Эту трубку постоянно подносили правой стороной. Далее, смотрите, он прогрыз янтарь насквозь. Это может сделать только крепкий, энергичный человек да еще с отличными зубами. Но, кажется, я слышу на лестнице его шаги, так что нам будет что рассмотреть поинтересней трубки.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в комнату вошел высокий молодой человек. На нем был отличный, но не броский темно-серый костюм, и в руках он держал коричневую фетровую шляпу с широкими полями. Выглядел он лет на тридцать, хотя на самом деле был, должно быть, старше.

– Извините, – начал он в некотором смущении. – Полагаю, мне бы следовало постучать. Да, конечно, следовало… Понимаете, я несколько расстроен, тем и объясняется… – Он провел рукой по лбу, как делает человек, когда он сильно не в себе, и затем не сел, а скорей упал на стул.

– Я вижу, вы ночи две не спали, – сказал Холмс в спокойном, сердечном тоне. – Это изматывает человека больше, чем работа, и даже больше, чем наслаждение. Разрешите спросить, чем могу вам помочь?

– Мне нужен ваш совет, сэр. Я не знаю, что мне делать, все в моей

жизни пошло прахом.

– Вы хотели бы воспользоваться моими услугами сыщика-консультанта?

– Не только. Я хочу услышать от вас мнение рассудительного человека… и человека, знающего свет. Я хочу понять, что мне теперь делать дальше. Я так надеюсь, что вы мне что-то посоветуете.

Он не говорил, а выпаливал резкие, отрывочные фразы, и мне казалось, что говорить для него мучительно и что он все время должен превозмогать себя усилием воли.

– Дело это очень щепетильное, – продолжал он. – Никто не любит говорить с посторонними о своих семейных делах. Ужасно, знаете, обсуждать поведение своей жены с людьми, которых ты видишь в первый раз. Мне противно, что я вынужден это делать! Но я больше не в силах терпеть, и мне нужен совет.

– Мой милый мистер Грэнт Манро… – начал Холмс.

Наш гость вскочил со стула.

– Как! – вскричал он. – Вы знаете мое имя?

– Если вам желательно сохранять инкогнито, – сказал с улыбкой Холмс, – я бы посоветовал отказаться от обыкновения проставлять свое имя на подкладке шляпы или уж держать ее тульей к собеседнику. Я как раз собирался объяснить вам, что мы с моим другом выслушали в этой комнате немало странных тайн и что мы имели счастье внести мир во многие встревоженные души. Надеюсь, нам удастся сделать то же и для вас. Я попрошу вас, поскольку время может оказаться дорого, не тянуть и сразу изложить факты.

Наш гость опять провел рукой по лбу, как будто исполнить эту просьбу ему было до боли тяжело. По выражению его лица и по каждому жесту я видел, что он сдержанный, замкнутый человек, склонный скорее прятать свои раны, нежели чванливо выставлять их напоказ. Потом он вдруг взмахнул стиснутым кулаком, как бы отметая прочь всю сдержанность, и начал.

– Факты эти таковы, мистер Холмс. Я женатый человек, и женат я три года. Все это время мы с женой искренне любили друг друга и были очень счастливы в нашей брачной жизни. Никогда у нас не было ни в чем разлада – ни в мыслях, ни в словах, ни на деле. И вот в этот понедельник между нами вдруг возник барьер: я открываю, что в ее жизни и в ее мыслях есть что-то, о чем я знаю так мало, как если б это была не она, а та женщина, что метет улицу перед нашим домом. Мы сделались чужими, и я хочу знать, почему.

Прежде, чем рассказывать дальше, я хочу, чтобы вы твердо знали одно, мистер Холмс: Эффи любит меня. На этот счет пусть не будет у вас никаких сомнений. Она любит меня всем сердцем, всей душой и никогда не любила сильней, чем теперь. Я это знаю, чувствую. Этого я не желаю обсуждать. Мужчина может легко различить, любит ли его женщина. Но между нами легла тайна, и не пойдет у нас по-прежнему, пока она не разъяснится.

– Будьте любезны, мистер Манро, излагайте факты, – сказал Холмс с некоторым нетерпением.

– Я сообщу вам, что мне известно о прошлой жизни Эффи. Она была вдовой, когда мы с нею встретились, хотя и совсем молодою – ей было двадцать пять. Звали ее тогда миссис Хеброн. В юности она уехала в Америку и жила одна там в городе Атланте, где и вышла замуж за этого Хеброна, адвоката с хорошей практикой. У них был ребенок, но потом там вспыхнула эпидемия желтой лихорадки, которая и унесла обоих – мужа и ребенка. Я видел сам свидетельство о смерти мужа. После этого Америка ей опротивела, она вернулась на родину и стала жить с теткой, старой девой, в Мидлсексе, в городе Пиннере. Пожалуй, следует упомянуть, что муж не оставил ее без средств: у нее был небольшой капитал – четыре с половиной тысячи фунтов, которые он так удачно поместил, что она получала в среднем семь процентов. Она прожила в Пиннере всего полгода, когда я встретился с ней. Мы полюбили друг друга и через несколько недель поженились.

Сам я веду торговлю хмелем, и, так как мой доход составляет семь-восемь сотен в год, мы живем не нуждаясь, снимаем виллу в Норбери за восемьдесят фунтов в год. У нас там совсем по-дачному, хоть это и близко от города. Рядом с нами, немного дальше по шоссе, гостиница и еще два дома, прямо перед нами – поле, а по ту сторону его – одинокий коттедж; и, помимо этих домов, никакого жилья ближе, чем на полпути до станции. Выпадают такие месяцы в году, когда дела держат меня в городе, но летом я бываю более или менее свободен, и тогда мы с женою в нашем загородном домике так счастливы, что лучше и желать нельзя. Говорю вам, между нами никогда не было никаких размолвок, пока не началась эта проклятая история.

Одну вещь я вам должен сообщить, прежде чем стану рассказывать дальше. Когда мы поженились, моя жена перевела на меня все свое состояние – в сущности, вопреки моей воле, потому что я понимаю, как неудобно это может обернуться, если мои дела пойдут под уклон. Но она так захотела, и так было сделано. И вот шесть недель тому назад

она вдруг говорит мне:

– Джек, когда ты брал мои деньги, ты сказал, что когда бы они мне ни понадобились, мне довольно будет просто попросить.

– Конечно, – сказал я, – они твои.

– Хорошо, – сказала она, – мне нужно сто фунтов.

Я опешил – я думал, ей понадобилось на новое платье или что-нибудь в этом роде.

– Зачем тебе вдруг? – спросил я.

– Ах, – сказала она шаловливо, – ты же говорил, что ты только мой банкир, а банкиры, знаешь, никогда не спрашивают.

– Если тебе в самом деле нужны эти деньги, ты их, конечно, получишь, – сказал я.

– Да, в самом деле нужны.

– И ты мне не скажешь, на что?

– Может быть, когда-нибудь и скажу, но только, Джек, не сейчас.

Пришлось мне этим удовлетвориться, хотя до сих пор у нас никогда не было друг от друга никаких секретов. Я выписал ей чек и больше об этом деле не думал. Может быть, оно и не имеет никакого отношения к тому, что произошло потом, но я посчитал правильным рассказать вам о нем.

Так вот, как я уже упоминал, неподалеку от нас стоит коттедж. Нас от него отделяет только поле, но, чтобы добраться до него, надо сперва пройти по шоссе, а потом свернуть по проселку. Сразу за коттеджем славный сосновый борок, я люблю там гулять, потому что среди деревьев всегда так приятно. Коттедж последние восемь месяцев стоял пустой, и было очень жаль, потому что это премилый двухэтажный домик с крыльцом на старинный манер и жимолостью вокруг. Я, бывало, остановлюсь перед этим коттеджем и думаю, как мило было бы в нем устроиться.

Так вот в этот понедельник вечером я пошел погулять в свой любимый борок, когда на проселке мне встретился возвращающийся пустой фургон, а на лужайке возле крыльца я увидел груду ковров и разных вещей. Было ясно, что коттедж наконец кто-то снял. Я прохаживался мимо, останавливался, как будто от нечего делать, – стою, оглядываю дом, любопытствуя, что за люди поселились так близко от нас. И вдруг вижу в одном из окон второго этажа чье-то лицо, уставившееся прямо на меня.

Не знаю, что в нем было такого, мистер Холмс, только у меня мороз пробежал по спине. Я стоял в отдалении, так что не мог разглядеть черты, но было в этом лице что-то неестественное, нечеловеческое. Такое

создалось у меня впечатление. Я быстро подошел поближе, чтобы лучше разглядеть следившего за мной. Но едва я приблизился, лицо вдруг скрылось – и так внезапно, что оно, показалось мне, нырнуло во мрак комнаты. Я постоял минут пять, думая об этой истории и стараясь разобраться в своих впечатлениях. Я не мог даже сказать, мужское это было лицо или женское. Больше всего меня поразил его цвет. Оно было мертвенно-желтое с лиловыми тенями и какое-то застывшее, отчего и казалось таким жутко неестественным. Я до того расстроился, что решил узнать немного больше о новых жильцах. Я подошел и постучался в дверь, и мне тут же открыла худая высокая женщина с неприветливым лицом.

– Чего вам надо? – спросила она с шотландским акцентом.

– Я ваш сосед, вон из того дома, – ответил я, кивнув на нашу виллу. – Вы, я вижу, только что приехали, я и подумал, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен.

– Эге! Когда понадобитесь, мы сами вас попросим, – сказала она и хлопнула дверью у меня перед носом.

Рассердясь на такую грубость, я повернулся и пошел домой. Весь вечер, как ни старался я думать о другом, я не мог забыть призрака в окне и ту грубую женщину. Я решил ничего жене не рассказывать – она нервная, впечатлительная женщина, и я не хотел делиться с нею неприятным переживанием. Все же перед сном я как бы невзначай сказал ей, что в коттедже появились жильцы, на что она ничего не ответила.

Я вообще сплю очень крепко. В семье у нас постоянно шутили, что ночью меня пушкой не разбудишь; но почемуто как раз в эту ночь – потому ли, что я был немного возбужден своим маленьким приключением, или по другой причине, не знаю, – только спал я не так крепко, как обычно. Я смутно сознавал сквозь сон, что в комнате что-то происходит, и понемногу до меня дошло, что жена стоит уже в платье и потихоньку надевает пальто и шляпу. Мои губы шевельнулись, чтобы пробормотать сквозь сон какие-то слова недоумения или упрека за эти несвоевременные сборы, когда, вдруг приоткрыв глаза, я посмотрел на озаренное свечой лицо, и у меня отнялся язык от изумления. Никогда раньше я не видел у нее такого выражения лица – я даже не думал, что ее лицо может быть таким. Она была мертвенно-бледна, дышала учащенно и, застегивая пальто, украдкой косилась на кровать, чтобы проверить, не разбудила ли меня. Потом, решив, что я все-таки сплю, она бесшумно выскользнула из комнаты, и секундой позже раздался резкий скрип, какой могли произвести только петли парадных дверей. Я приподнялся в постели, потер кулаком о железный край кровати, чтобы увериться, что это не сон. Потом

я достал часы из-под подушки. Они показывали три пополуночи. Что на свете могло понадобиться моей жене в тот час на шоссейной дороге?

Я просидел так минут двадцать, перебирая это все в уме и стараясь подыскать объяснение. Чем больше я думал, тем это дело представлялось мне необычайней и необъяснимей. Я еще ломал над ним голову, когда опять послышался скрип петель внизу, и затем по лестнице раздались ее шаги.

– Господи, Эффи, где это ты была? – спросил я, как только она вошла.

Она задрожала и вскрикнула, когда я заговорил, и этот сдавленный крик и дрожь напугали меня больше, чем все остальное, потому что в них было что-то невыразимо виноватое. Моя жена всегда была женщиной прямого и открытого нрава, но я похолодел, когда увидел, как она украдкой пробирается к себе же в спальню и дрожит оттого, что муж заговорил с ней.

– Ты не спишь, Джек? – вскрикнула она с нервным смешком. – Смотри, а я-то думала, тебя ничем не разбудишь.

– Где ты была? – спросил я строже.

– Так понятно, что это тебя удивляет, – сказала она, и я увидел, что пальцы ее дрожат, расстегивая пальто. – Я и сама не припомню, чтобы когда-нибудь прежде делала такую вещь. Понимаешь, мне вдруг стало душно, и меня прямо-таки неодолимо потянуло подышать свежим воздухом. Право, мне кажется, у меня был бы обморок, если бы я не вышла на воздух. Я постояла несколько минут в дверях, и теперь я совсем отдышалась.

Рассказывая мне эту историю, она ни разу не поглядела в мою сторону, и голос у нее был точно не свой. Мне стало ясно, что она говорит неправду. Я ничего не сказал в ответ и уткнулся лицом в стенку с чувством дурноты и с тысячью ядовитых подозрений и сомнений в голове. Что скрывает от меня жена? Где она побывала во время своей странной прогулки? Я чувствовал, что не найду покоя, пока этого не узнаю, и все-таки мне претило расспрашивать дальше после того, как она уже раз солгала. До конца ночи я кашлял и ворочался с боку на бок, строя догадку за догадкой, одна другой невероятнее.

Назавтра мне нужно было ехать в город, но я был слишком взбудоражен и даже думать не мог о делах. Моя жена была, казалось, расстроена не меньше, чем я, и по ее быстрым вопросительным взглядам, которые она то и дело бросала на меня, я видел: она поняла, что я не поверил ее объяснению, и прикидывает, как ей теперь быть. За первым

завтраком мы едва обменялись с ней двумя-тремя словами, затем я сразу вышел погулять, чтобы собраться с мыслями на свежем утреннем воздухе.

Я дошел до Хрустального дворца, просидел там целый час в парке и вернулся в Норбери в начале второго. Случилось так, что на обратном пути мне нужно было пройти мимо коттеджа, и я остановился на минутку посмотреть, не покажется ли опять в окошке то странное лицо, что глядело на меня накануне. Я стою и смотрю, и вдруг – вообразите себе мое удивление, мистер Холмс, – дверь открывается, и выходит моя жена!

Я онемел при виде ее, но мое волнение было ничто перед тем, что отразилось на ее лице, когда глаза наши встретились. В первую секунду она как будто хотела шмыгнуть обратно в дом; потом, поняв, что всякая попытка спрятаться будет бесполезна, она подошла ко мне с побелевшим лицом и с испугом в глазах, не вязавшимся с ее улыбкой.

– Ах, Джек, – сказала она, – я заходила сейчас туда спросить, не могу ли я чем-нибудь помочь нашим новым соседям. Что ты так смотришь на меня, Джек? Ты на меня сердишься?

– Так! – сказал я. – Значит, вот куда ты ходила ночью?

– Что ты говоришь? – закричала она.

– Ты ходила туда. Я уверен. Кто эти люди, что ты должна навещать их в такой час?

– Я не бывала там раньше.

– Как ты можешь утверждать вот так заведомую ложь? – закричал я. – У тебя и голос меняется, когда ты это говоришь. Когда у меня бывали от тебя секреты? Я сейчас же войду в дом и узнаю, в чем дело.

– Нет, нет, Джек, ради бога! – У нее осекся голос, она была сама не своя от волнения. Когда же я подошел к дверям, она судорожно схватила меня за рукав и с неожиданной силой оттащила прочь.

– Умоляю тебя, Джек, не делай этого, – кричала она. – Клянусь, я все тебе расскажу когда-нибудь, но если ты сейчас войдешь в коттедж, ничего из этого не выйдет кроме горя. – А потом, когда я попробовал ее отпихнуть, она прижалась ко мне с исступленной мольбой.

– Верь мне, Джек! – кричала она. – Поверь мне на этот только раз! Я никогда не дам тебе повода пожалеть об этом. Ты знаешь, я не стала б ничего от тебя скрывать иначе, как ради тебя самого. Дело идет о всей нашей жизни. Если ты сейчас пойдешь со мной домой, все будет хорошо. Если ты вломишься в этот коттедж, у нас с тобой все будет испорчено.

Она говорила так убежденно, такое отчаяние чувствовалось в ее голосе и во всей манере, что я остановился в нерешительности перед дверью.

– Я поверю тебе на одном условии – и только на одном, – сказал я

наконец, – с этой минуты между нами никаких больше тайн! Ты вольна сохранить при себе свой секрет, но ты пообещаешь мне, что больше не будет ночных хождений в гости, ничего такого, что нужно от меня скрывать. Я согласен простить то, что уже в прошлом, если ты дашь мне слово, что в будущем ничего похожего не повторится.

– Я знала, что ты мне поверишь, – сказала она и вздохнула с облегчением. – Все будет, как ты пожелаешь. Уйдем же, ах, уйдем от этого дома! – Все еще цепко держась за мой рукав, она увела меня прочь от коттеджа.

Я оглянулся на ходу – из окна на втором этаже за нами следило то желтое, мертвенное лицо. Что могло быть общего у этой твари и моей жены? И какая могла быть связь между Эффи и той простой и грубой женщиной, которую я видел накануне? Даже странно было спрашивать, и все-таки я знал, что у меня не будет спокойно на душе, покуда я не разрешу загадку.

Два дня спустя я сидел дома, и моя жена как будто честно соблюдала наш уговор; во всяком случае, насколько мне было известно, она даже не выходила из дому. Но на третий день я получил прямое доказательство, что ее торжественного обещания было недостаточно, чтобы пересилить то тайное воздействие, которое отвлекало ее от мужа и долга.

В тот день я поехал в город, но вернулся поездом не три тридцать шесть, как обычно, а пораньше – поездом два сорок. Когда я вошел в дом, наша служанка вбежала в переднюю с перепуганным лицом.

– Где хозяйка? – спросил я.

– А она, наверно, вышла погулять, – ответила девушка.

В моей голове сейчас же зародились подозрения. Я побежал наверх удостовериться, что ее в самом деле нет дома. Наверху я случайно посмотрел в окно и увидел, что служанка, с которой я только что разговаривал, бежит через поле прямиком к коттеджу. Я, конечно, сразу понял, что это все означает: моя жена пошла туда и попросила служанку вызвать ее, если я вернусь. Дрожа от бешенства, я сбежал вниз и помчался туда же, решив раз и навсегда положить конец этой истории. Я видел, как жена со служанкой бежали вдвоем по проселку, но я не стал их останавливать. То темное, что омрачало мою жизнь, затаилось в коттедже. Я дал себе слово: что бы ни случилось потом, но тайна не будет больше тайной. Подойдя к дверям, я даже не постучался, а прямо повернул ручку и ворвался в коридор.

На первом этаже было тихо и мирно. В кухне посвистывал на огне котелок, и большая черная кошка лежала, свернувшись клубком,

в корзинке; но нигде и следа той женщины, которую я видел в прошлый раз. Я кидаюсь из кухни в комнату – и там никого. Тогда я взбежал по лестнице и убедился, что в верхних двух комнатах пусто и нет никого. Во всем доме ни души! Мебель и картины были самого пошлого, грубого пошиба, кроме как в одной-единственной комнате – той, в окне которой я видел то странное лицо. Здесь было уютно и изящно, и мои подозрения разгорелись яростным, злым огнем, когда я увидел, что там стоит на камине карточка моей жены: всего три месяца тому назад она по моему настоянию снялась во весь рост, и это была та самая фотография!

Я пробыл в доме довольно долго, пока не убедился, что там и в самом деле нет никого. Потом я ушел, и у меня было так тяжело на сердце, как никогда в жизни. Жена встретила меня в передней, когда я вернулся домой, но я был так оскорблен и рассержен, что не мог с ней говорить, и пронесся мимо нее прямо к себе в кабинет.

Она, однако, вошла следом за мной, не дав мне даже времени закрыть дверь.

– Мне очень жаль, что я нарушила обещание, Джек, – сказала она, – но если бы ты знал все обстоятельства, ты, я уверена, простил бы меня.

– Так расскажи мне все, – говорю я.

– Я не могу, Джек, не могу! – закричала она.

– Пока ты мне не скажешь, кто живет в коттедже и кому это ты подарила свою фотографию, между нами больше не может быть никакого доверия, – ответил я и, вырвавшись от нее, ушел из дому.

Это было вчера, мистер Холмс, и с того часа я ее не видел и не знаю больше ничего об этом странном деле. В первый раз легла между нами тень, и я так потрясен, что не знаю, как мне теперь вернее всего поступить. Вдруг сегодня утром меня осенило, что, если есть на свете человек, который может дать мне совет, так это вы, и вот я поспешил к вам и безоговорочно отдаюсь в ваши руки. Если я что-нибудь изложил неясно, пожалуйста, спрашивайте. Но только скажите скорей, что мне делать, потому что я больше не в силах терпеть эту муку.

Мы с Холмсом с неослабным вниманием слушали эту необыкновенную историю, которую он нам рассказывал отрывисто, надломленным голосом, как говорят в минуту сильного волнения. Мой товарищ сидел некоторое время молча, подперев подбородок рукой и весь уйдя в свои мысли.

– Скажите, – спросил он наконец, – вы могли бы сказать под присягой, что лицо, которое вы видели в окне, было лицом человека?

– Оба раза, что я его видел, я смотрел на него издалека, так что сказать это наверное никак не могу.

– И, однако же, оно явно произвело на вас неприятное впечатление.

– Его цвет казался неестественным, и в его чертах была странная неподвижность. Когда я подходил ближе, оно как-то рывком исчезало.

– Сколько времени прошло с тех пор, как жена попросила у вас сто фунтов?

– Почти два месяца.

– Вы когда-нибудь видели фотографию ее первого мужа?

– Нет, в Атланте вскоре после его смерти произошел большой пожар, и все ее бумаги сгорели.

– Но все-таки у нее оказалось свидетельство о его смерти. Вы сказали, что вы его видели?

– Да, она после пожара выправила дубликат.

– Вы хоть раз встречались с кем-нибудь, кто был с ней знаком в Америке?

– Нет.

– Она когда-нибудь заговаривала о том, чтобы съездить туда?

– Нет.

– Не получала оттуда писем?

– Насколько мне известно, – нет.

– Благодарю вас. Теперь я хотел бы немножко подумать об этом деле. Если коттедж оставлен навсегда, у нас могут возникнуть некоторые трудности; если только на время, что мне представляется более вероятным, то это значит, что жильцов вчера предупредили о вашем приходе, и они успели скрыться, – тогда, возможно, они уже вернулись, и мы все это легко выясним. Я вам посоветую: возвращайтесь в Норбери и еще раз осмотрите снаружи коттедж. Если вы убедитесь, что он обитаем, не врывайтесь сами в дом, а только дайте телеграмму мне и моему другу. Получив ее, мы через час будем у вас, а там мы очень скоро дознаемся, в чем дело.

– Ну, а если в доме все еще никого нет?

– В этом случае я приеду завтра, и мы с вами обсудим, как быть. До свидания, и главное – не волнуйтесь, пока вы не узнали, что вам в самом деле есть из-за чего волноваться.

– Боюсь, дело тут скверное, Уотсон, – сказал мой товарищ, когда, проводив мистера Грэнта Манро до дверей, он вернулся в наш кабинет. – Как оно вам представляется?

– Грязная история, – сказал я.

– Да. И подоплекой здесь шантаж, или я жестоко ошибаюсь.

– А кто шантажист?

– Не иначе, как та тварь, что живет в единственной уютной комнате

коттеджа и держит у себя эту фотографию на камине. Честное слово, Уотсон, есть что-то очень завлекательное в этом мертвенном лице за окном, и я бы никак не хотел прохлопать этот случай.

– Есть у вас своя гипотеза?

– Пока только первая наметка. Но я буду очень удивлен, если она окажется неверной. В коттедже – первый муж этой женщины.

– Почему вы так думаете?

– Чем еще можно объяснить ее безумное беспокойство, как бы туда не вошел второй? Факты, как я считаю, складываются примерно так. Женщина выходит в Америке замуж. У ее мужа обнаруживаются какие-то нестерпимые свойства, или, скажем, его поражает какая-нибудь скверная болезнь – он оказывается прокаженным или душевнобольным. В конце концов она сбегает от него, возвращается в Англию, меняет имя и начинает, как ей думается, строить жизнь сызнова. Она уже три года замужем за другим и полагает себя в полной безопасности – мужу она показала свидетельство о смерти какого-то другого человека, чье имя она и приняла, – как вдруг ее местопребывание становится известно ее первому мужу или, скажем, какой-нибудь не слишком разборчивой женщине, связавшейся с больным. Они пишут жене и грозятся приехать и вывести ее на чистую воду. Она просит сто фунтов и пробует откупиться от них. Они все-таки приезжают, и когда муж в разговоре с женой случайно упоминает, что в коттедже поселились новые жильцы, она по каким-то признакам догадывается, что это ее преследователи. Она ждет, пока муж заснет, и затем кидается их уговаривать, чтоб они уехали. Ничего не добившись, она на другой день с утра отправляется к ним опять, и муж, как он сам это рассказал, встречает ее в ту минуту, когда она выходит от них. Тогда она обещает ему больше туда не ходить, но через два дня, не устояв перед надеждой навсегда избавиться от страшных соседей, она предпринимает новую попытку, прихватив с собой фотографию, которую, возможно, они вытребовали у нее. В середине переговоров прибегает служанка с сообщением, что хозяин уже дома, и тут жена, понимая, что он пойдет сейчас прямо в коттедж, выпроваживает его обитателей через черный ход – вероятно, в тот сосновый борок, о котором здесь упоминалось. Муж приходит – и застает жилище пустым. Я, однако ж, буду крайне удивлен, если он и сегодня найдет его пустым, когда выйдет вечером в рекогносцировку. Что вы скажете об этой гипотезе?

– В ней все предположительно.

– Зато она увязывает все факты. Когда нам станут известны новые

факты, которые не уложатся в наше построение, тогда мы успеем ее пересмотреть. В ближайшее время мы ничего не можем начать, пока не получим новых известий из Норбери.

Долго нам ждать не пришлось. Телеграмму принесли, едва мы отпили чай. «В коттедже еще живут, – гласила она, – Опять видел окне лицо. Приду встречать поезду семь ноль-ноль и до вашего прибытия ничего предпринимать не стану».

Когда мы вышли из вагона, Грэнт Манро ждал нас на платформе, и при свете станционных фонарей нам было видно, что он очень бледен и дрожит от волнения.

– Они еще там, мистер Холмс, – сказал он, ухватив моего друга за рукав. – Я, когда шел сюда, видел в коттедже свет. Теперь мы с этим покончим раз и навсегда.

– Какой же у вас план? – спросил мой друг, когда мы пошли по темной, обсаженной деревьями дороге.

– Я силой вломлюсь в дом и увижу сам, кто там есть. Вас двоих я попросил бы быть при этом свидетелями.

– Вы твердо решились так поступить, несмотря на предостережения вашей жены, что для вас же лучше не раскрывать ее тайну?

– Да, решился.

– Что ж, вы, пожалуй, правы. Правда, какова бы она ни была, лучше неопределенности и подозрений. Предлагаю отправиться сразу же. Конечно, перед лицом закона мы этим поставим себя в положение виновных, но я думаю, стоит пойти на риск.

Ночь была очень темная, и начал сеять мелкий дождик, когда мы свернули с шоссейной дороги на узкий, в глубоких колеях проселок, пролегший между двух рядов живой изгороди. Мистер Грэнт Манро в нетерпении чуть не бежал, и мы, хоть и спотыкаясь, старались не отстать от него.

– Это огни моего дома, – сказал он угрюмо, указывая на мерцающий сквозь деревья свет, – а вот коттедж, и сейчас я в него войду.

Проселок в этом месте сворачивал. У самого поворота стоял домик. Желтая полоса света на черной земле перед нами показывала, что дверь приоткрыта, и одно окно на втором этаже было ярко освещено. Мы поглядели и увидели движущееся по шторе темное пятно.

– Она там, эта тварь! – закричал Грэнт Манро. – Вы видите сами, что там кто-то есть. За мной, и сейчас мы все узнаем!

Мы подошли к двери, но вдруг из черноты выступила женщина и встала в золотой полосе света, падавшего от лампы. В темноте я

не различал ее лица, но ее протянутые руки выражали мольбу.

– Ради бога, Джек, остановись! – закричала она. – У меня было предчувствие, что ты придешь сегодня вечером. Не думай ничего дурного, дорогой! Поверь мне еще раз, и тебе никогда не придется пожалеть об этом.

– Я слишком долго верил тебе, Эффи! – сказал он строго. – Пусти! Я все равно войду. Я и мои друзья, мы решили покончить с этим раз и навсегда.

Он отстранил ее, и мы, не отставая, последовали за ним. Едва он распахнул дверь, прямо на него выбежала пожилая женщина и попыталась заступить ему дорогу, но он оттолкнул ее, и мгновением позже мы все трое уже поднимались по лестнице. Грэнт Манро влетел в освещенную комнату второго этажа, а за ним и мы.

Комната была уютная, хорошо обставленная, на столе горели две свечи и еще две на камине. В углу, согнувшись над письменным столом, сидела маленькая девочка. Ее лицо, когда мы вошли, было повернуто в другую сторону, мы разглядели только, что она в красном платьице и длинных белых перчатках. Когда она живо кинулась к нам, я вскрикнул от ужаса и неожиданности. Она обратила к нам лицо самого странного мертвенного цвета, и его черты были лишены всякого выражения. Мгновением позже загадка разрешилась. Холмс со смехом провел рукой за ухом девочки, маска соскочила, и угольно-черная негритяночка засверкала всеми своими белыми зубками, весело смеясь над нашим удивленным видом. Разделяя ее веселье, громко засмеялся и я, но Грэнт Манро стоял, выкатив глаза и схватившись рукой за горло.

– Боже! – закричал он. – Что это значит?

– Я скажу тебе, что это значит, – объявила женщина, вступая в комнату с гордой решимостью на лице. – Ты вынуждаешь меня открыть тебе мою тайну, хоть это и кажется мне неразумным. Теперь давай вместе решать, как нам с этим быть. Мой муж в Атланте умер. Мой ребенок остался жив.

– Твой ребенок!

Она достала спрятанный на груди серебряный медальон.

– Ты никогда не заглядывал внутрь.

– Я думал, что он не открывается.

Она нажала пружину, и передняя створка медальона отскочила. Под ней был портрет мужчины с поразительно красивым и тонким лицом, хотя его черты являли безошибочные признаки африканского происхождения.

– Это Джон Хеброн из Атланты, – сказала женщина, – и не было

на земле человека благородней его. Выйдя за него, я оторвалась от своего народа, но, пока он был жив, я ни разу ни на минуту не пожалела о том. Нам не посчастливилось – наш единственный ребенок пошел не в мой род, а больше в его. Это нередко бывает при смешанных браках, и маленькая Люси куда черней, чем был ее отец. Но черная или белая, она моя родная, моя дорогая маленькая девочка, и мама очень любит ее! – Девочка при этих словах подбежала к ней и зарылась личиком в ее платье.

– Я оставила ее тогда в Америке, – продолжала женщина, – только по той причине, что она еще не совсем поправилась и перемена климата могла повредить ее здоровью. Я отдала ее на попечение преданной шотландки, нашей бывшей служанки. У меня и в мыслях не было отступаться от своего ребенка. Но когда я встретила тебя на своем пути, когда я тебя полюбила, Джек, я не решилась рассказать тебе про своего ребенка. Да простит мне бог, я побоялась, что потеряю тебя, и у меня недостало мужества все рассказать. Мне пришлось выбирать между вами, и по слабости своей я отвернулась от родной моей девочки. Три года я скрывала от тебя ее существование, но я переписывалась с няней и знала, что с девочкой все хорошо. Однако в последнее время у меня появилось неодолимое желание увидеть своего ребенка. Я боролась с ним, но напрасно. И хотя я знала, что это рискованно, я решилась на то, чтоб девочку привезли сюда – пусть хоть на несколько недель. Я послала няне сто фунтов и дала ей указания, как вести себя здесь, в коттедже, чтобы она могла сойти просто за соседку, к которой я не имею никакого отношения. Я очень боялась и поэтому не велела выводить ребенка из дому в дневные часы. Дома мы всегда прикрываем ей личико и руки: вдруг кто-нибудь увидит ее в окно, и пойдет слух, что по соседству появился черный ребенок. Если бы я меньше остерегалась, было бы куда разумней, но я сходила с ума от страха, как бы не дошла до тебя правда.

Ты первый и сказал мне, что в коттедже кто-то поселился. Мне бы подождать до утра, но я не могла уснуть от волнения, и наконец я вышла потихоньку, зная, как крепко ты спишь. Но ты увидел, что я выходила, и с этого начались все мои беды. На другой день мне пришлось отдаться на твою милость, и ты из благородства не стал допытываться. Но на третий день, когда ты ворвался в коттедж с парадного, няня с ребенком едва успели убежать через черный ход. И вот сегодня ты все узнал, и я спрашиваю тебя: что с нами будет теперь – со мной и с моим ребенком? – Она сжала руки и ждала ответа.

Две долгих минуты Грэнт Манро не нарушал молчания, и когда он ответил, это был такой ответ, что мне и сейчас приятно его вспомнить.

Он поднял девочку, поцеловал и затем, держа ее на одной руке, протянул другую жене и повернулся к двери.

– Нам будет удобней поговорить обо всем дома, – сказал он. – Я не очень хороший человек, Эффи, но, кажется мне, все же не такой дурной, каким ты меня считала.

Мы с Холмсом проводили их до поворота, и, когда мы вышли на проселок, мой друг дернул меня за рукав.

– Полагаю, – сказал он, – в Лондоне от нас будет больше пользы, чем в Норбери.

Больше он ни слова не сказал об этом случае вплоть до поздней ночи, когда, взяв зажженную свечу, он повернулся к двери, чтобы идти в свою спальню.

– Уотсон, – сказал он, – если вам когда-нибудь покажется, что я слишком полагаюсь на свои способности или уделяю случаю меньше старания, чем он того заслуживает, пожалуйста, шепните мне на ухо: «Норбери» – и вы меня чрезвычайно этим обяжете.

Обряд дома Месгрейвов

В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность: хотя в своей умственной работе он был точнейшим и аккуратнейшим из людей, а его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью, во всем остальном это было самое беспорядочное существо в мире, и его привычки могли свести с ума любого человека, живущего с ним под одной крышей.

Не то чтобы я сам был безупречен в этом отношении. Сумбурная работа в Афганистане, еще усилившая мое врожденное пристрастие к кочевой жизни, сделала меня более безалаберным, чем это позволительно для врача. Но все же моя неаккуратность имеет известные границы, и когда я вижу, что человек держит свои сигары в ведерке для угля, табак – в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалывает перочинным ножом к деревянной доске над камином, мне, право же, начинает казаться, будто я образец всех добродетелей. Кроме того, я всегда считал, что стрельба из пистолета, бесспорно, относится к такого рода развлечениям, которыми можно заниматься только под открытым небом. Поэтому, когда у Холмса появлялась охота стрелять и он, усевшись в кресло с револьвером и патронташем, начинал украшать противоположную стену патриотическим вензелем «V.R.»[75], выводя его при помощи пуль, я особенно остро чувствовал, что это занятие отнюдь не улучшает ни воздух, ни внешний вид нашей квартиры.

Комнаты наши вечно были полны странных предметов, связанных с химией или с какой-нибудь уголовщиной, и эти реликвии постоянно оказывались в самых неожиданных местах, например в масленке, а то и в еще менее подходящем месте. Однако больше всего мучили меня бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами, в которых он когда-либо принимал участие, но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок – на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год. Где-то в своих бессвязных записках я, кажется, уже говорил, что приливы кипучей энергии, которые помогали Холмсу в замечательных расследованиях, прославивших его имя, сменялись у него периодами безразличия, полного упадка сил. И тогда он по целым дням лежал на диване со своими любимыми книгами, лишь изредка поднимаясь, чтобы поиграть на скрипке. Таким образом, из месяца в месяц бумаг накапливалось все больше и больше, и все углы были загромождены пачками рукописей.

Жечь эти рукописи ни в коем случае не разрешалось, и никто, кроме их владельца, не имел права распоряжаться ими.

В один зимний вечер, когда мы сидели вдвоем у камина, я отважился намекнуть Холмсу, что, поскольку он кончил вносить записи в свою памятную книжку, пожалуй, не грех бы ему потратить часок-другой на то, чтобы придать нашей квартире более жилой вид. Он не мог не признать справедливости моей просьбы и с довольно унылой физиономией поплелся к себе в спальню. Вскоре он вышел оттуда, волоча за собой большой жестяной ящик. Поставив его посреди комнаты и усевшись перед ним на стул, он откинул крышку. Я увидел, что ящик был уже на одну треть заполнен пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

– Здесь немало интересных дел, Уотсон, – сказал он, лукаво посматривая на меня. – Если бы вы знали, что лежит в этом ящике, то, пожалуй, попросили бы меня извлечь из него кое-какие бумаги, а не укладывать туда новые.

– Так это отчеты о ваших прежних делах? – спросил я. – Я не раз жалел, что у меня нет записей об этих давних случаях.

– Да, мой дорогой Уотсон. Все они происходили еще до того, как у меня появился собственный биограф, вздумавший прославить мое имя.

Мягкими, ласкающими движениями он вынимал одну пачку за другой.

– Не все дела кончились удачей, Уотсон, – сказал он, – но среди них есть несколько прелюбопытных головоломок. Вот, например, отчет об убийстве Тарлтона. Вот дело Вамбери, виноторговца, и происшествие с одной русской старухой. Вот странная история алюминиевого костыля. Вот подробный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А это… вот это действительно прелестно.

Он сунул руку на самое дно ящика и вытащил деревянную коробочку с выдвижной крышкой, похожую на те, в каких продаются детские игрушки. Оттуда он вынул измятый листок бумаги, медный ключ старинного фасона, деревянный колышек с привязанным к нему мотком бечевки и три старых, заржавленных металлических кружка.

– Ну что, друг мой, как вам нравятся эти сокровища? – спросил он, улыбаясь недоумению, написанному на моем лице.

– Любопытная коллекция.

– Очень любопытная. А история, которая с ней связана, покажется вам еще любопытнее.

– Так у этих реликвий есть своя история?

– Больше того, они сами – история.

– Что вы хотите этим сказать?

Шерлок Холмс разложил все эти предметы на краю стола, уселся в свое кресло и стал разглядывать их блестевшими от удовольствия глазами.

– Это все, – сказал он, – что я оставил себе на память об одном деле, связанном с обрядом дома Месгрейвов.

Холмс не раз упоминал и прежде об этом деле, но мне все не удавалось добиться от него подробностей.

– Как бы мне хотелось, чтобы вы рассказали об этом случае… – попросил я.

– …и оставил весь этот хлам неубранным? – насмешливо возразил он. – А как же ваша любовь к порядку? Впрочем, я и сам хочу, чтобы вы приобщили к своим летописям это дело, потому что в нем есть такие детали, которые делают его уникальным в хронике уголовных преступлений не только в Англии, но и других стран. Коллекция моих маленьких подвигов была бы не полной без описания этой весьма оригинальной истории…

Вы, должно быть, помните, как происшествие с «Глорией Скотт» и мой разговор с тем несчастным стариком, о судьбе которого я вам рассказывал, впервые натолкнули меня на мысль о профессии, ставшей потом делом всей моей жизни. Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов. Но даже и тогда, когда мы только что познакомились с вами – в то время я занимался делом, которое вы увековечили под названием «Этюд в багровых тонах», – у меня уже была довольно значительная, хотя и не очень прибыльная практика. И вы не можете себе представить, Уотсон, как трудно мне приходилось вначале и как долго я ждал успеха.

Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг – а его у меня было даже чересчур много – изучением всех тех отраслей знания, какие могли бы мне пригодиться в моей профессии. Время от времени ко мне обращались за советом – преимущественно по рекомендации бывших товарищей студентов, потому что в последние годы моего пребывания в университете там немало говорили обо мне и моем методе. Третье дело, по которому ко мне обратились, было дело «Дома Месгрейвов», и тот интерес, который привлекла к себе эта цепь странных событий, а также те важные последствия, какие имело мое вмешательство, и явились первым шагом на пути к моему нынешнему положению.

Реджинальд Месгрейв учился в одном колледже со мной, и мы были с ним в более или менее дружеских отношениях. Он не пользовался особенной популярностью в нашей среде, хотя мне всегда казалось, что высокомерие, в котором его обвиняли, было лишь попыткой прикрыть крайнюю застенчивость. По наружности это был типичный аристократ: тонкое лицо, нос с горбинкой, большие глаза, небрежные, но изысканные манеры. Это и в самом деле был отпрыск одного из древнейших родов королевства, хотя и младшей его ветви, которая еще в шестнадцатом веке отделилась от северных Месгрейвов и обосновалась в Западном Сассексе, а замок Херлстон – резиденция Месгрейвов – является, пожалуй, одним из самых старинных зданий графства. Казалось, дом, где он родился, оставил свой отпечаток на внешности этого человека, и когда я смотрел на его бледное, с резкими чертами лицо и горделивую осанку, мне всегда невольно представлялись серые башенные своды, решетчатые окна и все эти благородные остатки феодальной архитектуры. Время от времени нам случалось беседовать, и, помнится, всякий раз он живо интересовался моими методами наблюдений и выводов.

Мы не виделись года четыре, и вот однажды утром он явился ко мне на Монтегю-стрит. Изменился он мало, одет был прекрасно – он всегда был немного франтоват – и сохранил спокойное изящество, отличавшее его и прежде.

– Как поживаете, Месгрейв? – спросил я после того, как мы обменялись дружеским рукопожатием.

– Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца, – сказал он. – Это случилось около двух лет назад, разумеется, мне пришлось тогда взять на себя управление Херлстонским поместьем. Кроме того, я депутат от своего округа, так что человек я занятой. А вы, Холмс, говорят, решили применить на практике те выдающиеся способности, которыми так удивляли нас в былые времена?

– Да, – ответил я, – теперь я пытаюсь зарабатывать на хлеб с помощью собственной смекалки.

– Очень рад это слышать, потому что ваш совет был бы сейчас просто драгоценен для меня. У нас в Херлстоне произошли странные вещи, и полиции не удалось ничего выяснить. Это настоящая головоломка.

Можете себе представить, с каким чувством я слушал его, Уотсон. Ведь случай, тот самый случай, которого я с таким жгучим нетерпением ждал в течение этих месяцев бездейственности, наконец-то, казалось мне, был передо мной. В глубине души я всегда был уверен, что могу добиться успеха там, где другие потерпели неудачу, и теперь мне представлялась

возможность испытать самого себя.

– Расскажите мне все подробности! – вскричал я.

Я предложил Реджинальду Месгрейву папиросу, он сел против меня и закурил.

– Надо вам сказать, – начал он, – что хоть я и не женат, мне приходится держать в Херлстоне целый штат прислуги. Замок очень велик, выстроен он крайне бестолково и потому нуждается в постоянном присмотре. Кроме того, у меня есть заповедник, и в сезон охоты на фазанов в доме обычно собирается большое общество, что тоже требует немало слуг. Всего у меня восемь горничных, повар, дворецкий, два лакея и мальчуган на посылках. В саду и при конюшне имеются, конечно, свои рабочие.

Из этих людей дольше всех прослужил в нашей семье Брайтон, дворецкий. Когда отец взял его к себе, он был молодым школьным учителем без места, и вскоре благодаря своему сильному характеру и энергии он сделался незаменимым в нашем доме.

Это рослый, красивый мужчина с великолепным лбом, и хотя он прожил у нас лет около двадцати, ему и сейчас на вид не больше сорока. Может показаться странным, что при такой привлекательной наружности и необычайных способностях – он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах – он так долго удовлетворялся своим скромным положением, но, видимо, ему жилось хорошо, и он не стремился ни к каким переменам. Херлстонский дворецкий всегда обращал на себя внимание всех наших гостей.

Но у этого совершенства есть один недостаток: он немного донжуан и, как вы понимаете, в нашей глуши ему не слишком трудно играть эту роль.

Все шло хорошо, пока он был женат, но когда его жена умерла, он стал доставлять нам немало хлопот. Правда, несколько месяцев назад мы уже успокоились и решили, что все опять наладится: Брайтон обручился с Рэчел Хауэлз, нашей младшей горничной. Однако вскоре он бросил ее ради Дженет Треджелис, дочери старшего егеря. Рэчел – славная девушка, но очень горячая и неуравновешенная, как все вообще уроженки Уэльса. У нее началось воспаление мозга, и она слегла, но потом выздоровела и теперь ходит – вернее, ходила до вчерашнего дня – как тень; у нее остались одни глаза…

Такова была наша первая драма в Херлстоне, но вторая быстро изгладила ее из нашей памяти, тем более что этой второй предшествовало еще одно большое событие: дворецкий Брайтон был с позором изгнан из нашего дома.

Вот как это произошло. Я уже говорил вам, что Брайтон очень умен, и,

как видно, именно ум стал причиной его гибели, ибо в нем проснулось жадное любопытство к вещам, не имевшим к нему никакого отношения. Мне и в голову не приходило, что оно может завести его так далеко, но случай открыл мне глаза.

Как я уже говорил, наш дом выстроен очень бестолково: в нем множество всяких ходов и переходов. На прошлой неделе – точнее, в прошлый четверг ночью – я никак не мог уснуть, потому что по глупости выпил после обеда чашку крепкого черного кофе. Промучившись до двух часов ночи и почувствовав, что все равно не засну, я наконец встал и зажег свечу, чтобы продолжить чтение начатого романа. Но оказалось, что книгу я забыл в бильярдной, поэтому, накинув халат, я отправился за нею.

Чтобы добраться до бильярдной, мне надо было спуститься на один лестничный пролет и пересечь коридор, ведущий в библиотеку и в оружейную. Можете вообразить себе мое удивление, когда, войдя в этот коридор, я увидел слабый свет, падавший из открытой двери библиотеки! Перед тем как лечь в постель, я сам погасил там лампу и закрыл дверь. Разумеется, первой моей мыслью было, что к нам забрались воры. Стены всех коридоров в Херлстоне украшены старинным оружием – это военные трофеи моих предков. Схватив с одной из стен алебарду, я поставил свечу на пол, прокрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь библиотеки.

Дворецкий Брайтон, совершенно одетый, сидел в кресле. На коленях у него был разложен лист бумаги, похожий на географическую карту, и он смотрел на него в глубокой задумчивости. Остолбенев от изумления, я не шевелился и наблюдал за ним из темноты. Комната была слабо освещена огарком свечи. Вдруг Брайтон встал, подошел к бюро, стоявшему у стены, отпер его и выдвинул один из ящиков. Вынув оттуда какую-то бумагу, он снова сел на прежнее место, положил ее на стол возле свечи, разгладил и стал внимательно рассматривать.

Это спокойное изучение наших фамильных документов привело меня в такую ярость, что я не выдержал, шагнул вперед, и Брайтон увидел, что я стою в дверях. Он вскочил, лицо его позеленело от страха, и он поспешно сунул в карман бумагу, которая была похожа на карту.

«Отлично! – сказал я. – Вот как вы оправдываете наше доверие! С завтрашнего дня вы уволены».

Он поклонился с совершенно подавленным видом и проскользнул мимо меня, не сказав ни слова. Огарок остался на столе, и при его свете я разглядел бумагу, которую Брайтон вынул из бюро. К моему изумлению, оказалось, что это не какой-нибудь важный документ, а всего лишь копия

с вопросов и ответов, произносимых при выполнении одного оригинального старинного обряда, который называется у нас «Обряд дома Месгрейвов». Вот уже несколько веков каждый мужчина из нашего рода, достигнув совершеннолетия, выполняет известный церемониал, который представляет интерес только для членов нашей семьи или, может быть, для какого-нибудь археолога – как вообще вся наша геральдика[76], – но никакого практического применения иметь не может.

– К этой бумаге мы еще вернемся, – сказал я Месгрейву.

– Если вы полагаете, что это действительно необходимо… – с некоторым колебанием ответил мой собеседник. – Итак, я продолжаю изложение фактов. Замкнув бюро ключом, который оставил Брайтон, я уже собирался было уходить, как вдруг с удивлением увидел, что дворецкий вернулся и стоит передо мной.

«Мистер Месгрейв, – вскричал он голосом, хриплым от волнения, – я не вынесу бесчестья! Я человек маленький, но гордость у меня есть, и бесчестье убьет меня. Смерть моя будет на вашей совести, сэр, если вы доведете меня до отчаяния! Умоляю вас, если после того, что случилось, вы считаете невозможным оставить меня в доме, дайте мне месяц сроку, чтобы я мог сказать, будто ухожу добровольно. А быть изгнанным на глазах у всей прислуги, которая так хорошо меня знает, – нет, это выше моих сил!»

«Вы не стоите того, чтобы с вами особенно церемонились, Брайтон, – ответил я. – Ваш поступок просто возмутителен. Но так как вы столько времени прослужили в нашей семье, я не стану подвергать вас публичному позору. Однако месяц – это слишком долго. Можете уйти через неделю и под каким хотите предлогом».

«Через неделю, сэр? – вскричал он с отчаянием. – О, дайте мне хотя бы две недели!»

«Через неделю, – повторил я, – и считайте, что с вами обошлись очень мягко».

Опустив голову на грудь, он медленно побрел прочь, совершенно уничтоженный, а я погасил свечу и пошел к себе.

В течение двух следующих дней Брайтон самым тщательным образом выполнял свои обязанности. Я не напоминал ему о случившемся и с любопытством ждал, что он придумает, чтобы скрыть свой позор. Но на третий день он, вопреки обыкновению, не явился ко мне за приказаниями. После завтрака, выходя из столовой, я случайно увидел горничную Рэчел Хауэлз. Как я уже говорил вам, она только недавно оправилась после болезни и сейчас была так бледна, у нее был такой

изнуренный вид, что я даже пожурил ее за то, что она начала работать.

«Напрасно вы встали с постели, – сказал я. – Приметесь за работу, когда немного окрепнете».

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что я подумал, уж не подействовала ли болезнь на ее рассудок.

«Я уже окрепла, мистер Месгрейв», – ответила она.

«Посмотрим, что скажет врач, – возразил я. – А пока что бросьте работу и идите вниз. Кстати, скажите Брайтону, чтобы он зашел ко мне».

«Дворецкий пропал», – сказала она.

«Пропал?! То есть как пропал?»

«Пропал. Никто не видел его. В комнате его нет. Он пропал, да-да, пропал!»

Она прислонилась к стене и начала истерически хохотать, а я, напуганный этим внезапным припадком, подбежал к колокольчику и позвал на помощь. Девушку увели в ее комнату, причем она все еще продолжала хохотать и рыдать, я же стал расспрашивать о Брайтоне. Сомнения не было: он исчез. Постель оказалась нетронутой, и никто не видел его с тех пор, как он ушел к себе накануне вечером. Однако трудно было бы себе представить, каким образом он мог выйти из дому, потому что утром и окна и двери оказались запертыми изнутри. Одежда, часы, даже деньги Брайтона – все было в его комнате, все, кроме черной пары, которую он обыкновенно носил. Не хватало также комнатных туфель, но сапоги были налицо. Куда же мог уйти ночью дворецкий Брайтон и что с ним сталось?

Разумеется, мы обыскали дом и все службы, но нигде не обнаружили его следов. Повторяю, наш дом – это настоящий лабиринт, особенно самое старое крыло, теперь уже необитаемое, но все же мы обыскали каждую комнату и даже чердаки. Все наши поиски оказались безрезультатными. Мне просто не верилось, чтобы Брайтон мог уйти из дому, оставив все свое имущество, но ведь все-таки он ушел, и с этим приходилось считаться. Я вызвал местную полицию, но ей не удалось что-либо обнаружить. Накануне шел дождь, и осмотр лужаек и дорожек вокруг дома ни к чему не привел. Так обстояло дело, когда новое событие отвлекло наше внимание от этой загадки.

Двое суток Рэчел Хауэлз переходила от бредового состояния к истерическим припадкам. Она была так плоха, что приходилось на ночь приглашать к ней сиделку. На третью ночь после исчезновения Брайтона сиделка, увидев, что больная спокойно заснула, тоже задремала в своем кресле. Проснувшись рано утром, она увидела, что кровать пуста, окно

открыто, а пациентка исчезла. Меня тотчас разбудили, я взял с собой двух лакеев и отправился на поиски пропавшей. Мы легко определили, в какую сторону она убежала: начинаясь от окна, по газону шли следы, которые кончались у пруда рядом с посыпанной гравием дорожкой, выводившей из наших владений. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины; вы можете себе представить, какое чувство охватило нас, когда мы увидели, что отпечатки ног бедной безумной девушки обрывались у самой воды. Разумеется, мы немедленно вооружились баграми и принялись разыскивать тело утопленницы, но не нашли его. Зато мы извлекли на поверхность другой, совершенно неожиданный предмет. Это был полотняный мешок, набитый обломками старого, заржавленного, потерявшего цвет металла и какими-то тусклыми осколками не то гальки, не то стекла. Кроме этой странной добычи, мы не нашли в пруду решительно ничего и, несмотря на все наши вчерашние поиски и расспросы, так ничего и не узнали ни о Рэчел Хауэлз, ни о Ричарде Брайтоне. Местная полиция совершено растерялась, и теперь последняя моя надежда на вас.

Можете себе представить, Уотсон, с каким интересом выслушал я рассказ об этих необыкновенных событиях, как хотелось мне связать их в единое целое и отыскать путеводную нить, которая привела бы к разгадке!

Дворецкий исчез. Горничная исчезла. Прежде горничная любила дворецкого, но потом имела основания возненавидеть его. Она была уроженка Уэльса, натура необузданная и страстная. После исчезновения дворецкого она была крайне возбуждена. Она бросила в пруд мешок с весьма странным содержимым. Каждый из этих фактов заслуживал внимания, но ни один из них не объяснял сути дела. Где я должен был искать начало этой запутанной цепи событий? Ведь предо мной было лишь последнее ее звено…

– Месгрейв, – сказал я, – мне необходимо видеть документ, изучение которого ваш дворецкий считал настолько важным, что даже пошел ради него на риск потерять место.

– В сущности, этот наш обряд – чистейший вздор, – ответил он, – и единственное, что его оправдывает, – это его древность. Я захватил с собой копию вопросов и ответов на случай, если бы вам вздумалось взглянуть на них.

Он протянул мне тот самый листок, который вы видите у меня в руках, Уотсон. Этот обряд нечто вроде экзамена, которому должен подвергнуться каждый мужчина из рода Месгрейвов, достигший совершеннолетия.

Сейчас я прочитаю вам вопросы и ответы в том порядке, в каком они записаны здесь:

«Кому это принадлежит?»

«Тому, кто ушел».

«Кому это будет принадлежать?»

«Тому, кто придет».

«В каком месяце это было?»

«В шестом, начиная с первого».

«Где было солнце?»

«Над дубом».

«Где была тень?»

«Под вязом».

«Сколько надо сделать шагов?»

«На север – десять и десять, на восток – пять и пять, на юг – два и два, на запад – один и один и потом вниз».

«Что мы отдадим за это?»

«Все, что у нас есть».

«Ради чего отдадим мы это?»

«Во имя долга».

– В подлиннике нет даты, – заметил Месгрейв, – но, судя по его орфографии, он относится к середине семнадцатого века. Боюсь, впрочем, что он мало поможет нам в раскрытии нашей тайны.

– Зато он ставит перед нами вторую загадку, – ответил я, – еще более любопытную. И возможно, что, разгадав ее, мы тем самым разгадаем и первую. Надеюсь, что не обидитесь на меня, Месгрейв, если я скажу, что ваш дворецкий, по-видимому, очень умный человек и обладает большей проницательностью и чутьем, чем десять поколений его господ.

– Признаться, я вас не понимаю, – ответил Месгрейв. – Мне кажется, что эта бумажка не имеет никакого практического значения.

– А мне она кажется чрезвычайно важной именно в практическом отношении, и, как видно, Брайтон был того же мнения. По всей вероятности, он видел ее и до той ночи, когда вы застали его в библиотеке.

– Вполне возможно. Мы никогда не прятали ее.

– Скорее всего, на этот раз он просто хотел освежить в памяти ее содержание. Насколько я понял, он держал в руках какую-то карту или план, который сравнивал с манускриптом и немедленно сунул в карман, как только увидел вас?

– Совершенно верно. Но зачем ему мог понадобиться наш старый семейный обряд и что означает весь этот вздор?

– Полагаю, что мы можем выяснить это без особого труда, – ответил я. – С вашего позволения, мы первым же поездом отправимся с вами в Сассекс и разберемся в деле уже на месте.

Мы прибыли в Херлстон в тот же день. Вам, наверно, случалось, Уотсон, видеть изображение этого знаменитого древнего замка или читать его описания, поэтому я скажу лишь, что он имеет форму буквы L, причем длинное крыло его является более современным, а короткое – более древним, так сказать, зародышем, из которого и выросло все остальное. Над низкой массивной дверью в центре старинной части высечена дата 1607, но знатоки единодушно утверждают, что деревянные балки и каменная кладка значительно старше. В прошлом веке чудовищно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили наконец владельцев выстроить новое крыло, и старое теперь служит лишь кладовой и погребом, а то и вовсе пустует. Вокруг здания великолепный парк с прекрасными старыми деревьями. Озеро же или пруд, о котором упоминал мой клиент, находится в конце аллеи, в двухстах ярдах от дома.

К этому времени у меня уже сложилось твердое убеждение, Уотсон, что тут не было трех отдельных загадок, а была только одна и что если бы мне удалось вникнуть в смысл обряда Месгрейвов, это дало бы мне ключ к тайне исчезновения обоих – и дворецкого Брайтона, и горничной Хауэлз. На это я и направил все силы своего ума. Почему Брайтон так стремился проникнуть в суть этой старинной формулы? Очевидно, потому, что он увидел в ней нечто ускользнувшее от внимания всех поколений родовитых владельцев замка – нечто такое, из чего он надеялся извлечь какую-то личную выгоду. Что же это было и как это могло отразиться на дальнейшей судьбе дворецкого?

Когда я прочитал бумагу, мне стало совершенно ясно, что все цифры относятся к какому-то определенному месту, где спрятано то, о чем говорится в первой части документа, и что если бы мы нашли это место, мы оказались бы на верном пути к раскрытию тайны – той самой тайны, которую предки Месгрейвов сочли нужным облечь в столь своеобразную форму. Для начала поисков нам даны были два ориентира: дуб и вяз. Что касается дуба, то тут не могло быль никаких сомнений. Прямо перед домом, слева от дороги, стоял дуб, дуб-патриарх, одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо приходилось видеть.

– Он уже существовал, когда был записан ваш «обряд»? – спросил я у Месгрейва.

– По всей вероятности, этот дуб стоял здесь еще во времена завоевания Англии норманнами, – ответил он. – Он имеет двадцать три фута в обхвате.

Таким образом, один из нужных мне пунктов был выяснен.

– Есть у вас здесь старые вязы? – спросил я.

– Был один очень старый, недалеко отсюда, но десять лет назад в него ударила молния, и пришлось срубить его под корень.

– Но вы знаете то место, где он рос прежде?

– Ну, конечно, знаю.

– А других вязов поблизости нет?

– Старых нет, а молодых очень много.

– Мне бы хотелось взглянуть, где он рос.

Мы приехали в двуколке, и мой клиент сразу, не заходя в дом, повез меня к тому месту на лужайке, где когда-то рос вяз. Это было почти на полпути между дубом и домом. Пока что мои поиски шли успешно.

– По всей вероятности, сейчас уже невозможно определись высоту этого вяза? – спросил я.

– Могу вам ответить сию же минуту: в нем было шестьдесят четыре фута.

– Как вам удалось узнать это? – воскликнул я с удивлением.

– Когда мой домашний учитель задавал мне задачи по тригонометрии, они всегда были построены на измерениях высоты. Поэтому я еще мальчиком измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Вот это была неожиданная удача! Нужные мне сведения пришли ко мне быстрее, чем я мог рассчитывать.

– А скажите, пожалуйста, ваш дворецкий никогда не задавал вам такого же вопроса? – спросил я.

Реджинальд Месгрейв взглянул на меня с большим удивлением.

– Теперь я припоминаю, – сказал он, – что несколько месяцев назад Брайтон действительно спрашивал меня о высоте этого дерева. Кажется, у него вышел какой-то спор с грумом.

Это было превосходное известие, Уотсон. Значит, я был на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно уже заходило, и я рассчитал, что меньше чем через час оно окажется как раз над ветвями старого дуба. Итак, одно условие, упомянутое в документе, будет выполнено. Что касается тени от вяза, то речь шла, очевидно, о самой дальней ее точке – в противном случае указателем направления избрали бы не тень, а ствол. И, следовательно, теперь мне нужно было определить, куда падал конец тени от вяза в тот момент, когда солнце оказывалось прямо над дубом…

– Это, как видно, было нелегким делом, Холмс? Ведь вяза-то уже не существовало.

– Конечно. Но я знал, что если Брайтон мог это сделать, то смогу и я.

А кроме того, это было не так уж трудно. Я пошел вместе с Месгрейвом в его кабинет и вырезал себе вот этот колышек, к которому привязал длинную веревку, сделав на ней узелки, отмечающие каждый ярд. Затем я связал вместе два удилища, что дало мне шесть футов, и мы с моим клиентом отправились обратно к тому месту, где когда-то рос вяз. Солнце как раз касалось в эту минуту вершины дуба. Я воткнул свой шест в землю, отметил направление тени и измерил ее. В ней было девять футов.

Дальнейшие мои вычисления были совсем уж несложны. Если палка высотой в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросит тень в девяносто шесть футов, и направление той и другой, разумеется, будет совпадать. Я отмерил это расстояние. Оно привело меня почти к самой стене дома, и я воткнул там колышек. Вообразите мое торжество, Уотсон, когда в двух дюймах от колышка я увидел в земле конусообразное углубление! Я понял, что это была отметина, сделанная Брайтоном при его измерении, и что я продолжаю идти по его следам.

От этой исходной точки я начал отсчитывать шаги, предварительно определив с помощью карманного компаса, где север, где юг. Десять шагов и еще десять шагов (очевидно имелось в виду, что каждая нога делает поочередно по десять шагов) в северном направлении повели меня параллельно стене дома, и, отсчитав их, я снова отметил место своим колышком. Затем я тщательно отсчитал пять и пять шагов на восток, потом два и два – к югу, и они привели меня к самому порогу старой двери. Оставалось сделать один и один шаг на запад, но тогда мне пришлось бы пройти эти шаги по выложенному каменными плитами коридору. Неужто это и было место, указанное в документе?

Никогда в жизни я не испытывал такого горького разочарования, Уотсон. На минуту мне показалось, что в мои вычисления вкралась какая-то существенная ошибка. Заходящее солнце ярко освещало своими лучами пол коридора, и я видел, что эти старые, избитые серые плиты были плотно спаяны цементом и, уж конечно, не сдвигались с места в течение многих и многих лет. Нет, Брайтон не прикасался к ним, это было ясно. Я постучал по полу в нескольких местах, но звук получался одинаковый повсюду, и не было никаких признаков трещины или щели.

К счастью, Месгрейв, который начал вникать в смысл моих действий и был теперь не менее взволнован, чем я, вынул документ, чтобы проверить мои расчеты.

– И вниз! – вскричал он. – Вы забыли об этих словах: «и вниз».

Я думал, это означало, что в указанном месте надо будет копать землю,

но теперь мне сразу стало ясно, что я ошибся.

– Так, значит, у вас внизу есть подвал? – воскликнул я.

– Да, и он ровесник этому дому. Скорее вниз, через эту дверь!

По винтовой каменной лестнице мы спустились вниз, и мой спутник, чиркнув спичкой, зажег большой фонарь, стоявший на бочке в углу. В то же мгновение мы убедились, что попали туда, куда нужно, и что кто-то недавно побывал здесь до нас.

В этом подвале хранились дрова, но поленья, которые, как видно, покрывали прежде весь пол, теперь были отодвинуты к стенкам, освободив пространство посередине. Здесь лежала широкая и тяжелая каменная плита с заржавленным железным кольцом в центре, а к кольцу был привязан плотный клетчатый шарф.

– Черт возьми, это шарф Брайтона! – вскричал Месгрейв. – Я не раз видел этот шарф у него на шее. Но что он мог здесь делать, этот негодяй?

По моей просьбе были вызваны два местных полисмена, и в их присутствии я сделал попытку приподнять плиту, ухватившись за шарф. Однако я лишь слегка пошевелил ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось немного сдвинуть ее в сторону. Под плитой была черная яма, и все мы заглянули в нее. Месгрейв, стоя на коленях, опустил свой фонарь вниз.

Мы увидели узкую квадратную каморку глубиной около семи футов, шириной и длиной около четырех. У стены стоял низкий, окованный медью деревянный сундук с откинутой крышкой; в замочной скважине торчал вот этот самый ключ – забавный и старомодный. Снаружи сундук был покрыт толстым слоем пыли. Сырость и черви до того изъели дерево, что оно поросло плесенью даже изнутри. Несколько металлических кружков, таких же, какие вы видите здесь, – должно быть, старинные монеты – валялись на дне. Больше в нем ничего не было.

Однако в первую минуту мы не смотрели на старый сундук – глаза наши были прикованы к тому, что находилось рядом. Какой-то мужчина в черном костюме сидел на корточках, опустив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. Лицо этого человека посинело и было искажено до неузнаваемости, но, когда мы приподняли его, Реджинальд Месгрейв по росту, одежде и волосам сразу узнал в нем своего пропавшего дворецкого. Брайтон умер уже несколько дней назад, но на теле у него не было ни ран, ни кровоподтеков, которые могли бы объяснить его страшный конец. И когда мы вытащили труп из подвала, то оказались перед загадкой, пожалуй, не менее головоломной, чем та, которую мы только что разрешили…

Признаюсь, Уотсон, пока что я был обескуражен результатами своих поисков. Я предполагал, что стоит мне найти место, указанное в древнем документе, как все станет ясно само собой, но вот я стоял здесь, на этом месте, и разгадка тайны, так тщательно скрываемой семейством Месгрейвов, была, по-видимому, столь же далека от меня, как и раньше. Правда, я пролил свет на участь Брайтона, но теперь мне предстояло еще выяснить, каким образом постигла его эта участь и какую роль сыграла во всем этом исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал еще раз перебирать в уме все подробности случившегося…

Вы знаете мой метод в подобных случаях, Уотсон: я ставлю себя на место действующего лица и, прежде всего уяснив для себя его умственный уровень, пытаюсь вообразить, как бы я сам поступил при аналогичных обстоятельствах. В этом случае дело упрощалось: Брайтон был человек незаурядного ума, так что мне не приходилось принимать в расчет разницу между уровнем его и моего мышления. Брайтон знал, что где-то было спрятано нечто ценное. Он определил это место. Он убедился, что камень, закрывающий вход в подземелье, слишком тяжел для одного человека. Что он сделал потом? Он не мог прибегнуть к помощи людей посторонних. Ведь даже если бы нашелся человек, которому он мог бы довериться, пришлось бы отпирать ему наружные двери, а это было сопряжено со значительным риском. Удобнее было бы найти помощника внутри дома. Но к кому мог обратиться Брайтон? Та девушка была когда-то предана ему. Мужчина, как бы скверно ни поступил он с женщиной, никогда не верит, что ее любовь окончательно потеряна для него. Очевидно, оказывая Рэчел мелкие знаки внимания, Брайтон попытался помириться с ней, а потом уговорил ее сделаться его сообщницей. Ночью они вместе спустились в подвал, и объединенными усилиями им удалось сдвинуть камень. До этой минуты их действия были мне так ясны, как будто я наблюдал их собственными глазами.

Но и для двух человек, особенно если один из них женщина, вероятно, это была нелегкая работа. Даже нам – мне и здоровенному полисмену из Сассекса – стоило немалых трудов сдвинуть эту плиту. Что же они сделали, чтобы облегчить свою задачу? Да, по-видимому, то же, что сделал бы и я на их месте. Тут я встал, внимательно осмотрел валявшиеся на полу дрова и почти сейчас же нашел то, что ожидал найти. Одно полено длиной около трех футов было обломано на конце, а несколько других сплющены: видимо, они испытали на себе действие значительной тяжести. Должно быть, приподнимая плиту, Брайтон и его помощница вводили эти поленья в щель, пока отверстие не расширилось

настолько, что в него уже можно было проникнуть, а потом подперли плиту еще одним поленом, поставив его вертикально, так что оно вполне могло обломаться на нижнем конце – ведь плита давила на него всем своим весом. Пока что все мои предположения были как будто вполне обоснованны.

Как же должен был я рассуждать дальше, чтобы полностью восстановить картину ночной драмы? Ясно, что в яму мог забраться только один человек, и, конечно, это был Брайтон. Девушка, должно быть, ждала наверху. Брайтон отпер сундук и передал ей его содержимое (это было очевидно, так как ящик оказался пустым), а потом… что же произошло потом?

Быть может, жажда мести, тлевшая в душе этой пылкой женщины, разгорелась ярким пламенем, когда она увидела, что ее обидчик – а обида, возможно, была гораздо сильнее, чем мы могли подозревать, – находится теперь в ее власти. Случайно ли упало полено и каменная плита замуровала Брайтона в этом каменном гробу? Если так, Рэчел виновна лишь в том, что умолчала о случившемся. Или она намеренно вышибла подпорку и сама захлопнула ловушку? Так или иначе, но я словно видел перед собой эту женщину: прижимая к груди найденное сокровище, она летела вверх по ступенькам винтовой лестницы, убегая от настигавших ее заглушенных стонов и отчаянного стука в каменную плиту, под которой задыхался ее неверный возлюбленный.

Вот в чем была разгадка ее бледности, ее возбуждения, приступов истерического смеха на следующее утро. Но что же все-таки было в сундуке? Что сделала девушка с его содержимым? Несомненно, это были те самые обломки старого металла и осколки камней, которые она при первой же возможности бросила в пруд, чтобы скрыть следы своего преступления…

Минут двадцать я сидел неподвижно, в глубоком раздумье. Месгрейв, очень бледный, все еще стоял, раскачивая фонарь, и глядел вниз, в яму.

– Это монеты Карла Первого[77], – сказал он, протягивая мне несколько кружочков, вынутых из сундука. – Видите, мы правильно определили время возникновения нашего обряда.

– Пожалуй, мы найдем еще кое-что, оставшееся от Карла Первого! – вскричал я, вспомнив вдруг первые два вопроса документа. – Покажите-ка мне содержимое мешка, который вам удалось выудить в пруду.

Мы поднялись в кабинет Месгрейва, и он разложил передо мной обломки. Взглянув на них, я понял, почему Месгрейв не придал им никакого значения: металл был почти черен, а камешки бесцветны

и тусклы. Но я потер один из них о рукав, и он засверкал, как искра, у меня на ладони. Металлические части имели вид двойного обруча, но они были погнуты, перекручены и почти потеряли свою первоначальную форму.

– Вы, конечно, помните, – сказал я Месгрейву, – что партия короля главенствовала в Англии даже и после его смерти. Очень может быть, что перед тем, как бежать, ее члены спрятали где-нибудь самые ценные вещи, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена.

– Мой предок, сэр Ральф Месгрейв, занимал видное положение при дворе и был правой рукой Карла Второго во время его скитаний.

– Ах, вот что! – ответил я. – Прекрасно. Это дает нам последнее, недостающее звено. Поздравляю вас, Месгрейв! Вы стали обладателем – правда, при весьма трагических обстоятельствах – одной реликвии, которая представляет собой огромную ценность и сама по себе, и как историческая редкость.

– Что же это такое? – спросил он, страшно взволнованный.

– Не более не менее, как древняя корона английских королей.

– Корона?!

– Да, корона. Вспомните, что говорится в документе: «Кому это принадлежит?» – «Тому, кто ушел». Это было написано после казни Карла Первого. «Кому это будет принадлежать?» – «Тому, кто придет». Речь шла о Карле Втором, чье восшествие на престол уже предвиделось в то время. Итак, вне всяких сомнений, эта измятая и бесформенная диадема венчала головы королей из династии Стюартов.

– Но как же она попала в пруд?

– А вот на этот вопрос не ответишь в одну минуту.

И я последовательно изложил Месгрейву весь ход моих предположений и доказательств. Сумерки сгустились, и луна уже ярко сияла в небе, когда я кончил свой рассказ.

– Но интересно, почему же Карл Второй не получил обратно свою корону, когда вернулся? – спросил Месгрейв, снова засовывая в полотняный мешок свою реликвию.

– О, тут вы поднимаете вопрос, который мы с вами вряд ли сможем когда-либо разрешить. Должно быть, тот Месгрейв, который был посвящен в тайну, оставил перед смертью своему преемнику этот документ в качестве руководства, но совершил ошибку, не объяснив ему его смысла. И с этого дня вплоть до нашего времени документ переходил от отца к сыну, пока наконец не попал в руки человека, который сумел вырвать его тайну, но поплатился за это жизнью…

Такова история «Обряда дома Месгрейвов», Уотсон. Корона и сейчас

находится в Херлстоне, хотя владельцам замка пришлось немало похлопотать и заплатить порядочную сумму денег, пока они не получили официального разрешения оставить ее у себя. Если вам вздумается взглянуть на нее, они, конечно, с удовольствием ее покажут, стоит вам только назвать мое имя.

Что касается той женщины, она бесследно исчезла. По всей вероятности, она покинула Англию и унесла в заморские края память о своем преступлении.

Последнее дело Холмса

С тяжелым сердцем приступаю я к последним строкам этих записей, повествующих о необыкновенных талантах моего друга, мистера Шерлока Холмса. Признаться, я хотел умолчать о событии, оставившем такую пустоту в моей жизни, что даже двухлетний промежуток оказался бессильным ее заполнить. Но меня вынудили взяться за перо последние письма полковника Джеймса Мориарти, в которых он защищает память своего покойного брата. Я счел своим долгом изложить перед публикой все события так, как они происходили в действительности. Одному мне известна вся правда, и я рад, что настало время, когда уже нет причин скрывать ее. Насколько мне известно, в газеты попали только три сообщения: заметка в «Журналь де Женев»[78] от 6 мая 1891 года, телеграмма агентства Рейтер[79] в английской прессе от 7 мая и, наконец, недавние письма, о которых упомянуто выше. Из этих писем первое и второе чрезвычайно сокращены, а последнее, как я сейчас докажу, совершенно искажает факты. Моя обязанность – поведать наконец миру о том, что на самом деле произошло между профессором Мориарти и мистером Шерлоком Холмсом.

Читатель, может быть, помнит, что после моей женитьбы тесная дружба, связывавшая меня и Холмса, приобрела несколько иной характер. Я занялся частной врачебной практикой. Он продолжал время от времени заходить ко мне, когда нуждался в спутнике для своих расследований, но это случалось все реже и реже, а в 1890 году было только три случая, о которых у меня сохранились какие-то записи.

Зимой этого года и в начале весны 1891-го газеты писали о том, что Холмс приглашен французским правительством по чрезвычайно важному делу, и из полученных от него двух писем – из Нарбонна и Нима – я заключил, что, по-видимому, его пребывание во Франции сильно затянется. Поэтому я был несколько удивлен, когда вечером 24 апреля он внезапно появился у меня в кабинете. Мне сразу бросилось в глаза, что он еще более бледен и худ, чем обычно.

– Да, я порядком истощил свои силы, – сказал он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на слова. – В последнее время мне приходилось трудновато… Что, если я закрою ставни?

Комната была освещена только настольной лампой, при которой я обычно читал. Осторожно двигаясь вдоль стены, Холмс обошел всю комнату, захлопывая ставни и тщательно замыкая их засовами.

– Вы чего-нибудь боитесь? – спросил я.

– Да, боюсь.

– Чего же?

– Духового ружья[80].

– Дорогой мой Холмс, что вы хотите этим сказать?

– Мне кажется, Уотсон, вы достаточно хорошо меня знаете, и вам известно, что я не робкого десятка. Однако не считаться с угрожающей тебе опасностью – это скорее глупость, чем храбрость. Дайте мне, пожалуйста, спичку.

Он закурил папиросу, и, казалось, табачный дым благотворно подействовал на него.

– Во-первых, я должен извиниться за свой поздний визит, – сказал он. – И, кроме того, мне придется попросить у вас позволения совершить второй бесцеремонный поступок – перелезть через заднюю стену вашего сада, ибо я намерен уйти от вас именно таким путем.

– Но что все это значит? – спросил я.

Он протянул руку ближе к лампе, и я увидел, что суставы двух его пальцев изранены и в крови.

– Как видите, это не совсем пустяки, – сказал он с улыбкой. – Пожалуй, этак можно потерять и всю руку. А где миссис Уотсон? Дома?

– Нет, она уехала погостить к знакомым.

– Ага! Так, значит, вы один?

– Совершенно один.

– Если так, мне легче будет предложить вам поехать со мной на недельку на континент.

– Куда именно?

– Куда угодно. Мне решительно все равно.

Все это показалось мне как нельзя более странным. Холмс не имел обыкновения праздно проводить время, и что-то в его бледном, изнуренном лице говорило о дошедшем до предела нервном напряжении. Он заметил недоумение в моем взгляде и, опершись локтями о колени и сомкнув кончики пальцев, стал объяснять мне положение дел.

– Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти? – спросил он.

– Нет.

– Гениально и непостижимо. Человек опутал своими сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это-то и поднимает его на недосягаемую высоту в уголовном мире. Уверяю вас, Уотсон, что если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить

от него общество, это было бы венцом моей деятельности, я считал бы свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойным занятиям. Между нами говоря, Уотсон, благодаря последним двум делам, которые позволили мне оказать кое-какие услуги королевскому дому Скандинавии и Республике Франции, я имею возможность вести образ жизни, более соответствующий моим наклонностям, и серьезно заняться химией. Но я еще не могу спокойно сидеть в своем кресле, пока такой человек, как профессор Мориарти, свободно разгуливает по улицам Лондона.

– Что же он сделал?

– О, у него необычная биография! Он происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. Когда ему исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона[81], завоевавший ему европейскую известность. После этого он получил кафедру математики в одном из наших провинциальных университетов, и, по всей вероятности, его ожидала блестящая будущность. Но в его жилах течет кровь преступника. У него наследственная склонность к жестокости. И его необыкновенный ум не только не умеряет, но даже усиливает эту склонность и делает ее еще более опасной. Темные слухи поползли о нем в том университетском городке, где он преподавал, и в конце концов он был вынужден оставить кафедру и перебраться в Лондон, где стал готовить молодых людей к экзамену на офицерский чин… Вот то, что знают о нем все, а вот что узнал о нем я.

Как вам известно, Уотсон, никто не знает лондонского уголовного мира лучше меня. И вот уже несколько лет, как я чувствую, что за спиною у многих преступников существует неизвестная мне сила – могучая организующая сила, действующая наперекор закону и прикрывающая злодея своим щитом. Сколько раз в самых разнообразных случаях, будь то подлог, ограбление или убийство, я ощущал присутствие этой силы и логическим путем обнаруживал ее следы также и в тех еще не распутанных преступлениях, к расследованию которых я не был непосредственно привлечен. В течение нескольких лет пытался я прорваться сквозь скрывавшую ее завесу, и вот пришло время, когда я нашел конец нити и начал распутывать узел, пока эта нить не привела меня после тысячи хитрых петель к бывшему профессору Мориарти, знаменитому математику.

Он – Наполеон преступного мира, Уотсон. Он – организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе.

Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы. Если кому-нибудь понадобится выкрасть документ, ограбить дом, убрать с дороги человека, – стоит только довести об этом до сведения профессора, и преступление будет подготовлено, а затем и выполнено. Агент может быть пойман. В таких случаях всегда находятся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадется: он вне подозрений. Такова организация, Уотсон, существование которой я установил путем логических умозаключений, и всю свою энергию я отдал на то, чтобы обнаружить ее и сломить.

Но профессор хитро замаскирован и так великолепно защищен, что, несмотря на все мои старания, раздобыть улики, достаточные для судебного приговора, невозможно. Вы знаете, на что я способен, милый Уотсон, и все же спустя три месяца я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника. Ужас и негодование, которые внушали мне его преступления, почти уступили место восхищению перед его мастерством. Однако в конце концов он сделал промах, маленький, совсем маленький промах, но ему нельзя было допускать и такого, поскольку за ним неотступно следил я. Разумеется, я воспользовался этим промахом и, взяв его за исходную точку, начал плести вокруг Мориарти свою сеть. Сейчас она почти готова, и через три дня, то есть в ближайший понедельник, все будет кончено, – профессор вместе с главными членами своей шайки окажется в руках правосудия. А потом начнется самый крупный уголовный процесс нашего века. Разъяснится тайна более чем сорока загадочных преступлений, и все виновные понесут наказание. Но стоит поторопиться, сделать один неверный шаг, и они могут ускользнуть от нас даже в самый последний момент.

Все было бы хорошо, если бы я мог действовать так, чтобы профессор Мориарти не знал об этом. Но он слишком коварен. Ему становился известен каждый шаг, который я предпринимал для того, чтобы поймать его в свои сети. Много раз пытался он вырваться из них, но я каждый раз преграждал ему путь. Право же, друг мой, если бы подробное описание этой безмолвной борьбы могло появиться в печати, оно заняло бы свое место среди самых блестящих и волнующих книг в истории детектива.

Никогда еще я не поднимался до такой высоты, и никогда еще не приходилось мне так туго от действий противника. Его удары были сильны, но я отражал их с еще большей силой. Сегодня утром я предпринял последние шаги, и мне нужны были еще три дня, только три дня, чтобы завершить дело. Я сидел дома, обдумывая все это, как вдруг дверь отворилась – передо мной стоял профессор Мориарти.

У меня крепкие нервы, Уотсон, но, признаюсь, я не мог не вздрогнуть, увидев, что человек, занимавший все мои мысли, стоит на пороге моей комнаты. Его наружность была хорошо знакома мне и прежде. Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое, – что-то еще осталось в нем от профессора Мориарти. Плечи сутулые – должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и медленно, по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону. Его колючие глаза так и впились в меня.

«У вас не так развиты лобные кости, как я ожидал, – сказал он наконец. – Опасная это привычка, мистер Холмс, держать заряженный револьвер в кармане собственного халата».

Действительно, когда он вошел, я сразу понял, какая огромная опасность мне угрожает: ведь единственная возможность спасения заключалась для него в том, чтобы заставить мой язык замолчать навсегда. Поэтому я молниеносно переложил револьвер из ящика стола в карман и в этот момент нащупывал его через сукно. После его замечания я вынул револьвер из кармана и, взведя курок, положил на стол перед собой. Мориарти продолжал улыбаться и щуриться, но что-то в выражении его глаз заставляло меня радоваться близости моего оружия.

«Вы, очевидно, не знаете меня», – сказал он.

«Напротив, – возразил я, – мне кажется, вам нетрудно было понять, что я вас знаю. Присядьте, пожалуйста. Если вам угодно что-нибудь сказать, я могу уделить вам пять минут».

«Все, что я хотел вам сказать, вы уже угадали», – ответил он.

«В таком случае вы, вероятно, угадали мой ответ».

«Вы твердо стоите на своем?»

«Совершенно твердо».

Он сунул руку в карман, а я взял со стола револьвер. Но он вынул из кармана только записную книжку, где были нацарапаны какие-то даты.

«Вы встали на моем пути четвертого января, – сказал он. – Двадцать третьего вы снова причинили мне беспокойство. В середине февраля вы уже серьезно потревожили меня. В конце марта вы совершенно расстроили

мои планы, а сейчас из-за вашей непрерывной слежки я оказался в таком положении, что передо мной стоит реальная опасность потерять свободу. Так продолжаться не может».

«Что вы предлагаете?» – спросил я.

«Бросьте это дело, мистер Холмс, – сказал он, покачивая головой. – Право же, бросьте».

«После понедельника», – ответил я.

«Полноте, мистер Холмс. Вы слишком умны и, конечно, поймете меня: вам необходимо устраниться. Вы сами повели дело так, что другого исхода нет. Я испытал интеллектуальное наслаждение, наблюдая за вашими методами борьбы, и, поверьте, был бы огорчен, если бы вы заставили меня прибегнуть к крайним мерам… Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, я говорю искренне».

«Опасность – неизбежный спутник моей профессии», – заметил я.

«Это не опасность, а неминуемое уничтожение, – возразил он. – Вы встали поперек дороги не одному человеку, а огромной организации, всю мощь которой даже вы, при всем вашем уме, не в состоянии постигнуть. Вы должны отойти в сторону, мистер Холмс, или вас растопчут».

«Боюсь, – сказал я, вставая, – что из-за вашей приятной беседы я могу пропустить одно важное дело, призывающее меня в другое место».

Он тоже встал и молча смотрел на меня, с грустью покачивая головой.

«Ну что ж! – сказал он наконец. – Мне очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю каждый ход вашей игры. До понедельника вы бессильны. Это поединок между нами, мистер Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых – заявляю вам, что этого никогда не будет. Вы надеетесь победить меня – заявляю вам, что это вам никогда не удастся. Если у вас хватит умения погубить меня, то, уверяю вас, вы и сами погибнете вместе со мной».

«Вы наговорили мне столько комплиментов, мистер Мориарти, что я хочу ответить вам тем же и потому скажу, что во имя общественного блага я с радостью согласился бы на второе, будь я уверен в первом».

«Первого обещать не могу, зато охотно обещаю второе», – отозвался он со злобной усмешкой.

И, повернувшись ко мне сутулой спиной, вышел, оглядываясь и щурясь.

Такова была моя своеобразная встреча с профессором Мориарти, а, говоря по правде, она оставила во мне неприятное чувство. Его спокойная и точная манера выражаться заставляет вас верить в его искренность,

несвойственную заурядным преступникам. Вы, конечно, скажете мне: «Почему же не прибегнуть к помощи полиции?» Но ведь дело в том, что удар будет нанесен не им самим, а его агентами – в этом я убежден. И у меня уже есть веские доказательства.

– Значит, на вас уже было совершено нападение?

– Милый мой Уотсон, профессор Мориарти не из тех, кто любит откладывать дело в долгий ящик. После его ухода, часов около двенадцати, мне понадобилось пойти на Оксфорд-стрит. Переходя улицу на углу Бентинк-стрит и Уэлбек-стрит, я увидел парный фургон, мчавшийся со страшной быстротой прямо на меня. Я едва успел отскочить на тротуар. Какая-то доля секунды – и я был бы раздавлен насмерть. Фургон завернул за угол и мгновенно исчез. Теперь уж я решил не сходить с тротуара, но на Вир-стрит с крыши одного из домов упал кирпич и рассыпался на мелкие куски у моих ног. Я подозвал полицейского и приказал осмотреть место происшествия. На крыше были сложены кирпичи и шиферные плиты, приготовленные для ремонта, и меня хотели убедить в том, что кирпич сбросило ветром. Разумеется, я лучше знал, в чем дело, но у меня не было доказательств. Я взял кэб и доехал до квартиры моего брата на Пэлл-Мэлл, где и провел весь день. Оттуда я отправился прямо к вам. По дороге на меня напал какой-то негодяй с дубинкой. Я сбил его с ног, и полиция задержала его, но даю вам слово, что никому не удастся обнаружить связь между джентльменом, о чьи передние зубы я разбил сегодня руку, и тем скромным учителем математики, который, вероятно, решает сейчас задачи на грифельной доске за десять миль отсюда. Теперь вы поймете, Уотсон, почему, придя к вам, я прежде всего закрыл ставни и зачем мне понадобилось просить вашего разрешения уйти из дома не через парадную дверь, а каким-нибудь другим, менее заметным ходом.

Я не раз восхищался смелостью моего друга, но сегодня меня особенно поразило его спокойное перечисление далеко не случайных происшествий этого ужасного дня.

– Надеюсь, вы переночуете у меня? – спросил я.

– Нет, друг мой, я могу оказаться опасным гостем. Я уже обдумал план действий, и все кончится хорошо. Сейчас дело находится в такой стадии, что арест могут произвести и без меня. Моя помощь понадобится только во время следствия. Таким образом, на те несколько дней, которые еще остаются до решительных действий полиции, мне лучше всего уехать. И я был бы очень рад, если бы вы могли поехать со мной на континент.

– Сейчас у меня мало больных, – сказал я, – а мой коллега, живущий по соседству, охотно согласится заменить меня. Так что я с удовольствием

поеду с вами.

– И можете выехать завтра же утром?

– Если это необходимо.

– О да, совершенно необходимо. Теперь выслушайте мои инструкции, и я попрошу вас, Уотсон, следовать им буквально, так как нам предстоит вдвоем вести борьбу против самого талантливого мошенника и самого мощного объединения преступников во всей Европе. Итак, слушайте. Свой багаж, не указывая на нем станции назначения, вы должны сегодня же вечером отослать с надежным человеком на вокзал Виктория. Утром вы пошлете слугу за кэбом, но скажете ему, чтобы он не брал ни первый, ни второй экипаж, которые попадутся ему навстречу. Вы сядете в кэб и поедете на Стрэнд, к Лоусерскому пассажу, причем адрес вы дадите кучеру на листке бумаги и скажете, чтобы он ни в коем случае не выбрасывал его. Расплатитесь с ним заранее и, как только кэб остановится, моментально нырните в пассаж с тем расчетом, чтобы ровно в четверть десятого оказаться на другом его конце. Там, у самого края тротуара, вы увидите небольшой экипаж. Править им будет человек в плотном черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Вы сядете в этот экипаж и прибудете на вокзал как раз вовремя, чтобы попасть на экспресс, отправляющийся на континент.

– А где я должен встретиться с вами?

– На станции. Нам будет оставлено второе от начала купе первого класса.

– Так, значит, мы встретимся уже в вагоне?

– Да.

Тщетно я упрашивал Холмса остаться у меня ночевать. Мне было ясно, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом и что это единственная причина, которая гонит его прочь. Сделав еще несколько торопливых указаний по поводу наших завтрашних дел, он встал, вышел вместе со мной в сад, перелез через стенку прямо на Мортимер-стрит, свистком подозвал кэб, и я услышал удаляющийся стук колес.

На следующее утро я в точности выполнил указания Холмса. Кэб был взят со всеми необходимыми предосторожностями – он никак не мог оказаться ловушкой, – и сразу после завтрака я поехал в условленное место. Подъехав к Лоусерскому пассажу, я пробежал через него со всей быстротой, на какую был способен, и увидел карету, которая ждала меня, как было условлено. Как только я сел в нее, огромного роста кучер, закутанный в темный плащ, стегнул лошадь и мигом довез меня до вокзала Виктория. Едва я успел сойти, он повернул экипаж и снова умчался, даже

не взглянув в мою сторону.

Пока все шло прекрасно. Мой багаж уже ждал меня на вокзале, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, хотя бы потому, что оно было единственное с надписью «Занято». Теперь меня тревожило только одно – отсутствие Холмса. Я посмотрел на вокзальные часы: до отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно искал я в толпе отъезжающих и провожающих худощавую фигуру моего друга – его не было. Несколько минут я убил, помогая почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся на ломаном английском языке объяснить носильщику, что его багаж должен быть отправлен прямо в Париж. Потом я еще раз обошел платформу и вернулся в свое купе, где застал уже знакомого мне дряхлого итальянца. Оказалось, что, хотя у него не было билета в это купе, носильщик все-таки усадил его ко мне. Бесполезно было объяснять моему непрошеному дорожному спутнику, что его вторжение мне неприятно: я владел итальянским еще менее, чем он английским. Поэтому я только пожимал плечами и продолжал тревожно смотреть в окно, ожидая моего друга. Мною начал овладевать страх: а вдруг его отсутствие означало, что за ночь с ним произошло какое-нибудь несчастье! Уже все двери были закрыты, раздался свисток, как вдруг…

– Милый Уотсон, вы даже не соблаговолите поздороваться со мной! – произнес возле меня чей-то голос.

Я оглянулся, пораженный. Пожилой священник стоял теперь ко мне лицом. На секунду его морщины разгладились, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа перестала выдвигаться вперед, а рот – шамкать, тусклые глаза заблистали прежним огоньком, сутулая спина выпрямилась. Но все это длилось одно мгновение, и Холмс исчез так же быстро, как появился.

– Боже милостивый! – вскричал я. – Ну и удивили же вы меня!

– Нам все еще необходимо соблюдать максимальную осторожность, – прошептал он. – У меня есть основания думать, что они напали на наш след. А, вот и сам Мориарти!

Поезд как раз тронулся, когда Холмс произносил эти слова. Выглянув из окна и посмотрев назад, я увидел высокого человека, который яростно расталкивал толпу и махал рукой, словно желая остановить поезд. Однако было уже поздно: скорость движения все увеличивалась, и очень быстро станция осталась позади.

– Вот видите, – сказал Холмс со смехом, – несмотря на все наши предосторожности, нам еле-еле удалось отделаться от этого человека.

Он встал, снял с себя черную сутану и шляпу – принадлежности своего

маскарада – и спрятал их в саквояж.

– Читали вы утренние газеты, Уотсон?

– Нет.

– Значит, вы еще не знаете о том, что случилось на Бейкер-стрит?

– Бейкер-стрит?

– Сегодня ночью они подожгли нашу квартиру, но большого ущерба не причинили.

– Как же быть, Холмс? Это становится невыносимым.

– По-видимому, после того как их агент с дубинкой был арестован, они окончательно потеряли мой след. Иначе они не могли бы предположить, что я вернулся домой. Но потом они, как видно, стали следить за вами – вот что привело Мориарти на вокзал Виктория. Вы не могли сделать какой-нибудь промах по пути к вокзалу?

– Я в точности выполнил все ваши указания.

– Нашли экипаж на месте?

– Да, он ожидал меня.

– А кучера вы узнали?

– Нет.

– Это был мой брат, Майкрофт. В таких делах лучше не посвящать в свои секреты наемного человека. Ну, а теперь мы должны подумать, как нам быть с Мориарти.

– Поскольку мы едем экспрессом, а пароход отойдет, как только придет наш поезд, мне кажется, теперь уже им ни за что не угнаться за нами.

– Милый мой Уотсон, ведь я говорил вам, что, когда речь идет об интеллекте, к этому человеку надо подходить точно с той же меркой, что и ко мне. Неужели вы думаете, что если бы на месте преследователя был я, такое ничтожное происшествие могло бы меня остановить? Ну, а если нет, то почему же вы так плохо думаете о нем?

– Но что он может сделать?

– То же, что сделал бы я.

– Тогда скажите мне, как поступили бы вы.

– Заказал бы экстренный поезд.

– Но ведь он все равно опоздает.

– Никоим образом. Наш поезд останавливается в Кентербери, а там всегда приходится по крайней мере четверть часа ждать парохода. Вот там-то он нас и настигнет.

– Можно подумать, что преступники мы, а не он. Прикажите арестовать его, как только он приедет.

– Это уничтожило бы плоды трехмесячной работы. Мы поймали

крупную рыбку, а мелкая уплыла бы из сетей в разные стороны. В понедельник все они будут в наших руках. Нет, сейчас арест недопустим.

– Что же нам делать?

– Мы должны выйти в Кентербери.

– А потом?

– А потом нам придется проехать в Ньюхейвен и оттуда – в Дьепп. Мориарти снова сделает то же, что сделал бы я: он приедет в Париж, пойдет в камеру хранения багажа, определит, какие чемоданы наши, и будет там два дня ждать. Мы же тем временем купим себе пару ковровых дорожных мешков, поощряя таким образом промышленность и торговлю тех мест, по которым будем путешествовать, и спокойно направимся в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком опытный путешественник и потому не позволил себе огорчаться из-за потери багажа, но, признаюсь, мне была неприятна мысль, что мы должны увертываться и прятаться от преступника, на счету которого столько гнусных злодеяний. Однако Холмс, конечно, лучше понимал положение вещей. Поэтому в Кентербери мы вышли. Здесь мы узнали, что поезд в Ньюхейвен отходит только через час.

Я все еще уныло смотрел на исчезавший вдали багажный вагон, быстро уносивший весь мой гардероб, когда Холмс дернул меня за рукав и показал на железнодорожные пути.

– Видите, как быстро! – сказал он.

Вдалеке, среди Кентских лесов, вилась тонкая струйка дыма. Через минуту другой поезд, состоявший из локомотива с одним вагоном, показался на изогнутой линии рельсов, ведущей к станции. Мы едва успели спрятаться за какими-то тюками, как он со стуком и грохотом пронесся мимо нас, дохнув нам в лицо струей горячего пара.

– Проехал! – сказал Холмс, следя взглядом за вагоном, подскакивавшим и слегка покачивавшимся на рельсах. – Как видите, проницательность нашего друга тоже имеет границы. Было бы поистине чудом, если бы он сделал точно те же выводы, какие сделал я, и действовал бы в соответствии с ними.

– А что бы он сделал, если бы догнал нас?

– Без сомнения, попытался бы меня убить. Ну, да ведь и я не стал бы дожидаться его сложа руки. Теперь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь или рискнуть умереть с голоду и подождать до Ньюхейвена.

В ту же ночь мы приехали в Брюссель и провели там два дня, а на третий двинулись в Страсбург.

В понедельник утром Холмс послал телеграмму лондонской полиции,

и вечером, придя в нашу гостиницу, мы нашли там ответ. Холмс распечатал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

– Я должен был это предвидеть! – простонал он. – Бежал!

– Мориарти?

– Они накрыли всю шайку, кроме него! Он один ускользнул! Ну, конечно, я уехал, и этим людям было не справиться с ним. Хотя я был уверен, что дал им в руки все нити. Знаете, Уотсон, вам лучше поскорее вернуться в Англию.

– Почему это?

– Я теперь опасный спутник. Этот человек потерял все. Если он вернется в Лондон, он погиб. Насколько я понимаю его характер, он направит теперь все силы на то, чтобы отомстить мне. Он очень ясно высказался во время нашего короткого свидания, и я уверен, что это не пустая угроза. Право же, я советую вам вернуться в Лондон, к вашим пациентам.

Но я, старый солдат и старинный друг Холмса, конечно, не счел возможным покинуть его в такую минуту. Более получаса мы спорили об этом, сидя в ресторане страсбургской гостиницы, и в ту же ночь двинулись дальше, в Женеву.

Целую неделю мы с наслаждением бродили по долине Роны, а потом, миновав Лейк, направились через перевал Гемми, еще покрытый глубоким снегом, и дальше – через Интерлакен – к деревушке Мейринген. Это была чудесная прогулка – нежная весенняя зелень внизу и белизна девственных снегов наверху, над нами, – но мне было ясно, что ни на одну минуту Холмс не забывал о нависшей над ним угрозе. В уютных альпийских деревушках, на уединенных горных тропах – всюду я видел по его быстрому, пристальному взгляду, внимательно изучающему лицо каждого встречного путника, что он твердо убежден в неотвратимой опасности, идущей за нами по пятам.

Помню такой случай: мы проходили через Гемми и шли берегом задумчивого Даубена, как вдруг большая каменная глыба сорвалась со скалы, возвышавшейся справа, скатилась вниз и с грохотом погрузилась в озеро позади нас. Холмс вбежал на скалу и, вытянув шею, начал осматриваться по сторонам. Тщетно уверял его проводник, что весною обвалы каменных глыб – самое обычное явление в здешних краях. Холмс ничего не ответил, но улыбнулся мне с видом человека, который давно уже предугадывал эти события; и все же при всей своей настороженности он не предавался унынию. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-либо приходилось видеть его в таком жизнерадостном настроении. Он снова

и снова повторял, что, если бы общество было избавлено от профессора Мориарти, он с радостью прекратил бы свою деятельность.

– Мне кажется, я имею право сказать, Уотсон, что не совсем бесполезно прожил свою жизнь, – говорил он, – и даже если бы мой жизненный путь должен был оборваться сегодня, я все-таки мог бы оглянуться на него с чувством душевного удовлетворения. Благодаря мне воздух Лондона стал чище. Я принимал участие в тысяче с лишним дел и убежден, что никогда не злоупотреблял своим влиянием, помогая неправой стороне. В последнее время меня, правда, больше привлекало изучение загадок, поставленных перед нами природой, нежели те поверхностные проблемы, ответственность за которые несет несовершенное устройство нашего общества. В тот день, Уотсон, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и самого талантливого преступника в Европе, вашим мемуарам придет конец.

Теперь я постараюсь коротко, но точно изложить то немногое, что еще осталось недосказанным. Мне нелегко задерживаться на этих подробностях, но я считаю своим долгом не пропустить ни одной из них.

3 мая мы пришли в местечко Мейринген и остановились в гостинице «Англия», которую в то время содержал Петер Штайлер-старший. Наш хозяин был человек смышленый и превосходно говорил по-английски, так как около трех лет прослужил кельнером в гостинице «Гровнер» в Лондоне. 4 мая, во второй половине дня, мы по его совету отправились вдвоем в горы с намерением провести ночь в деревушке Розенлау. Хозяин особенно рекомендовал нам осмотреть Рейхенбахский водопад, который находится примерно на половине подъема, но несколько в стороне. Это поистине страшное место. Вздувшийся от тающих снегов горный поток низвергается в бездонную пропасть, и брызги взлетают из нее, словно дым из горящего здания. Ущелье, куда устремляется поток, окружено блестящими скалами, черными, как уголь. Внизу, на неизмеримой глубине, оно суживается, превращаясь в пенящийся, кипящий колодец, который все время переполняется и со страшной силой выбрасывает воду обратно, на зубчатые скалы вокруг. Непрерывное движение зеленых струй, с беспрестанным грохотом падающих вниз, плотная, волнующаяся завеса водяной пыли, в безостановочном вихре взлетающей вверх, – все это доводит человека до головокружения и оглушает его своим несмолкаемым ревом.

Мы стояли у края, глядя в пропасть, где блестела вода, разбивавшаяся далеко внизу о черные камни, и слушали доносившееся из бездны бормотание, похожее на человеческие голоса.

Дорожка, по которой мы поднялись, проложена полукругом, чтобы дать туристам возможность лучше видеть водопад, но она кончается обрывом, и путнику приходится возвращаться той же дорогой, какой он пришел. Мы как раз повернули, собираясь уходить, как вдруг увидели мальчика-швейцарца, который бежал к нам навстречу с письмом в руке. На конверте стоял штамп той гостиницы, где мы остановились. Оказалось, это письмо от хозяина и адресовано мне. Он писал, что буквально через несколько минут после нашего ухода в гостиницу прибыла англичанка, находящаяся в последней стадии чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн, но по дороге у нее внезапно пошла горлом кровь. По-видимому, ей осталось жить не более нескольких часов, но для нее было бы большим утешением видеть около себя доктора англичанина, и если бы я приехал, то… и т. д. и т. д. В постскриптуме добряк Штайлер добавлял, что он и сам будет мне крайне обязан, если я соглашусь приехать, так как приезжая дама категорически отказывается от услуг врача-швейцарца, и что на нем лежит огромная ответственность.

Я не мог не откликнуться на этот призыв, не мог отказать в просьбе соотечественнице, умиравшей на чужбине. Но вместе с тем я опасался оставить Холмса одного. Однако мы решили, что с ним в качестве проводника и спутника останется юный швейцарец, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался еще немного побыть у водопада, а затем потихоньку отправиться через холмы в Розенлау, где вечером я должен был к нему присоединиться. Отойдя немного, я оглянулся: Холмс стоял, прислонясь к скале, и, скрестив руки, смотрел вниз, на дно стремнины. Я не знал тогда, что больше мне не суждено было видеть моего друга.

Спустившись вниз, я еще раз оглянулся. С этого места водопад уже не был виден, но я разглядел ведущую к нему дорожку, которая вилась вдоль уступа горы. По этой дорожке быстро шагал какой-то человек. Его черный силуэт отчетливо выделялся на зеленом фоне. Я заметил его, заметил необыкновенную быстроту, с какой он поднимался, но я и сам очень спешил к моей больной, а потому вскоре забыл о нем.

Примерно через час я добрался до нашей гостиницы в Мейрингене. Старик Штайлер стоял на дороге.

– Ну что? – спросил я, подбегая к нему. – Надеюсь, ей не хуже?

На лице у него выразилось удивление, брови поднялись. Сердце у меня так и оборвалось.

– Значит, не вы писали это? – спросил я, вынув из кармана письмо. – В гостинице нет больной англичанки?

– Ну, конечно, нет! – вскричал он. – Но что это? На конверте стоит штамп моей гостиницы?.. А, понимаю!

Должно быть, письмо написал высокий англичанин, который приехал вскоре после вашего ухода. Он сказал, что…

Но я не стал ждать дальнейших объяснений хозяина. Охваченный ужасом, я уже бежал по деревенской улице к той самой горной дорожке, с которой только что спустился.

Спуск к гостинице занял у меня час, и, несмотря на то, что я бежал изо всех сил, прошло еще два, прежде чем я снова достиг Рейхенбахского водопада. Альпеншток[82] Холмса все еще стоял у скалы, возле которой я его оставил, но самого Холмса не было, и я тщетно звал его. Единственным ответом было эхо, гулко повторявшее мой голос среди окружавших меня отвесных скал.

При виде этого альпенштока я похолодел. Значит, Холмс не ушел на Розенлау. Он оставался здесь, на этой дорожке шириной в три фута, окаймленной отвесной стеной с одной стороны и заканчивающейся отвесным обрывом с другой. И здесь его настиг враг. Юного швейцарца тоже не было. По-видимому, он был подкуплен Мориарти и оставил противников с глазу на глаз. А что случилось потом? Кто мог сказать мне, что случилось потом?

Минуты две я стоял неподвижно, скованный ужасом, силясь прийти в себя. Потом я вспомнил о методе самого Холмса и сделал попытку применить его, чтобы объяснить себе разыгравшуюся трагедию. Увы, это было нетрудно! Во время нашего разговора мы с Холмсом не дошли до конца тропинки, и альпеншток указывал на то место, где мы остановились. Черноватая почва не просыхает здесь из-за постоянных брызг потока, так что птица и та оставила бы на ней свой след. Два ряда шагов четко отпечатывались почти у самого конца тропинки. Они удалялись от меня. Обратных следов не было. За несколько шагов от края земля была вся истоптана и разрыта, а терновник и папоротник вырваны и забрызганы грязью. Я лег лицом вниз и стал всматриваться в несущийся поток. Стемнело, и теперь я мог видеть только блестевшие от сырости черные каменные стены да где-то далеко в глубине сверканье бесчисленных водяных брызг. Я крикнул, но лишь гул водопада, чем-то похожий на человеческие голоса, донесся до моего слуха.

Однако судьбе было угодно, чтобы последний привет моего друга и товарища все-таки дошел до меня. Как я уже сказал, его альпеншток остался прислоненным к невысокой скале, нависшей над тропинкой. И вдруг на верхушке этого выступа что-то блеснуло. Я поднял руку, то был

серебряный портсигар, который Холмс всегда носил с собой. Когда я взял его, несколько листочков бумаги, лежавших под ним, рассыпались и упали на землю. Это были три листика, вырванные из блокнота и адресованные мне. Характерно, что адрес был написан так же четко, почерк был так же уверен и разборчив, как если бы Холмс писал у себя в кабинете.

«Дорогой мой Уотсон, – говорилось в записке. – *Я пишу Вам эти строки благодаря любезности мистера Мориарти, который ждет меня для окончательного разрешения вопросов, касающихся нас обоих. Он бегло обрисовал мне способы, с помощью которых ему удалось ускользнуть от английской полиции и узнать о нашем маршруте. Они только подтверждают мое высокое мнение о его выдающихся способностях. Мне приятно думать, что я могу избавить общество от дальнейших неудобств, связанных с его существованием, но боюсь, что это будет достигнуто ценой, которая огорчит моих друзей, и особенно Вас, дорогой Уотсон. Впрочем, я уже говорил Вам, что мой жизненный путь дошел до своей высшей точки, и я не мог бы желать для себя лучшего конца. Между прочим, если говорить откровенно, я нимало не сомневался в том, что письмо из Мейрингена западня, и, отпуская Вас, был твердо убежден, что последует нечто в этом роде. Передайте инспектору Петерсону, что бумаги, необходимые для разоблачения шайки, лежат у меня в столе, в ящике под литерой М, – синий конверт с надписью «Мориарти». Перед отъездом из Англии я сделал все необходимые распоряжения относительно моего имущества и оставил их у моего брата Майкрофта. Прошу Вас передать мой сердечный привет миссис Уотсон.*

Искренне преданный Вам Шерлок Холмс

Остальное можно рассказать в двух словах. Осмотр места происшествия, произведенный экспертами, не оставил никаких сомнений в том, что схватка между противниками кончилась так, как она неизбежно должна была кончиться при данных обстоятельствах: видимо, они вместе упали в пропасть, так и не разжав смертельных объятий. Попытки отыскать трупы были тотчас же признаны безнадежными, и там, в глубине этого страшного котла кипящей воды и бурлящей пены, навеки остались лежать тела опаснейшего преступника и искуснейшего поборника правосудия своего времени. Мальчика-швейцарца так и не нашли – разумеется, это был один из многочисленных агентов, находившихся в распоряжении Мориарти. Что касается шайки, то, вероятно, все в Лондоне помнят,

с какой полнотой улики, собранные Холмсом, разоблачили всю организацию и обнаружили, в каких железных тисках держал ее покойный Мориарти. На процессе страшная личность ее главы и вдохновителя осталась почти не освещенной, и если мне пришлось раскрыть здесь всю правду о его преступной деятельности, это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые пытались обелить его память нападками на человека, которого я всегда буду считать самым благородным и самым мудрым из всех известных мне людей.

Пляшущие человечки

В течение многих часов Шерлок Холмс сидел согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

– Итак, Уотсон, – сказал он внезапно, – вы не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычайным способностям Холмса, это внезапное вторжение в самые тайные мои мысли было совершенно необъяснимым.

– Как, черт возьми, вы об этом узнали? – спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза радостно заблистали.

– Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку, – сказал он.

– Признаюсь.

– Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

– Почему?

– Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

– Уверен, что этого я никогда не скажу.

– Видите ли, дорогой мой Уотсон… – Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории. – Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. После того как я заметил впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было вовсе не трудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

– Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельствами!

– Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером вы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана

мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий лучше скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

– До чего просто! – воскликнул я.

– Конечно, – сказал он, слегка уязвленный, – всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Уотсон, как вам удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своему химическому анализу.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

– Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок! – воскликнул я.

– Вот каково ваше мнение!

– Что же это в таком случае?

– Мистер Хилтон Кьюбит из Ридлинг-Торп-Мэнор в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это такое. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, вероятно, он.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий, румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собирался усесться, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

– Что вы об этом думаете, мистер Холмс? – воскликнул он. – Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

– Это действительно в высшей степени любопытный рисунок, – сказал Холмс. – С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих

человечков? Почему вы придали столь важное значение такому причудливому пустяку?

– Да я не придал бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему я принял это так близко к сердцу.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начерчены карандашом вот такие фигурки:

Внимательно рассмотрев листок, Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

– Это дело обещает много любопытного и необычайного, – сказал он. – Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбит, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Уотсону.

– Я плохой рассказчик, – сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие сильные руки. – Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился… Но предварительно я должен сказать, что, хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торп уже в течение пяти столетий и считается самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рассел-сквер, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца, как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье. Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илси, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, – говорила она, – я хочу позабыть о них. Я не желаю

возвращаться к своему прошлому, потому что всякое воспоминание причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить мне на слово и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки – на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одного мгновения не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется, во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нацарапаны мелом. Я думал, что их нарисовал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашел в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там, несомненно, стали бы смеяться надо мной, а вы скажете мне, что делать! Я человек небогатый, но если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот простодушный гигант с большими голубыми глазами! Любовь и преданность к жене были написаны в каждой черточке его лица. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

– Не думаете ли вы, мистер Кьюбит, – сказал он наконец, – что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбит покачал своей большой головой:

– Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если Илси захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

– В таком случае я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие?

– Нет.

– Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

– Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услыхал бы. Но неподалеку от нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими пляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

– В этих странных рисунках, бесспорно, заключен какой-то смысл. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбит. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня:

– Вам бы лучше остаться дома, Уотсон.

– Почему?

– Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбита. Помните Хилтона Кьюбита и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр[83] примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, и лоб его избороздили морщины.

– Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, – сказал он, бессильно опускаясь в кресло. – Отвратительное состояние – чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые пытаются вовлечь тебя в какую-то беду, но еще нестерпимее видеть при этом, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

– Сказала она вам хоть что-нибудь?

– Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают во всем графстве, как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

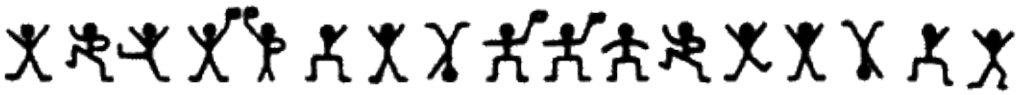
– А вы сами что-нибудь обнаружили?

– Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того…

– Того, кто нарисовал их?

– Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку… Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

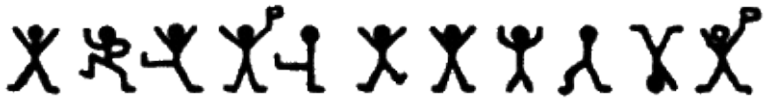
Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол. Вот какие иероглифы были изображены на нем:



– Превосходно! – сказал Холмс. – Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

– Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же

двери появилась новая надпись. Вот она:



Холмс потер руки и засмеялся от радости.

– Наш материал быстро разрастается, – сказал он.

– Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это – бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимания.

«Если это так тебя раздражает, Хилтон, давай поедем путешествовать – ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? – сказал я. – Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

«Иди спать, – сказала она. – Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но, когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он, безусловно, находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

– Вы их срисовали?

– Да. Их было очень немного. Вот они.

Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:

– Скажите, – спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, – эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы отдельно?

– Они были нарисованы на нижней панели двери.

– Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбит, продолжайте свой интересный рассказ.

– Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося негодяя. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения, и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня… Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они дали бы ему такой урок, что он навсегда оставил бы нас в покое.

– Боюсь, что столь сложное дело не излечишь такими простыми лекарствами, – сказал Холмс. – Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

– Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

– Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Во всяком случае, оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Шерлок Холмс держался со своим обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбита исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами.

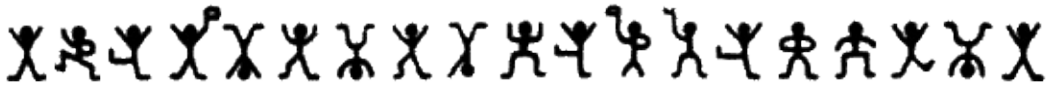
Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать, когда же он становился в тупик, он подолгу сидел с нахмуренным лбом

и блуждающими глазами. Наконец он удовлетворенно вскрикнул, вскочил со стула и принялся бегать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

– Если мне ответят так, как я рассчитываю, – ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения, – сказал он. – Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соблаговолит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбита. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:



Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Озабоченное лицо его стало угрюмым.

– Мы позволили этому делу зайти слишком далеко, – сказал он. – Какие поезда отправляются в Норт-Уэлшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

– Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом, – сказал Холмс. – Наше присутствие там необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ… Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбита в неведении о положении дел, потому что наш простодушный норфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасную паутину.

Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возможность

сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя – точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю странную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-Мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уэлшем и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

– Вы, вероятно, сыщики из Лондона? – спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством:

– Почему вы так думаете?

– Потому что инспектор Мартин из Норвича только что приехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее… для виселицы.

Холмс был хмур и озабочен.

– Мы едем в Ридлинг-Торп-Мэнор, – сказал он, – но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

– Страшное дело! – воскликнул начальник станции. – Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбит, и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!..

Не сказав ни слова, Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона, испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; но теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он как бы окаменел от печали. Он сидел, откинувшись назад, погруженный в тоскливые думы.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, но на каждом шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой Восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

– Вот Ридлинг-Торп-Мэнор, – сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай,

стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабренными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услыхав имя моего приятеля.

– Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

– Я предугадал его. Я ехал, чтобы предупредить его.

– Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем, так как, по общему мнению, они жили очень дружно.

– У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков, – сказал Холмс. – Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал: трагедия совершилась, мне не удалось предупредить ее… Ну что ж, пусть в таком случае те знания, которыми я обладаю, помогут совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

– Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс, – с искренним чувством ответил инспектор.

– В таком случае я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

Инспектор Мартин был настолько умен, что позволил моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбит и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбит убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

– Вы трогали убитого? – спросил Холмс.

– Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее, раненую, на полу.

– Давно ли вы здесь, доктор?

– С четырех часов утра.

– Был здесь кто-нибудь, кроме вас?

– Да, был констебль.
– Вы что-нибудь здесь передвигали?
– Ничего.
– Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?
– Горничная Сондерс.
– Она первая подняла тревогу?
– Она и миссис Кинг, кухарка.
– Где она теперь?
– Вероятно, на кухне.
– В таком случае начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; взор его был непреклонен, лицо сурово. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, всю жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Странное наше сборище, кроме меня, состояло из инспектора Мартина, старого седобородого сельского врача и туповатого деревенского полисмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, свеча горела на столе. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, прислонясь головой к стене. Рана ее была ужасна – кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем, с помощью конюха и работающего на конюшне мальчишки, они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. На ней было платье, на ее муже – халат, надетый поверх ночной сорочки. Между мужем и женой никогда не было ссор. Их все считали чрезвычайно дружными супругами.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они обе вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат на втором этаже.

– Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт, – сказал Холмс инспектору Мартину. – А теперь, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходившего в сад. Внимание наше прежде всего было привлечено грузным телом несчастного сквайра, распростертым на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в теле. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха! Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбит были пятна пороха на лице, но не на руках.

– Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все, – сказал Холмс. – Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли!.. Теперь можно унести тело мистера Кьюбита. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

– Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов было два, ран – тоже две, следовательно, установить судьбу каждой пули нетрудно.

– Это так только кажется, – сказал Холмс. – Будьте любезны, установите судьбу вон той пули, которая пробила край оконной рамы.

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

– Черт возьми! – воскликнул инспектор. – Как вам удалось это найти?

– Я нашел, потому что искал.

– Удивительно! – сказал сельский врач. – Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

– На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить, – сказал Шерлок Холмс. – Если помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание.

– Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

– Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

– Почему на короткое время?

– Потому что – взгляните сами – эта свеча не оплыла стеарином.

– Верно, верно! – вскричал инспектор.

– Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел

к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

– Но каким же образом окно оказалось закрытым?

– Его, несомненно, закрыла женщина, закрыла инстинктивно… Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка – нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перевязанных тесемкой, и больше ничего.

– Возьмите, это будет фигурировать на суде, – сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым. – Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой… Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

– Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

– А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

– Не могу в этом разобраться, сэр.

– Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы громко вскрикнули. Цветы были вытоптаны, на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндрик.

– Я так и думал! – сказал он. – Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

– Кого вы подозреваете? – спросил он.

– Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благоразумнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

– Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

– У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, а просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные объяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествия этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли перекрестному допросу, но никто из них не слыхал о такой гостинице. Только мальчишка, работавший на конюшне, внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстон, живет фермер по фамилии Элридж.

– Его ферма лежит в стороне от других?

– Далеко от других, сэр.

– И, вероятно, там еще не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

– Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

– Седлай коня, мой мальчик! – сказал он. – Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Усевшись за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил мальчику записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть – он был написан неровным, неправильным почерком, нисколько не похожим на обычный четкий почерк Холмса. Записка была адресована мистеру Аб Слени, на ферму Элриджа, Ист-Рэстон в Норфолке.

– Мне кажется, инспектор, – заметил Холмс, – что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик, которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Уотсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический анализ. А дело, которое привело нас сюда, быстро приближается к развязке.

Когда мальчик с запиской ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбит, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво потребовал самого точного исполнения этого приказания. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь сделается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

– Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, – сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. – Перед вами, друг Уотсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это дело будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбитом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

– Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня совершенная новость. Цель изобретателя этой системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто догадается, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтон Кьюбит передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

Как видите, оно кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбит эти послания, был, безусловно, близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илси. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: И, Л и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбит по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

В нем семь букв: третья буква и последняя – И. Я предположил, что слово это «ПРИХОДИ», и сразу оказался обладателем еще пяти букв: П, Р, Х, О, Д. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбит. Вот оно:

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

И.О.Д.

Что же могла миссис Кьюбит ответить на его просьбу прийти? Внезапно я догадался. Она ответила: «НИКОГДА».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:

Если подставить под эту надпись уже известные буквы, получается:

..Д.С. А. СЛ.НИ.

Предположим, что второе слово «ЗДЕСЬ». В таком случае последнее слово «СЛЕНИ». Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя Аб. Теперь остается установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «я». Итак, в первом послании написано: «Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА». Мне пришло в голову, что «Элридж» – название дома или гостиницы, в которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадывал тайну пляшущих человечков.

– Что же вы сделали дальше, сэр? – спросил инспектор.

– Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени – американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбит с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбит сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО.ОВЬСЯ К С.ЕР.И.

Так я узнал буквы М и Т, которые до сих пор мне не попадались, «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ!» Мерзавец от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

– Большая честь – совместно с вами раскрывать преступление, – сказал инспектор мягко. – Однако, надеюсь, вы позволите мне сказать вам

несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

– Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

– Откуда вы знаете?

– Удрать – это значит сознаться в своей вине.

– В таком случае давайте поедем и арестуем его.

– Я жду его сюда с минуты на минуту.

– Почему вы думаете, что он придет?

– Оттого, что я написал ему и попросил прийти.

– Все это слишком опрометчиво, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его? Не легче ли предположить, что ваше письмо возбудит в нем подозрения и он попытается скрыться?

– Все зависит от того, как составить письмо, – сказал Шерлок Холмс. – Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все кругом принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

– Я полагаю, джентльмены, – спокойно сказал Холмс, – что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине – одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Все это было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся:

– Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Теперь уж мне от вас не уйти… Однако меня вызывала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбит… Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

– Миссис Хилтон Кьюбит тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

– Да вы с ума сошли! – заорал он яростно. – Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной головке. Возьмите свои слова обратно, эй, вы! Скажите, что она не ранена!

– Она была найдена тяжело раненной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

– Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, – сказал он. – Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, – следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

– Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, – сурово сказал Холмс. – Она бежала из Америки, чтобы спрятаться от вас, и вышла замуж в Англии за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, вы старались заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами… А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придется держать ответ.

– Если Илси умрет, мне все равно, что будет со мною, – сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

– Послушайте, мистер, – вскричал он, и глаза его недоверчиво блеснули, – а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

– Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

– Ее написали вы?! На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

– То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, – сказал Холмс. – Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норвич, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность немного исправить

причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбит сама была заподозрена в убийстве своего мужа и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно не повинна в его трагической смерти.

– Так я и сделаю, – сказал американец. – Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси знала о некоторых наших делах, но она терпеть не могла нашей профессии, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она ускользнула от нас и уехала в Лондон. Она была помолвлена со мной и вышла бы за меня замуж, если бы я переменил профессию, но с людьми нашей профессии она не желала иметь ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда, и, так как она могла не получать моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из нее по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее будет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал прочь через сад и услышал, как сзади захлопнули окно… Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слыхал, пока ко мне не прискакал мальчишка с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки…

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

– Пора ехать.

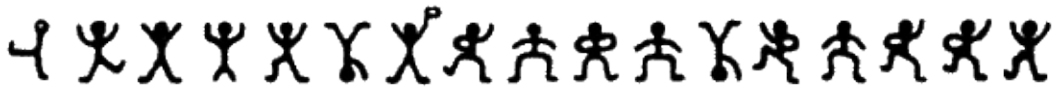
– Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

– Нет, она еще не очнулась… Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что, когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

– Попробуйте прочитать ее, Уотсон, – сказал он, улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:



– Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбит, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру… Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норвиче был приговорен к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и доказанность того, что Хилтон Кьюбит

выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбит мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что посвятила свою жизнь заботам о бедных.

Шесть Наполеонов

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлок Холмс охотно принимал его. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задумчиво сдувать пепел с сигареты. Холмс пристально посмотрел на него.

– У вас есть для меня какое-то интересное дело?

– О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

– В таком случае расскажите.

Лестрейд рассмеялся:

– От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю, что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

– Болезнь? – спросил я.

– Сумасшествие. И притом довольно странное сумасшествие. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадется на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла:

– Это дело не по моей части.

– Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

Холмс выпрямился снова:

– Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробности.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

– О первом случае нам сообщили четыре дня назад, – сказал он. –

Случай этот произошел в лавке Морза Хэдсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-роуд. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, выбежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его. Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени… Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-роуд, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хэдсона, живет хорошо известный врач, доктор Барникот, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникот горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями, принадлежавшими французскому императору. Недавно он приобрел у Морза Хэдсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на Кеннингтон-роуд, а вторую поставил на камин в хирургической на Лауэр-Брикстон-роуд. Вернувшись сегодня утром домой, доктор Барникот обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дома и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

– Случай действительно необыкновенный! – сказал он.

– Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. К двенадцати часам доктор Барникот приехал к себе в хирургическую, и представьте себе его удивление, когда он обнаружил, что окно хирургической открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был разбит на самые мелкие части. Мы исследовали оба случая, но нам не удалось выяснить, кто он, этот преступник… или этот безумец, занимающийся такими хищениями. Вот, мистер Холмс, все факты.

– Они оригинальны и даже причудливы, – сказал Холмс. – Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникота, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке

Морза Хэдсона?

– Их отливали в одной и той же форме.

– Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого императора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

– Это и мне приходило в голову, – сказал Лестрейд. – Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

– Помешательства на одном каком-нибудь пункте безгранично разнообразны, – ответил я. – Существует явление, которое современные психологи называют «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время Наполеоновских войн. У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходки.

– Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон, – сказал Холмс, покачав головой, – ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему занимательному маньяку, где находятся эти бюсты.

– А вы как это объясните?

– Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух:

«Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. *Лестрейд*».

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю. Это может значить все, что угодно. Но мне кажется, это продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес свою деятельность в другую часть Лондона… Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит – в узеньком переулочке,

тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом № 131 оказался почтенным плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс даже присвистнул.

– Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство!

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

– История с Наполеонами продолжается, – сказал Лестрейд. – Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вам будет приятно принять участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

– К какому событию?

– К убийству. Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

– Странная вещь, – сказал он. – Всю жизнь я описывал в газетах события, случавшиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и, если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость снова излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

– Это убийство связано с бюстом Наполеона, который я купил месяца четыре назад. Он достался мне по дешевке в магазине братьев Хардинг возле Хай-стритского вокзала. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Так было и сегодня. Я сидел в своей норе в самом конце верхнего этажа, как вдруг около трех часов снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но шум не повторился, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль – никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать таких страшных звуков. Этот вопль будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я просидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом.

Обыкновеннейший гипсовый слепок, и цена ему грош. Как вы сами видите, человек, который вздумает прыгнуть из этого окна, попадет на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я прошел через прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я засвистел в свисток и тотчас же потерял сознание. Больше ничего я не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

– Кто был убитый? – спросил Холмс.

– Этого определить не удалось. – сказал Лестрейд. – Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю, принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде убитого не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

– А что стало с бюстом? – спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

– Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпеден-Хауз-роуд. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Впервые нам удалось увидеть это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу, что он напал на след.

– Ну что? – спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

– Нам еще много придется повозиться с этим делом, – сказал он. – И все-таки… все-таки… все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот

грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт, установленный нами. Есть и второй факт, не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

– Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

– Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

– Дом этот пустой, – сказал он, – и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

– Да, – возразил Холмс, – но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

– Я не обратил на это внимания, – сказал Лестрейд.

Холмс ткнул в уличный фонарь, горевший у нас над головой.

– Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

– Вы правы, черт побери! – сказал сыщик. – Теперь я вспоминаю, что бюст, принадлежавший доктору Барникоту, был разбит неподалеку от его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

– Запомните его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят вас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд?

– По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное. Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

– Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

– С какого?

– О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

– Отлично, – сказал Лестрейд.

– Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера

Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил кровожадный безумец, одержимый манией наполеононенавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

– Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

– Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати… Ну, Уотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставлю фотографию у себя.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где бюст был куплен. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

– Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу, – сказал он наконец. – Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадались, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хэдсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и язвительным характером.

– Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр, – сказал он. – Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал доктору Барникоту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор, вот что это такое, по моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у Гелдера и компании, на Черч-стрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняются трем. Два я продал доктору Барникоту, а один был разбит среди белого дня на моем

собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец-ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст…

– Что ж, Морз Хэдсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать, – сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. – Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, к Хелдеру и компании, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и, наконец, въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой.

Рослый белокурый хозяин принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хэдсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожать эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов – шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготовляются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склеивают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют

на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

– А, негодяй! – закричал он. – Да, я хорошо его знаю. Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция… по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на работу человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

– К чему его присудили?

– Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

– Нет, нет, – вскричал Холмс, – не говорите его брату ни слова… умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

– Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости, – ответил хозяин. – Да, – продолжал он, порывшись в своих бумагах, – последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощание никому не рассказывать о разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех позавтракать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом листке, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Сумасшедший убийца». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раза два он фыркнул.

– Все в порядке, Уотсон, – сказал он. – Послушайте: «Приятно

сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон, – настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владелец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

– Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер – наш постоянный покупатель. Мы продали ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у Гельдера и компании в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и отвечу вам. Да, вот тут все записано. Один бюст – мистеру Харкеру, другой – мистеру Джосайе Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнумвэли, в Лабурнум-лодж, а третий – мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лауэр-Гров-роуд.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записывал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

– Как дела, мистер Холмс? – спросил он.

– Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы недаром, – сказал мой друг. – Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

– Судьбу каждого бюста! – воскликнул Лестрейд. – Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

– Да что вы говорите!

– И определил причину преступления.

– Превосходно!

– У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга.

Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых страшных головорезов Лондона. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец. Пьетро выслеживал его. Он носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел, напал на него и в схватке получил смертельную рану… Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

– Превосходно, Лестрейд, превосходно! – воскликнул он. – Но я не вполне понимаю, как вы объясните уничтожение бюстов.

– Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы. В конце концов, история с этими бюстами – пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство – стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

– Как же вы собираетесь поступить дальше?

– Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

– Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит… Словом, это зависит от одного обстоятельства, которое не в нашей власти. Два шанса за успех и один против. Итак, я надеюсь, что, если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

– В итальянском квартале?

– Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой отсрочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите рассыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Я уже так изучил методы моего друга, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить

преступника. Этот странный преступник теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода – захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое любимое оружие – охотничий хлыст, в рукоять которого налит свинец.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хаммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно, уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха – это распахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказалось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

– Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет, – прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа под мышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы услышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему

на спину, а мы с Лестрейдом схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они нисколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома – добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

– Мистер Джосайа Браун, если не ошибаюсь? – сказал Холмс.

– Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку, и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйте, джентльмены, в дом, выпейте на дорогу.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в надежное убежище, и через несколько минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

– Все в порядке, – сказал Лестрейд, прощаясь с нами. – Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя версия подтвердится полностью. Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам пришло это в голову.

– Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями, – сказал Холмс. – Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело – одно из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас мы еще не вполне понимаем подлинное значение этого своеобразного дела.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный головорез во всем итальянском квартале. Когда-то он был искусным скульптором, но потом

сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз – за мелкое воровство, другой раз – за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отказывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что он сам умеет изготовлять бюсты и что он изготовлял их, работая в мастерской Гельдера и компании.

Все эти сведения, большая часть которых была нам уже известна, Холмс выслушал с вежливым вниманием, но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели. Раздался звонок.

Через минуту мы услышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

– Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

– Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь? – сказал он.

– Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно… Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

– Совершенно верно.

– Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

– Именно так.

– Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

– А между тем все это объясняется очень просто. Мистер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

– Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

– Нет, не говорил.

– Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность, прежде чем получу от вас десять фунтов.

– Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

– Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе

в совершенно исправном состоянии тот бюст, который до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

– Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства… Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

– Джентльмены! – воскликнул он. – Разрешите представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиа![84]

Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса порозовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванный на сцену рукоплесканиями зрителей.

– Да, джентльмены, – сказал он, – это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и, к счастью, мне путем размышлений удалось проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренностей последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской фирмы «Гельдер и компания», в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этого драгоценного камня и безуспешные попытки лондонской полиции найти его. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилен помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Гелдера и компании как раз в то

время, когда там изготовлялись эти бюсты.

Теперь вам ясна последовательность событий. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро; возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас не важно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно найдут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище, найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, он мог найти жемчужину.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски вдохновенно и последовательно. С помощью двоюродного брата, работавшего у Гелдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хэдсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведал, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

– Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? – спросил я.

– Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были распределены именно так, как я говорил вам: один шанс «против» и два – «за».

Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лондоне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиа. Имя убитого связало все факты воедино. Оставался всего один бюст – тот, который находился в Рединге, – и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

– Да, – сказал Лестрейд, – много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось.

– Спасибо! – сказал Холмс. – Спасибо!

Шерлок Холмс при смерти

Квартирная хозяйка Шерлока Холмса, миссис Хадсон, была настоящей мученицей. Мало того, что второй этаж ее дома в любое время подвергался нашествию странных и зачастую малоприятных личностей, но и сам ее знаменитый квартирант своей эксцентричностью и безалаберностью жестоко испытывал терпение хозяйки. Его чрезвычайная неаккуратность, привычка музицировать в самые неподходящие часы суток, иногда стрельба из револьвера в комнате, загадочные и весьма неароматичные химические опыты, которые он часто ставил, да и вся атмосфера преступлений и опасности, окружавшая его, делали Холмса едва ли не самым неудобным квартирантом в Лондоне. Но, с другой стороны, платил он по-царски. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома.

Она благоговела перед Холмсом и никогда не осмеливалась перечить ему, хотя его образ жизни причинял ей много беспокойства. Она симпатизировала ему за удивительную мягкость и вежливость в обращении с женщинами. Он не любил женщин и не верил им, но держался с ними всегда по-рыцарски учтиво. Зная искреннее расположение миссис Хадсон к Холмсу, я с волнением ее выслушал, когда на второй год моей женитьбы она прибежала ко мне с известием о тяжелой болезни моего бедного друга.

– Он умирает, доктор Уотсон, – говорила она. – Он болеет уже три дня, и с каждым днем ему все хуже и хуже. Я не знаю, доживет ли он до завтра. Он запретил мне вызывать врача. Но сегодня утром, когда я увидела, как у него все кости на лице обтянулись и как блестят глаза, я не могла больше выдержать. «С вашего согласия или без него, мистер Холмс, я немедленно иду за врачом», – сказала я. «В таком случае позовите Уотсона», – согласился он. Не теряйте ни минуты, сэр, иначе вы можете не застать его в живых!

Я был потрясен, тем более что ничего не слыхал о его болезни. Излишне говорить, что я тут же схватил пальто и шляпу. По дороге я стал расспрашивать миссис Хадсон.

– Я могу вам рассказать очень немного, сэр, – отвечала она. – Он расследовал какое-то дело в Розерхайте, в переулках у реки, и, вероятно, там заразился. В среду пополудни он слег и с тех пор не встает. За все эти три дня ничего не ел и не пил.

– Боже мой! Почему же вы не позвали врача?

– Он не велел, сэр. Вы знаете, какой он властный. Я не осмелилась ослушаться его. Но вы сразу увидите, ему недолго осталось жить.

Действительно, на Холмса было страшно смотреть. В тусклом свете туманного ноябрьского дня его спальня казалась достаточно мрачной, но особенно пронзил мне сердце вид его худого, изможденного лица на фоне подушек. Глаза его лихорадочно блестели, на щеках играл болезненный румянец, губы покрылись темными корками. Тонкие руки судорожно двигались по одеялу, голос был хриплым и ломающимся. Когда я вошел в комнату, он лежал неподвижно, однако что-то мелькнуло в его глазах – он, несомненно, узнал меня.

– Ну, Уотсон, как видно, наступили плохие времена, – сказал он слабым голосом, но все же в своей прежней шутливой манере.

– Дорогой друг! – воскликнул я, приближаясь к нему.

– Стойте! Не подходите! – крикнул он тем резким и повелительным тоном, какой появляется у него только в самые напряженные минуты. – Если вы приблизитесь ко мне, я велю вам тотчас уйти отсюда.

– Но почему же?

– Потому что я так хочу. Разве этого недостаточно?

Да, миссис Хадсон была права, властности в нем не убавилось. Но вид у него был поистине жалкий.

– Ведь я хотел только помочь, – сказал я.

– Правильно. Хотите помочь, так делайте, что вам велят.

– Хорошо, Холмс.

Он несколько смягчился.

– Вы не сердитесь? – спросил он, задыхаясь.

Бедняга! Как я мог сердиться на него, когда он был в таком состоянии!

– Это ради вас самих, – сказал он хрипло.

– Ради меня?!

– Я знаю, что со мной. Родина этой болезни – Суматра. Голландцы знают о ней больше нас, но и они пока очень мало изучили ее. Ясно только одно: она, безусловно, смертельна и чрезвычайно заразна.

Он говорил с лихорадочной энергией, его длинные руки беспокойно шевелились, как бы стремясь отстранить меня.

– Заразная при прикосновении, Уотсон, только при прикосновении! Держитесь от меня подальше, и все будет хорошо.

– Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что это может иметь для меня какое-либо значение? Я бы пренебрег этим даже по отношению к постороннему мне человеку. Так неужели это помешает мне выполнить

мой долг по отношению к вам, моему старому другу?

Я снова сделал шаг в его сторону. Но он отстранился от меня с бешеной яростью.

– Я буду говорить с вами, только если вы останетесь на месте. В противном случае вам придется уйти.

Я так уважаю необычайные таланты моего друга, что всегда подчинялся его указаниям, даже если совершенно их не понимал. Но тут во мне заговорил профессиональный долг. Пусть Холмс руководит мною в любых других случаях, но сейчас я – врач у постели больного.

– Холмс, – сказал я, – вы не отдаете себе отчета в своих поступках. Больной все равно что ребенок. Хотите вы этого или нет, но я осмотрю вас и примусь за лечение.

Он злобно посмотрел на меня.

– Если мне против воли навязывают врача, то пусть это будет хотя бы человек, которому я доверяю.

– Значит, вы мне не доверяете?

– В вашу дружбу я, конечно, верю. Но факты остаются фактами. Вы, Уотсон, в конце концов только обычный врач, с очень ограниченным опытом и квалификацией. Мне тяжело говорить вам такие вещи, но у меня нет иного выхода.

Я был глубоко оскорблен.

– Такие слова недостойны вас. Холмс. Они свидетельствуют о расстройстве вашей нервной системы. Но если вы мне не доверяете, я не буду набиваться с услугами. Разрешите мне привезти к вам сэра Джаспера Мика, или Пенроза Фишера, или любого из самых лучших врачей Лондона. Так или иначе, кто-нибудь должен оказать вам помощь. Если вы думаете, что я буду спокойно стоять и смотреть, как вы умираете, то вы жестоко ошибаетесь.

– Вы мне желаете добра, Уотсон, – сказал Холмс с тихим стоном. – Но хотите, я докажу вам ваше невежество? Скажите, пожалуйста, что вы знаете о лихорадке провинции Тапанули или о формозской черной язве?

– Я никогда о них не слышал.

– На Востоке, Уотсон, существует много странных болезней, много отклонений от нормы. – Холмс останавливался после каждой фразы, чтобы собраться с силами. – За последнее время я это понял в связи с одним расследованием медико-уголовного характера. Очевидно, во время этих расследований я и заразился. Вы, Уотсон, не в силах помочь мне.

– Может быть, и так. Но я случайно узнал, что доктор Энстри, крупнейший в мире знаток тропических болезней, сейчас находится

в Лондоне. Не возражайте, Холмс, я немедленно еду к нему!

Я решительно повернулся к двери.

Никогда я не испытывал такого потрясения! В мгновение ока прыжком тигра умирающий преградил мне путь. Я услышал резкий звук поворачиваемого ключа. В следующую минуту Холмс уже снова повалился на кровать, задыхаясь после этой невероятной вспышки энергии.

– Силой вы у меня ключ не отнимете, Уотсон. Попались, мой друг! Придется вам здесь посидеть, пока я вас не выпущу. Но вы не горюйте. – Он говорил прерывающимся голосом, с трудом переводя дыхание. – Вы хотите мне помочь, я в этом не сомневаюсь. Будь по-вашему, но только дайте мне немного собраться с силами. Подождите немножко, Уотсон. Сейчас четыре часа. В шесть я вас отпущу.

– Но это безумие, Холмс!

– Всего два часа, Уотсон. В шесть вы уедете, обещаю. Потерпите?

– Вы мне не оставили выбора.

– Вот именно. Спасибо, Уотсон, я сам могу поправить одеяло. Держитесь подальше от меня. И еще одно условие, Уотсон. Вы привезете не доктора Энстри, а того, кого я сам выберу.

– Согласен.

– Вот первое разумное слово, которое вы произнесли с тех пор, как вошли сюда, Уотсон. Займитесь пока книгами вон там, на полке. Я немного устал… Интересно, что чувствует электрическая батарея, когда пытается пропустить ток через доску?.. В шесть часов, Уотсон, мы продолжим наш разговор.

Но разговору этому суждено было продолжиться задолго до назначенного часа, при обстоятельствах, потрясших меня не менее, чем прыжок Холмса к двери.

Несколько минут я стоял, глядя на безмолвную фигуру на кровати. Лицо Холмса было почти закрыто одеялом; казалось, он уснул.

Я был не в состоянии читать и стал бродить по комнате, разглядывая фотографии знаменитых преступников, развешанные по стенам. Так, бесцельно переходя с места на место, я добрался наконец до камина. На каминной полке лежали в беспорядке трубки, кисеты с табаком, шприцы, перочинные ножи, револьверные патроны и прочая мелочь. Мое внимание привлекла коробочка из слоновой кости, черная с белыми украшениями и с выдвижной крышкой. Вещица была очень красивая, и я уже протянул к ней руку, чтобы получше ее рассмотреть, но тут…

Холмс издал крик, столь пронзительный, что его, наверное, услышали в дальнем конце улицы. Мороз пробежал у меня по коже, волосы встали

дыбом от этого ужасного вопля. Обернувшись, я увидел искаженное лицо Холмса, встретил его безумный взгляд. Я окаменел, зажав коробочку в руке.

– Положите ее! Немедленно положите, Уотсон, немедленно, говорят вам!

Он со вздохом облегчения откинулся на подушку, когда я положил коробку на прежнее место.

– Я не переношу, когда трогают мои вещи, Уотсон. Вы же это знаете. И что вы все ходите, это невыносимо. Вы, врач, способны довести пациента до сумасшествия! Сядьте и дайте мне покой.

Этот инцидент произвел на меня чрезвычайно тяжелое впечатление. Дикая, беспричинная вспышка, резкость, столь не свойственная обычно сдержанному Холмсу, показывали, как далеко зашло расстройство его нервной системы. Распад благородного ума – что может быть печальнее? В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначенный час. Холмс, по-видимому, тоже следил за часами. Как только стрелки показали шесть, он заговорил все с тем же лихорадочным возбуждением.

– Уотсон, – спросил он, – есть у вас при себе мелочь?

– Да.

– Серебро?

– Да, порядочное количество.

– Сколько полукрон?

– Пять.

– Мало, слишком мало! – воскликнул он. – Какая досада! Но вы все-таки переложите их в кармашек для часов, а все остальные деньги в левый карман брюк. Спасибо. Это вас в какой-то мере уравновесит.

Это уже было явное помешательство. Он содрогнулся и не то кашлянул, не то всхлипнул.

– Теперь зажгите газ, Уотсон. Будьте чрезвычайно осторожны, нужно открыть газ только наполовину. Умоляю вас быть осторожным. Хорошо, спасибо. Нет, шторы не задергивайте. Теперь, Уотсон, видите там щипцы для сахара? Возьмите ими, пожалуйста, эту черную коробочку с камина. Осторожно поставьте ее вот сюда на стол, среди бумаг. Прекрасно! Ну, а теперь отправляйтесь и привезите мне мистера Кэлвертона Смита, Лоуэр-Бэрк-стрит, дом тринадцать.

Говоря по правде, мне совсем не хотелось бежать за врачом, так как мой бедный друг, несомненно, бредил и я боялся оставить его одного. Однако теперь он требовал привезти к нему Смита, требовал

так же упорно, как прежде отказывался от всякой помощи.

– Никогда не слышал такого имени, – сказал я.

– Очень может быть, дорогой Уотсон. И возможно, вас удивит, что лучший в мире знаток этой болезни – не врач, а плантатор. Мистер Кэлвертон Смит – постоянный житель Суматры и хорошо там известен, а в Лондон он только приехал по делам. Вспышка этой болезни на его плантациях, расположенных далеко от медицинских учреждений, заставила его самого заняться изучением ее, и он добился немалых успехов. Смит очень методичный человек. Я не хотел отпускать вас раньше шести часов, зная, что вы не застанете его дома. Если вам удастся уговорить его приехать ко мне и применить свои исключительные познания в этой области медицины, он, бесспорно, мне поможет.

Я передаю слова Холмса как связное целое. На самом деле речь его прерывалась одышкой и судорожными движениями рук, свидетельствующими о муках, испытываемых им. За то время, что я у него пробыл, внешний вид его резко изменился. Лихорадочный румянец сделался ярче, глаза еще сильнее блестели из темных глазных впадин, по временам холодный пот выступал на лбу. И все же он сохранял свою спокойную, четкую речь. До последней минуты он останется самим собой!

– Вы расскажете ему подробно о моем состоянии, – сказал он. – Опишете, какое впечатление я на вас произвел, скажете, что я в бреду, что я умираю… Просто непонятно, почему все дно океана не представляет собою сплошной массы устриц, – ведь они так плодовиты… Ох, я опять заговариваюсь! Любопытно, как мозг сам себя контролирует… Что я говорил, Уотсон?

– Вы давали указания относительно мистера Кэлвертона Смита.

– Ах да, помню. Моя жизнь зависит от него, Уотсон. Постарайтесь его уговорить. Отношения у нас с ним плохие. Его племянник умер, Уотсон… Я заподозрил недоброе, и он почувствовал это. Юноша умер в страшных муках. Смит зол на меня. Любыми средствами смягчите его, Уотсон. Просите его, умоляйте, во что бы то ни стало привезите его сюда. Только он может спасти меня, только он!

– Обещаю, что привезу его с собой, даже если бы мне пришлось снести его в кэб на руках.

– Нет, это не годится. Вы должны убедить его приехать. А сами возвращайтесь раньше. Придумайте какой-нибудь предлог, чтобы не ехать с ним вместе. Не забудьте, Уотсон, не подведите меня. Ведь вы никогда меня не подводили… Можно не сомневаться, что какие-то природные силы препятствуют их размножению. Мы с вами, Уотсон, сделали все,

что могли. Неужели же весь мир будет заполнен устрицами? Нет, нет, это слишком страшно. Передайте ему ваше впечатление как можно точнее.

Я ушел, унося с собой образ этого умнейшего человека, лепечущего, как дитя. Он отдал мне ключ, и мне пришла счастливая мысль взять его с собой, чтобы Холмс не вздумал запереться в комнате. Миссис Хадсон, в слезах, ждала меня в коридоре. Уходя, я слышал, как Холмс высоким, тонким голосом затянул какую-то безумную песню. Пока я на улице подзывал кэб, ко мне из тумана приблизилась темная фигура.

– Как здоровье мистера Холмса? – спросил голос.

Это был мой старый знакомый инспектор Мортон из Скотленд-Ярда, одетый в штатское.

– Очень плохо, – ответил я.

Его взгляд показался мне странным. Не будь это слишком невероятным, я подумал бы, что при свете, падающем из окна над дверью, я прочел на его лице удовлетворение.

– Да, я слышал об этом, – сказал он.

Кэб подъехал, и мы расстались.

Лоуэр-Бэрк-стрит представляла собою длинный ряд красивых домов между Ноттинг-хиллом и Кенсингтоном. Здание, перед которым остановился кэб, имело чопорный и солидный вид – старомодная железная ограда, массивная двустворчатая дверь с блестящими медными ручками. Общему впечатлению соответствовал и величественный дворецкий, появившийся на пороге в розовом сиянии электрической люстры.

– Да, мистер Кэлвертон Смит дома. Доктор Уотсон? Хорошо, сэр, позвольте вашу визитную карточку.

Мое скромное имя и профессия, очевидно, не произвели должного впечатления на мистера Кэлвертона Смита. Через полуоткрытую дверь я услышал раздраженный, пронзительный голос:

– Кто это? Что ему нужно? Сколько раз я говорил вам, Стэплс, что, когда я работаю, мне нельзя мешать.

Послышались тихие и успокаивающие объяснения дворецкого.

– Я его не приму, Стэплс. Не терплю таких помех. Меня нет дома, так ему и скажите. Если я ему нужен, пусть придет завтра утром.

Снова тихое бормотание.

– Идите, идите, скажите ему. Пусть придет утром или совсем не приходит.

Мне представился Холмс, как он мечется по кровати и считает минуты в ожидании помощи. Тут было не до церемоний. Жизнь Холмса зависела от моей энергии и настойчивости. Прежде чем дворецкий успел передать

мне ответ своего хозяина, я оттолкнул его и вошел в комнату.

Человек, сидевший в кресле у камина, с пронзительным криком ярости вскочил с места. Я увидел крупное желтое лицо с грубыми чертами, массивным двойным подбородком и злобными серыми глазами, свирепо глядевшими на меня из-под косматых рыжих бровей. На лысой розовой голове была надета бархатная шапочка, кокетливо сдвинутая набок. Череп хозяина был огромен, Но, переведя взгляд ниже, я с изумлением увидел, что тело у него маленькое, хилое, искривленное в плечах и спине, вероятно из-за перенесенного в детстве рахита.

– Что это значит? – кричал он высоким, визгливым голосом. – Что означает это вторжение? Ведь я велел вам сказать, чтобы вы пришли завтра утром.

– Простите, – сказал я, – но это дело неотложное. Мистер Шерлок Холмс…

Имя моего друга произвело удивительное действие на маленького человечка. Гнев моментально исчез, лицо сделалось напряженным и внимательным.

– Вы от Холмса? – спросил он.

– Я только что от него.

– Что с Холмсом?

– Он очень, очень болен. Поэтому-то я и приехал к вам.

Хозяин указал мне на стул и повернулся к своему креслу. В зеркале над камином мелькнуло его лицо. Я мог бы поклясться, что на нем появилась отвратительная, злобная усмешка. Но я тут же убедил себя, что это нервная судорога; через минуту, когда он снова повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее огорчение.

– Мне больно слышать это, – сказал он. – Я встречался с мистером Холмсом только на деловой почве, но очень уважаю его как за талант, так и за человеческие достоинства. Он знаток преступлений, а я знаток болезней; он занимается злодеями, я – микробами. Вот мои заключенные, – продолжал он, указывая на ряд бутылей и банок, стоящих на столике у стены. – В этих желатиновых культурах отбывают срок наказания весьма опасные преступники.

– Зная вашу эрудицию, Холмс прислал меня к вам. Он чрезвычайно высоко ценит вас и считает, что во всем Лондоне только вы в силах оказать ему помощь.

Маленький человек вздрогнул, и его кокетливая шапочка свалилась на пол.

– Почему же? – спросил он. – Почему мистер Холмс думает, что я могу

помочь ему?

– Потому что вы знаток восточных болезней.

– Но почему он думает, что болезнь, которой он заразился, восточная болезнь?

– Потому что ему пришлось работать в доках, среди китайских матросов.

Мистер Кэлвертон Смит любезно улыбнулся и поднял свою шапочку.

– Ах вот как… – сказал он. – Я надеюсь, что дело не так опасно, как вы полагаете. Сколько времени он болеет?

– Около трех дней.

– Он бредит?

– По временам.

– Гм! Это хуже. Было бы бесчеловечным не откликнуться на его просьбу. Я очень не люблю, когда прерывают мою работу, доктор Уотсон, но тут, конечно, исключительный случай. Я сейчас же поеду с вами.

Мне припомнилось указание Холмса.

– Меня ждут в другом месте, – сказал я.

– Хорошо, я поеду один. Адрес мистера Холмса у меня записан. Через полчаса я буду у него.

С замиранием сердца входил я в спальню Холмса. За это время могло произойти самое худшее. Однако я с огромной радостью увидел, что его состояние значительно улучшилось. Правда, лицо его все еще было мертвенно-бледным, но от бреда не осталось и следа: он говорил хотя и слабым голосом, но даже сверх обычного ясно и живо.

– Вы видели его, Уотсон?

– Да, он сейчас приедет.

– Замечательно, Уотсон, замечательно. Вы лучший из вестников.

– Он хотел вернуться со мной.

– Этого не следовало допускать, Уотсон. Это было бы просто невозможно. Спрашивал ли он о причинах болезни?

– Я сказал ему про матросов в Ист-Энде.

– Правильно! Вы сделали все, что только мог сделать настоящий друг. Теперь, Уотсон, вы можете исчезнуть со сцены.

– Я должен подождать и выслушать его мнение, Холмс.

– Конечно. Но я имею основания полагать, что он выскажет свое мнение гораздо откровеннее, если будет думать, что мы с ним одни. За изголовьем моей кровати как раз достаточно места для вас, Уотсон.

– Дорогой Холмс!

– Боюсь, что у вас нет выбора, Уотсон. В комнате негде спрятаться,

и это к лучшему: это не возбудит подозрений. Но здесь, Уотсон, здесь, я думаю, мы ничем не рискуем.

Он внезапно сел на кровати. Его осунувшееся лицо было полно решимости.

– Я слышу стук колес, Уотсон. Скорее, если только вы меня любите. И не шевелитесь, что бы ни случилось. Что бы ни случилось, понятно? Не говорите, не двигайтесь. Только слушайте как можно внимательнее.

Столь же внезапно силы оставили его, и четкая, повелительная речь перешла в слабое, неясное бормотание человека, находящегося в полубреду.

Из своего убежища, в котором я так неожиданно оказался, я услышал шаги на лестнице, потом звук открываемой и закрываемой двери в спальню. А затем, к моему удивлению, последовало долгое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием больного. Я представил себе, как наш посетитель стоит у кровати и смотрит на страдальца. Наконец это странное молчание кончилось.

– Холмс! – воскликнул Смит настойчивым тоном, каким будят спящего. – Холмс! Вы слышите меня?

Я уловил шорох, как будто он грубо тряс больного за плечо.

– Это вы, мистер Смит? – прошептал Холмс. – Я не смел надеяться, что вы придете.

Смит засмеялся.

– Ну еще бы, – сказал он. – И все же, как видите, я здесь. Воздаю добром за зло, Холмс, добром за зло.

– Это очень хорошо, очень благородно с вашей стороны. Я высоко ценю ваши знания.

Наш посетитель усмехнулся.

– К счастью, только вы во всем Лондоне и способны их оценить. Вы знаете, что с вами?

– То же самое, – сказал Холмс.

– Вот как! Вы узнаете симптомы?

– Да, слишком хорошо.

– Что ж, очень возможно. Холмс. Очень возможно, что это оно и есть. Если так, то дело ваше плохо. Бедный Виктор умер на четвертый день, а он был здоровый, молодой. Вам тогда показалось очень странным, что он в сердце Лондона заразился этой редкой азиатской болезнью, которую я к тому же специально изучаю. Удивительное совпадение, Холмс. Вы ловко это подметили, но не очень-то великодушно было утверждать, что здесь можно усмотреть причину и следствие.

– Я знаю, что это ваших рук дело.

– Ах вот как, вы знали? Но доказать вы ничего не могли. А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня такие обвинения, а чуть сами оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощи? Как это назвать? А?

Я услышал хриплое, затрудненное дыхание больного.

– Дайте мне воды, – прошептал он задыхаясь.

– Скоро вам крышка, милейший. Но я не уйду, не поговорив с вами. Только поэтому я и подаю вам воду. Держите! Не расплескайте. Вот так. Вы понимаете, что я вам говорю?

Холмс застонал.

– Помогите мне чем можно. Забудем прошлое… – шептал он. – Я выброшу из головы все это дело. Клянусь вам. Только вылечите меня, я все забуду.

– Что забудете?

– О смерти Виктора Сэведжа. Вы сейчас сознались в своем преступлении. Я это забуду.

– Можете забывать или помнить, как вам будет угодно. Я не увижу вас среди свидетелей. Вы будете в другом месте, мой дорогой Холмс. Вы знаете, отчего умер мой племянник, ну и ладно. Сейчас речь не о нем, а о вас.

– Да, да.

– Ваш приятель, которого вы послали за мной – не помню его имя, – сказал, что вы заразились этой болезнью в Ист-Энде, у матросов.

– Я только так могу это объяснить.

– И вы гордитесь своим умом, Холмс! Вы считаете себя таким догадливым, не правда ли? Но нашелся кое-кто поумнее вас. Подумайте-ка, Холмс, не могли ли вы заразиться этой болезнью другим путем?

– Я не могу думать. Голова не работает. Ради всего святого, помогите…

– Да, я вам помогу, помогу вам понять, что и как произошло. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прежде, чем умрете.

– Дайте мне чего-нибудь, чтобы облегчить эти боли!

– Ага, у вас появились боли? Да, мои кули тоже визжали перед смертью. Ощущение, как при судорогах?

– Да, да, это судороги.

– Ничего, слушать они вам не помешают. Слушайте! Не припомните ли вы какое-нибудь необычное происшествие в вашей жизни, как раз перед тем, как вы заболели?

– Нет, нет, ничего.

– Подумайте хорошенько.

– Я слишком болен, чтобы думать.

– Ну, тогда я вам помогу. Не получали ли вы чего-нибудь по почте?

– По почте?

– Например, коробочку.

– Я слабею, я умираю!..

– Слушайте, Холмс! – Он, видимо, тряс умирающего за плечо. Я едва усидел в своем убежище. – Вы должны меня услышать! Помните коробочку из слоновой кости? Вы получили ее в среду. Вы ее открыли… помните?

– Да, да, я открыл ее, там была острая пружина. Какая-то шутка…

– Это не было шуткой, в чем вы очень скоро убедитесь. Пеняйте на себя, глупый вы человек. Кто просил вас становиться на моем пути? Если бы вы меня не трогали, я не причинил бы вам вреда.

– Вспомнил! – Холмс задыхался. – Пружина! Я оцарапался о нее до крови. Вот эта коробочка, там на столе.

– Она самая! И сейчас она исчезнет в моем кармане. Таким образом, здесь не останется ни одной улики. Ну вот. Холмс, теперь вы знаете правду и умрете с сознанием, что я вас убил. Вы слишком много знали о смерти Виктора Сэведжа, поэтому я заставил вас разделить его судьбу. Вы очень скоро умрете, Холмс. Я посижу здесь и посмотрю, как вы будете умирать.

Голос Холмса понизился почти до невнятного шепота.

– Что? – спросил Смит. – Отвернуть газ? У вас уже темно в глазах? Охотно. Я отверну газ, чтобы лучше вас видеть. – Он пересек комнату, и мгновенно ее залил яркий свет. – Не нужно ли оказать вам еще какую-нибудь услугу, мой друг?

– Спички и папиросы!

Я едва не закричал от радости. Холмс говорил своим естественным голосом, правда немного слабым, но тем самым, который я так хорошо знал. Последовала долгая пауза, и я почувствовал, что Кэлвертон Смит в безмолвном изумлении смотрит на Холмса.

– Что это значит? – спросил он наконец сухим, резким голосом.

– Лучший способ хорошо сыграть роль, – сказал Холмс, – это вжиться в нее. Даю вам слово, что все эти три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды. Но труднее всего было не курить. А вот и папиросы! (Я услышал чирканье спички.) Ну вот, мне сразу стало лучше. Ого, я, кажется, слышу шаги друга!

Снаружи послышались шаги, дверь открылась, и появился инспектор Мортон.

– Все в порядке. Можете его забрать, – сказал Холмс.

– Вы арестованы по обвинению в убийстве Виктора Сэведжа, – сказал инспектор.

– И можете прибавить: за покушение на убийство Шерлока Холмса, – заметил мой друг, посмеиваясь. – Чтобы зря не затруднять больного, мистер Кэлвертон Смят сам дал вам сигнал полным включением газа. Между прочим, у арестованного в правом кармане пиджака небольшая коробочка. Ее надо изъять. Благодарю вас. С ней надо обращаться очень осторожно. Положите ее сюда. Она пригодится на суде.

Послышался внезапный бросок, борьба, сопровождаемая звяканьем железа и криком боли.

– Только себя же изувечите, – сказал инспектор. – Стойте смирно!

И я услышал, как защелкнулись наручники.

– Вот как! Ловушка! – закричал высокий визгливый голос. – Это приведет на скамью подсудимых вас, Холмс, а не меня. Он просил меня приехать лечить его. Я его пожалел и приехал. Теперь он, конечно, будет утверждать, будто я сказал какую-нибудь чепуху, которую он сам придумал в подтверждение своих безумных подозрений. Можете лгать сколько хотите, Холмс. Мои слова имеют не меньший вес, чем ваши.

– Боже мой! – воскликнул Холмс. – Ведь я совершенно забыл о нем. Дорогой Уотсон, приношу вам тысячу извинений! Подумать только, что я упустил из виду ваше присутствие! Мне незачем знакомить вас с мистером Кэлвертоном Смитом – вы, сколько я понимаю, уже виделись с ним сегодня. Есть у вас кэб, инспектор? Я поеду вслед за вами, как только оденусь: мое присутствие может понадобиться полиции.

Одеваясь, Холмс съел несколько бисквитов и утолил жажду стаканом кларета.

– Никогда я, кажется, не ел и не пил с таким удовольствием, – сказал он. – Впрочем, мой образ жизни, как вам известно, не отличается регулярностью, и такие подвиги даются мне легче, чем многим другим. Мне было крайне необходимо, чтобы миссис Хадсон уверилась в моей болезни, так как ей предстояло сообщить эту новость вам, а вы должны были, в свою очередь, уведомить Смита. Вы не обиделись, Уотсон? Признайтесь, что умение притворяться не входит в число ваших многочисленных талантов. Если бы вы знали мою тайну, вы никогда не смогли бы убедить Смита в необходимости его приезда, а этот приезд был главным пунктом моего плана. Зная его мстительность, я был убежден, что он приедет взглянуть на результаты своего преступления.

– Но ваш вид, Холмс, ваше мертвенно-бледное лицо?..

– Три дня полного поста не красят человека. А остальное легко может

быть устранено губкой. Вазелин на лбу, белладонна, впрыснутая в глаза, румяна на скулах и пленки из воска на губах – все это производит вполне удовлетворительный эффект. Симуляция болезней – это тема, которой я думаю посвятить одну из своих монографий. А разговор о полукронах, устрицах и прочих не относящихся к делу вещах неплохо создал иллюзию бреда…

– Но почему вы не разрешали мне приближаться к вам, раз никакой инфекции не было?

– И вы еще спрашиваете, мой дорогой Уотсон! Вы думаете, я не ценю ваши медицинские познания? Разве я мог надеяться, что ваш опытный взгляд пройдет мимо таких фактов, как отсутствие изменений температуры и пульса у умирающего? На расстоянии четырех шагов я еще мог обмануть вас. А если бы мне это не удалось, кто привез бы сюда Смита? Нет, Уотсон, не трогайте эту коробочку. Если взглянете на нее сбоку, вы сможете заметить, где именно появляется острая пружинка, когда коробку раскроешь. Очевидно, при помощи какого-нибудь приспособления вроде этого и был убит бедный Сэведж, который стоял между этим чудовищем и наследством. Я, как вы знаете, получаю самую разнообразную корреспонденцию и привык относиться с опаской ко всем посылкам, приходящим на мое имя. Мне было ясно, что, убедив Смита в том, что его злобный план осуществился, я смогу выманить у него признание. Свою болезнь я разыграл со старанием настоящего актера.

Благодарю вас, Уотсон, а теперь помогите мне, пожалуйста, надеть пальто. Когда мы закончим дела в полиции, я полагаю, что не лишним будет заехать подкрепиться к Симпсону.

Его прощальный поклон

Было девять часов вечера второго августа – самого страшного августа во всей истории человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось Божье проклятие – царило пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидания. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звезды, внизу поблескивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у каменной ограды беседовали два немца – личности примечательные; за их спиной стоял дом, длинный, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножия величественного мелового утеса, на который четыре года назад опустился, как перелетный орел, господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар снизу можно было принять за огненные глаза выглядывающего из тьмы злого демона, исчадия ада.

Незаурядная особа этот фон Борк. Среди всех преданных кайзеру агентов второго такого не сыщешь. Именно благодаря его редким талантам ему доверили «английскую миссию», самую ответственную, и начиная с момента, когда он приступил к ее выполнению, таланты эти раскрывались все ярче, чему свидетелями было человек пять посвященных. Одним из этой пятерки был стоявший сейчас рядом с ним барон фон Херлинг, первый секретарь посольства; его громадный, в сто лошадиных сил, «Бенц» загородил собой деревенский проулок в ожидании, когда надо будет умчать хозяина обратно в Лондон.

– Судя по тому, как разворачиваются события, к концу недели вы, вероятно, уже будете в Берлине, – сказал секретарь. – Прием, который вам там готовят, дорогой мой фон Борк, поразит вас. Мне известно, как высоко расценивают в высоких сферах вашу деятельность в этой стране.

Секретарь был солидный, серьезный мужчина, рослый, широкоплечий, говорил размеренно и веско, что и послужило ему главным козырем в его дипломатической карьере.

Фон Борк рассмеялся.

– Их не так уж трудно провести, – заметил он. – Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных.

– Не знаю, не знаю, – проговорил его собеседник задумчиво. – В них есть черта, за которую не переступишь, и это надо помнить. Именно

внешнее простодушие и является ловушкой для иностранца. Первое впечатление всегда такое – на редкость мягкие люди, и вдруг натыкаешься на что-то очень твердое, решительное. И видишь, что это предел, дальше проникнуть невозможно. Нельзя не учитывать этот факт, к нему надо приноравливаться. Например, у них есть свои, только им присущие условности, с которыми просто необходимо считаться.

– Вы имеете в виду «хороший тон» и тому подобное?

Фон Борк вздохнул как человек, много от того пострадавший.

– Я имею в виду типичные британские условности во всех их своеобразных формах. Для примера могу рассказать историю, происшедшую со мной, когда я совершил ужасный ляпсус. Я могу позволить себе говорить о своих промахах, вы достаточно хорошо осведомлены о моей работе и знаете, насколько она успешна. Случилось это в первый мой приезд сюда. Я был приглашен на уикенд в загородный дом члена кабинета министров. Разговоры велись крайне неосторожные.

Фон Борк кивнул.

– Я бывал там, – сказал он сухо.

– Разумеется. Так вот, я, естественно, послал резюме своих наблюдений в Берлин. К несчастью, наш милейший канцлер не всегда достаточно тактичен в делах подобного рода. Он обронил замечание, показавшее, что ему известно, о чем именно шли разговоры. Проследить источник информации было, конечно, нетрудно. Вы даже представить себе не можете, как это мне навредило. Куда вдруг девалась мягкость наших английских хозяев! Ее как не бывало. Понадобилось два года, чтобы все улеглось. Вот вы, разыгрывая из себя спортсмена…

– Нет, нет, это совсем не так. Игра – значит что-то нарочитое, искусственное. А у меня все вполне естественно, я прирожденный спортсмен. Я обожаю спорт.

– Ну что ж, оттого ваша деятельность только эффективнее. Вместе с ними вы участвуете в парусных гонках, охотитесь, играете в поло – не отстаете ни в чем. Ваш выезд четверкой берет призы в Олимпии[85]. Я слышал, что вы даже занимаетесь боксом вместе с молодыми английскими офицерами. И в результате? В результате никто не принимает вас всерьез. Кто вы? «Славный малый», «для немца человек вполне приличный», выпивоха, завсегдатай ночных клубов – веселый, беспечный молодой бездельник. Кому придет в голову, что ваш тихий загородный дом – центр, откуда исходит половина всех бед английского королевства, и что помещик-спортсмен – опытный агент, самый ловкий и умелый во всей Европе? Вы гений, дорогой мой фон Борк, гений!

– Вы мне льстите, барон. Но я действительно могу сказать о себе, что провел четыре года в этой стране не зря. Я никогда не показывал вам мой маленький тайник? Быть может, зайдем на минутку в дом?

Кабинет выходил прямо на террасу. Фон Борк толкнул дверь и, пройдя вперед, щелкнул электрическим выключателем. Потом прикрыл дверь за двигающейся следом массивной фигурой фон Херлинга и тщательно задернул тяжелую оконную штору. Лишь приняв все меры предосторожности, он повернул к гостю свое загорелое, с острыми чертами лицо.

– Часть моих бумаг уже переправлена, – сказал он. – Наименее важные взяла с собой жена, вчера она вместе со всеми домочадцами отбыла в Флиссинген. Рассчитываю, что охрану остального возьмет на себя посольство.

– Ваше имя уже включено в список личного состава. Все пройдет гладко, никаких затруднений ни в отношении вас, ни вашего багажа. Конечно, как знать, быть может, нам и не понадобится уезжать, если Англия предоставит Францию ее собственной участи. Нам достоверно известно, что никакого взаимообязывающего договора между ними нет.

– Ну, а Бельгия?

– И в отношении Бельгии то же самое.

Фон Борк покачал головой.

– Едва ли. Ведь с ней договор, безусловно, существует. Нет, от такого позора Англия тогда вовек не оправится.

– По крайней мере, у нее будет временная передышка.

– Но честь страны…

– Э, дорогой мой, мы живем в век утилитаризма. Честь – понятие средневековое. Кроме того, Англия не готова. Это просто уму непостижимо, но даже наше специальное военное налогообложение в пятьдесят миллионов, цель которого уж, кажется, так ясна, как если бы мы поместили о том объявление на первой странице «Таймса», не пробудило этих людей от спячки. Время от времени кто-нибудь задает вопрос. На мне лежит обязанность отвечать на такие вопросы. Время от времени вспыхивает недовольство. Я должен успокаивать, разъяснять. Но что касается самого главного – запасов снаряжения, мер против нападения подводных лодок, производства взрывчатых веществ, – ничего нет, ничего не готово. Как же Англия сможет войти в игру, особенно теперь, когда мы заварили такую адскую кашу из гражданской войны в Ирландии, фурий, разбивающих окна[86], и еще бог знает чего, чтобы ее мысли были полностью заняты внутренними делами? Ей надлежит

подумать о своем будущем.

– А, это дело другое. Я полагаю, у нас есть наши собственные, очень определенные планы относительно будущего Англии – ваша информация будет нам тогда крайне необходима. Мистер Джон Буль может выбирать – либо сегодня, либо завтра. Желает, чтобы это было сегодня, – мы к тому готовы. Предпочитает завтрашний день – тем более будем готовы. На мой взгляд, с их стороны благоразумнее сражаться с союзниками, чем в одиночку; но уж это их дело. Эта неделя должна решить судьбу Англии. Но вы говорили о вашем тайнике.

Барон уселся в кресло. Лучи света падали прямо на его широкую лысую макушку. Он невозмутимо попыхивал сигарой.

В дальнем конце просторной комнаты, обшитой дубовой панелью и уставленной рядами книжных полок, висела занавесь. Фон Борк ее отдернул, и фон Херлинг увидел внушительных размеров сейф, окованный медью. Фон Борк снял с часовой цепочки небольшой ключ и после долгих манипуляций над замком распахнул тяжелую дверцу.

– Прошу, – сказал он, жестом приглашая гостя и сам отступая в сторону.

Свет бил в открытый сейф, и секретарь посольства с живейшим любопытством разглядывал его многочисленные отделения. На каждом была табличка – водя по ним взглядом, фон Херлинг читал «Броды», «Охрана портов», «Аэропланы», «Ирландия», «Египет», «Укрепления Портсмута», «Ла-Манш», «Розайт»[87] и десятки других. Все отделения были набиты документами, чертежами и планами.

– Грандиозно! – сказал секретарь. Отложив сигару, он негромко похлопал мясистыми ладонями.

– И всего за четыре года, барон. Не так уж плохо для помещика, выпивохи и охотника. Но бриллианта, который должен увенчать мою коллекцию, здесь еще нет – скоро он прибудет, и ему уже приготовлена оправа.

Фон Борк указал на отделение с надписью «Военно-морская сигнализация».

– Но ведь у вас тут уже достаточно солидное досье…

– Устарело, пустые бумажки. Адмиралтейство каким-то образом проведало, забило тревогу, и все коды были изменены. Да, вот это был удар! Никогда еще не получал я такого афронта. Но с помощью моей чековой книжки и молодчины Олтемонта сегодня же вечером все будет улажено.

Барон глянул на свои часы – у него вырвалось гортанное восклицание,

выразившее досаду.

– Нет, право, больше ждать не могу. Вы представляете себе, как сейчас все кипит на Карлтон-Террас[88], – каждый из нас должен быть на своем посту. Я надеялся привезти новости о вашем последнем улове. Разве ваш Олтемонт не назначил точно часа, когда придет?

Фон Борк пододвинул ему телеграмму:

Буду непременно. Вечером привезу новые запальные свечи. *Олтемонт.*

– Запальные свечи?

– Видите ли, он выдает себя за механика, а у меня тут целый гараж. В нашем с ним коде все обозначено терминами автомобильных деталей. Пишет о радиаторе – имеется в виду линейный корабль, а насос для масла – это крейсер. Запальные свечи – значит военно-морская сигнализация.

– Отослано из Портсмута в полдень, – сказал секретарь, взглянув на телеграмму. – Между прочим, сколько вы ему платите?

– Пятьсот фунтов дам только за это поручение. И еще, конечно, плачу регулярное жалованье.

– Недурно загребает. Они полезны, эти изменники родины, но как-то обидно столько платить за предательство.

– На Олтемонта мне денег не жалко. Отлично работает. Пусть я плачу ему много, зато он поставляет «настоящий товар», по его собственному выражению. Кроме того, он вовсе не изменник. Уверяю вас, что касается отношения к Англии, то наш самый прогерманский юнкер – нежный голубок по сравнению с озлобленным американским ирландцем.

– Вот как! Он американский ирландец?

– Послушали бы, как он говорит, у вас не осталось бы на этот счет сомнений. Поверите ли, иной раз я с трудом его понимаю. Он словно бы объявил войну не только Англии, но и английскому языку. Вы в самом деле больше не можете ждать? Он должен быть с минуты на минуту.

– Нет. Очень сожалею, но я и так задержался. Ждем вас завтра рано утром. Если вам удастся пронести папку с сигнальными кодами под самым носом у герцога Йоркского[89], можете считать это блистательным финалом всей вашей английской эпопеи. Ого! Токайское!

Он кивнул на тщательно закупоренную, покрытую пылью бутылку, стоявшую на подносе вместе с двумя бокалами.

– Позвольте предложить вам бокал на дорогу?

– Нет, благодарю. А у вас, по-видимому, готовится кутеж?

– Олтемонт – тонкий знаток вин, мое токайское пришлось ему по вкусу. Он очень самолюбив, легко обижается, приходится его задабривать. Да, с ним не так-то просто, смею вас уверить.

Они снова вышли на террасу и направились в дальний ее конец – и тотчас огромная машина барона, стоявшая в той стороне, задрожала и загудела от легкого прикосновения шофера.

– Вон то, вероятно, огни Хариджа, – сказал секретарь, натягивая дорожный плащ. – Как все выглядит спокойно, мирно. Через какую-нибудь неделю здесь загорятся другие огни, английский берег утратит свой идиллический вид. Да и небеса тоже, если наш славный Цеппелин сдержит свои обещания. А это кто там?

В доме свет горел только в одном окне – там за столом, на котором стояла лампа, сидела симпатичная румяная старушка в деревенском чепце. Она склонилась над вязаньем и время от времени прерывала работу, чтобы погладить большого черного кота, примостившегося на табурете возле нее.

– Марта, служанка. Только ее одну я и оставил при доме.

Секретарь издал смешок.

– Она кажется олицетворением Британии – погружена в себя и благодушно дремлет. Ну, фон Борк, au revoir.

Махнув на прощание рукой, он вскочил в машину, и два золотых конуса от фар тут же рванулись вперед в темноту. Секретарь откинулся на подушки роскошного лимузина и настолько погрузился в мысли о назревающей европейской трагедии, что не заметил, как его машина, сворачивая на деревенскую улицу, чуть не сбила маленький «фордик», двигавшийся навстречу.

Когда последнее мерцание фар лимузина угасло вдали, фон Борк медленно направился обратно к себе в кабинет. Проходя по саду, он заметил, что служанка потушила лампу и пошла спать. Молчание и тьма, заполнившие просторный дом, были для фон Борка непривычными – семья его со всеми чадами и домочадцами была большая. Он с облегчением подумал, что все они в безопасности, и если не считать старухи служанки, оставленной хозяйничать на кухне, во всем доме он теперь один. Перед отъездом предстояло еще многое привести в порядок, кое-что ликвидировать. Он принялся за дело и работал до тех пор, пока его красивое, энергичное лицо не раскраснелось от пламени горящих бумаг. Возле стола на полу стоял кожаный чемодан – фон Борк начал аккуратно, методически укладывать в него драгоценное содержимое сейфа. Но тут его тонкий слух уловил шум движущегося вдали автомобиля. Он издал

довольное восклицание, затянул на чемодане ремни, закрыл сейф и поспешно вышел на террасу. Как раз в эту минуту у калитки, сверкнув фарами, остановился маленький автомобиль. Из него выскочил высокий человек и быстро зашагал навстречу барону; шофер, плотный пожилой мужчина с седыми усами, уселся на своем сиденье поудобнее, как видно, готовясь к долгому ожиданию.

– Ну как? – спросил фон Борк с живостью, кидаясь бегом к приезжему.

Вместо ответа тот с торжествующим видом помахал у себя над головой небольшим свертком.

– Да, мистер, сегодня вы останетесь довольны! – крикнул приезжий. – Дело выгорело.

– Сигналы?

– Ну да, как я и писал в телеграмме. Все до единого – ручная сигнализация, сигналы лампой, маркони – само собой, копии, не оригиналы: было бы уж очень опасно. Но товар стоящий, можете положиться.

Он с грубой фамильярностью хлопнул немца по плечу. Тот нахмурился.

– Входите, я дома один, – сказал он. – Копии, безусловно, лучше, чем оригиналы. Если бы исчезли оригиналы, тотчас все коды заменили бы новыми. А как с этими копиями, полагаете, все в порядке?

Войдя в кабинет, американский ирландец уселся в кресло и вытянул вперед длинные ноги. Ему можно было дать лет шестьдесят – очень высокий, сухопарый, черты лица острые, четкие; небольшая козлиная бородка придавала ему сходство с дядей Сэмом, каким его изображают на карикатурах. Из уголка рта у него свисала наполовину выкуренная, потухшая сигара; едва усевшись, он тотчас ее разжег.

– Собираетесь давать ходу? – заметил он, осматриваясь. Взгляд его упал на сейф, уже не прикрытый занавесью. – Послушайте-ка, мистер, неужто вы храните в нем все ваши бумаги?

– Почему бы нет?

– Шут возьми – в этаком-то ящике? А еще считаетесь шпионом высшего класса. Да любой воришка-янки вскроет его консервным ножом. Знай я, что мои письма брошены в такой вот сундук, я бы не свалял дурака, не стал бы вам писать.

– Ни одному воришке с этим сейфом не справиться, – ответил фон Борк. – Металл, из которого он сделан, не разрежешь никаким инструментом.

– Ну а замок-то?

– Замок особый, с двойной комбинацией, понимаете?

– Ни черта не понимаю.

– Чтобы открыть такой замок, требуется знать определенное слово и определенное число. – Фон Борк поднялся и показал на двойной диск вокруг замочной скважины. – Внешний круг для букв, внутренний – для цифр.

– Здорово, здорово!

– Не так-то просто, как вы думали. Я заказал его четыре года назад, и, знаете, какие я выбрал слово и число?

– Понятия не имею.

– Так вот, слушайте: слово – «август», а число – 1914, поняли?

Лицо американца выразило восхищение.

– Вот это ловко, ей-богу! То есть в самый раз угадали! – воскликнул он удивленно.

– Да, кое-кто из нас мог уже тогда предвидеть точную дату. Ну вот, теперь время пришло, и завтра утром я свертываю все дела.

– Послушайте, мистер, вы и меня должны отсюда вытащить. Я в этой растреклятой стране один не останусь. Видать, через неделю, а то и раньше Джон Буль встанет на задние лапы и начнет бушевать. Я предпочитаю поглядывать на него с бережка по ту сторону океана.

– Но ведь вы американский гражданин!

– Ну и что же? Джек Джеймс тоже американский гражданин, а вот теперь отсиживает свой срок в Портленде. Английский фараон не станет с вами целоваться, если заявить ему, что вы американец. «Здесь у нас свои законы, британские», – вот что он скажет. Да, мистер, кстати уж, раз мы помянули Джека Джеймса. Сдается мне, вы не очень бережете людей, которые на вас работают.

– Что вы хотите сказать? – спросил фон Борк резко.

– Ведь вы их как бы хозяин, верно? И вам полагается следить, чтобы они не влипли. А они то и дело влипают, и хоть одного из них вы выручили? Взять того же Джеймса…

– Джеймс сам виноват, вы это отлично знаете. Он был слишком недисциплинирован для такого дела.

– Джеймс – тупая башка, согласен. Ну, а Холлис?

– Холлис вел себя как ненормальный.

– Да, под конец он малость спятил. Спятишь, когда с утра до вечера разыгрываешь, как в театре, а вокруг сотни полицейских ищеек – так и жди, что сцапают. Ну, а если говорить о Стейнере…

Фон Борк сильно вздрогнул, его румяное лицо чуть побледнело.

– Что такое со Стейнером?

– А как же? Ведь его тоже схватили. Вчера ночью сделали налет на его лавку, и он сам и все его бумаги теперь в Портсмутской тюрьме. Вы-то удерете, а ему, бедняге, придется расхлебывать кашу, и хорошо еще, если не вздернут. Вот потому-то я и хочу не мешкая перебраться за океан.

Фон Борк был человеком сильного характера, с достаточной выдержкой, но было нетрудно заметить, что эти новости его потрясли.

– Как они добрались до Стейнера? – бормотал он про себя. – Вот это действительно удар.

– Может случиться и еще кое-что похуже – того и гляди, они и меня схватят.

– Ну что вы!

– Да уж поверьте. К моей квартирной хозяйке явились какие-то типы, расспрашивали обо мне. Я, как о том услышал, пора, думаю, смываться. Но вот чего я не пойму, мистер, как это полицейские ищейки пронюхивают о таких вещах? С тех пор, как мы тут с вами договорились, Стейнер пятый по счету, кого сцапали, и я знаю, кто будет шестым, если я вовремя не дам деру. Как вы все это объясните? И не совестно вам предавать своих?

Фон Борк побагровел от гнева.

– Как вы смеете так со мной разговаривать?

– Не было бы у меня смелости, мистер, не пошел бы я к вам на такую работу. Но я вам выкладываю все начистоту. Я слыхал, что, как только агент сослужит свою службу, вы, немецкие политиканы, даже рады бываете, если его уберут.

Фон Борк вскочил с кресла.

– Вы имеете наглость заявлять мне, что я выдаю собственных агентов?

– Этого я не говорил, мистер, но где-то тут завелся доносчик или кто-то работает и нашим и вашим. И вам надлежало бы раскопать, кто же это такой. Я-то, во всяком случае, больше шею подставлять не буду. Перекиньте меня в Голландию, и чем скорее, тем оно лучше.

Фон Борк подавил свой гнев.

– Мы слишком долго работали сообща, чтобы ссориться теперь, накануне победы, – сказал он. – Вы работали отлично, шли на большой риск, и я этого не забуду. Разумеется, поезжайте в Голландию. В Роттердаме сможете сесть на пароход до Нью-Йорка. Все другие пароходные линии через неделю будут небезопасны. Так, значит, я заберу ваш список и уложу его с остальными документами.

Американец продолжал держать пакет в руке и не выразил ни малейшего желания с ним расстаться.

– А как насчет монеты?

– Что такое?

– Насчет деньжат. Вознаграждение за труды. Мои пятьсот фунтов. Тот, кто все это мне сварганил, под конец было заартачился, пришлось его уламывать – дал ему еще сотню долларов. А то остались бы мы ни с чем – и вы и я. «Не пойдет дело», – говорит он мне, и вижу, не шутит. Но вторая сотня свое сделала. Так что всего на эту штуковину я выложил две сотни и уж, пока не получу своего, бумаг не отдам.

Фон Борк улыбнулся не без горечи.

– Вы, кажется, не очень высокого мнения о моей порядочности, – сказал он. – Хотите, чтобы я отдал деньги до того, как получил бумаги.

– Что ж, мистер, мы люди деловые.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. – Фон Борк сел за стол, заполнил чек, вырвал листок из чековой книжки, но отдавать его не спешил. – Раз уж мы, мистер Олтемонт, перешли на такие отношения, я не вижу резона, почему мне следует доверять вам больше, чем вам мне. Вы меня понимаете? – добавил он, глянув через плечо на американца. – Я положу чек на стол. Я вправе требовать, чтобы вы дали мне сперва взглянуть на содержимое пакета и уж потом взяли чек.

Не говоря ни слова, американец передал пакет. Фон Борк развязал бечевку, развернул два слоя оберточной бумаги. Несколько мгновений он не сводил изумленного взгляда с небольшой книжки в синем переплете, на котором золотыми буквами было вытиснено «Практическое руководство по разведению пчел». Но долго рассматривать эту неуместную надпись ему не пришлось: руки крепкие, словно железные тиски, обхватили сзади его шею и прижали к его лицу пропитанную хлороформом губку.

– Еще стакан, Уотсон? – сказал мистер Шерлок Холмс, протягивая бутылку с токайским.

Плотный, коренастый шофер, теперь уже сидевший за столом, с заметной готовностью пододвинул свой бокал.

– Неплохое вино, Холмс.

– Превосходное, Уотсон. Наш лежащий сейчас на диване друг уверял меня, что оно из личного погреба Франца-Иосифа в Шенбруннском дворце. Могу я попросить вас открыть окно? Пары хлороформа не способствуют приятным вкусовым ощущениям.

Сейф стоял настежь, и Холмс вытаскивал оттуда досье за досье, каждое быстро просматривал и затем аккуратно укладывал в чемодан фон Борка. Немец спал на диване, хрипло дыша; руки и ноги у него были стянуты

ремнями.

– Можно особенно не торопиться, Уотсон. Нам никто не помешает. Будьте добры, нажмите кнопку звонка. В доме никого нет, кроме старой Марты, – она свою роль сыграла восхитительно. Я пристроил ее здесь сразу же, как только взялся за расследование этого дела. А, Марта, вы! Вам будет приятно узнать, что все в порядке.

Почтенная старушка стояла в дверях и, улыбаясь, приседала перед Холмсом, но глянула с некоторым испугом на фигуру, распростертую на диване.

– Не волнуйтесь, Марта. С ним решительно ничего не случилось.

– Очень рада, мистер Холмс. В своем роде он был неплохим хозяином. Даже хотел, чтобы я поехала с его женой в Германию, но это не сошлось бы с вашими планами, ведь правда, сэр?

– Ну, конечно, нет. Пока вы оставались здесь, я был спокоен. Но сегодня нам пришлось подождать вашего сигнала.

– Это из-за секретаря, сэр.

– Да, я знаю. Мы встретили его машину.

– Я уж думала, он никогда и не уедет. Я знала, сэр, что это не сошлось бы с вашими планами, застать его здесь.

– Разумеется, нет. Ну, подождали с полчаса, это значения не имеет. Как только я увидел, что вы потушили лампу, я понял, что путь свободен. Завтра, Марта, можете зайти ко мне в отель «Кларидж» в Лондоне.

– Слушаю, сэр.

– Я полагаю, у вас все готово к отъезду?

– Да, сэр. Он сегодня отправил семь писем. Я списала адреса, как обычно.

– Прекрасно, Марта. Завтра я их просмотрю. Спокойной ночи. Эти вот бумаги, – продолжал он, когда старушка ушла к себе, – особо большой ценности не имеют; уж, конечно, сведения, содержащиеся в них, давно переданы в Германию. Это все оригиналы, которые не так-то легко вывезти за границу.

– Значит, пользы от них никакой?

– Я бы не сказал, Уотсон. Во всяком случае, по ним мы можем проверить, что известно и что неизвестно немецкой разведке. Надо заметить, что многие из этих документов шли через мои руки и, разумеется, решительно ничего не стоят. Мне будет отрадно наблюдать на склоне лет, как немецкий крейсер войдет в пролив Солент, руководствуясь схемой заминирования, составленной мною. Ну-ка, Уотсон, дайте на себя взглянуть. – Холмс отложил работу и взял друга

за плечи. – Я вас еще не видел при свете. Ну, как обошлось с вами протекшее время? По-моему, вы все такой же жизнерадостный юнец, каким были всегда.

– Сейчас я чувствую себя на двадцать лет моложе, Холмс. Вы не можете себе представить, до чего я обрадовался, когда получил вашу телеграмму с предложением приехать за вами на машине к Харидж. И вы, Холмс, изменились очень мало. Вот только эта ужасная бородка…

– Родина требует жертв, Уотсон, – сказал Холмс, дернув себя за жидкий клок волос под подбородком. – Завтра это станет лишь тяжким воспоминанием. Остригу бороду, произведу еще кое-какие перемены во внешности и завтра снова стану самим собой у себя в «Кларидже», каким был до этого американского номера; прошу прощения, Уотсон, я, кажется, совсем разучился говорить по-английски. Я хочу сказать, каким был до того, как мне пришлось выступать в роли американца.

– Но ведь вы удалились от дел, Холмс. До нас доходили слухи, что вы живете жизнью отшельника среди ваших пчел и книг на маленькой ферме в Сассексе.

– Совершенно верно, Уотсон. И вот плоды моих досугов, magnun opus[90] этих последних лет. – Он взял со стола книжку и прочел вслух весь заголовок: «Практическое руководство по разведению пчел, а также некоторые наблюдения над отделением пчелиной матки». – Я это совершил один[91]. Взирайте на плоды ночных раздумий дней, наполненных трудами, когда я выслеживал трудолюбивых пчелок точно так, как когда-то в Лондоне выслеживал преступников.

– Но как случилось, что вы снова взялись за работу?

– Я и сам не знаю. Видите ли, министра иностранных дел я бы еще выдержал, но когда сам премьер-министр соблаговолил посетить мой смиренный кров… Дело в том, Уотсон, что этот джентльмен, лежащий на диване, – тот орешек, который оказался не по зубам нашей контрразведке. В своем роде это первоклассный специалист. У нас что-то все не ладилось, и никто не мог понять, в чем дело. Кое-кого подозревали, вылавливали агентов, но было ясно, что их тайно направляет какая-то сильная рука. Было совершенно необходимо ее обнаружить. На меня оказали сильное давление, настаивали, чтобы я занялся этим делом. Я потратил на него два года, Уотсон, и не могу сказать, что они не принесли мне приятного волнения. Сперва я отправился в Чикаго, прошел школу в тайном ирландском обществе в Буффало, причинил немало беспокойства констеблям в Скибберине[92] и в конце концов

обратил на себя внимание одного из самых мелких агентов фон Борка, и тот рекомендовал меня своему шефу как подходящего человека. Как видите, работа проделана сложная. И вот я почтен доверием фон Борка, несмотря на то, что большинство его планов почему-то проваливалось и пятеро его лучших агентов угодили в тюрьму. Я следил за ними и снимал их, как только они дозревали… Ну, сэр, надеюсь, вы чувствуете себя не так уж плохо?

Последнее замечание было адресовано самому фон Борку, который сперва долго ловил воздух ртом, задыхался и часто мигал, но теперь лежал неподвижно и слушал то, что рассказывал Холмс.

Вдруг его лицо исказилось яростью, и тут полился целый поток немецких ругательств. Пока пленник бранился, Холмс продолжал быстро и деловито просматривать документы.

– Немецкий язык, хотя и лишенный музыкальности, самый выразительный из всех языков, – заметил Холмс, когда фон Борк умолк, очевидно, выдохшись. – Эге, кажется, еще одна птичка попадает в клетку! – воскликнул он, внимательно вглядевшись в кальку какого-то чертежа. – Я давно держу этого казначея на примете, но все же не думал, что он до такой степени негодяй. Мистер фон Борк, нам придется ответить за очень многое.

Пленник с трудом приподнялся и смотрел на своего врага со странной смесью изумления и ненависти.

– Я с вами сквитаюсь, Олтемонт, – проговорил он медленно, отчеканивая слова. – Пусть на это уйдет вся моя жизнь, но я с вами сквитаюсь.

– Милая старая песенка, – сказал Холмс. – Сколько раз слышал я ее в былые годы! Любимый мотив блаженной памяти профессора Мориарти. И полковник Себастьян Моран, как известно, тоже любил ее напевать. А я вот жив по сей день и развожу пчел в Сассексе.

– Будь ты проклят, дважды изменник! – крикнул немец, делая усилия освободиться от ремней и испепеляя Холмса ненавидящим взглядом.

– Нет-нет, дело обстоит не так ужасно, – улыбнулся Холмс. – Как вам доказывает моя речь, мистер Олтемонт из Чикаго – это, по существу, миф. Я использовал его, и он исчез.

– Тогда кто же вы?

– В общем, это несущественно, но если вы уж так интересуетесь, мистер фон Борк, могу сказать, что я не впервые встречаюсь с членами вашей семьи. В прошлом я распутал немало дел в Германии, и мое имя, возможно, вам небезызвестно.

– Хотел бы я его узнать, – сказал пруссак угрюмо.

– Это я способствовал тому, чтобы распался союз между Ирэн Адлер и покойным королем Богемии, когда ваш кузен Генрих был посланником. Это я спас графа фон Графенштейна, старшего брата вашей матери, когда ему грозила смерть от руки нигилиста Копмана. Это я…

Фон Борк привстал, изумленный.

– Есть только один человек, который…

– Именно, – сказал Холмс.

Фон Борк застонал и снова упал на диван.

– И почти вся информация шла от вас! – воскликнул он. – Чего же она стоит? Что я наделал! Я уничтожен, моя карьера погибла без возврата!

– Материал у вас, конечно, не совсем надежный, – сказал Холмс. – Он требует проверки, но времени у вас на то мало. Ваш адмирал обнаружит, что новые пушки крупнее, а крейсеры ходят, пожалуй, несколько быстрей, чем он ожидал.

В отчаянии фон Борк вцепился в собственное горло.

– В свое время обнаружится, несомненно, и еще много неточностей, – продолжал Холмс. – Но у вас есть одно качество, редкое среди немцев: вы спортсмен. Вы не будете на меня в претензии, когда поймете, что, одурачив столько народу, вы оказались наконец одурачены сами. Вы старались на благо своей страны, а я – на благо своей. Что может быть естественнее? И кроме того, – добавил он отнюдь не злобно и положив руку на плечо фон Борка, – все же лучше погибнуть от руки благородного врага. Бумаги все просмотрены, Уотсон. Если вы поможете мне поднять пленника, я думаю, нам следует тотчас же отправиться в Лондон.

Сдвинуть фон Борка с места оказалось нелегкой задачей. Отчаяние удвоило его силы. Наконец, ухватив немца с обеих сторон за локти, два друга медленно повели его по садовой дорожке – той самой, по которой он всего несколько часов назад шагал с такой горделивой уверенностью, выслушивая комплименты знаменитого дипломата. После непродолжительной борьбы фон Борка, все еще связанного по рукам и ногам, усадили на свободное сиденье маленького «Форда». Его драгоценный чемодан втиснули рядом с ним.

– Надеюсь, вам удобно, насколько это позволяют обстоятельства? – сказал Холмс, когда все было готово. – Вы не сочтете за вольность, если я разожгу сигару и суну ее вам в рот?

Но все эти любезности были растрачены впустую на взбешенного немца.

– Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, мистер Холмс, что если ваше

правительство одобрит ваши действия в отношении меня, это означает войну?

– А как насчет вашего правительства и его действий? – спросил Холмс, похлопывая по чемодану.

– Вы частное лицо. У вас нет ордера на мой арест. Все ваше поведение абсолютно противозаконно и возмутительно.

– Абсолютно, – согласился Холмс.

– Похищение германского подданного…

– И кража его личных бумаг.

– В общем, вам ясно, в каком вы положении, вы и ваш сообщник. Если я вздумаю позвать на помощь, когда мы будем проезжать деревню…

– Дорогой сэр, если вы вздумаете сделать подобную глупость, вы, несомненно, нарушите однообразие вывесок наших гостиниц и трактиров, прибавив к ним еще одну: «Пруссак на веревке». Англичанин – создание терпеливое, но сейчас он несколько ощерился, и лучше не вводить его в искушение. Нет, мистер фон Борк, вы тихо и спокойно проследуете вместе с нами в Скотленд-Ярд и оттуда, если желаете, посылайте за вашим другом бароном фон Херлингом: как знать, быть может, еще сохранено числящееся за вами место в личном составе посольства. Что касается вас, Уотсон, вы, насколько я понял, возвращаетесь на военную службу, так что Лондон будет вам по пути. Давайте постоим вон там на террасе – может, это последняя спокойная беседа, которой нам с вами суждено насладиться.

Несколько минут друзья беседовали, вспоминая минувшие дни, а их пленник тщетно старался высвободиться из держащих его пут. Когда они подошли к автомобилю, Холмс указал на залитое лунным светом море и задумчиво покачал головой.

– Скоро подует восточный ветер, Уотсон.

– Не думаю, Холмс. Очень тепло.

– Эх, старина Уотсон! В этом переменчивом веке вы один не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда еще не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все же он будет ниспослан богом, и когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее. Пускайте машину, Уотсон, пора ехать. У меня тут чек на пятьсот фунтов, нужно завтра предъявить его как можно раньше, а то еще, чего доброго, тот, кто мне его выдал, приостановит платеж.

Сноски

1

Так по-английски произносится эта фамилия, столь знакомая читателям и телезрителям как «Ватсон».

2

Он был возведен во дворянство за литературные заслуги.

3

Так, 6 из 12 рассказов сборника «Приключения Шерлока Холмса» (1892): «Союз рыжих», «Установление личности», «Пять апельсиновых зернышек», «Пестрая лента», «Знатный холостяк», «Берилловая диадема» – и повесть «Этюд в багровых тонах» заканчиваются финальным объяснением Холмса.

4

Майкрофт Холмс – брат Шерлока.

5

В «родословной» Холмса значится один из трех французских художников – братьев Берне.

6

Перевод Н. Дехтеревой. И теми же словами заканчивается наш фильм «Шерлок Холмс и доктор Ватсон в XX веке».

7

В битве при Майванде во время второй англо-афганской войны (1878–1880) англичане потерпели поражение.

8

Гази– фанатик-мусульманин.

9

О международном праве *(лат.)*.

10

Из книг Уильяма Уайта *(лат.)*.

11

«Жизнь богемы» *(франц.)*.

12

Фемгерихт – тайный суд в средневековой Германии, выносивший свои приговоры на секретных ночных заседаниях.

13

Акватофана – яд, названный по имени применявшей его отравительницы Теофании ди Адамо, казненной в Палермо в 1633 году.

14

Бренвилье, **Мария Мадлен** – из корыстных целей отравила своего отца и двух братьев. Казнена в Париже в 1670 году.

15

Убийства на Рэтклиффской дороге – одно из самых знаменитых преступлений в истории английской криминалистики.

16

Глупец глупцу всегда внушает восхищенье *(франц.)*. Н. Буало. «Поэтическое искусство».

17

Явные признаки *(франц.)*.

18

Мормоны – религиозная секта, основанная Д. Смитом (1805–1844) в 1830 году. Учение мормонов – причудливая смесь христианских, мусульманских, буддийских и др. верований.

19

Бригем Янг (1801–1877) – вождь мормонов после смерти Д. Смита.

20

Гебер Ч. Кембелл в одной из проповедей наградил этим нежным эпитетом сотню своих жен. *(Прим. авт.)*

21

Пресыщенные *(франц.)*.

22

Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши
Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь.

Гораций. Сатиры, 1, строки 66–67.

23

Куратор – младший медик, наблюдавший больных в клинике.

24

Патология – наука о болезненных процессах в организме.

25

Атавизм – проявление у организма каких-нибудь признаков, свойственных его далекому предку.

26

Аномальный – странный, отклоняющийся от общего правила.

27

Антропология – наука о человеке (происхождение человека, его особенности, история его развития и т. п.).

28

Бертильон А. (1853–1914) – французский ученый-антрополог.

29

Манускрипт – рукопись.

30

Нувориш – человек, быстро разбогатевший, составивший себе состояние на спекуляции.

31

Камеи – небольшие, вырезанные на ценном камне рельефные изображения лиц или предметов.

32

Бушмены и готтентоты – африканские племена.

33

Боргес – один из видов типографского шрифта.

34

Шпоны – тонкие металлические пластинки, которые употребляются в типографиях для увеличения расстояния между строками набора.

35

Кельты – народ, населявший в древности Южную Англию.

36

Долмены – гробницы каменного века.

37

Эдисон Томас (1847–1931) – знаменитый американский изобретатель. Главным образом известен усовершенствованием электрической лампочки накаливания и изобретением фонографа. **Сван** – один из изобретателей электрической лампочки.

38

Менестрель – странствующий певец и музыкант в Средние века.

39

Неолитический человек – человек наиболее поздней эпохи каменного века, культура которого характеризуется шлифованными каменными изделиями.

40

Капище – место, где совершались языческие молебствия.

41

Джентри – мелкопоместные дворяне в Англии.

42

Краниология – наука, изучающая черепа людей и животных.

43

Экартэ – карточная игра.

44

Энтомология – отдел зоологии, посвященный насекомым.

45

Питт Вильям-старший (1708–1778) – английский государственный деятель; с 1766 по 1768 год – премьер-министр.

46

Кокаин – одуряющее вещество.

47

Наркоман – человек, испытывающий болезненное влечение к одуряющим ядам (наркотикам).

48

Монограмма – соединение двух букв (инициалов) в одном рисунке.

49

Карлсбад (Карловы Вары) – курорт в Чехословакии.

50

Валленштейн – немецкий полководец XVII века.

51

Шесть футов и шесть дюймов – приблизительно 1 метр 90 сантиметров.

52

Геркулес – герой древнегреческих сказаний, необычайный силач, совершавший сказочные подвиги.

53

Берилл – прозрачный бледно-зеленый драгоценный камень.

54

Ла Скала – знаменитый оперный театр в Милане (Италия).

55

Грум – конюх.

56

Темпл – лондонский квартал, где сосредоточены конторы юристов.

57

Ландо – открытая коляска, запряженная парой лошадей.

58

Франкмасоны (сокр. – масоны) – члены тайного религиозно-философского общества.

59

Дуга и окружность – масонские знаки. Прежде они были тайными, но современные масоны, нарушая старинный устав, нередко носят их на брелоках и запонках.

60

Все неведомое кажется нам великолепным *(лат.)*.

61

Сарасате (1844–1908) – знаменитый испанский скрипач и композитор.

62

В Итоне и Оксфорде находятся аристократические учебные заведения.

63

Наполеондоры – французские золотые монеты.

64

Человек – ничто, дело – все *(франц.)*.

65

Гюстав Флобери Жорж Санд (Аврора Дюдеван) – знаменитые французские писатели XIX века.

66

Уильям Кларк Рассел (1844–1911) – английский писатель, автор рассказов из морского быта.

67

Гражданская война Южных и Северных штатов (1861–1865).

68

Генерал Ли командовал Южной армией. Джексон и Гуд – генералы этой армии. Победу одержали северяне, которые боролись против рабовладельцев.

69

Кювье (1769–1832) – знаменитый французский ученый, положивший начало палеонтологии (наука об ископаемых животных).

70

Американская энциклопедия, на которую ссылается Холмс, сообщила читателю неверные сведения: фашистская организация Ку-клукс-клан никогда не прекращала своей позорной деятельности и свирепствует в последнее время с особенной силой, преследуя главным образом негров, а также прогрессивных деятелей.

71

Карбункул – полупрозрачный драгоценный камень, обычно красного цвета.

72

Бенгалия – область в Индии.

73

В английском языке слово «band» означает и «банда» и «лента».

74

Положение *(лат.)*.

75

V.R. – начальные буквы слов «Victoria Regina» – королева Виктория *(лат.);* царствовала в Англии в XIX веке.

76

Геральдика – собрание сведений о старинных дворянских гербах.

77

Карл Первый (1600–1649) – английский король (1625–1649). Был свергнут с престола и казнен 30 января 1649 года.

78

«Журналь де Женев» – швейцарская газета.

79

Агентство Рейтер – крупное английское телеграфное агентство.

80

Духовое ружье – ружье, действующие бесшумно, при помощи сжатого воздуха.

81

Трактат о биноме Ньютона. Трактат – ученое сочинение; бином Ньютона – алгебраическая формула.

82

Альпеншток – длинная палка с острым железным наконечником для ходьбы по горам.

83

Сквайр – помещик.

84

Борджиа – богатый и знатный род, игравший видную роль в истории Италии XV века.

85

Огромный (площадью около 3 га) павильон в Лондоне, где устраиваются выставки, спортивные состязания и пр.

86

Имеется в виду движение суфражисток.

87

Английская военно-морская база в Шотландии.

88

Дом № 9 по Карлтон-Террас – здание немецкого посольства.

89

Памятник герцогу Йоркскому (брату Георга IV) находится рядом со зданием немецкого посольства.

90

Главное произведение *(лат.)*.

91

Шекспир, «Кориолан», акт V, сцена 6.

92

Город на юге Ирландии.